

«СТЕНЫ И МОСТЫ»:

**междисциплинарные подходы
в исторических исследованиях**

Совпадение
Москва
2012

Проведение конференции и издание сборника осуществлены при поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 годы.

Государственный контракт от 11 октября 2011 г. № 4.740.12.1356

Научный редактор: кандидат исторических наук, руководитель Центра издательских проектов и программ Российского института культурологии *Е.А. Воронцова*

«Стены и мосты»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях: материалы Международной научной конференции, Москва, РГГУ, 13—14 июня 2012 г. / Отв. ред. Г.Г. Ершова, Е.А. Долгова. М.: Совпадение, 2012. — 343 с.

ISBN

В сборник включены материалы Международной научной конференции «Стены и мосты»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях», прошедшей в Российском государственном гуманитарном университете 13—14 июня 2012 г. Конференция стала опытом кооперации творческих усилий, сопоставления достижений «незнакомых» друг другу ученых из разных областей знаний: к участию в ней были приглашены историки, социологи, политологи, психологи, лингвисты, обращающиеся в своих исследованиях к исторической проблематике.

УДК
ББК

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

- Г.Г. Ершова, Е.А. Долгова.* Историческая перспектива междисциплинарных исследований: вместо вступления 6
- Б.Н. Миронов.* Почему люди бунтуют: Русская революция 1917 года в контексте современных теорий революции 15
- М.М. Кром.* Междисциплинарность и возникновение новых направлений в исторической науке (на примере исторической антропологии) 40
- Г.Г. Ершова.* Нелегкий опыт междисциплинарности 49
- В.А. Шкуратов.* Антропокультура и сапиентный диапазон эволюции: к проекту исторической психологии 70
- В.В. Аршавский.* Различные модели мира в свете полиморфизма типов полушарного реагирования 79
- А.И. Липкин.* О дисциплинарном, полидисциплинарном, междисциплинарном и наддисциплинарном подходах в естественных и социогуманитарных науках 90
- А.М. Kūçükkalay, İ. Köremzli.* Question of Specialization and Repudiation of Traditional Methodology in Social Sciences 99
- Б.Б. Леонтьев.* К вопросу об иерархии научных знаний и эффекторах как междисциплинарных объектах исследований 107
- И.М. Савельева.* Историческая социология и социальная история в XXI веке: мосты и переправы 118
- Е.В. Козин, М.В. Каиль.* Социальная история в современной отечественной историографии: центр или периферия исторического знания? 127

МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В ИСТОРИИ

- С.И. Маловичко, М. Ф. Румянцева.* Понятие «эмпирическая реальность исторического мира» как основа полидисциплинарности в источниковедческой концепции исторического познания 136
- Т.П. Хлынина.* Устная история как междисциплинарная практика 143
- О.Б. Леонтьева.* Дискурс, образ, миф: междисциплинарность в изучении исторической памяти 152
- Л.С. Шишкина-Ярмоленко.* Междисциплинарность и метафоризация 160
- И.В. Мишина.* Междисциплинарные связи в историко-культурном исследовании 170
- А.Е. Чельцова.* Теоретические основания новой политической истории 174
- В.К. Потехин.* Приемы, методы и начала точных наук в гуманитарных исследованиях 182
- М.В. Раттур.* Междисциплинарные связи исторической науки: ретроспективный взгляд 191
- Е.А. Студенцова.* Институциональная мобильность науки в России: историко-социологический анализ 199

ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ XX ВЕКА

- П.А. Алипов.* Генезис циклической теории социально-экономического развития древнего мира в работах М.И. Ростовцева. 1911—1915 годы 206
- И.В. Сидорчук.* От триумфа до гротеска: развитие идей междисциплинарного синтеза в гуманитарном знании в России первой трети XX века 214
- Е.А. Долгова.* Концепция «общей методологии гуманитарных наук»: теоретические поиски в гуманитарном знании в 1920-е годы 222
- П.А. Куценков.* Наследие Б.Ф. Поршнева и современное состояние изучения начала человеческой истории 234
- О.В. Петренко.* Социоисторический и культурно-антропологический поворот в отечественной исторической науке: еще раз о том, как все начиналось 242

- В.В. Тихонов.* Междисциплинарный подход в историографическом исследовании: современный российский опыт 251
- Д.В. Лукьянов.* От «дисциплинарной онтологии» к теории современности: историко-научное знание на рубеже XX—XXI веков 258

ПРАКТИКА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

- М.В. Елиферова.* Иконография и статистика: к вопросу об интерпретации изобразительного материала дописанных эпох 271
- R.S. Feduyuk.* Historical-linguistic research on writing the smile: language ideologies in, and through, sign language scripts 279
- С.Н. Щербич.* В поисках нового знания: применение междисциплинарного подхода в изучении процесса формирования вотчин Тобольского Софийского дома в конце XVI—XVIII веке 283
- Т.В. Бессонова.* «...И быть мне в полном подчинении»: наем в услужение как вид мещанской деятельности (по маклерской книге Казани 1818 года) 290
- К.А. Клюкова.* Современные подходы к изучению церемониала Российского императорского двора 296
- З.М. Кобозева.* «Плач по рекрутам»: исторические подходы к исследованию эмоционального контекста 307
- О.Н. Кузнецова.* К вопросу о преемственности в изучении экономики Советской России в начале XX века: междисциплинарный подход 316

IN MEMORIAM

- Л.П. Гримак.* Бодрствование как активная фаза гипноза 327
- Сведения об авторах 341

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Г.Г. Еришова, Е.А. Долгова

Историческая перспектива междисциплинарных исследований: вместо вступления

Стены настолько высоки, что зачастую заслоняют обзор.

М. Блок

В историографии последних лет все чаще высказывается далеко не новая идея необходимости отказа от традиционного деления на исторические и социальные науки¹. Вместе с тем характерной чертой современной социальной науки являются положения о «непереводимости различных подходов», «несопоставимости теорий» отдельных гуманитарных наук²; совмещение гуманитарных наук с естественными или так называемыми «точными», по мнению представителей этих последних, считается делом и вовсе невозможным (хороший исходный

¹ Бессмертный Ю.В. История на распутье // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993. С. 3—15; К новому пониманию человека в истории: очерки развития современной западной исторической мысли / Под ред. Б.Г. Могильницкого. Томск, 1994; История и социальные науки: поворотный момент? // Анналы на рубеже веков: антология / Отв. ред. А.Я. Гуревич, сост. И.С. Лучицкая. М., 2002. С. 11—14; Сравнительные исследования в социальных и гуманитарных науках: методология и история / Отв. ред. Л.В. Вербицкая. СПб., 2001; Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1: Конструирование прошлого. М., 2003. С. 279—291; Романовский Н.В. Историческая социология в России: ретроспектива и горизонты // Россия и современный мир. 2003. № 1. С. 57—75 и др.

² Kuhn T. S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago, 1962; Попробуем поставить опыт // Анналы на рубеже веков: антология. С. 15—22.

посыл для исследователя!), так как, следуя новаторской для прошедших веков традиции, к науке они искренне относят только технические ее направления. Дискуссии о несовпадении значений терминов в различных привлекаемых к исследованию дисциплинах приобретают порою характер чуть ли не самоцели научного познания!

Подобные аргументы свидетельствуют, в первую очередь, о неверном, чрезвычайно устаревшем исходном теоретико-методологическом подходе к пониманию сущности гуманитарного знания и знания в целом. Около полувека тому назад появился быстро ставший расхожим, впечатляющий образ работы исследователей: представитель одного научного направления или даже узкой темы копает свою узкую яму, которая становится все глубже и глубже, и не представляет себе того, что происходит в соседней яме. Вокруг себя он видит одни лишь стены. К этому образу сейчас следует добавить еще и следующий парадоксальный для подобной ситуации тезис: все «независимые» и «несовместимые» копатели игнорируют факт того, что раскопки ведутся внутри единого пространства, единого материала и единых исходных космо-физико-химических условий (естественно, что наиболее ярко и очевидно абсурдность данной ситуации проявилась в медицине и прочих научных направлениях, связанных с физико-психической целостностью человека). И вопрос обнаружения точек соприкосновения между научными направлениями оказывается проблемой узости современного состояния научных подходов. Именно эту узость и пытались всегда преодолеть величайшие личности науки, в том числе и российской: В.И. Вернадский и К.Э. Циолковский, В.М. Бехтерев и А.А. Ухтомский, А.А. Богданов, Б.Ф. Поршнев, Ю.В. Кнорозов... Примечательно, что многие из них воспринимались окружающим научным сообществом в лучшем случае как чудаки или оригиналы.

В качестве оправдания сложившейся ситуации можно привести тот аргумент, что подобная привычная узость отчасти обусловлена исторически долгим противостоянием научной и религиозной картины мира, когда исследователи пытались избежать скользких догматических сюжетов, прекрасно понимая, что мироустройство не может быть ни иудео-христианским, ни исламским, ни буддистским, ни каким-либо еще. Религий, как известно, много, а наука едина и по определению универсальна, поскольку основана на единых законах Вселенной. Парадоксально, но эта конечная универсальность и становится основным препятствием для любой бездоказательной интеграции в сложившийся научный корпус новых внесистемных элементов знания и методологий.

Даже в области гуманитарных наук доминирующая в настоящее время амбивалентность социального знания вряд ли может быть объ-

яснена особой сложностью объекта социальных наук. Такое объяснение не учитывало бы тот факт, что наука в значительной мере конструирует свой объект, вычленив его из хаотического многообразия мира и тем самым, с помощью своих категорий, упорядочивает определенную область реальности. Интересна в этом отношении характеристика положения гуманитарных наук в современной эпистеме, данная М. Фуко: «Само положение обрекает гуманитарные науки на неустойчивость. Это объясняет, что все сложности гуманитарных наук, их непрочность, неуверенность в своей научности, опасные заигрывания с философией, нечетко определенная опора на другие области знания, их характер — всегда вторичный и производный, но с претензией на всеобщность — причина этому не сложности их объекта (человек), а сложность той эпистемологической конфигурации, в которой они помещаются»³.

Именно в этом пункте встает вопрос об эпистемологическом единстве социальных наук, в основе которого лежит специфический способ конструирования определенной области знания⁴.

Социальная наука формировалась как единая наука. Однако естественный процесс развития комплекса знаний гуманитарного и социального характера шел своеобразно: последовавшая локализация научного знания обернулась разрывом возможных общетеоретических, методологических и междисциплинарных связей. Во многих отношениях произошедшая дифференциация способствовала прогрессу социального познания, но лишь до тех пор, пока не были утрачены представления об общем предмете, пока дифференциация осуществлялась ради более углубленного исследования предмета, а не носила характер парадигмальной замкнутости.

Как и в науке в целом, дистанцирование многочисленных отраслей гуманитарных (социальных, экономических, политических и др.) наук зашло так далеко, что теперь уже мало кто решается на малоутешительное занятие — соединить бурно разрастающееся специальное знание. Между тем очевидно, что тенденция сегментации, все большего и большего разветвления наук, на практическом уровне ведет к растущей изоляции ученых внутри научного сообщества.

С одной стороны, подобное обособление отдельных научных миров объективно неизбежно, поскольку идет накопление конкретных знаний по четко очерченному предметному полю каждой из наук. Од-

³ Фуко М. Слова и вещи. СПб., 1994. С. 368.

⁴ Дудина В.И. Сравнительная эпистемология социального знания // Рабочие тетради по компаративистике. Вып. 1: Сравнительные исследования в социальных и гуманитарных науках: методология и история. СПб., 2001. С. 15—18.

нако повышение сложности социального мира, слияние и интеграция ранее дифференцированных областей социальной жизни и выделение новых сфер в отдельные объекты изучения наталкиваются на существующее разделение труда в социальных науках, которое зачастую не позволяет увидеть новые процессы и явления просто потому, что последние не укладываются в рамки привычных концепций. В итоге, наряду с ощутимым ростом объема и качества информации, следствием такой автономизации является ослабление эвристического потенциала как отдельных научных направлений, так и в целом научного сообщества в области социогуманитарного знания. Появление этой проблемы (противопоставление поиска целостной картины мира разрозненным знаниям или же попытки соединения разрозненных знаний в целостную картину мира) формально обозначилось с самого возникновения науки еще в античности в рамках философии. На указанном этапе развития общества наука существовала и действовала в рамках религиозной парадигмы; практически все основатели научных школ древности расценивали свои знания как «божественные откровения», практически отождествляя себя с богами. Греческий философ Гераклит оценивал себя как «земную форму божества». Эмпедокл считал себя «воплотителем бога»⁵.

Постоянный пересмотр картины мира и наращивание новых знаний приводили к циклическому переосмыслению сложившегося видения мироустройства. Как известно, так называемое начало современной науки относят к XVI—XVII вв., времени «научной революции» в Западной Европе. То, чем занимались ученые прежде, именовалось «натуральной философией», а термины «наука» и «ученый» вошли в употребление еще позже. По сложившейся традиции до сих пор многие великие научные достижения времен до европейской «научной революции» продолжают именоваться «преднаучными» только по той причине, что древние методы (как и язык описания) неизвестны и зачастую непонятны современному ученому, опасаясь высунуться из уютной и привычной «ямы», живущим по хорошо знакомым правилам.

В этом смысле показательна судьба революционеров в науке позднего Средневековья. Как известно, на рубеже XV—XVI вв. наступает время гелиоцентрической картины мира, разработанной гениальным польским ученым Николаем Коперником. Примечательно, что Коперник, изучавший и медицину, и астрономию, и математику, и богословие, получил в конечном счете ученую степень доктора канонического права. Будучи каноником, он обнародовал свой пересмотр необсуж-

⁵ Фрейдберг О. Миф и литература в древности. М., 1978. С. 270.

даемой до тех пор христианской модели мира (чего вовсе не поняли богословы того времени).

А вот Джордано Бруно пришлось жизнью заплатить за научную революцию. Интересуясь философией и теологией, он, будучи священником, пришел к отнюдь не божественным выводам о Вселенной. Свои идеи он стал намеренно и провокационно «продвигать» в публичных диспутах с догматиками Церкви. В результате его объявили неисправимым еретиком и сожгли заживо вместе с его трудами. Так Джордано Бруно стал предтечей научной революции, расчистив дорогу идеям и трудам Галилео Галилея, великого основателя естественных наук, начинавшего карьеру с изучения медицины, геометрии и механики. Позже он возглавил кафедру математики в Падуе, где преподавались геометрия, механика и астрономия. В конце концов церковный суд приговорил его к публичному отречению от научных убеждений. Церковное руководство долго не могло осознать, что никакие осуждения и отречения не могли запретить появление новой, научной, модели мироздания. Только в XVIII в. Дж. Вико в своем знаменитом произведении «Новая наука» окончательно провел границу между религией и наукой.

Этот охвативший менее двух столетий, но полный драматизма период показывает, как непросто цивилизация продвигается по пути преобразования знания от священного к обычному научному, становясь все более универсальным и доступным, как точные науки неизбежно вторгаются в область гуманитарного знания. И потому вовсе не случайно, что кардинальные политические преобразования и социальные потрясения в Европе XVIII в. связаны не в последнюю очередь с именами энциклопедистов — ученых, понимавших необходимость широкого видения картины мира для понимания происходящих в этом мире процессов. С этой точки зрения разрушение стен Бастилии в качестве символа отрицания косных ограничений приобретает иной, более глубокий смысл. За замшелыми стенами Бастилии открывались невероятные горизонты будущего.

Совершенно очевидно, что дисциплинарное разграничение, или демаркация, научных специализаций затрудняют междисциплинарное обогащение всего универсума знаний. Утрата единства и целостности картины мира и человека в нем — такова перспектива специализации, обособления знания. Этот процесс угрожает и внутридисциплинарному развитию каждой отрасли науки. Предотвратить подобный ход событий можно, лишь своевременно обнаружив данную проблему, наметив способы ее решения. Ответ же на вопрос: «Как возможно новое знание в социальной науке?» — звучит так: новое знание возможно на стыке дисциплин.

Попытки подобного синтеза в сформировавшейся в пространстве знания достаточно поздно социальной науке предпринимались неоднократно. Э. Дюркгейм и его ученики мечтали о разработке новой методологии, которая могла бы объединить все социальные науки в рамках единой дисциплины. Поколением позже М. Блок и Л. Февр задались более скромной, хотя тоже достаточно амбициозной целью: превратить историю в «центр», «сердце» и «средоточие» всех социальных наук, подчинив и интерпретировав их. Ф. Бродель сделал следующий шаг, предложив ограничиться «союзом» между историей и смежными дисциплинами, с тем чтобы такой союз мог бы в большей степени учитывать специфику союзниц. Однако каждая из отраслей истории, ориентированная на «союз» с той или иной из смежных дисциплин, стала все более обособляться. Укрепились барьеры, отделяющие ее от других ей подобных. «Огораживание» отдельных отраслей исторического знания, против которого справедливо выступали М. Блок и Л. Февр, вновь проникло внутрь истории, затрудняя синтез полученных научных результатов.

Обычно синтез понимается как междисциплинарность или системность. Однако подобные формы взаимодействия наук имеют свои ограничения. В рассуждениях о подобном плюрализме предполагается не просто сосуществование различных взаимодополняющих подходов, но наличие принципиальных нестыковок в языках теоретического описания, что ставит под сомнение саму возможность осмысленной внутринаучной и междисциплинарной коммуникации, которая является одним из условий развития научного знания. Междисциплинарное исследование, к сожалению, не решает до конца проблемы дисциплинарной замкнутости при попытках интегрировать все социальные науки в один всеобъемлющий системный подход или создать синтезирующую социальную супернауку. Проблема заключается в том, что подобный широкомасштабный синтез зачастую осуществляется с позиции одной дисциплины. При этом кажется сомнительным, чтобы дисциплинарная замкнутость могла быть преодолена за счет господства одной дисциплины.

Отличительная черта нынешнего этапа развития научного знания состоит в том, что дедуктивный подход к знанию заменяется представлением об интерпретации с позиции разных перспектив. Интерпретация, по сути дела, может быть определена как знание из определенной перспективы, преимущества которой перед другими, несомненно, еще требуют своего обоснования.

Иной моделью может стать предложение качественно иной позиции, основанной на некоем универсальном законе, позволяющем в определенной степени совмещать несовместимое, вырабатывая прин-

ципиально новые системные взгляды на мироустройство⁶. Можно принять и принципиально иной осевой принцип рассмотрения исторического процесса, выстраивая исследование, например, вокруг истории идей, т. е. научных знаний и технологий⁷.

И тогда динамику цивилизационного процесса можно представить в виде схемы, где каждый последующий этап занимает все меньше времени по отношению к предыдущему, но в количественном отношении прогресс проявляется все очевидней, изменения происходят более радикальные. Что определяет эти нарастающие скорости и количественные изменения? Прежде всего, тот факт, что, доходя до очередного «конечного» этапа, накапливается новый запас научных знаний и технологий, на основе которых создаются принципиально новые программы жизнеобеспечения. Предыдущие знания сжимаются в некий концентрированный субстрат, на основе которого рождаются принципиально новые модели научного знания и новых технологий. Каждый этапный рубеж характеризуется все большей интеграцией различных областей научного знания, которое как бы сжимается в архив, на основании которого начинается постепенное развитие качественно нового знания и новых технологий. Данный принцип одинаково применим и для точных наук, и для технологий, и для биологии, и для гуманитарного знания. Важно то, что на каждом этапе все в большей степени стираются традиционные для своего этапа границы между областями и отраслями научного знания. Собственно, это и является подлинной мульти- и междисциплинарностью, хотя некоторые исследователи продолжают жить в иллюзии, что за указанными терминами стоят лишь попытки физического соединения разных отраслей.

Еще одним важным посылом в поисках новых исследовательских парадигм становится не только поиск объективной оценки событийного ряда прошлого и настоящего, но и закономерная причинно-следственная взаимосвязь с прогнозированием и моделированием процессов будущего, что предполагает и рекомендацию определенных практических задач. Собственно, это должен быть некий симбиоз истории, антропологии, психологии, социологии, педагогики и некоторых других наук, как это предлагал еще в начале XX в. В. Бехтерев и сторонники его школы.

В сборнике материалов конференции «“Стены и мосты”: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях» предлагается решение поставленной проблемы взаимодействия гуманитарных наук

с позиции требований современного понимания мироустройства и практических задач устойчивого развития антропосистемы.

Конференция, прошедшая на базе Российского государственного гуманитарного университета 13—14 июня 2012 г., явилась приглашением к кооперации творческих усилий, сопоставлению достижений «незнакомых» друг другу ученых из разных областей знаний. К участию в ней были приглашены историки, социологи, политологи, психологи, лингвисты, обращающиеся в своих исследованиях к исторической проблематике. Конференция послужила лишним доказательством общего стремления нашего университета к его изначальной роли быть хранилищем и лабораторией интегративного и универсального знания.

Совместить научные интересы ученых разных областей оказалось совсем непросто. Поэтому был выбран принцип диалога: обсуждения общих проблем методологии, методов, методики исследований как отдельных дисциплин, так и в целом для ряда наук. Иными словами, перед участниками встала проблема выявить дисциплинарные особенности исследований и возможности междисциплинарного синтеза. Замысел нашего проекта состоял в обнаружении и реализации эвристического потенциала методов междисциплинарных исследований.

Обозначим основные проблемы, оказавшиеся в поле изучения нашей конференции.

Методы социальных и гуманитарных наук в истории:

- теоретические вопросы взаимодействия и взаимовлияния дисциплин: истории, социологии, политологии, лингвистики, психологии;
- бытование субдисциплин (исторической социологии, социальной истории, исторической психологии и др.);
- междисциплинарные заимствования (эвристические возможности социологических, экономических, лингвистических, психологических моделей и объяснений, границы их применимости);
- системный подход в понимании гуманитарных процессов.

Опыт междисциплинарных взаимосвязей в исследовательской практике исторических исследований XX в.:

- роль и значение отдельных институциональных центров, являвшихся очагами становления междисциплинарных исследований; приемы, методы, творческая лаборатория отдельных исследователей;
- механизмы развития идей междисциплинарности в советской исторической науке, границы и правомерность ряда устойчивых стереотипов восприятия советской науки;

⁶ Еришова Г.Г. Асимметрия зеркального мира. М., 2003.

⁷ Леонтьев Б.Б. Введение в теорию обновления общества. М., 1999.

- место институтов и отдельных исследователей междисциплинарной проблематики периода перестройки и постсоветской России;
- роль и значение влияния западных междисциплинарных новаций на российскую исследовательскую практику;
- идеологический контекст функционирования и развития социальных наук.

Практика современных междисциплинарных исследований: прикладные исследования, выполненные в поле социальной, культурной, политической антропологии, в основу которых были положены междисциплинарные подходы.

Сегодняшнее общество испытывает все возрастающую потребность прежде всего в междисциплинарных и мультидисциплинарных системных исследованиях. Совершенно очевидно, что возникшая в XIX в. и получившая продолжение в XX в. «принадлежность» наук, в том числе гуманитарных, весьма условна и никак не отвечает реальным задачам современной науки и потребностям общества в условиях современной антропосистемы.

Междисциплинарность является важным элементом методологии исторических и гуманитарных исследований Ю.В. Кнорозова, чья научная школа стала основой деятельности Мезоамериканского центра РГГУ, на базе которого и проводится конференция. Еще в 1950-е гг. Ю.В. Кнорозовым, помимо дешифровки письма майя, были обозначены и разрабатывались такие направления, как происхождение религиозного сознания, роль гипноза в социальных процессах, теория коллектива, теория сигнализации и коммуникации, закон Геккеля применительно к историческому развитию. Конференция проводится в год празднования 90-летия со дня рождения Юрия Валентиновича Кнорозова, и мы надеемся, что это сверхважное научное направление получит дальнейшее развитие.

Насколько реалистичны наши ожидания от данного научного проекта, покажет ближайшее будущее. Но мы ожидаем, что результаты не заставят себя ждать. Проект даст, с нашей точки зрения, импульс к развитию междисциплинарных теоретических и прикладных исследований и разработок в различных областях науки, позволит укрепить междисциплинарные взаимосвязи гуманитарных наук, разработать методологические и методические основы проведения междисциплинарных исследований, а также технологии применения междисциплинарной методологии к изучению сложных исторических гуманитарных и социокультурных систем.

Б.Н. Миронов

Почему люди бунтуют: Русская революция 1917 года в контексте современных теорий революции

Аннотация: цель статьи — на примере анализа конкретной исследовательской проблемы (предпосылок Русской революции 1917 г.) показать целесообразность и эффективность междисциплинарного подхода. Рассматриваются психосоциальное, структурное, политическое и институциональное объяснения происхождения Русской революции 1917 г.

Ключевые слова: Русская революция 1917 г., социологические и политологические концепции революции, русское экономическое чудо последней трети XIX — начала XX в.

Мой многолетний исследовательский опыт привел меня к твердому убеждению — сколько-нибудь значительные исторические события, явления и процессы невозможно удовлетворительно объяснить без обращения к методологии, концепциям и теориям, разработанным в других науках: социальных, точных или естественных. Изучение социальной истории без использования социологических концепций и методов, экономической истории — без экономических концепций и статистических методов, демографической истории — без демографических, политической истории — без политологических концепций и методов позволяет в лучшем случае описать изучаемый феномен на уровне здравого смысла. Конечно, здравый смысл, особенно помноженный на интуицию, — мощное исследовательское оружие. Однако не настолько, чтобы удовлетворительно разрешить любую научную проблему. Это убеждение пришло ко мне еще в студенческие годы, поэтому моя первая печатная работа 1965 г. была, как теперь говорят, клиометрической¹. Со временем убеждение становилось все более прочным, мой методологический репертуар расширялся: я стал использовать демографические, социологические, политологические, географические, психологические, экономические и, наконец, биологические концепции и методы. И всякий раз обращение за помощью к какой-нибудь не-исторической методологии, как мне кажется, обо-

¹ *Миронов Б.Н.* Анализ факторов образования цен на хлеб в России в конце XVIII—XIX в. методом множественной корреляции // Тезисы докладов и сообщений восьмой (Московской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (сентябрь 1965). М., 1965. С. 72—73.

гашало меня знаниями и расширяло мой интеллектуальный горизонт. По моему ощущению, мне удавалось глубже проникнуть в суть изучаемой проблемы, увидеть больше, чем позволяла сугубо историческая методология. Однако я никогда не забывал исторический подход, более того, все больше и больше влюблялся в него: мне всегда было интересно изучать изменения во времени, и чем длиннее период, тем больше удовольствия доставляло мне исследование.

Не скажу, что мой путь в науке усыпан цветами. Ж. де Лафонтен утешает: «Путь, усыпанный цветами, никогда не приводит к славе». Я постоянно испытывал и до сих пор испытываю сильное сопротивление тех коллег, которые предпочитают традиционную методологию. В то же время всегда находились благодарные читатели. Моя первая книга «Историк и математика», опубликованная в 1975 г., вышла тиражом более 20 тыс. экземпляров и до сих пор не забыта читателями. Моя последняя книга «Благосостояние населения и революции в имперской России» (2010 г.) вызвала взрыв страстей, в том числе негативных. Однако она переведена на английский и китайский языки и скоро выйдет вторым изданием в России.

В данной статье мне хочется на примере анализа конкретной исследовательской проблемы — предпосылки Русской революции 1917 г. — показать эффективность междисциплинарного подхода.

Россия после Великих реформ. В России после отмены крепостного права произошло настоящее экономическое чудо. В 1861—1913 гг. темпы экономического развития были сопоставимы с европейскими, хотя отставали от американских. Национальный доход за 52 года увеличился в 3,8 раза, а на душу населения — в 1,6 раза. И это несмотря на огромный естественный прирост населения, о котором в настоящее время даже мечтать не приходится. Население империи (без Финляндии) увеличивалось за эти годы почти на 2 млн ежегодно. Душевой прирост объема производства составлял 85 % от средневропейского. С 1880-х гг. темпы экономического роста стали выше не только средневропейских, но и «среднезападных»: валовой национальный доход увеличивался на 3,3 % ежегодно; это даже на 0,1 % больше, чем в СССР в 1929—1941 гг., и только на 0,2 % меньше, чем в США — стране с самыми высокими темпами развития в мире в то время². Развивались все отрасли народного хозяйства, хотя и в разной степени. Наибольшие успехи наблюдались в промышленности. С 1881—1885 по 1913 г. доля России в мировом промышленном производстве возросла с 3,4 до

² Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 22—23, 61—62.

5,3 %. Однако и сельское хозяйство, несмотря на институциональные трудности, прогрессировало средневропейскими темпами.

Но главное чудо состояло в том, что при высоких темпах роста экономики и населения происходило существенное повышение благосостояния, другими словами, индустриализация сопровождалась повышением уровня жизни крестьянства и, значит, происходила не за его счет, как общепринято думать. На чем основывается такое заключение?

О повышении уровня жизни говорят следующие факты.

1. Увеличение с 1851—1860 по 1913 г. индекса развития человеческого потенциала (индекс учитывает: а) продолжительность жизни; б) уровень образования — грамотность и процент учащихся среди детей школьного возраста; в) валовой внутренний продукт на душу населения) с 0,171 до 0,308 — в 1,8 раза.

2. Повышение с 1885 по 1913 г. производства потребительских товаров и оборота внутренней торговли на душу населения в постоянных ценах — в 1,7 раза³ (за более раннее время сведений не имеется).

3. Увеличение между 1886—1890 и 1911—1913 гг. количества зерна, оставляемого крестьянами для собственного потребления, на 34 %⁴.

4. Рост с 1850-х по 1911—1913 гг. реальной почасовой платы сельскохозяйственного рабочего в 3,8 раза, промышленных рабочих — в 1,4 раза⁵.

5. Уменьшение числа рабочих дней в году у крестьян со 135 в 1850-е гг. до 107 в 1902 г.⁶, у пролетариев числа рабочих часов — с 2952 в 1850-е гг. до 2570 в 1913 г.⁷

6. Массовая скупка земли крестьянами. За 1862—1910 гг. крестьяне купили 24,5 млн десятин земли, заплатив за нее огромные деньги — 971 млн руб.⁸ (это в 28 раз — на 35 млн руб. — больше, чем все недо-

³ Струмилин С.Г. Статистика и экономика. М., 1979. С. 444; Статистический ежегодник России 1916 г. М., 1918. С. 85; Маслов П.П. Критический анализ буржуазных статистических публикаций. М., 1955. С. 459.

⁴ Миронов Б.Н. Благосостояние. С. 664.

⁵ Там же. С. 526.

⁶ Там же. С. 557.

⁷ Миронов Б.Н. «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999. С. 277.

⁸ Подсчитано по следующей методике — определена площадь всей купленной крестьянами земли и средняя цена десятины (около 40 руб.) за 1863—1910 гг. по данным: Святловский В.В. Мобилизация земельной собственности в России (1861—1908 гг.). СПб., 1911. С. 81, 133—134, 137.

имки, накопившиеся за ними к 1910 г.)⁹. Купчая земля относительно наделной составляла 6,8 % в 1877 г., 14,5 % — в 1887 г., и 21,6 % — в 1910 г. а относительно всей частновладельческой земли — соответственно 6,2, 13,1 и 25 %. Почти половина (46 %) земли была куплена крестьянскими обществами и товариществами¹⁰. Нищие и пауперы землю, как известно, не покупают.

7. Увеличение с 1863 по 1906—1910 гг. расходов на алкоголь в 2,6 раза на душу населения¹¹.

Вывод о повышении уровня жизни населения основывается также на антропометрических сведениях (росте и весе). Существенное и систематическое увеличение конечной (при достижении полной физической зрелости) длины тела мужчин за 1791—1915 гг. на 7,7 см (с 161,3 до 169,0) и веса за 1811—1915 гг. — на 7,4 кг (с 59,1 до 66,5) дает уверенность в том, что благосостояние крестьянства действительно повысилось. Индекс массы тела, показывающий уровень питания, на протяжении 1811—1915 гг. всегда соответствовал норме, а к концу изучаемого периода даже немного увеличился — с 21,8 до 23,3¹². Все это могло произойти только при условии повышения благосостояния.

Как известно, улучшение условий жизни рассматривается в теории модернизации в качестве главного критерия ее успешности¹³. Поскольку имперская Россия модернизировалась и благосостояние населения росло, модернизацию следует признать успешной, несмотря на все издержки.

Как неоспоримые успехи страны совместить с ростом в эти годы недовольства и оппозиции режиму, с развитием всякого рода протестных движений, которые в конечном итоге привели к революции 1917 г.? На основе обобщения мирового опыта в политической социологии предлагается несколько объяснений происхождения революций: психосоциальное, структурное, политическое, институциональное

⁹ Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1911 г. СПб., 1911. С. 256—257.

¹⁰ *Святловский В.В.* Мобилизация земельной собственности. С. 133—137; Статистические сведения по земельному вопросу в Европейской России. СПб., 1895. С. 35; Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 11—17.

¹¹ *Мионов Б.Н.* Благосостояние и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2010. С. 556.

¹² *Мионов Б.Н.* Благосостояние. С. 462—464, 622.

¹³ *Tiryakian E.* The Changing Centers of Modernity // Comparative Social Dynamics: Essays in Honor of Shmuel N. Eisenstadt / E. Cohen, M. Lissak, U. Almagor (eds.). Boulder, CO: Westview, 1985. P. 131—147.

либо экономическое (в зависимости от того, какой фактор считается относительно более важным).

Психосоциальные теории революции. Известный русский социолог П.А. Сорокин сформулировал одно из психосоциальных объяснений: суть революции — в патологических и варварских действиях человека, свидетельствующих о полном разрыве с цивилизацией, дисциплиной, порядком и нравственностью. Патологическое поведение является реакцией на невыносимо тяжелые условия жизни и перерождается в революцию, когда ослабевшая власть утрачивает способность поддерживать порядок силой¹⁴. Если концепция адекватна, логично ожидать увеличения числа преступников, суицидентов и психически больных в годы революции и предшествующих ей годам. Имеющиеся данные не подтверждают гипотезу.

Число осужденных общими судами на 100 тыс. составило в 1900—1904 гг. — 86, в 1905—1907 гг. — 82, в 1908—1912 гг. — 104¹⁵, т. е. во время революции уменьшилось. Похожая картина наблюдалась в годы Первой мировой войны (табл. 1).

Таблица 1

Число следствий на 100 тыс. населения по восьми судебным округам в 1911—1916 гг. (1911=100)

Виды преступлений	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1911—1913 гг.	1914—1916 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Все население								
Государственные	100	90	75	77	72	49	88	66
Убийства	100	104	106	90	66	68	103	74
Телесные повреждения	100	106	113	78	37	35	106	50
Разбой и грабеж	100	99	95	72	33	42	98	49
Кражи	100	85	100	88	77	110	95	92
Поджоги	100	69	67	46	25	22	79	31
Прочие	100	107	104	92	72	75	104	79
Итого	100	100	100	83	64	76	100	74
Сельское население								
Государственные	100	91	80	83	78	52	90	71

¹⁴ *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 266—294.

¹⁵ *Ли Д.А.* Преступность как социальное явление. М., 1997. С. 121—122.

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Убийства	100	103	106	89	63	63	103	72
Телесные повреждения	100	107	116	80	36	34	108	50
Разбой и грабеж	100	99	94	72	33	43	98	49
Кражи	100	99	99	86	74	107	99	89
Поджоги	100	80	78	54	29	27	86	37
Прочие	100	106	103	89	69	70	103	76
Итого	100	100	99	81	60	71	100	71
Сельское население, %	86	86	86	85	85	83	86	84
Городское население								
Государственные	100	84	43	42	37	33	76	37
Убийства	100	110	108	94	82	91	106	89
Телесные повреждения	100	99	93	69	40	40	97	50
Разбой и грабеж	100	102	104	69	35	39	102	48
Кражи	100	—	105	96	97	123	103	105
Поджоги	—	—	—	—	—	—	—	—
Прочие	100	111	111	106	89	98	107	98
Итого	100	102	106	94	84	103	103	94
Городское население, %	14	14	14	15	15	17	14	16

Источники: *Тарновский Е.Н.* Война и движение преступности в 1911—1916 гг. // Сборник статей по пролетарской революции и праву. 1918. Т. 5. № 1—4. С. 98, 104, 109; *Волков Е.З.* Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М., 1930. С. 264—271.

В 1914—1916 гг., если судить по числу возникших следствий на 100 тыс. населения в восьми судебных округах, преступность была примерно на 26 процентных пунктов ниже, чем в 1911—1913 гг., в том числе в деревне — на 29, а в городе — на 6. В целом по стране снизилась частота совершения всех видов преступлений, а в городе незначительно (на 5 пунктов) возросло лишь число краж (на 100 тыс. населения). Вряд ли столь существенное уменьшение преступности можно объяснить только уходом миллионов здоровых мужчин в армию, ибо упала преступность женщин и детей, не подлежавших мобилизации. Показательно существенное (на 34 пункта) сокращение чис-

ла государственных преступлений. В 1916 г. обнаружился небольшой рост преступности по сравнению с 1915 г. (в целом на 12 пунктов, в деревне — на 11, а в городе — на 19 пунктов) за счет главным образом краж, разбоев и грабежей. Но уровень 1913 г. превзойти все равно не удалось: в 1916 г. в целом по стране преступность была на 24 пункта ниже, в деревне — на 28, а в городе — на 3 пункта ниже, чем в 1913 г. И это при том, что за время войны, к лету 1916 г., под влиянием массовых переселений прозывавшихся в армию крестьян в города доля городского населения увеличилась с 15,3 до 17,4 % (на 2,1 %) ¹⁶.

По уровню самоубийств во второй половине XIX — начале XX в. Россия занимала предпоследнее место в Европе ¹⁷. С 1870 по 1910 г. коэффициент самоубийств изменялся циклически при общей повышательной тенденции; пик приходился на 1891—1895 гг., затем произошло снижение. Важно отметить, что суицидальность росла только среди горожан, в то время как в деревне после незначительного подъема в 1880 — первой половине 1890-х гг. она понизилась и в начале XX в. вернулась к уровню 1819—1825 гг. В годы Первой русской революции 1905—1906 гг. коэффициент самоубийств понизился и стал расти только с 1907 г., после ее окончания, достигнув максимума к 1913 г. (табл. 2).

Таблица 2

Коэффициент самоубийств в России в 1902—1912 гг.

Год	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912
Суицидов на 100 тыс.	2,3	2,5	2,3	2,2	2,3	2,7	2,8	3,1	3,4	3,4	4,4

Источник: *Новосельский С.А.* Очерк статистики самоубийств // Гигиена и санитария. 1910. № 9. Т. 1. С. 623.

Во время Первой мировой войны, если судить по Петрограду, Москве и Одессе, коэффициент самоубийств снизился в 2,8—3,0 раза ¹⁸,

¹⁶ Предварительные итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Вып. 1. Европейская Россия. Пг., 1916. С. 624—625.

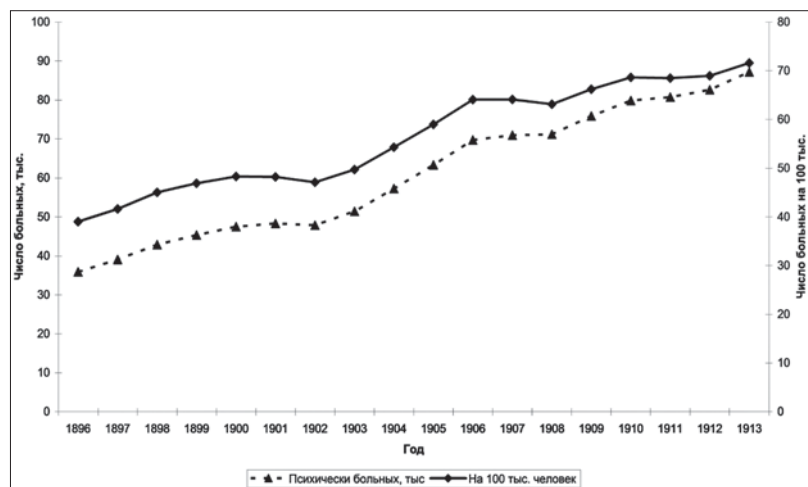
¹⁷ *Лихачев А.В.* Самоубийство в Западной Европе и России: Опыт сравнительно-статистического исследования. СПб., 1882. С. 177—181; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. 3-е изд. СПб., 2003. Т. 2. С. 416; *Новосельский С.А.* Очерк статистики самоубийств // Гигиена и санитария. 1910. № 9. Т. 1. С. 623.

¹⁸ *Тарновский Е.Н.* Сведения о самоубийствах в Западной Европе и в РСФСР за последнее десятилетие // Проблемы преступности. М.; Л., 1926. С. 192—193.

а с ее окончанием стал расти и в целом по стране в 1923—1926 гг. превзошел довоенный уровень в 1,5 раза (5,6 против 3,7 на 100 тыс.). Для сравнения: в 1989 г. коэффициент самоубийств в Российской Федерации был в 5,9 раза выше, чем в 1912 г. (25,8 на 100 тыс.), в 1994 г. — в 9,5 раза (41,8 на 100 тыс.), в 2008—2009 гг. — в 6,6 раза (29 на 100 тыс.) выше, чем в 1912 г.¹⁹ В 2000—2009 гг. по уровню самоубийств Россия занимала одно из первых мест в Европе.

Сведения о распространении психических расстройств также не подтверждают психосоциальную гипотезу происхождения русских революций. Представление об изменении их числа дают данные о пациентах психиатрических больниц (рис. 1).

Рис. 1. Число пациентов в психиатрических клиниках России в 1896—1913 гг.

Источники: Отчет о состоянии народного здоровья за [1896—1914] год. СПб.; Пг., 1898—1916; Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года: В 2 т. СПб., 1905. Т. 2. С. 187—189.

В 50 губерниях Европейской России с 1886 по 1913 г. число больных увеличилось в 5,2 раза (с 16 774 до 87 206), на 100 тыс. — в 3,4 раза

¹⁹ Просмотр 6.01.2012: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=1&idArt=1324

(с 21 до 72). В годы Первой русской революции (1905—1907) не наблюдалось взрывного увеличения числа пациентов.

Страдавшие психическими расстройствами согласно переписи 1897 г. превышали по численности лечившихся в больницах в 2,6 раза. В 50 губерниях Европейской России с 1901 по 1914 г. число пациентов в клиниках росло, но по абсолютному значению оставалось незначительным. Если его умножить на 2,6, то число всех душевнобольных в стране могло составить 234 тыс. (187 на 100 тыс.). Это намного меньше, чем в любой европейской стране в конце XIX — начале XX в., и в 10—30 меньше, чем в советской и постсоветской России. В Российской Федерации в 1989 г. на учете в лечебно-профилактических учреждениях состояло 2656 тыс., или 1799 на 100 тыс. человек²⁰, а на 2010 г. — 6 млн, или 5598 на 100 тыс., т. е. в 10 раз и в 30 раз больше, чем в 1913 г. Причем современная статистика не учитывает больных, проходящих лечение в частных психиатрических клиниках и центрах, которых создается в РФ с каждым годом все больше²¹.

Учет лиц с психическими расстройствами во время войны был разрушен, и многие больницы закрылись или были перепрофилированы под школы, клубы, детские сады и ясли. В мае 1919 г. решением Совета Народных Комиссаров содержание всех психиатрических больниц было принято на государственный бюджет, в них в тот момент насчитывалось всего 16 тыс. человек²².

Влияние революций на психическое здоровье активно обсуждалось в специальной литературе. Мнения разделились. Одни полагали, что политические волнения не воздействуют ни на число, ни на течение психических расстройств, другие такую связь усматривали. Но проверить гипотезы на массовом эмпирическом материале из-за недостатка сведений было невозможно. Дело поэтому ограничивалось спекуляциями. Современный исследователь истории психиатрии констатирует: «Этиологическая связь между революционными событиями и развитием душевного расстройства не выявлена»²³. Вопрос о том, что распространение психических расстройств вызывало или способствовало

²⁰ Охрана здоровья в СССР: Статистический сборник. М., 1990. С. 44, 46—47.

²¹ Просмотр 12.10.2010: http://www.newsprom.ru/Obschestvo/131822768118098/Den_psihicheskogo_zdorovja_tjumency_perestali_bojatsja_psihiatrov.html; <http://www.medi.zdatpress.ru/journals/archive/94/32768/36333>

²² Ястребов В.С. Организация психиатрической помощи // Общая психиатрия / Под ред. А.С. Тиганова. Просмотр: 12.03.2012: http://www.psychiatry.ru/book_show.php?booknumber=28&article_id=101

²³ Юрвева Л.Н. История. Культура. Психические и поведенческие расстройства. Киев, 2002. С. 173.

развитию революционного движения, даже не ставился — речь шла исключительно о воздействии революции на психику населения²⁴.

Таким образом, понижение числа преступлений и самоубийств и стагнация или «нормальное» увеличение числа психических расстройств во время войн и накануне революций свидетельствует о том, что связывать происхождение революционных событий с ростом числа людей, склонных к патологическому поведению, нет оснований.

Среди психосоциальных теорий наиболее популярна *теория относительной депривации*, делающая акцент на психологической неудовлетворенности тем, что есть, и тем, что хочется и должно быть в соответствии с представлениями известных групп и индивидов²⁵. Еще французский политолог первой половины XIX в.А. де Токвиль полагал, что революции происходят тогда, когда наступает улучшение материального положения населения, уменьшаются репрессии, смягчаются ограничения, улучшается политическая ситуация²⁶. Между прочим, и теория конфликта указывает на относительную депривацию как на важнейшую причину социального конфликта²⁷. Именно *относительная депривация* наблюдалась в пореформенной России. Рост потребностей постоянно обгонял достигнутый уровень жизни. Все слои населения, и интеллигенция в наибольшей степени, постоянно хотели больше того, что имели, и больше того, что реально возможно было иметь при наличных экономических и финансовых ресурсах, низкой культуре населения, невысокой производительности труда. «Повышенные ожидания» замечены в крестьянской²⁸ и рабочей среде: «Положение рабочих медленно улучшалось, а сознание необустроенности быстро развивалось. Рост желаемых потребностей опережал увеличение предоставляемых возможностей, такая диспропорция, все увеличиваясь, оставляла все меньше возможностей для мирного урегулирования»²⁹. С 1870-х по 1911—1913 гг. номинальный средний годовой заработок российских фабрично-заводских рабочих увеличился примерно на 33 % (со 190 до 254 руб.), сельскохозяйственных рабочих — на 75 % (с 57 до 100 руб.), учителей земских школ — на 188 %

²⁴ Юрьева Л.Н. Указ. соч. С. 191—193.

²⁵ Гарт Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб., 2005.

²⁶ Штомпка П. Социология: Анализ современного общества. М., 2005. С. 563—564.

²⁷ Козер Л.А. Функции социального конфликта. М., 2000.

²⁸ Burds J. Peasant dreams and Market Politics: Labor Migration and the Russian Village, 1861—1905. Pittsburgh, Pa.: University of Pittsburgh Press, 1998. P. 181—182.

²⁹ Володин А.Ю. История фабричной инспекции в России 1882—1914 гг. М., 2009. С. 147.

(со 135 до 390 руб., с квартирой и отоплением от школы). Однако и в 1870-е гг., и в начале 1910-х гг. все жаловались на плохое материальное положение, и особенно учителя, считавшие свой заработок крайне недостаточным для интеллигентного человека, хотя в 1913 г. он был в 1,5 раза выше, чем у промышленных рабочих, а в 1870-е гг. — в 1,4 раза ниже. Как ни парадоксально, еще в большей степени сетовали на материальное положение учителя гимназий, чье годовое жалованье в 1910 г. равнялось 2100 руб., т. е. было в 5,4 раза выше, чем у земских учителей³⁰. В годы Первой мировой войны депривация достигла критического уровня, так как быстро растущие ожидания натолкнулись на внезапное ухудшение условий жизни, а неудачи на фронте и большие военные потери отняли оптимизм и веру в конечную победу. Двойная, или прогрессирующая, депривация (относительно претензий и относительно прежних реальных достижений) оказалась особенно болезненной. Люди приобретали революционный настрой из-за опасения потерять то, чего ими с таким трудом удалось достигнуть. Американский социолог Дж. Дэвис утверждает, что подобная прогрессирующая депривация была причиной всех великих революций в истории (так называемая теория «J-кривой»)³¹.

Структурные теории. Структурные теории ищут источники революции преимущественно в поляризации общества, разделенного на привилегированные и угнетенные социальные группы, и в нарастающем конфликте групповых интересов. Если существует высокий уровень неравенства, то революция может легко разразиться при ослаблении государственных структур, защищающих господство привилегированных групп, например вследствие неудачной войны³². Однако в России уровень экономического неравенства был умеренным, хотя налицо был глубокий социально-культурный раскол общества. Повышение жизненного уровня, наблюдавшееся в пореформенный период, не сопровождалось возникновением огромного имущественного неравенства: в России оно было на порядок ниже, чем в западных странах. Если сравнивать бедного крестьянина с Романовыми, Шереметевыми, Юсуповыми и подобными русскими аристократами, то неравенство, конечно, было громадным, хотя и намного меньшим, чем в современной России между олигархами и остальным населением. Но если

³⁰ Миронов Б.Н. Благополучие. С. 670—671.

³¹ Davies J.C. (1) Toward a Theory of Revolution. P. 5—19; (2) When Men Revolt and Why. N. Y.: Free Press, 1971.

³² Skockpol T. States and Social Revolutions. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

сравнивать большие группы населения, например оценивать различие в доходах 10 % самых богатых и самых бедных (так называемый децильный коэффициент), то степень имущественного неравенства оказывается умеренной, она существенно ниже, чем в развитых западных странах того времени. Децильный коэффициент имущественной дифференциации в России начала XX в. находился в интервале от 4 до 7, в США — от 16 до 18, в Великобритании превышал 40³³. В течение XX в. вплоть до 1990-х гг. имущественное неравенство на Западе было больше, чем в России. В Советском Союзе в 1990 г. децильный коэффициент дифференциации равнялся 4—5 и только в постсоветской России поднялся до 15—17. По сведениям Организации по экономическому сотрудничеству и развитию, в 2008 г. децильный коэффициент равнялся: в Германии, Дании и Швеции — 6, США — 14, России — 16, Мексике и Чили — 25, в Бразилии — 50. Наивысший уровень неравенства в ЮАР — 147³⁴.

Несмотря на умеренность имущественной дифференциации, социальное неравенство оставалось высоким, сословные перегородки не были полностью устранены, вертикальная социальная мобильность имела серьезные институциональные ограничения. Налицо был глубокий социально-культурный раскол общества. Крестьянство и социальные низы городского населения, с одной стороны, дворянство и интеллигенция — с другой, существенно различались с точки зрения системы ценностей, норм и моделей поведения. Под влиянием быстрого экономического развития происходило масштабное перераспределение богатства (например, земля переходила из рук дворянства к крестьянству и буржуазии). Но новые экономически значимые социальные группы — буржуазия и новый средний класс — не получили доступа к власти в соответствии с новым распределением богатства. Стратификации по статусу и власти, с одной стороны, и богатству и образованию — с другой, входили в противоречие. Традиционная сословная система постепенно трансформировалась в классовую, однако не умерла полностью: старые и новые элементы в ней сосуществовали и вступали в непримиримое противоречие. В обществе не было консенсуса, оно отличалось фрагментарностью и разделялось на ряд социальных групп, имевших разные групповые интересы.

Политические теории революции. Представители политической теории генезиса революции усматривают главным образом в

³³ Миронов Б.Н. *Благосостояние*. С. 655—660.

³⁴ Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М., 1997. С. 142. Просмотр 10.03.2012: <http://ru.euronews.net/2011/12/05/trickle-down-forget-it>

конфликтах между властями и элитами, внутри элит, между элитами и различными группами населения, в основе которых лежит *борьба за политическое господство*. Стоит отметить, что в данном случае речь идет не о классовой борьбе в марксистском смысле, поскольку столкновения имели преимущественно политическую, а не социальную подоплеку. Например, во время Великой французской революции главным соперником дворянства выступал не нарождавшийся класс буржуазии, а просвещенные либеральные элиты из всех трех сословий. По причине острой борьбы групповых интересов во время революции часто встречается *ситуация двоевластия*, когда различные группы вступают в острый политический конфликт, мобилизуют ресурсы в свою поддержку, но никто не может взять верх, вследствие чего борющиеся политические блоки находятся в переходной ситуации равновесия³⁵. Борьба элиты и контрэлиты за власть, как и двоевластие, действительно является характерной чертой русских революций начала XX в.

Одни представители политической теории революции (к ним относится, например, известный американский исторический социолог Ч. Тилли) акцент делают на столкновении интересов различных социальных групп, противоречия между которыми обусловлены внутренними для данного социума причинами³⁶. Другие обращают внимание на важную роль низкой социальной мобильности, блокирующей или существенно ограничивающей доступ к власти влиятельных социальных групп, в вызревании революционной ситуации. Традиционный механизм вертикальной мобильности, ставивший на первое место происхождение, а не таланты, не удовлетворял новые элиты, появившиеся в развивающемся буржуазном обществе. Например, одну из общих черт российской, иранской, мексиканской и китайской революций усматривают в том, что «экономический рост породил новые социальные группы, важные с экономической и технологической точек зрения, но не имеющие доступа к власти»³⁷.

Третьи сторонники политической концепции особое значение придают государству, полагая, что оно относительно автономно от господствующего класса, а государственная бюрократия — самостоятельная социальная сила. Пока государственная власть сильна и легитимна в

³⁵ Штомпка П. *Социология*. С. 570.

³⁶ Tilly Ch. *European Revolutions, 1492—1992*. Oxford, UK; Cambridge, USA: Blackwell, 1993.

³⁷ Hart J.M. *Revolutionary Mexico: The Coming and Process of the Mexican Revolution*. Berkeley etc.: University of California Press, 1987. P. 11.

глазах большинства населения, революционные процессы блокируются. Кризис и распад государства неминуемо ведут к революции; только после его восстановления и укрепления революция заканчивается. Решающая роль в возникновении революционной ситуации приписывается внешним факторам: конкуренции на мировой арене и военно-политическому давлению на относительно отсталые страны со стороны экономически более развитых соседей³⁸. При этом конфликты между групповыми интересами внутри социума обостряются в условиях войны и усиления внешних угроз³⁹. Объективные противоречия в рамках старого режима — в первую очередь «политические противоречия в структуре и положении государств, находящихся под перекрестным давлением военных конкурентов на международной арене, с одной стороны, и ограничений существующей экономической системы и (в некоторых случаях) сопротивления политически значимых классовых сил внутри страны попыткам государства мобилизовать ресурсы для того, чтобы справиться с международной конкуренцией, с другой стороны»⁴⁰. Эти выводы находят полную поддержку среди исследователей русских революций, среди которых наблюдается почти полный консенсус относительно того, что поражения в русско-японской войне 1904—1905 гг. и неудачи в Первой мировой войне спровоцировали русские революции.

Четвертая группа представителей политического направления (лидером этой группы можно считать Дж. Голдстоуна) также связывает революции с кризисом государства, однако считает, что к этому кризису приводят не столько политические противоречия и конфликт групповых интересов, сколько неадекватный ресурсам рост населения, который провоцирует политические столкновения. Перенаселение усиливает конкуренцию во всех слоях общества (крестьян — за землю, рабочих — за работу, элиты — за должности), увеличивает спрос на товары, способствует росту цен и снижению эффективности налоговой системы, что ведет расстройству государственных финансов и снижает покупательную способность населения. В результате в обществе возрастает социальное напряжение и обостряются все противоречия. Все это в конечном счете приводит к серьезному кризису

³⁸ Skocpol T, Trimberger E.K. Revolutions and the World-historical Development of Capitalism // T. Skocpol. Social Revolutions in the Modern World. Cambridge University Press, 1994. P. 66.

³⁹ Skocpol T. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge: Cambridge University Press, 1979; Skocpol T. Social Revolutions in the Modern World.

⁴⁰ Стародубровская И.В., Май В.А. Великие революции: От Кромвеля до Путина. 2-е изд. М., 2004. С. 31.

государства и в экстремальном варианте — там, где институты (к ним относятся законы, правила, нормы, а также традиции, верования и т. п.) не гибки, — к революции⁴¹. Применительно к русским революциям начала XX в. данная концепция не работает по нескольким причинам. Во-первых, общего перенаселения в масштабе страны не было, а проблема аграрного перенаселения, существовавшая в некоторых местностях, решалась простым переселением и улучшением агротехники. Во-вторых, после принятия конституции в 1905 г. в России появилась возможность мирной смены власти в результате выборов. В-третьих, в пореформенное время в России наблюдалось повышение уровня жизни, финансовая система работала вполне удовлетворительно.

Объяснение революции Голдстоуном кажется политическим только на первый взгляд. На самом деле это скорее демографическая или, во всяком случае, демографо-политическая неомальтузианская концепция революции, поскольку главную роль отводит перенаселению. Это подтверждается и тем, что известный социолог в качестве важнейшей причины революции предложил рассматривать омоложение населения. «Быстрый рост удельного веса молодежи, — утверждает он, — может подорвать существующие политические коалиции, порождая нестабильность. Большие когорты молодежи зачастую привлекают новые идеи или гетеродоксальные религии, бросающие вызов старым формам власти. К тому же, поскольку большинство молодых людей имеют меньше обязательств в плане семьи или карьеры, они относительно легко мобилизуются для участия в социальных или политических конфликтах. Молодежь играла важнейшую роль в политическом насилии на протяжении всей письменной истории, и наличие “молодежного бугра” (необычно высокой пропорции молодежи в возрасте 15—24 лет в общем взрослом населении) исторически коррелировало с периодами политических кризисов. Большинство крупных революций — включая и большинство революций XX века в развивающихся странах — произошло там, где наблюдались особо значительные молодежные бугры»⁴². Российские сторонники этой концепции полагают, что молодежный фактор в Русской революции 1917 г. был «“задействован” по всем параметрам»⁴³, не приведя, однако, доказательств, кроме ссылки

⁴¹ Goldstone J.A. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkley, CA: University of California Press, 1991; Голдстоун Дж. Теория революции, революции 1989—1991 гг. и траектория развития «новой» России // Вопросы экономики. 2001. № 1.

⁴² Goldstone J.A. Revolution and Rebellion. P. 11—12.

⁴³ Гринин Л.Е. и др. История, математика и некоторые итоги дискуссии о причинах Русской революции / Под ред. Л.Е. Гринина и др.; О причинах русской революции. М., 2010. С. 388.

на революционную активность студенчества. Проверим адекватность «молодежной теории». С этой целью проанализируем изменение возрастной структуры населения России и выясним, имелся ли в ней в начале XX в. молодежный бугор.

Теоретически в стране с более высокими темпами роста населения действительно должно быть больше молодых и меньше пожилых людей. Однако увеличение доли молодых происходит в большей степени не за счет революционного возраста (15—24 лет), а за счет лиц в возрасте 0—14 лет⁴⁴. Многое зависит от конкретной ситуации, и не всегда более высокому естественному приросту соответствует более молодое население (табл. 3).

Таблица 3

Естественный прирост и возрастная структура населения в 19 странах мира в 1950—1978 гг.

Страна	Естественный прирост в 1950—1978 гг., %	0—14 лет, %	15—59 лет, %	Старше 60 лет, %	Медианный возраст, лет
1	2	3	4	5	6
Великобритания	0,4	24,0	55,8	20,2	34,4
Испания	1,0	27,6	58,0	14,4	29,7
Япония	1,1	24,3	64,0	11,7	30,5
США	1,3	24,5	60,5	15,0	29,4
СССР	1,4	28,9	59,2	11,9	29,3
Китай	2,0	33,4	58,0	8,6	23,5
Индия	2,1	42,1	53,0	4,9	19,6
Индонезия	2,3	43,7	52,3	4,0	17,4
Египет	2,4	40,7	53,8	5,5	19,4
Камерун	2,5	40,0	54,2	5,8	19,6
Иран	2,7	45,7	49,2	5,1	16,4
Нигерия	2,7	45,1	51,0	3,9	17,4
Бразилия	2,9	42,0	52,7	5,3	18,9

⁴⁴ *Сови А.* (1) Общая теория населения: В 2 т. М., 1977. Т. 2. С. 195, 199; (2) Экономические трудности и преимущества роста населения // Проблемы народонаселения: О демографических проблемах стран Запада / Д.И. Валентей, В.В. Бодрова (ред.). М., 1977. С. 75.

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6
Колумбия	3,0	45,7	49,9	4,4	17,5
Куба	3,0	37,9	52,8	9,3	22,9
Пакистан	3,1	46,5	48,8	4,7	19,1
Мексика	3,4	45,9	48,7	5,4	16,7
Берег Слоновой Кости	3,5	44,6	51,8	3,6	18,5
Объединенные Арабские Эмираты	14,0	33,8	63,6	2,6	23,3

Источник: Брук С.И. Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1981. С. 140—158.

Теперь рассмотрим российский вариант. Среднегодовой естественный прирост населения с 1861—1865 по 1911—1913 гг. увеличился с 1,42 до 1,68 %. Сравнение возрастной структуры населения России в 1897 и 1920 гг. показывает, что эта прибавка недостаточна, чтобы существенно повлиять на долю лиц в возрасте 15—24 лет (табл. 4).

Таблица 4

Лица в возрасте 15—24 лет во взрослом населении страны (в возрасте от 15 лет и старше), %

	Все население		Городское население		Сельское население	
	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.
Доля 15—24-летних мужчин	29,8	24,4	36,8	25,4	28,5	24,0
Доля 15—24-летних женщин	30,2	30,2	30,2	30,0	30,2	30,3
Доля 15—24-летних лиц обоего пола	30,0	27,8	33,8	28,0	29,3	27,7

Источники: Общий свод.Т. 1. С. 56—58; Статистический ежегодник 1918—1920 гг.: В 2 вып. М., 1921. Вып. 1. С. 38—61.

Согласно двум последовательным переписям 1897 г. и 1920 г. доля лиц в возрасте 15—24 лет во взрослом населении (в возрасте 15 лет и

старше) уменьшилась с 30 до 27,8 %, среди горожан — соответственно с 33,8 до 28, среди сельских жителей — с 29,3 до 27,7 %. Среди мужского населения доля молодежи сократилась еще больше — на 5,4 % вследствие военных потерь в Первую мировую и Гражданскую войны. Доля молодых женщин приблизительно показывает, *какой бы была доля мужчин, если бы не военные потери*. В 1920 г. сравнительно с 1897 г. во всем взрослом населении доля женщин в возрасте 15—24 лет осталась неизменной, среди городского на 0,2 % уменьшилась, а среди сельского населения, наоборот, на 0,1 % увеличилась. Таким образом, никакого молодежного бугра и омоложения населения в интервале между 1896 и 1920 гг. не наблюдалось, гипотезу «молодежной революции» приходится отклонить.

Голдстоун предлагает и третье объяснение, которое на первый план ставит численное *перепроизводство элит* относительно имеющихся ресурсов, под влиянием которого усиливается борьба внутри правящей элиты и между элитами. Недовольство элит напрямую ведет к ослаблению и в конечном итоге развалу государства, революциям и гражданским войнам. С этой точки зрения причина Русской революции 1917 г. — *экзистенциальный кризис, вызванный недостатком ресурсов для элиты*⁴⁵. Здесь неомальтузианская сущность концепции особенно очевидна. Применительно к русским революциям начала XX в. она оказывается неадекватной. Данные об изменении численности привилегированных страт не подтверждают эту гипотезу: доля всех привилегированных групп в населении страны в 1719—1913 гг. уменьшалась; сократилась и суммарная их доля — с 4,6 до 2,5 %, в том числе в пореформенное время (1858—1913) — с 3,2 до 2,5 %. Если российскую элиту идентифицировать на основании образования, то и в этом случае не приходится говорить о ее перепроизводстве относительно ресурсов. Доля людей с высшим образованием среди лиц в возрасте от 20 лет и старше составила в конце 1850-х гг. — 0,12 %, в 1897 г. — 0,23, в 1917 г. — 0,51 %⁴⁶. Экономика страны росла более быстрыми темпами.

Институциональная теория революции. В 2004 г. В.А. Мау и И.В. Стародубровская предложили и обосновали институциональную концепцию революции. Выдвигая на первое место экономические процессы, концепция учитывает также политические, социальные и

⁴⁵ Турчин П.В. Историческая динамика: На пути к теоретической истории. М., 2007. С. 173—176, 257—259.

⁴⁶ Миронов Б.Н. Благосостояние. С. 645—655.

культурно-психологические факторы⁴⁷. Авторы исходят из институциональной теории. Согласно ей в основе социальных сдвигов лежат изменения общественных институтов: законов, правил, норм, а также традиций, верований и т. п. Основоположник теории Д. Норт определяет институты как «правила игры» в обществе: «институты представляют собой рамки, в пределах которых люди взаимодействуют друг с другом. <...> Они состоят из формальных писаных правил и обычно неписаных кодексов поведения, которые лежат глубже формальных правил и дополняют их»⁴⁸. В институциональной теории основной акцент делается на эволюционном развитии, так как институты изменяются долго, медленно и постепенно. Резкие революционные скачки остаются на периферии анализа: революции рассматриваются как внешний фактор, способный в какой-то степени повлиять на развитие институтов, но не как внутреннее порождение самой институциональной системы в ее взаимодействии с другими факторами развития общества⁴⁹. Мау и Стародубровская адаптируют институциональную теорию для объяснения революции.

Утверждение в обществе новых институтов всегда происходит долго, болезненно и противоречиво, так как в прежней структуре существуют институциональные отношения, препятствующие гибкому приспособлению социума к новым условиям. Они называются *встроенными ограничителями*. «Экономические ограничители — это такие экономические формы и отношения, которые либо совсем не способны реагировать на изменение экономических условий, либо реагируют на них совершенно неадекватно. Наиболее очевидные примеры — средневековая цеховая система в городах и общинные отношения в деревне»⁵⁰. Социальные ограничители включают в себя различные формальные и неформальные механизмы, затрудняющие горизонтальную и вертикальную мобильность. Они препятствуют приведению в соответствие реального экономического и общественного положения и формального статуса индивидов и социальных групп, а также изменению статуса в соответствии с новыми экономическими возможностями и потребностями. Например, сословная система, крепостное право и его пережитки, гендерная дискриминация, юридические запреты на занятие гражданской и военной службой и т. п. *Политические ограни-*

⁴⁷ Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции: От Кромвеля до Путина. С. 27—50, 65—68, 417—456.

⁴⁸ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 19.

⁴⁹ Там же. С. 116—118.

⁵⁰ Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. С. 34.

чители — это законы и обычаи, исключая возможность «в рамках легальных политических механизмов сменить господствующий режим и его политический курс», с одной стороны, и «обеспечить политическое представительство новых экономически влиятельных кругов, дать им институциональные возможности защиты собственных интересов» — с другой. *Психологические* ограничители — стереотипы, оставшиеся от традиционного общества в экономической, политической, культурной и религиозной сферах, препятствующие трансформации старой культуры. Например, широко распространенные в массах представления о божественном происхождении монархии могут препятствовать снятию политических ограничителей и демократизации общества. Представления о греховности работы в праздники, ссуды под процент или стремления к прибыли могут блокировать развитие буржуазной трудовой этики, кредитных учреждений и предприятий капиталистического типа.

Преодоление ограничителей по общему правилу происходит в ходе реформ «сверху». Общество, вступившее в эпоху преобразования институциональной системы, становится социально нестабильным, другими словами, попадает в «зону риска». Если мирный эволюционный путь проходит успешно, с его окончанием общество выходит из «зоны риска». Если же нет, то происходит революция, разрушающая насильственным путем мешающие развитию ограничители и тем самым открывающая дорогу утверждению новой институциональной системы.

Революционная ситуация складывается постепенно. Как ни парадоксально, ей, как правило, предшествует длительное и бурное (по меркам своего времени) экономическое развитие и значительные структурные сдвиги в экономике и обществе. «Нет ничего более ошибочного, — заметил автор классического труда по истории революций К. Бринтон, — чем представлять себе старый режим угасающей тиранией, которая, катясь к своему финалу, доводит до предела деспотическое безразличие к протесту доведенных до крайности подданных»⁵¹. Мау и Стародубровская также подчеркивают, что «революции не характерны для стабильного общества, в котором отсутствуют динамичные изменения. Они неразрывно связаны с феноменом экономического роста. Причем предпосылки революций могут сформироваться не в любой момент, а лишь на особых переломных этапах», названных ими «кризисами экономического роста»⁵². Под экономическим ростом ав-

⁵¹ Brinton C. The Anatomy of Revolution. Revised and Expanded Edition. N. Y.: Vintage Books, 1965. P. 60.

⁵² Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. С. 418.

торы имеют в виду не простое увеличение валового продукта, а существенное превышение темпов роста производства над темпами роста населения в долгосрочной перспективе⁵³.

Таким образом, именно *быстрый экономический рост* является *важнейшей предпосылкой революции*, и подобная зависимость «характерна практически для всех стран, переживших полномасштабные революции» в период ранней модернизации⁵⁴. Нидерландской революции XVI в. предшествовал быстрый экономический рост, затронувший как промышленность, так и сельское хозяйство. В Англии с середины XVI в. и до начала революции и гражданской войны наблюдался быстрый промышленный рост. Во Франции активное преобразование сельского хозяйства начинается со второй половины XVIII в., а период с 1760 по 1790 г. характеризуется промышленным прогрессом и рассматривается как первая фаза промышленной революции. Германия в период, предшествовавший революции 1848 г., переживала промышленный переворот и экономический рост. То же наблюдалось за пределами Европы (Мексика, Иран и другие страны). Предреволюционные режимы и здесь проводили сознательную политику активной индустриализации и ломки традиционных структур, опираясь в первую очередь на широкое привлечение иностранного капитала⁵⁵. Обусловленность вызревания предпосылок революции быстрым экономическим развитием неоднократно подчеркивалась и другими исследователями⁵⁶. В одной из своих ранних работ, ставшей классической по проблемам модернизации, С. Хантингтон констатировал наличие «прямой связи между быстрым экономическим ростом и политической нестабильностью»⁵⁷. Известный американский экономист и социолог М. Олсон считал быстрый экономический рост «важнейшим дестабилизирующим фактором», более того — «основной силой, ведущей к революции и социальной нестабильности»⁵⁸.

⁵³ Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. С. 65.

⁵⁴ Там же. С. 36.

⁵⁵ Там же. С. 39—40.

⁵⁶ Хантингтон С.П. Политический порядок; Хорос В.Г. Русская история. С. 14—18; Eisenstadt S. N. Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations. N. Y.: Free Press, 1978; Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe / Grancelli B. (ed.). Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 1995; Davies J.C. Toward a Theory of Revolution. P. 6.

⁵⁷ Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. Princeton: Yale University Press, 1968. P. 51.

⁵⁸ Olson M. Rapid Growth as a Destabilizing Force // When Men Revolt and Why / J.C. Davies (ed.). 2nd ed. New Brunswick: Transaction Publishers, 1997. P. 216.

Зависимость между экономическим ростом и социальной нестабильностью в обществе обуславливается двумя причинами. Во-первых, динамичное экономическое развитие подрывает основы традиционной социальной структуры, ведет к масштабному перераспределению богатства и возникновению новых экономически значимых социальных сил. «Однако этот процесс наталкивался на традиционные социальные рамки и барьеры, не позволяющие привести стратификацию по статусу и доступу к власти в соответствие с новым распределением богатства. <...> Под давлением новых обстоятельств традиционная система постепенно трансформировалась, однако не отмирала полностью, — старые и новые элементы в ней сосуществовали и вступали в непримиримое противоречие. Наложение новой стратификации, возникшей в результате экономического развития, на традиционную статусную систему приводит к возникновению специфического феномена — предреволюционной фрагментации общества» — «резкому усложнению его социальной структуры, вызванному размыванием границ и размежеванием интересов в рамках традиционных классов и групп, а также возникновением новых социальных сил, не вписывающихся в прежнюю систему». «Фрагментация — это результат давления новых процессов, порождаемых динамичными экономическими изменениями, на встроенные ограничители в социальной структуре». Она охватывает все слои общества, но прежде всего элиту⁵⁹.

Во-вторых, экономический прогресс и вызываемая им фрагментация общества приводят к резкому ослаблению государственной власти в стране. «Власть постоянно испытывает давление несовместимых требований — различные социальные слои и элитные группы ждут от нее диаметрально противоположных действий. Чьи бы интересы она ни пыталась удовлетворить, это неизбежно вызывает все большее сопротивление остальных. Власть начинает метаться, то идя на поводу у радикальных настроений, то пытаясь спрятаться в привычных рамках традиционной системы, то проявляя излишнюю жесткость, то соглашаясь на бессмысленные компромиссы. В результате режим становится еще более уязвимым, теряя свою базу и среди традиционных сторонников, и во вновь возникающих социальных слоях. Он вызывает всеобщее недовольство, хотя и по противоположным причинам»⁶⁰.

Однако социальная фрагментация общества и ослабление государства делают революцию возможной, но не обязательной. Например, Ч. Тилли только в Европе насчитал 707 революционных ситуаций за

⁵⁹ Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. С. 42—43, 420.

⁶⁰ Там же. С. 46.

500 лет (1492—1991 гг.), при этом социально-политические революции произошли несколько раз, хотя имелось немало примеров, когда правительство было свергнуто или временно лишено власти⁶¹. Требуются дополнительные факторы, превращающие революции в реальность. Это могут быть: 1) крупное военное поражение или неудачная кровопролитная война, 2) суровый экономический кризис (ибо экономический рост имеет циклическую природу и никогда не проходит гладко), 3) сочетание того и другого. Последнее точно сформулировал Дж. Дэвис: «В большинстве случаев революции происходят, когда длительный период поступательного экономического и социального развития сменяется коротким периодом резкого спада. На первом этапе решающее воздействие на умы людей данного общества неизбежно оказывает ожидание возможности и впредь удовлетворять растущие потребности. На втором этапе, когда реальность расходится с ожиданиями, на смену приходит чувство тревоги и разочарования»⁶². Напомню: двойная, или прогрессирующая, депривация (относительно претензий и относительно прежних реальных достижений) бывает особенно болезненной, революционный настрой возникает у людей из-за опасения потерять то, чего они с таким трудом достигли; прогрессирующая депривация — причина всех великих революций в истории (теория «J-кривой» Девиса)⁶³.

По мнению Мау и Стародубровской, Русская революция 1917 г. по своим основным характеристикам не имеет принципиальных отличий от европейских революций более раннего времени. Вследствие большого значения экономического фактора в ее происхождении революция является экономико-политическим, а не чисто политическим процессом. Бесперспективно искать один универсальный фактор, объясняющий предреволюционный кризис — будь то экономический или политический. Во время революционных ситуаций общество сталкивается с комплексом проблем, требующих кардинальных изменений в механизмах его функционирования. «Причины, ход и результаты революции 1917 г. можно объяснить одновременным резким обострением трех групп противоречий. Во-первых, это противоречия, типичные для периода ранней индустриализации, они отражают сложности преобразований в огромной крестьянской стране и диктуют необходимость того или иного, но достаточно радикального решения аграрного во-

⁶¹ Tilly Ch. European Revolutions. P. 243.

⁶² Davies J.C. Toward a Theory of Revolution // When Men Revolt and Why / C. Davies (ed.). New Brunswick; London: Transaction Publishers, 1997. P. 136.

⁶³ Ibid. P. 5—19; Davies J.C. When Men Revolt and Why. N. Y.: Free Press, 1971.

проса. *Во-вторых*, это противоречия догоняющей индустриализации в отсталой стране. Они требуют мобилизации финансовых ресурсов, активного перераспределения ресурсов из традиционных отраслей хозяйства в новые промышленные сектора экономики. Наконец, *в-третьих*, это противоречия, связанные с тем, что кризис ранней модернизации в России наложился на формирование предпосылок кризиса зрелого индустриального общества. И этот фактор в стране, достаточно далеко продвинувшейся по пути индустриализации, не мог не сказаться на формах предреволюционного кризиса»⁶⁴.

На мой взгляд, институциональная концепция удачно синтезирует все вышеперечисленные концепции революции и хорошо объясняет происхождение Русской революции 1917 г. Бурный экономический рост и всесторонняя трансформация российского социума создали высокий накал социальной напряженности в обществе и ввели страну в зону риска. Реформы «сверху» устраняли один за другим мешавшие модернизации ограничители, встроенные в традиционную институциональную систему (круговую поруку, мещанские общества и цехи, передельную общину, сословные ограничения социальной мобильности, монополию коронной бюрократии и самого монарха на власть, ущемлявшие гражданские права законы, и т. д.), и тем самым создавали возможность избежать революции. Поскольку смена институциональных систем — длительный, болезненный и противоречивый процесс, для выхода из «зоны риска» требовалось значительное время (хотя бы лет двадцать, как говорил П.А. Столыпин, социального покоя).

Но этому помешала война, нарушившая эволюционный путь развития. Тяготы войны, помноженные на безответственное поведение либеральных и революционных элит и ослабление государственной власти, оказались непереносимыми для общества. Страна погрузилась в революцию, проходившую в соответствии с классической моделью: кризис «старого режима»; установление власти «умеренных»; победа радикалов, создающих «царство террора и добродетели»; термидор, или контрреволюционный переворот, и постреволюционная диктатура.

Подведем итоги. В России после отмены крепостного права произошло настоящее экономическое чудо. Экономика стала рыночной: экономические решения принимались индивидуально (бизнесменами, торговцами, сельскохозяйственными производителями), цены устанавливались в результате стандартных рыночных механизмов. В 1861—1913 гг., за 52 года, национальный доход увеличился в 3,84 раза, а на

⁶⁴ Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. С. 100.

душу населения — в 1,63 раза, индекс человеческого развития — с 0,171 до 0,308. С 1880-х гг. национальный доход увеличивался на 3,3 % ежегодно; это даже на 0,1 больше, чем в СССР в 1929—1941 гг., и только на 0,2 % меньше, чем в США — стране с самыми высокими темпами развития в мире. Развивались все отрасли народного хозяйства, хотя и в разной степени. Но главное чудо состояло в том, что при высоких темпах роста экономики и населения происходило повышение его благосостояния, другими словами, индустриализация происходила не за счет крестьян и рабочих, не благодаря их обнищанию, как общепринято думать.

В пореформенный период был достигнут значительный прогресс не только в экономике, но во всех сферах жизни. В частности, кардинальные изменения претерпел политический процесс: исполнение его важнейших функций (социализации, рекрутирования элиты, коммуникации, артикуляции и агрегации интересов, определения и осуществления политического курса, вынесения судебных решений) перешло от разного рода коронных учреждений, традиционных институтов и органов сословного управления к средствам массовой информации, добровольным ассоциациям, парламенту, политическим партиям, школе всех уровней и литературе. В пореформенное время быстрыми темпами развивалось гражданское общество.

Достигнутые в пореформенной России успехи позволяют сделать четыре важных вывода: 1) самодержавие (монархия), или, шире, авторитарная власть, совместима с прогрессом на определенном этапе развития страны; 2) дискурс о всеобщем кризисе позднеимперской России с акцентом на негативных результатах развития, порожденных якобы неправильной политикой верховной власти, не соответствует исторической реальности; 3) успехи и прогресс не исключают революции; 4) русские революции не имели объективных предпосылок *в марксистско-ленинском смысле*; они являлись в первую очередь политическим и культурным переворотом; их причины надо искать не в провале, а в успехах модернизации, в трудностях перехода от традиции к модерну, в политических практиках, в особенностях политического дискурса.

Революции начала XX в. произошли не потому, что Россия после Великих реформ 1860-х гг. вступила в состояние глобального перманентного кризиса, а потому, что общество не справилось с процессом перехода от традиционного к современному обществу. Как и в других странах второго эшелона модернизации, ее ускоренное, а в некоторых случаях и преждевременное, проведение потребовало больших издержек и даже жертв (например, со стороны помещиков, у которых государство принудительно экспроприировало землю, хотя и за компенсацию).

Это привело к лишениям и испытаниям для отдельных групп населения и не принесло равномерного благополучия сразу и всем. Велики оказались и побочные негативные последствия модернизации: увеличение социальной и межэтнической напряженности, конфликтности, насилия, девиантности во всех ее проявлениях (от самоубийства до социального и политического протеста). Необыкновенный рост всякого рода протестных движений явился, с одной стороны, порождением дезориентации, дезорганизации и повышенной напряженности в обществе, с другой — результатом получения свободы, ослабления социального контроля и увеличения социальной мобильности, с третьей — следствием роста потребностей, превышающих возможности экономики и общества их удовлетворить. *Конфликт традиции и современности можно назвать системным кризисом.* Однако такой кризис не имеет ничего общего с тем пониманием системного кризиса, которое доминировало в советской историографии и до сих пор широко бытует в современной литературе, — как всеобщего и перманентного кризиса, превратившего российский социум в несостоятельную и нежизнеспособную систему, не способную развиваться и приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни и обеспечивать благосостояние населения. Изычно выразил эту мысль Х. Ортега-и-Гассет: «Упадок старого, вызванный ростом нового и молодого, — это признак здоровья». *Кризис российского социума был болезнью роста и свидетельствовал о его развитии, а не о приближении его конца.* Он не вел фатально к революции, а лишь создавал для нее предпосылки, возможность, ставшую реальностью в силу особых обстоятельств: военных поражений, трудностей военного времени, непримиримой и ожесточенной борьбы за власть между оппозиционной общественностью и монархией⁶⁵.

М.М. Кром

Междисциплинарность и возникновение новых направлений в исторической науке (на примере исторической антропологии)

Аннотация: в статье на примере исторической антропологии анализируются различные аспекты феномена междисциплинарности, характерного для развития гуманитарных и социальных наук во вто-

⁶⁵ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2005. С. 123.

рой половине XX в., включая этапы взаимоотношений между историей и антропологией и характер заимствований, вопрос о междисциплинарных границах и о статусе новых направлений в исторической науке, возникших под влиянием антропологии и других социальных наук.

Ключевые слова: история, антропология, междисциплинарные контакты и границы, новые научные направления.

Хотя историки и раньше заимствовали исследовательские приемы, термины и концепции из других наук (например, в XIX в. наиболее тесными были связи истории с филологией и правоведением), но именно наша эпоха (примерно с 1960-х гг. по настоящее время) может быть названа «эрой междисциплинарности». Данный феномен еще не изучен в должной мере. Как складывались взаимоотношения истории и других гуманитарных и социальных наук? Что именно заимствуют историки из работ психологов, социологов, антропологов, философов? Каков статус возникающих междисциплинарных направлений: исторической социологии, исторической психологии и иных? В статье я намерен обсудить этот круг вопросов, опираясь на свои наблюдения над возникновением и развитием исторической антропологии и родственных ей направлений (истории ментальностей, микроистории, новой культурной истории и др.)¹.

Размышляя о подъеме междисциплинарных исследований после Второй мировой войны, следует, по-видимому, принять во внимание как глобальные политические и социальные изменения (крах фашизма, последующее крушение колониальной системы, развитие демократических, феминистских, экологических и т. п. движений), так и смену парадигм в самой исторической науке. Гибель Третьего рейха нанесла серьезный удар такому влиятельному (не только в Германии!) направлению исторической мысли, как историзм, с присущими ему этатизмом, национализмом и акцентом на постижение уникального и неповторимого в истории. Характерно, что поколение немецких историков (Х.-У. Велер, В. Моммзен, Ю. Кокка и др.), пришедшее в науку в 1960-х гг., считало историзм отчасти ответственным (в сфере идей) за постигшую Германию катастрофу и сделало выбор в пользу новой исторической социальной науки (historische Sozialwissenschaft)², во

¹ Эти наблюдения обобщены в кн.: Кром М.М. Историческая антропология: Учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 2010.

² См.: Iggers G.G. Historicism: The History and Meaning of the Term // Journal of the History of Ideas. Vol. 56. No. 1 (January 1995). P. 144.

многим ориентировавшейся на «науку победителей» — американскую социологию.

Не менее важные перемены в эпоху деколонизации пережила и антропология: многие этнологи перенесли свои исследования на родину, приступив к изучению традиционных культур «старушки-Европы». Так начался пересмотр существовавшего с конца XVIII в. представления об «исторических» и «неисторических» народах и, соответственно, сложившегося разделения труда между историками и антропологами, когда первые изучали развитие «цивилизованных» обществ, а предметом исследования вторых были коренные жители колониальных стран.

Таким образом, политический и интеллектуальный климат в послевоенной Западной Европе и США способствовал отказу от прежних форм историописания и началу диалога историков с социальными науками.

Но, разумеется, помимо общих предпосылок для развития междисциплинарных исследований, у конкретных ученых в той или иной стране были свои причины, чтобы искать вдохновения в смежной отрасли знания. Так, известный медиевист Ж. Дюби вспоминал о том, как в 1960-е гг. он, разочаровавшись в экономическом детерминизме, стал внимательно читать труды французских этнологов, видя в описываемых ими «холодных» обществах (термин К. Леви-Строса) прямой аналог изучавшейся им средневековой деревни. Работы этнологов (главным образом африканистов) помогли ему лучше понять систему ценностей крестьян и роль семьи, дома, структур родства в традиционном обществе³.

Несколько иначе объяснял свой интерес к антропологии (пробудившийся также в 1960-е гг.!) британский историк П. Берк. По его словам, он и некоторые его коллеги в то время были не удовлетворены господствовавшими тогда формами или стилями историописания. С точки зрения предмета изучения выбор сводился к традиционной нарративной истории политики или к экономической истории, становившейся все более квантитативной; иными словами, как афористично формулирует Берк, «выбор был... между Ранке и Марксом». Между тем британские историки в начале 1960-х гг., не вполне довольные как марксизмом, так и школой «Анналов», искали некий «третий путь»: им хотелось писать что-то вроде социальной или культурной истории вместо политической или экономической. Вот в этих условиях, подчерки-

³ Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей. Человек в истории. 1991. М., 1991. С. 54—55.

вает Берк, и возник интерес историков к антропологии: существовала «потребность, или запрос, на антропологический подход»⁴.

Потребность в антропологическом подходе убедительно продемонстрировала статья К. Томаса «История и антропология» (1963), которая, в свою очередь, стала откликом на получившую широкую известность манчестерскую лекцию выдающегося британского антрополога Э. Эванса-Причарда «Антропология и история» (1961). Обращаясь к ученым обеих специальностей, Эванс-Причард заявил, что «разрушенный мост между двумя дисциплинами обедняет историков в той же мере, что и антропологов», и призвал их читать работы друг друга⁵.

Справедливости ради нужно отметить, что антропологи остались тогда глухи к призыву маститого коллеги и вплоть до 1970-х — начала 1980-х гг. словно не замечали историчности изучаемых ими обществ. А вот историки оказались готовы к восприятию наблюдений, накопленных антропологической наукой. Более того, К. Томас не считал зазорным поучиться у антропологов «большой дисциплине и точности мысли», с похвалой отмечая, что их работы свободны от «риторики и импрессионизма», столь часто встречающихся в трудах современных историков; но главный урок, который антропологи способны преподать историкам, привыкшим к узкой специализации, — это изучение общества как единого целого, без обособления, например, экономики от остальных социальных отношений. Кроме того, «неоценимым преимуществом» антропологов К. Томас считал имевшийся у них «непосредственный опыт» знакомства с явлениями (вроде колдовства или кровной мести), о которых историки могли только прочитать в книгах⁶.

Как справедливо заметил впоследствии Д. Сэбиан, многие историки, заинтересовавшиеся этнографией (Сэбиан называет К. Томаса, но в том же ряду можно упомянуть и Ж. Дюби, позиция которого ясно видна в процитированных выше мемуарах) воспринимали эту науку через призму эволюционных концепций: в описаниях «первобытных народов» они рассчитывали найти ключ к пониманию Европы минувших эпох⁷. Вместе с тем бесспорно положительным эффектом антро-

⁴ Burke P. Historical anthropology // Focaal: tijdschrift voor antropologie. № 26/27 (1996). P. 50—51.

⁵ Лекция доступна теперь в русском переводе: Эванс-Причард Э. Антропология и история // Он же. История антропологической мысли. М., 2003. С. 273—291; цитата — с. 283.

⁶ Thomas K. History and Anthropology // Past and Present. No. 24 (April 1963). P. 3—24.

⁷ Сэбиан Д.У., Кром М.М., Альгази Г. Введение. История и антропология: путь к диалогу // История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX—XXI веков. СПб., 2006. С. 8—9 (цитируемый раздел статьи написан Д. Сэбианом).

пологизации истории в 1960—1970-х гг. явилось невиданное дотоле расширение ее предметного поля. Список новых объектов изучения, предложенный К. Томасом в статье 1963 г. (семья и воспитание детей, отношение к рождению, боли и смерти и т. д.), выглядит сегодня, по словам того же Д. Сэбиана, «как предсказание того, что принесли следующие 20 лет развития исторической науки»⁸.

Аналогичный перечень требующих разработки тем содержался и в намеченной Ж. Ле Гоффом в начале 1970-х гг. широкой программе «этнологической истории». Но основное преимущество «этнологического взгляда» на историю французский ученый видел в «освобождении» ее от события, в реализации идеала не-событийной истории, состоящей из повторяющихся событий и церемоний религиозной и семейной жизни⁹.

Как видим, представители различных национальных школ в своих предложениях по использованию антропологии (или этнологии) для радикального обновления исторических исследований по-разному расставляли акценты. Если оксфордскому историку К. Томасу социальная антропология (преимущественно британская) представлялась образцом строгой научности и кладзем полезных наблюдений в предметных областях, которые историкам еще только предстояло для себя открыть, то Ж. Ле Гофф, один из лидеров третьего поколения школы «Анналов», считал влияние этнологии позитивным в той мере, в какой она усиливала важные, по его мнению, тенденции в исторической науке: модифицировала представление о времени и заставляла обратить особое внимание на длительную временную протяженность (*la longue durée*), «воспетую» Броделем; приводила к изучению ментальностей; ускоряла отход от европоцентризма и т. д.¹⁰

Использование антропологии как орудия (или, скажем мягче, аргумента) в борьбе различных школ и направлений в исторической науке стало еще более явным в 1980-е гг., когда, например, Х. Медик, лидер геттингенского кружка исторической антропологии, вел яростную полемику с представителями немецкой «исторической социальной науки»¹¹.

⁸ Там же. С. 12.

⁹ *Ле Гофф Ж.* Историк и человек повседневный // Он же. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000. С. 202 (статья впервые опубликована в 1972 г. в сборнике в честь Ф. Броделя).

¹⁰ См.: там же. С. 202, 204, 209.

¹¹ См.: *Medick H.* «Missionaries in the Row Boat»? Ethnological Ways of Knowing as a Challenge to Social History // *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 29. N. 1. (January 1987). P. 76—98.

Между тем к тому времени в самой антропологической науке произошли значительные изменения. Если в 1950—1960-х гг. тон задавали британские социальные антропологи (А. Р. Рэдклифф-Браун, Э. Эванс-Причард и др.) и французские этнологи (в первую очередь К. Леви-Строс), то в 1970—1980-х гг. резко выросло влияние американской школы *культурной* антропологии и особенно ее «символического» крыла во главе с К. Гирцем. Соответственно изменились и референции историков, следивших за успехами соседней дисциплины: именно Гирц стал в последние десятилетия XX в. самым цитируемым антропологом (по крайней мере, среди историков). На него ссылался Х. Медик в обоснование своей версии исторической антропологии¹²; из совместного семинара с Гирцем выросла получившая широкую известность книга Р. Дарнтон «Великое кошачье побоище»¹³. Характерно также, что своей резко критической рецензии на книгу Дарнтон Дж. Леви, один из ведущих представителей итальянской микроистории, дал выразительный заголовок: «Опасности гирцизма»¹⁴.

Еще важнее были глубокие перемены в методологии антропологических исследований, проявившиеся около 1980 г. и получившие название «исторического поворота»: антропологи осознали наконец историчность традиционных обществ; с романтическим мифом об аутентичной, не затронутой цивилизацией культуре затерянного в океане или в тропических лесах племени пришлось навсегда распрощаться. Следствием такой историзации антропологии стало появление в 1980-е гг. ряда новаторских исследований, включая «Острова истории» М. Салинза, «Сладость и власть» С. Минца и др.¹⁵ Но возникшая таким образом «историческая антропология» сильно отличалась от уже существовавшего под тем же названием течения внутри исторической науки¹⁶. С. Келлог видит различие между «антропологическими исто-

¹² Ibid. P. 85 — 88.

¹³ Со слов признательности Гирцу Дарнтон начинает свою книгу: *Дарнтон Р.* Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М., 2002. С. 5.

¹⁴ См. рус. пер.: *Леви Дж.* Опасности гирцизма // Новое литературное обозрение. 2004. № 70. С. 25—31.

¹⁵ Об историческом повороте в антропологии см.: *Kellogg S.* Histories for Anthropology: 10 Years of Historical Research and Writing by Anthropologists, 1980—1990 // *Social Science History*. Vol. 15. No. 4 (Winter 1991). P. 417—455; *Dirks N.* Is Vice Versa? Historical Anthropologies and Anthropological Histories // *The Historic Turn in the Human Sciences* / Ed. Terence J. McDonald. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1996. P. 17—51.

¹⁶ Краткую аннотированную библиографию работ по исторической антропологии, написанных антропологами с 1980-х по начало 2000-х гг., см. в кн.: История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX—XXI веков. С. 305—306.

риями» и «историческими историями» в том, что антропологи часто используют историю для понимания возникающих новых социальных или культурных структур, в то время как историки обычно полностью сосредоточены на завершенности (pastness) прошлого¹⁷.

Таким образом, хотя крупнейшие антропологи XX в. (достаточно назвать имена К. Леви-Строса и Э. Эванса-Причарда) подчеркивали отсутствие методологических барьеров между двумя дисциплинами и призывали коллег к сотрудничеству с историками¹⁸, на практике граница между историей и антропологией сохраняется, и предложенная Бернардом Коном в 1980 г. перспектива формирования общего поля исследований, которое американский ученый назвал «антропологической историей»¹⁹, пока остается нереализованной мечтой.

Вина (если можно так сказать) за подобное положение дел лежит на представителях обеих дисциплин. С одной стороны, известная нелюбовь историков к теоретизированию приводит к тому, что антропологи и специалисты в других социальных науках сравнительно редко обращаются к их трудам за вдохновением²⁰. С другой стороны, антропологи, социологи, политологи, литературоведы, как отметил Н. Диркс, часто бывают уязвлены невниманием профессиональных историков к их историческим штудиям и неготовностью признать эти работы историческими²¹.

Таким образом, несмотря на усилия некоторых энтузиастов, диалог между историками и антропологами никак не удается наладить. Впрочем, отношения двух дисциплин трудно назвать диалогом в строгом смысле слова, поскольку на протяжении большей части XX в. историки больше заимствовали из антропологии, чем предлагали взамен. При этом характер заимствования постепенно менялся: безудержный энтузиазм и готовность чуть ли не всему учиться у антропологов, продемонстрированные в статье К. Томаса (1963), уже через 10 лет сменились более осторожным и расчетливым отношением к соседней

¹⁷ Kellogg S. *Histories for Anthropology*. P. 422.

¹⁸ Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983. С. 23—25, 31, 32; Эванс-Причард Э. Антропология и история. С. 284—291.

¹⁹ Cohn B.S. *History and Anthropology: The State of Play // Comparative Studies in Society and History*. Vol. 22. No. 2 (April 1980). P. 198—221 (здесь: p. 216—220).

²⁰ Есть и счастливые исключения; к ним относятся, например, работы К. Гинзбурга. Могут засвидетельствовать по личным воспоминаниям, что в осеннем семестре 2001 г. на семинаре по истории и антропологии, руководимом известным антропологом Д. Коэном (Мичиганский университет), анализировалась книга Гинзбурга «Сыр и черви».

²¹ Dirks N. *Is Vice Versa? Historical Anthropologies and Anthropological Histories*. P. 31.

дисциплине. Так, в рецензии на книги А. Макфарлейна и К. Томаса, отмеченных сильным влиянием антропологии, Э. Томпсон напомнил о «дисциплине исторического контекста», предостерег против прямого переноса наблюдений антропологов, относящихся к другому времени и другой части света, в работы историков и усомнился в том, что использование таких наблюдений образует некий новый метод, который можно было бы описать как «историческую антропологию»²².

«Дисциплинирующее» выступление Э.П. Томпсона можно было бы объяснить его личным неприятием антропологии, если не знать, что в те же годы он сам опубликовал несколько работ, основанных на этнографическом материале²³. Трудно усмотреть в позиции Томпсона и какую-то британскую специфику: одновременно с его рецензией во Франции была опубликована уже упоминавшаяся статья Ж. Ле Гоффа, в которой известный медиовист счел необходимым четко демаркировать «границы между этнологией и историей», подчеркнув, в частности, что, сталкиваясь с «вневременной этнологией», историк не должен «потерять восприимчивость к переменам»²⁴.

Позднее об отношениях между двумя дисциплинами высказалась Н.З. Дэвис, и ее точка зрения оказалась очень близка к позиции Томпсона. «Мы обращаемся к сочинениям антропологов, — писала она, — не за предписаниями, а за предложениями; не за универсальными законами человеческого поведения, а за подходящими сравнениями. Не существует замены обширной работе с историческими источниками. Нет способа, как ритуал на Новой Гвинее или в Замбии может быть использован для установления смысла и применений ритуала, скажем, в Европе XVI в.; данные должны происходить от людей и институций эпохи». И далее: «Антропология, следовательно, не является неким более высоким видением социальной реальности, к которому должны обратиться историки, но сестринской дисциплиной, все теснее связанной с нашей собственной»²⁵.

Так выдающиеся историки конца XX в. недвусмысленно напомнили о существующих границах своей дисциплины, отделяющих ее от родственной, но *другой* дисциплины — антропологии. Поэтому приходится признать, что активные междисциплинарные контакты, вопреки

²² Thompson E.P. *Anthropology and the Discipline of Historical Context // Midland History*. Vol. 1. No. 3 (Spring 1972). P. 41—55, особенно p. 43, 45—47.

²³ Об этих работах и о влиянии Томпсона на становление антропологически ориентированной истории см.: Кром М.М. *Историческая антропология*. С. 45, 46, 97, 113.

²⁴ Ле Гофф Ж. *Историк и человек повседневный*. С. 209, 210.

²⁵ Davis N.Z. *Anthropology and the History in the 1980s: The Possibilities of the Past // Journal of Interdisciplinary History*. Vol. 12. No. 2 (Autumn 1981). P. 273, 274.

некоторым ожиданиям, не привели к стиранию границ между историей и другими гуманитарными и социальными науками.

Уместно, однако, задаться вопросом о том, каков статус новых направлений, возникших под непосредственным влиянием тех или иных антропологических теорий и моделей: истории ментальностей, исторической антропологии, микроистории, истории повседневности (Alltagsgeschichte), новой культурной истории? Являются ли они новыми дисциплинами или субдисциплинами в рамках исторической науки?

Применительно к исторической антропологии этот вопрос активно обсуждался в 1996 г. на страницах голландского журнала «Focaal». Принявший участие в дискуссии британский историк П. Берк заявил, что «историческая антропология не является интеллектуальным полем в смысле специализации на истории определенной сферы поведения, вроде экономической истории или истории искусства; это — определенный подход к прошлому, получивший развитие в сотрудничестве между антропологами, открывшими для себя историю, и историками, нашедшими антропологию»²⁶. Его немецкий коллега Х. Медик высказался еще определеннее: «Историческая антропология не является ни старой, ни новой единой дисциплиной. Это, скорее, открытое поле исследований и обсуждений», формирующееся между дисциплинами истории и культурных исследований (cultural studies) — в особенности социальной и культурной антропологии и этнологии или эмпирических культурных исследований»²⁷. Позднее в словаре «История: сто базовых понятий» Медик определил историческую антропологию как «направление исследований, которое не удается присоединить ни к одной субдисциплине исторической науки»²⁸.

Я согласен с высказываниями известных историков, внесших заметный вклад в становление обсуждаемого направления. Добавлю к сказанному лишь пару заключительных замечаний. На мой взгляд, пример исторической антропологии показывает, что междисциплинарность сегодня — это прежде всего особый интеллектуальный климат, предполагающий рефлексивность и широкие научные интересы, выходящие за рамки непосредственной специализации. В институциональном же плане междисциплинарность принимает довольно «мягкие» и гибкие

²⁶ Burke P. Historical anthropology. P. 49.

²⁷ Medick H. Historical anthropology: some misunderstandings and basic assumptions // Focaal: tijdschrift voor antropologie. № 26/27 (1996). P. 62.

²⁸ Medick H. Historische Anthropologie // Lexikon Geschichtswissenschaft: hundert Grundbegriffe / Hg. von Stefan Jordan. Stuttgart, 2002. S. 157.

формы: журналы (вроде «Одиссея» или немецкой «Historische Anthropologie»), конференции и международные исследовательские группы.

Г.Г. Еришова

Нелегкий опыт междисциплинарности

Аннотация: в статье анализируются истоки основных направлений исследований Ю.В. Кнорозова — одного из основоположников меж- и мультидисциплинарности, известного прежде всего дешифровкой иероглифического письма майя. Свою основную научную задачу ученый видел в создании «теории коллектива». В своих идеях (о фасцинации, теории сигнализации, законе рекапитуляции применительно к социальному развитию) он часто отталкивался от работ психиатра В.М. Бехтерева, что было непросто для исследователя середины XX в. Кнорозов создал уникальную научную школу, в рамках которой была создана «теория самоорганизации антропосистемы».

Ключевые слова: Ю.В. Кнорозов, В.М. Бехтерев, психиатрия, гипноз, религиозное сознание, фасцинация, детский рисунок, теория сигнализации, функциональная асимметрия, головной мозг, эволюция, антропосистема, самоорганизация.

Ох, нелегкая это работа — из болота тащить бегемота...

В эпиграф помещены строки из стихотворения К. Чуковского «Телефон». Помещены они как один из любимых эпиграфов, часто приводившихся в письмах Юрия Валентиновича Кнорозова. Это был его фирменный стиль: определять эпиграфом свое отношение к излагаемой в письме научной задаче. А задачи он всегда ставил перед собой сверхсложные. Жил Кнорозов в Ленинграде, а большинство коллег — в Москве. И все регулярно получали от него письма-статьи, которые обычно писались под копирку в несколько экземпляров. Один отсылался адресату, один-два оставались у автора. В случае необходимости припасенная копия отсылалась еще кому-либо. Ю.В. Кнорозов писал письма часто, но никогда — «просто так»: это был способ обсуждения текущих дел (чтение конкретного текста майя или стратегическая сверхзадача теоретического исследования). Для решения проблемы Кнорозову было необходимо ее «проговорить», получить замечания, в

которых содержалась бы критика или указывались слабые места. Если посылалась открытка (пусть поздравительная), то содержание послания выражалось изображением на отнюдь не случайной открытке. Это, видимо, тоже было практической реализацией положений его теории сигнализации и коммуникации.

Сегодняшнее общество испытывает все возрастающую потребность в междисциплинарных и мультидисциплинарных системных исследованиях. Очевидно, что возникшая в XIX в. принадлежность наук весьма условна и никак не отвечает реальным задачам современной науки. Научная жизнь Ю.В. Кнорозова — пример героического преодоления косных рамок традиций и условностей ради познания. Он известен как ученый, дешифровавший иероглифическую письменность древних майя. Однако круг его научных интересов был гораздо шире и фундаментальней. Самой фундаментальной задачей он считал разработку «теории коллектива», и все, что он делал, так или иначе работало на его магистральную идею.

В юности его увлекали не только загадки истории, но и проблемы гипноза и психиатрии. Если судить по кругу научных интересов Кнорозова, он явно был знаком с ключевыми темами, которыми занимался психиатр Владимир Михайлович Бехтерев, предлагавший обратить на эти темы внимание историкам и социологам, аргументируя это тем, что «иначе целый ряд исторических и социальных явлений получает неполное, недостаточное и, может быть, даже несоответствующее объяснение»¹. Сюжеты, касающиеся общественного сознания и формирования личности и оказавшие, по всей видимости, большое влияние на Кнорозова, изложены в работах, опубликованных В.М. Бехтеревым на рубеже XIX—XX вв.²

Как бы то ни было, заканчивая в 1938 г. медицинский техникум, Юрий Кнорозов всерьез мечтал продолжить обучение на медицинском факультете Харьковского университета у ученика В.М. Бехтерева, тоже психиатра и психоневролога Константина Ивановича Платонова — основателя харьковской школы психотерапии, внесшего огромный вклад в понимание сущности гипноза. Однако в силу неизвестных обстоятельств, Кнорозов неожиданно поступил на истфак Харьковского университета, где успешно успел закончить 3-й курс. Война и оккупация прервали занятия в университете, но Кнорозов не терял время

¹ Бехтерев В.М. Роль внушения в общественной жизни. Избранные труды по психологии личности. Т. 2: Объективное изучение личности. СПб., 1999. С. 218.

² Эти ключевые работы переизданы спустя практически столетие: Бехтерев В.М. Избранные труды по психологии личности. Т. 1—2. СПб., 1999.

даром: он полтора года прилежно изучал случайно сохранившийся у него классический учебник древнеегипетского языка А.Х. Гардинера, а когда обнаружил в издании 16 ошибок, понял — «этот язык он выучил». В 1943 г., выйдя из окружения, Кнорозов восстановился на истфаке, но уже в МГУ имени М.В. Ломоносова, где под руководством профессора С.А. Токарева начал специализироваться по теме «первобытная религия». Оказавшись в 1946 г. в экспедиции С.П. Толстова в Средней Азии, он смог на практике в качестве наблюдателя изучать шаманские зикры. Темой его дипломной работы и первой публикации в журнале «Советская этнография» и стал обряд прорицания в Мазаре Шамун-наби³.

Но Кнорозова интересовала не столько традиционная этнография, сколько работа головного мозга человека в измененных состояниях сознания, а также проявления коллективного религиозного психоза. Понятно его поведение во время зикра, который он наблюдал с безстрастием психиатра, не поддаваясь на очевидные приемы шамана подчинить студента своему влиянию и напугать. Уже чувствуется знакомство Кнорозова со статьей В.М. Бехтерева «Роль внушения в общественной жизни», где психиатр детально анализирует известные в истории случаи массовой религиозной истерии, галлюцинаций и психопатических эпидемий, а также поведение людей в обычных религиозных практиках.

Затем следует почти хрестоматийная история о том, как в руках студента Юрия Кнорозова неожиданно оказывается опубликованная в 1945 г. статья немецкого ученого П. Шелльхаса, в которой тот приходит к выводу, что «дешифровка письма майя — неразрешимая проблема». В ответ Кнорозов заявляет, что «неразрешимых проблем не существует. То, что придумал один человеческий мозг, не может не разгадать другой». И после этого (по его собственным словам, чуть ли не на спор) приступает к дешифровке, которая считается завершённой к 1952 г., когда выходит в свет первая его публикация о письменности майя⁴

Однако, как показывают воспоминания Кнорозова и его современников, а также анализ документов того времени, еще будучи студентом-третьекурсником (но уже исследователем) в том самом 1943 г. он интересовался иной проблемой и свою главную задачу видел в разработке

³ Кнорозов Ю.В. Мазар Шамун-наби // Советская этнография. 1949. № 2. С. 86—97.

⁴ Кнорозов Ю.В. Древняя письменность Центральной Америки // Советская этнография. 1952. № 3. С. 100—118.

«теории коллектива», предполагавшей выявление законов, по которым строится, развивается и управляется человеческое сообщество. И вновь мы видим признаки того, что Кнорозов обращается к работам Бехтерева, в частности к публикации «Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки»⁵. В ней Бехтерев полемизирует с А. Копельманом⁶. Последний использует термин «коллектив» для обозначения «общественного единства» или множества таких «единств в цивилизованных народах» и понимает под коллективом «всякую групповую единицу, объединенную происходящим в ней процессом установления психического единства», «слияние психик», «образующих единую коллективную душу»⁷. Сам же Бехтерев придерживается общепринятого понятия «общество», по определению предполагающего «внутреннюю связь между отдельными лицами». Дискуссия по поводу этой идеи оказалась продуктивной. Так, у К.Г. Юнга очень скоро появится идея «коллективного бессознательного» (этот термин он применит в 1916 г. в статье «Структура бессознательного»), а несколько позже Л.Н. Гумилев разработает «пассионарную теорию этногенеза», или «теорию пассионарности» как движущей силы истории⁸.

Ю.В. Кнорозов также не оставил дискуссии психиатров без внимания, но применительно к «теории коллектива». В своих размышлениях он отталкивался от примеров племенных мужских союзов, которые по мере развития цивилизации трансформировались в закрытые сообщества, претендовавшие на власть и манипулировавшие народом при помощи различных психотехник и коммуникативных приемов. Как писал В.М. Бехтерев, «в задачи общественной психологии должно входить выявление того, как в массе лиц, составляющих одно общество, проявляется эмотивный элемент, т. н. настроение и аффекты, а равно и общественная впечатлительность, как проявляется ассоциативная и интеллектуальная деятельности масс лиц, соединенных в одно общество, и в каких формах обнаруживается действие массы тех же лиц».⁹ На Кнорозова явно оказала влияние и статья Бехтерева «Роль внушения в общественной жизни»; в ней автор приходит к выводу, что «внушение является важным социальным фактором, который играет

⁵ Доклад на открытии психологической секции совета Психоневрологического института 20 февраля 1910 г.

⁶ Копельман А. Чем должна быть коллективная психология? Введение к работам по коллективной психологии. Одесса, 1908.

⁷ Бехтерев В.М. Роль внушения в общественной жизни... С. 79.

⁸ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

⁹ Бехтерев В.М. Предмет и задачи общественной психологии... // Он же. Роль внушения в общественной жизни... С. 85.

видную роль не только в жизни каждого отдельного лица и в его воспитании, но и в жизни целых народов... Можно сказать, что вряд ли вообще совершалось в мире какое-либо из великих исторических событий, в котором более или менее видная роль не выпадала бы на долю внушения или самовнушения»¹⁰. Примерами реализации сообществ, сумевших подчинить себе при помощи внушения определенных идей большие группы и целые народы, молодой Кнорозов считал такие исторически успешные организации как, орден иезуитов, церковь мормонов и, наконец, КПСС¹¹.

Еще одна тема, которой он активно интересовался в студенческие годы, — «закон Геккеля», согласно которому онтогенез повторяет филогенез, т. е. развитие человека повторяет антропогенез. В те времена его чрезвычайно заинтересовала книга К. Чуковского «От двух до пяти», в которой он увидел кладезь идей для понимания схемы становления человеческого мышления и языка. Позже Кнорозов сказал о ней: «...глубоко научная книга и все написанное в ней — это аксиомы человековедения» для подтверждения общей теории коммуникации. Но и данный сюжет явно перекликается со статьями Бехтерева, в частности со статьей «Первоначальная эволюция детского рисунка в объективном изучении»¹², где он анализирует возрастную эволюцию детского рисунка (объекты и способы передачи образов, соотношение пропорций, появление перспективы), проводя исследование на примере своих дочерей и детей знакомых и начиная с рисунков самого раннего возраста до вполне сложившегося «взрослого» изображения, а затем сопоставляет детские рисунки с рисунками психически больных людей, с «доисторическим» искусством, находя общие приемы и подходы.

В.М. Бехтерев первым предположил, что биогенетический закон рекапитуляции Геккеля можно использовать для характеристики не только биологических подсистем, но и социальных. Антрополог В.П. Алексеев, ссылаясь на работу биолога И.И. Мечникова о рудиментах человеческой психики¹³, отмечал: «Такой подход уже имеет свою историю... Теоретическим основанием для подобного перехода является распространение на психическую сферу закона рекапитуляции Бэра—Дарвина—Геккеля—Мюллера. Эта закономерность обна-

¹⁰ Бехтерев В.М. Роль внушения... С. 218.

¹¹ Об этом упоминал в беседах со мной и сам Кнорозов, и его племянники. Кроме того, есть воспоминания А.М. Пятигорского и В.В. Иванова со ссылкой на Л. Гумилева и В. Берестова.

¹² Бехтерев В.М. Роль внушения в общественной жизни... С. 99—150.

¹³ Мечников И.И. Рудименты человеческой психики в некоторых физиологических и психических актах // Мир божий. № 11. 1904. С. 1—17.

руживает ряд исключений уже в морфологической сфере. Тем более очевидна сложность реконструкции этапов и последовательности филогенетического развития с опорой на этапы онтогенеза в сфере психики. Методически верно, видимо, ограничиваться пока лишь элементарными мыслительными структурами и непременно корректировать реконструкцию хронологии и образования в антропогенезе археологическими, а иногда палеоэтнологическими данными¹⁴.

Ю.В. Кнорозов, судя по всему, был знаком с работами и В.М. Бехтерева и И.И. Мечникова и потому обратился к закону рекапитуляции применительно к анализу развития и деятельности головного мозга человека. Он особенно выделял 6-летний возраст, отражавший качественно новый этап в онтогенезе. С этого возраста ребенок начинает самостоятельно управлять своим поведением на основе вербально обобщенной предварительной инструкции, его речь становится полноценной. Известно, что если до 6 лет ребенок не имел возможности овладеть речью, то эта способность, как и способность выполнения многих других полноценных интеллектуальных функций, закрывается для него навсегда. В изобразительном творчестве этот этап связан с возникновением перспективы. Кнорозов полагал, что этому этапу онтогенеза на уровне филогенеза соответствует этап возникновения раннегосударственных образований.

Кнорозов поручал всем собирать детские рисунки с неизменным указанием возраста и пола ребенка. Эта тема, как развитие тезисов Бехтерева, воплотилась отчасти в его статье о палеолитических изображениях¹⁵. Исследователь применил «закон Геккеля» к интеллектуальному развитию, дополнив тезисом об «обратно-пропорциональной скорости процессов рекапитуляции». Здесь для него особый интерес представляли выводы Бехтерева о том, что внушение в детском возрасте обладает мощнейшим влиянием на личность человека всю его жизнь. По мере взросления степень воздействия внушения на развитую личность существенно снижается. Чем примитивнее и неразвитее личность, тем в большей степени она остается подверженной внушению. Рассмотрев это качество с позиций «закона Геккеля», можно сделать выводы о том, каким образом в древности коллектив безоговорочно подчинялся воле лидера или мужской организации, тайного союза. Позиции Кнорозова перекликаются с позициями Бехтерева, запечатленными в статье «Внушение и воспитание»: «Вряд ли нужно здесь входить в подроб-

¹⁴ Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1984. С. 257—258.

¹⁵ Кнорозов Ю.В. К вопросу о генезисе палеолитических изображений // Советская этнография. 1976. № 2. С. 99—102.

ности того, чем обуславливается вообще детская впечатлительность и поразительная детская внушаемость. Достаточно сказать, что основой ее, как надо думать, являются, с одной стороны, недостаточно развитые задерживающие механизмы в центрах и, с другой — недостаточная опытность, отсутствие прочно сложившегося мировоззрения, а также слабо развитая критическая способность детей, благодаря чему они легко принимают на веру то, что взрослые встречают с критикой рассудка. В помощь этому служит также привычное признание авторитетности за старшими, действия и слова которых обычно и служат предметом детской подражательности и внушения¹⁶. Признанное в истории явление патерналистского общества может быть воспринято как своеобразное социальное проявление «закона Геккеля», что, по видимому, ощущал и сам Бехтерев (не случайно его статья при публикации следует единой говорящей логике: «Первоначальная эволюция детского рисунка...», «Внушение и воспитание», «Роль внушения в общественной жизни», написанная ранее других, в 1898 г., наподобие некой программы для дальнейшего развития).

Ключевой темой для Ю.В. Кнорозова было функционирование головного мозга человека во всех его аспектах. Похоже, что он отталкивался от темы гипноза, ориентируясь на работы В.М. Бехтерева и К.И. Платонова. О его способности к внушению образов вспоминает его племянница, над которой в раннем детстве он, будучи студентом, проводил гипнотические опыты¹⁷. Известно также, что в юности Кнорозов практиковал «целительство накладыванием рук»¹⁸, избавляя от головных и зубных болей соседей в поселке Южный, где родился и жил до 1943 г. (правда, сам он почти никому об этом не рассказывал).

Вероятно, не без влияния собственного опыта участия в шаманском зикре Кнорозов пришел к идее фасцинации (завораживания)¹⁹.

¹⁶ Бехтерев В.М. Внушение и воспитание // Он же. Роль внушения в общественной жизни... С. 158. (Доклад на 1-м международном Педагогическом конгрессе в Брюсселе в августе 1911 г.)

¹⁷ Внушал дистанционно, что к девочке через балкон лезут белые обезьяны, и та просыпалась с криком.

¹⁸ Об этом вспоминают и поныне живущие в доме Валентина Кнорозова в пос. Южном родственники Ю.В.

¹⁹ Термин, вероятно, взят из классического примера из области этологии на французском языке («судав фасцинирует соловья»). Первое использование термина в психиатрии XIX в. подразумевало под фасцинацией «сосредоточение взгляда гипнотизируемого на гипнотизирующем или на специальном предмете (блестящий металлический шарик)», с чем перекликается выражение «уставиться как замороженный». При публикации одной из первых совместных статей (Ериова Г.Г., Кнорозов Ю.В. Прорицание жреца // Латинская Америка. 1983. № 3) Ю.В. Кнорозов предложил мне найти наиболее адекват-

Это состояние привлекало его, так как позволяло понять внутренний механизм подчинения человека или группы людей индуктору без явного навязывания особых состояний. Толчком для теоретического развития темы послужили, по всей видимости, те же статьи В.М. Бехтерева, где он рассуждает на тему «внушения», которое не всегда сопряжено с классическим гипнозом и происходит «незаметно для лица, на которое оно действует, а потому обыкновенно и не вызывает с его стороны никакого сопротивления. Правда, оно действует редко сразу, чаще же медленно, но зато верно укрепляется в психической сфере»²⁰. Бехтерев приходит к выводу: «...есть полное основание думать, что это применение происходит исключительно при посредстве органов чувств»²¹. Далее следует пассаж, перекликающийся с интересами Кнорозова и касающийся «передачи мыслей на расстоянии»; его Бехтерев заканчивает мыслью о том, что при «настоящем состоянии наших знаний» эта практика «является совершенно недоказанной»²², делает вывод: «Таким образом, отбросив всякое предположение о возможности телепатической передачи идей на расстоянии, мы вынуждены остановиться на мысли, что прививка психических состояний от одного лица другому может передаваться теми же путями, как передается вообще влияние одного лица на другое, т. е. при посредстве органов чувств»²³. Далее он перечисляет: слух и зрение (словесное внушение, мимика и жесты, «зрительное внушение»), «осязательное и мышечное чувство», «органы обоняния и вкуса», «передачу патологических явлений» (аффекты и настроения), включая панику как выражение инстинкта самосохранения. В статье о воспитании Бехтерев объясняет, как ребенок неосознанно поддается влиянию и поведенческой коррекции через воздействие живописи, музыки, литературы и подражание примерам поведения.

Наконец, он развивает свою мысль до действий воодушевленной толпы: «Почему толпа движется, не зная препятствий, по одному мановению руки своего вожака, почему она издает одни и те же клики, почему действует в одном направлении, как по команде? Этот вопрос занимал умы многих авторов, вызывая довольно разноречивые ответы.... Не может подлежать никакому сомнению могущественное дей-

ный перевод термина «фасцинация», так как стремился избегать избытка иноязычных терминов (следуя своей же концепции фасцинации). Вариант «завораживание» был им одобрен и использовался в дальнейшем.

²⁰ Бехтерев В.М. Роль внушения в общественной жизни... С. 176.

²¹ Там же. С. 177.

²² Там же.

²³ Там же.

ствии в толпе взаимного внушения, которое возбуждает у отдельных членов толпы одни и те же чувства, поддерживает одно и то же настроение, укрепляет объединяющую их мысль и поднимает активность отдельных членов до необычайной степени. Благодаря этому самовнушению отдельные члены как бы наэлектризовываются, и те чувства, которые испытывают отдельные лица, нарастают до необычайной степени напряжения, делая толпу существом могучим, сила которого растет вместе с возвышением чувств отдельных ее членов. Только этим путем, путем взаимовнушения, и можно себе объяснить успех тех знаменательных исторических событий, когда нестройные толпы народа, воодушевленные одной общей идеей, заставляли уступать хорошо вооруженные и дисциплинированные войска, действовавшие без достаточного воодушевления. Одним из примеров таких исторических подвигов народных масс, воодушевленных общей идеей, может служить взятие Бастилии...»²⁴.

Кнорозов не мог оставить без внимания столь важный феномен коллективной психической деятельности человека, который он связывал с идеей фасцинации. Поразительно, но опубликованные в 1962 г. тезисы о фасцинации в полстраницы стали в современном информационном пространстве объектом обсуждения на уровне глобальной теории. Исходная информация о докладе «Об изучении фасцинации» на Научном совещании, посвященном применению математических методов в изучении языка художественных произведений²⁵, выглядела так: «Под фасцинацией докладчик понимает такое действие сигнала, при котором ранее принятая информация полностью или частично стирается. В частности, таким фасцинирующим воздействием обладает ритм. Как известно, мозг вырабатывает антирезонансную защиту, поэтому интересно проследить, по каким линиям идет преодоление этой антирезонансной защиты. Докладчик обсудил следующие возможности: а) действуют три ряда раздражителей, например равномерное повторение ударных и безударных слогов, повторение рифм, повторение строфических форм; б) поэт сознательно отходит от заданной метрической схемы; в) применяются замедления и ускорения.

Далее докладчик обращается к историческому развитию фасцинации, намечая следующие этапы: 1) раздельная подача фасцинирующих и информирующих сигналов; 2) повторение фасцинации в каждом сиг-

²⁴ Бехтерев В.М. Роль внушения... С. 215

²⁵ Организаторами совещания были: Историко-филологический факультет Горьковского университета и Группа прикладной лингвистики и машинного перевода Горьковского физико-технического института.

нале; 3) единицы fasciniрующего ряда не совпадают с единицами сигнального ряда.

Эту мысль докладчик иллюстрировал на примере развития инструментальной музыки, пения и поэзии из первобытного синкретизма.

В конце доклада Ю.В. Кнорозов остановился на том, что он называет «семантической fascинацией». Он считает, что неясность, многозначность описания действует как сильнейшее fasciniрующее средство. Искусство собственно и начинается с семантической fascинации, с того момента, когда человек сделал великое открытие возможности выдумки. В качестве средства семантической fascинации выступают выдуманные события и мнимые личности»²⁶.

Ю.В. Кнорозов, вводя понятие «fascинация», вскрыл сущность механизма формально вегипнотического (без введения в состояние сна) внушения определенного рода действий путем неосознанного стирания контроля у реципиента. О механизмах этого явления с точки зрения психиатрии писал и талантливый психиатр и психотерапевт, ученик К.И. Платонова, Л.П. Гримак (его статья по данной проблеме помещена в конце сборника).

Тема работы головного мозга человека интересовала Ю.В. Кнорозова и с иной темой, сопряженной отчасти с fascинацией: это была другая его знаменитая теория — «теория сигнализации». Исследователь анализировал то, что стало основой речи: как и на каком этапе формируется двоякий сигнал, позволяющий создать неограниченный коммуникативный репертуар. В этом он шел параллельным курсом с теми, кто разрабатывал бинарные методики компьютерной информатики, и с последователями возникшего в 1960-е гг. направления психофизиологии, связанного с асимметрией головного мозга. На основе этого «неисторического» научного направления Кнорозов создал «теорию сигнализации», предложив в основополагающей статье «К вопросу о классификации сигнализации» схему формирования нового типа сигнала левым, систематизирующим пространство и время, полушарием головного мозга²⁷. В кратком изложении его позиция выглядит следующим образом.

Информационное пространство начинает формироваться и усложняться в соответствии с принципом дуальной оппозиции за счет сдвигания сигнала (при единых исходных условиях наличия у *sapiens* около 40 фонем: гласных и согласных), что позволяет резко увеличить ком-

²⁶ Кнорозов Ю.В. Об изучении fascинации // Вопросы языкознания. 1962. № 1. С. 163.

²⁷ Кнорозов Ю.В. К вопросу о классификации сигнализации // Основные проблемы африканистики. М.: Наука, 1973. С. 324—334.

муникативную возможность. Все системы неживой и живой природы подчиняются общим закономерностям, действующим во Вселенной («универсальной системе»); одна из них, присущая всем системам, — тенденция к развитию от низших форм к высшим. Развитие можно интерпретировать как приобретение данной системой в определенной степени некоторых свойств «универсальной системы». Ассоциация людей не является дальнейшим развитием или высшей формой объединения животных, а представляет собой следующий тип дифференцированной системы, т. е. объединение объединений. Сигналы, возникающие в ассоциации для координации действий ее членов, можно рассматривать как частный случай физического воздействия. Расчленение ситуации на триаду *субъект—действие—объект* потребовало увеличения количества сигналов. Это увеличение пошло по пути их сдвигания, что, в свою очередь, привело к созданию сигнализации принципиально нового типа — языка, с его громадной избыточностью. Кроме того, расчленение ситуации обусловило возможность моделировать ее, т. е. сообщать о ситуации, которая была бы такой, которая могла бы быть, а также о ситуации, которой вообще не может быть. В связи с этим основной функцией языка становится моделирующая (помимо прежней коммуникативной). Мышление (внутреннее немое воспроизведение сигнального ряда) в основном является моделированием ситуаций²⁸.

Ю.В. Кнорозов увязывает синхронное становление речевой функции с развитием абстрактного моделирующего мышления и усложнением человеческой деятельности и формированием коллектива (сообщества, действующего в направлении единой цели). По его мнению, возникновение формы коммуникации, отражающей принципиально новую модель деятельности головного мозга (когда сигнал не привязан к немедленной реакции и даже передает ситуации, которых не может быть в принципе), — главный признак выделения человеческого коллектива из зоосистемы.

Примечательно, что, несмотря на заслуги в области дешифровки письма майя, Ю.В. Кнорозову приходилось формально оправдывать свои занятия головным мозгом. При содействии Вяч.В. Иванова был даже создан специальный Совет при Президиуме АН по комплексной проблеме «Мозг» и Совет по дешифровке, который возглавил Кнорозов, обретя легальную возможность заниматься своими исследованиями. Многим были непонятны связи между интересовавшими его областями знаний. Даже такая «американистская» проблема, как заселение Америки, на самом деле работала совсем на иную цель: Кнорозову

²⁸ Кнорозов Ю.В. К вопросу о классификации сигнализации. С. 328.

было интересно, как возникала и развивалась цивилизация в условиях изоляции от привычных культур Старого Света, где все феномены восходят к общим индоевропейским корням, поскольку доказательно вычленив какой-либо автохтонный культурный или лингвистический элемент в этом регионе невозможно²⁹.

Не исключено, что на поиски в указанном направлении Кнорозова подтолкнула подробно изученная еще во время учебы на истфаке работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Утверждения Энгельса об отсутствии в Новом Свете дикости, на которой находились американские аборигены, стали для Кнорозова толчком к размышлениям и к опасному в конце 1940-х гг. пересмотру идеологической догмы марксизма. Кнорозов пошел на это, хотя коллега и друг Л. Гумилев был арестован буквально на его глазах и многим было неясно, зачем он ввязывается в «чужие» сюжеты, когда можно ограничиться дешифровкой письменности майя. А он выстраивал фундамент «теории коллектива», и ни одна из самых разнообразных тем, которыми он занимался, не была для него лишней или неуместной.

В.В. Иванов в интервью для фильма о Кнорозове так характеризует его существование в науке: «У меня, конечно, было ощущение, что он чувствовал себя изгоем в нашей науке с некоторым основанием. Основание это было такое, что он, конечно, много знал и понимал из тех сфер знания, что сейчас называют культурной антропологией. Чем он занимался? Культурной антропологией, семиотикой культуры, культурологией в широком смысле, ну и более конкретно — историей письма или историей в той мере, в какой она нужна. Скажем, про остров Пасхи он знал довольно много. У него было много своих гипотез (верных или неверных — другой вопрос)... относительно разных культур и их истории... он был человек одинокий, потому что обладал энциклопедически широким умом. Кругом были узкие специалисты, которые не понимали его больших познаний, не обладали пониманием многого из его результатов в конкретных областях. Я думаю, что его отрицательное отношение ко многим таким официальным ученым было правильным, объективным — ну и, кроме того, ядовитым. Я думаю, что поскольку про многих он знал, что они вовсе и не ученые, а как бы себя выдают за ученых»³⁰.

²⁹ Кнорозов Ю.В. К вопросу о связях доколониальной Америки со Старым Светом // Латинская Америка. 1986. № 1. С. 84—98.

³⁰ Интервью с В.В. Ивановым записано в 2007 г. в пос. Перedelкино для фильма о Ю.В. Кнорозове, выпущенного кинокомпанией «Неизвестная планета».

Если попробовать выстроить схему, по которой Кнорозов шел к реализации своей главной задачи, то выйдет примерно следующее.

ТЕОРИЯ КОЛЛЕКТИВА

МОЗГ		ФОРМА КОЛЛЕКТИВА (дуальная)
ЗАКОН ГЕККЕЛЯ (онтогенез-антропогенез)		
ИСС ритмика гипноз внушаемость фасцинация — звуковая — музыкальная — речевая — зрительная — семантическая	СИГНАЛИЗАЦИЯ коммуникация информация ритмика подражание речь жест изображение язык, независимое развитие поэзия, ритмика, музыка	Живая система: организм — объединение Типы систем: 1) множество = 2 подмножества 2) эосообщество разных видов 3) объединение особей одного вида в единой цели

В рамках мультидисциплинарного исследования возможно обозначить конкретные объекты, темы, области научных интересов, в рамках которых работал Ю.В. Кнорозов, обращаясь к междисциплинарности в той или иной мере, без учета приоритетов:

Области научных интересов Ю.В. Кнорозова		
Теория коллектива	Работа головного мозга	Детский рисунок
Теория систем	Сигнализация	Знаковые системы
Развитие цивилизации	Коммуникация	Знак
История	Семантика	Письмо
Этнография	Семиотика	Иероглифическое письмо
Этногенез	Дуальность	Дешифровка древних систем письма
Антропология	Психофизиология	Циркумпацифика
Эволюционная теория	Психиатрия	Курильские острова
Закон Геккеля	Измененное состояние сознания	Использование ЭВМ
Биология	Фасцинация	Математический анализ
Этология	Гипноз	Астрономия и астрофизика
Лингвистика	Религиозное сознание	Военное дело
Культурология	Религиозные практики	Археология
Племенные организации	Письмо	Почерковедение
Репродукция	Живопись	Криминалистика
Модель мира	Поэзия	Палеография
Формирование коллектива	Музыка	Каллиграфия
Заселение Америки		

Ю.В. Кнорозов не успел закончить свою главную работу — теорию коллектива. Она осталась лишь в кратких, на одну страничку, планах и устных комментариях. Когда я в 1997 г. начала работать над теорией самоорганизации антропосистемы³¹, он отнесся к этому, неожиданно для меня, с большим интересом. Любопытно, но я повторила отчасти путь своего учителя: начав с шаманских практик, уперлась в проблему головного мозга. Но вышла на концепцию «функциональной асимметрии головного мозга» благодаря Л.П. Гримаку (ученику К.И. Платонова, у которого в свое время мечтал учиться Ю.В. Кнорозов; все эти совпадения открылись уже после смерти и Кнорозова, и Гримака). Принцип функциональной асимметрии головного мозга позволил мне выстроить теорию самоорганизации антропосистем³².

Человечество Земли представляет собой единую биосоциальную систему (антропосистему, АС), базовая составляющая единица которой — человек разумный. Человек является и носителем, и создателем научных знаний, преобразовывающих АС. От него зависит прогрессивное развитие АС, при котором обеспечивается стабильное увеличение средней продолжительности жизни населения (единственный критерий оценки прогресса). Проблема самоорганизации АС была рассмотрена мною в предыдущих публикациях, однако для полноценного восприятия предлагаемой схемы необходимо кратко повторить основные положения теории АС³³.

Антропосистема подразумевает все человечество, организованное для освоения земного пространства. Это открытая самоорганизующаяся система, стремящаяся к устойчивости. Она делится на подсистемы (территориальные объединения людей), каждая из которых следует по пути цивилизации с разной скоростью, но по единым законам и к единой цели: увеличение средней продолжительности жизни через познание и целенаправленное артефактное совершенствование окру-

³¹ См.: *Ершова Г.Г.* Феномен «общего» в культурах Старого и Нового света // Системные исследования внемосковской древних культур Сибири и Северной Америки. Вып. 3. СПб., 1996; *Она же.* Становление речи и создание древним человеком модели мира // Там же; *Она же.* К проблеме симметрично-асимметричной организации мозга в контексте антропогеоэкологии // Мир психологии. 1999. № 1. С. 63—74; *Она же.* Асимметрия функций как механизм самоорганизации усложняющихся систем (К проблеме самоорганизации антропосистемы) // Пространства жизни. К 85-летию академика Б.В. Раушенбаха. М., 1999. С. 323—353.

³² *Ершова Г.Г.* Асимметрия зеркального мира. М., 2003.

³³ *Ершова Г.Г.* Асимметрия функций как механизм самоорганизации усложняющихся систем (К проблеме самоорганизации антропосистемы) // Пространства жизни. К 85-летию академика Б.В. Раушенбаха. М.: Наука, 1999, С. 323—353; *Ершова Г.Г.* Асимметрия зеркального мира. М.: Изд-во РГГУ, 2003.

жающего мира. Это подразумевает не только потребление энергоресурсов и разработку моделей адаптации к окружающей среде, но и совершенствование самоорганизации, вплоть до политических схем. Этой целью определяется роль научного знания — базового фактора самоорганизации АС, в котором все большее значение приобретает меж- и мультидисциплинарность.

АС — не просто собрание отдельных людей, а, по определению Ю.В. Кнорозова, человеческий коллектив, постоянно самоорганизующийся и развивающийся на протяжении своей истории. Формально АС возникает с появлением первых разрозненных сообществ собирателей и примитивных охотников. Процесс преобразований АС непрерывен, а дискретность является только кажущейся, когда наблюдателю неясен принцип развития. Самоорганизация осуществляется на базе двух функций³⁴: функции сохранения исходного состояния системы и функции изменения состояния системы. Борьба и единство асимметричных функций (сохранения и изменения) саморазвивающегося объекта, выражающиеся в постоянном противоречии (смене взаимозависимых форм) между функциональной асимметрией и морфологической симметрией, которая в каждой системе и подсистеме имеет собственное выражение, но сходные типологические характеристики, является тем общим механизмом, который организует и вместе с тем заставляет изменяться неорганический и органический мир, биосферу — и АС. При этом абсолютное преобладание любой из обеих функций (сохранения или изменения) приводит к разрушению системы.

Модель самоорганизации АС можно сформулировать так: «Развивающаяся система постоянно стремится к устойчивости, выражающейся в симметрии формы, внутри которой и развивается ее функциональная асимметрия, которая неизбежно приводит к разрушению сложившейся морфологической симметрии, по достижении чего система изменяет свое состояние на качественно новое, предопределяющее возникновение иной формы морфологической симметрии, внутри которой параллельно развивается и качественно новый уровень функциональной асимметрии». Таким образом, основным принципом самоорганизации любой системы, в том числе АС, становится движение. В результате мы получаем бесконечное чередование циклов качественных переходов от старой формы к новому содержанию и к новой форме (от атома до сложной АС).

³⁴ Определение терминов (в частности, «функция») в предлагаемой теории заимствовано в основном из биологии.

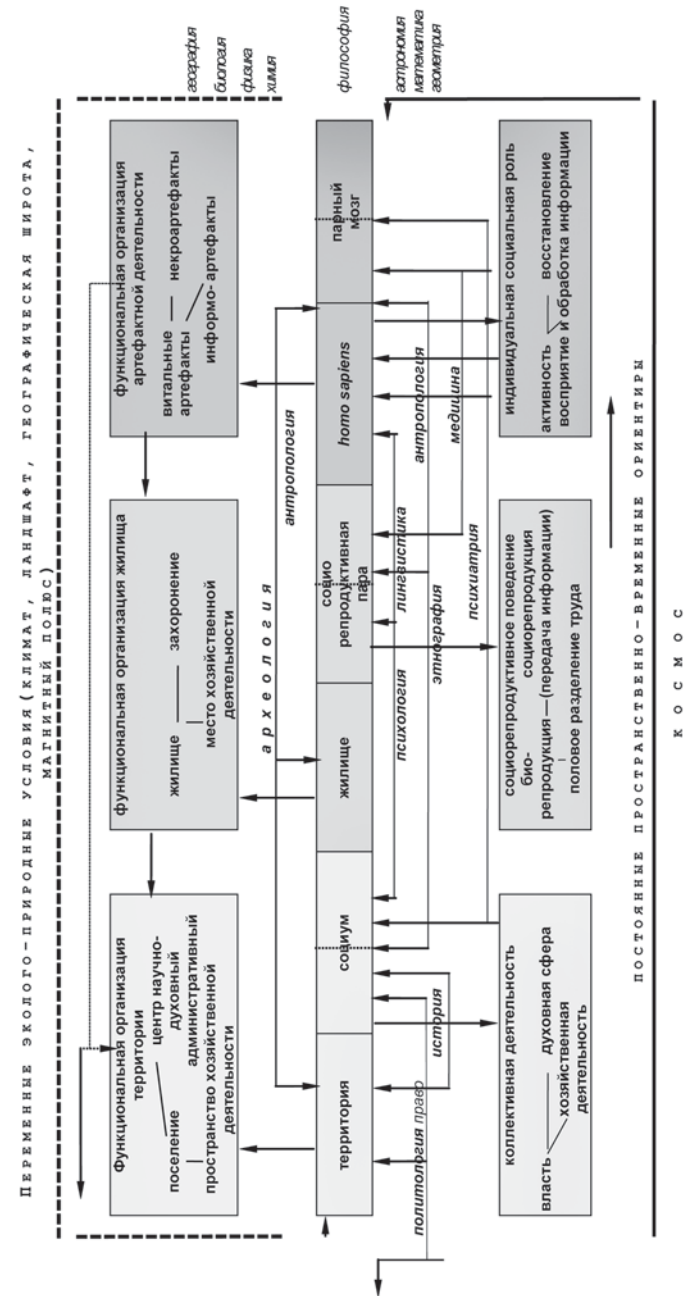
Набор атомов во Вселенной бесконечен, насколько бесконечна Вселенная. А если допустить, что Вселенная — всего лишь производное некой пока непознаваемой (но существующей) «материнской макросистемы», функционирующей, возможно, на основе более мелких частиц, нежели атом, то бесконечность начальных «кирпичиков» становится еще больше. В создании АС (даже если начать счет с нашей Галактики и лишь потом — Солнечной системы и Земли) задействовано ничтожно малое количество от наполняющих Вселенную элементов микрокосма. Тем не менее именно поэтапная самоорганизация «кирпичиков» дает пример того, что сложная система (АС) не является наращиваемым количественным соединением составных элементов, а представляет собой цепочку качественных преобразований на основе практически неизменной базы исходных элементов. На все эксперименты Космос использует только то, что есть в нашем сегменте Вселенной. Ограниченная часть предназначена для развития, определенная часть идет на энергообеспечение (от кислородного питания до энергоносителей) и воспроизводство. Основной «компот» остается неизменным.

С возникновением АС — коллектива *Homo sapiens* — процесс самоорганизации приобретает целенаправленный с какого-то момента характер, управляемый научным знанием, поскольку никакое целенаправленное преобразование невозможно без исходного знания об объекте преобразования. Чем сложнее система, тем активнее влияет на скорость протекания процесса развития асимметрии все большее число параметров внешней среды, поскольку естественным образом каждый составной элемент включается в горизонтальные связи с гомогенными и гетерогенными по отношению к себе подсистемами. Тем самым усложняется потенциальное знание о структуре и принципах действия этой системы.

АС состоит из трех уровней, в каждый из которых входят бинарный функционально оппозиционный элемент, дополненный третьим, кажущимся «несистемным» пространственным элементом:

1) головной мозг, морфологически (относительно) симметричный и обладающий функциональной асимметрией полушарий, где правое отвечает за сохранение состояния системы, а левое — за изменение состояния системы. Третьим, естественным, пространственным компонентом является сам человек, реализующий задачи мозга. Ю.В. Кнорозов придавал мозгу центральное значение в выстраивании «коллектива», а также блестяще показал механику действия мозга в целях создания «коллективов». Головной мозг, возникший и развившийся в процессе эволюции, является базовым элементом АС. Поначалу он лишь управляет организмом и накапливает информацию об окружающей среде, а с

Антропосистема

появлением человека становится генератором новых знаний, напрямую используемых для преобразования окружающей среды. Головной мозг человека — тот уровень АС, когда спонтанное в живом мире стыкуется с сознательным, что создает принципиально новую реальность в существовании Космоса. Он возникает как элемент живой системы, который сознательно преобразовывает ее саму;

2) функционально асимметричная социорепродуктивная пара, где за женским компонентом закреплена системосохраняющая роль, а за мужским — системоизменяющая. Социорепродуктивная пара (проявляющаяся в разных формах семьи) реализует свои функции на артефактном пространстве жилища-хозяйства. Воспроизведенный в социорепродуктивной паре новый член общества обязан не только усвоить интеллектуальный багаж предыдущих поколений, но и привнести что-то новое (иначе не обеспечивается поступательное развитие общества);

3) функционально асимметричный социум (общество), в котором системосохраняющая роль принадлежит народу, а системоизменяющая делегируется специально выделенной группе — власти. Естественно-условным пространством реализации функций социума является территориальное пространство.

Социосистема возникает при объединении социорепродуктивных пар с целью организации, с одной стороны, генетически полноценной репродукции, а с другой — для совершенствования системы выживания популяции в условиях агрессивной среды (природной и социальной), вырабатывая навыки активной адаптации. В завершённом виде социум представляет собой исторически сложившийся и обладающий фиксированной территорией коллектив, имеющий самостоятельную систему хозяйствования, права и власти. Каждый социум проходит множество этапов и стадий (от общины до союза государств), некоторые из них могут оказаться в определенный период тупиковыми или регрессивными. Эти подсистемы структурировал Ю.В. Кнорозов.

Без третьего («несистемного») территориального компонента невозможна никакая дуальная функциональная асимметрия ни на одном из уровней. Данное утверждение верно уже потому, что именно территориальный компонент является фактором энергообеспечения каждого из уровней, обладая характерной для каждого уровня спецификой: для человека это — питание, для социорепродуктивной пары — питание и экстенсивная хозяйственная деятельность, для социума — усложняющаяся по пути интенсификации освоения территории хозяйственная деятельность. Пространственный компонент выступает и в качестве катализатора (или ингибитора) процессов внутри своей функциональной системы.

Этот принцип определил исторические формы (по принципу объединения меньших в большее) базовых подсистем АС: территориальные образования, которые в настоящее время воплощены в существующих государствах. Внутри государств продолжают сохраняться исторически существовавшие ранее единицы в виде экстенсивно осваивавшихся этнотерриториальных объединений разного типа. Очевидно, что процесс укрупнения территориальных объединений продолжается, приводя к появлению блоков стран, создающих единую систему управления энергоресурсами.

Усложнение АС идет по пути все большего возникновения промежуточных подсистем между конечными пунктами, связи между которыми развиваются не только вертикально, но и горизонтально, образуя систему взаимонакладывающихся сетей. Так, не являются тождественными подсистемы расового, этнического, религиозного, культурного, территориального, хозяйственного, производственного и государственного единства, хотя все вместе они имеют в большей или меньшей степени точки совмещения и формируют, в конечном счете, структуру единой АС.

Каждая из возможных подсистем имеет собственную внутреннюю многоэтапную динамику развития, отражающую количественные изменения параметров. Более продвинутая подсистема, как правило, включает в себя синхронно сосуществующие менее сложные образования разных уровней (но не менее общины), которые способны соседствовать относительно независимо, модифицироваться, развиваться, интегрироваться в другие образования, а также паразитировать внутри своей надсистемы. Разрушение стабильности системы любого уровня может привести к ее временной деградации или дезинтеграции на составные элементы, стремящиеся реинтегрироваться в иные надсистемы.

На АС воздействуют две независимые от нее группы средовых факторов: константные и переменные. С одной стороны, это константная по отношению к Земле космическая (галактическая) средовая система, воздействующая непосредственно на человека и его мозг. Она программирует в человеке биоритмы и дает ему ориентиры пространства и времени, без которых невозможно ни развитие мышления, ни создание простейшей Модели мира. Ее развитие является базовым, упорядочивающим, фундаментом сознательной деятельности человека³⁵. Космос (как порядок) воздействует на АС непосредственно через анализаторы

³⁵ Базовые константы, которых в физическом и химическом мире мало, задаются Космосом. И одним из стимулов познания является поиск единой изначальной константы, к которой так или иначе привязаны остальные.

головного мозга человека; он познается рационально, открывая тем самым каждый раз новые возможности познания. С другой стороны, на АС воздействует гео-эколого-социальная среда: климат, ландшафт, природные условия, географическая широта, смена магнитного полюса, территориальная ограниченность и пр. Это переменная среда, также задаваемая Космосом, но изначально познаваема эмпирически. На ранних этапах развития, при относительной изолированности подсистем АС, эта среда характеризуется только как экосистема; по мере увеличения плотности расселения и интенсификации контактов она приобретает новые характеристики: соседство другого социума (как позитивное, так и негативное), а также артефактное преобразование среды, направленное на выравнивание степени ее изменчивости. Гео-экологическая переменная среда воздействует на территорию АС, какого бы уровня та ни достигала.

Ухудшение любого из параметров должно стимулировать поисковую активность, сформировать интеллектуальный прорыв и, желательнее, развить уровень мышления в популяции в целом. Все это совершенствует организацию социума в целях противостояния агрессивной среде. Изменения экологических условий, среды обитания, социального окружения могут играть роль как катализатора, так и ингибитора. При отказе от поисковой активности и генерирования научных знаний популяция (как система) обречена на гибель: физическое уничтожение, вымирание, рассеивание или диссимилиацию. Ю.В. Кнорозов не случайно во главу угла в любых ситуациях ставил интеллект. Решение проблем возможно лишь при достаточно высоком уровне ответа со стороны научного знания, в которое необходимо закладывать и решение тех проблем, которые возможны лишь потенциально. Тем самым одной из главных характеристик АС становится знание. А наука и передача знания превращаются в *эффектор* развития АС.

Чрезвычайно важное понятие эффектора в гуманитарные науки ввел экономист Б.Б. Леонтьев³⁶. По его определению, сознание, мышление и идеи — три неотделимых друг от друга исходных компонента преобразования природы и общества в новое материальное качество через действующее идеальное и в новое идеальное через действующее материальное. Развивая этот тезис, можно сказать, что в АС существует *социальный (исторический) эффектор* — механизм создания инновационных идей, обеспечивающий *движение и развитие АС. АС развивается только за счет появления новых идей, а не*

³⁶ Леонтьев Б.Б. Введение в теорию обновления общества. М., 1999.

позаимствованных старых, поэтому эффектор действенен лишь при первом использовании, а затем гасится в определенной прогрессии и быстро перестает работать у других пользователей. Принцип утраты инновационного эффекта при воспроизводстве применительно к рынкам был описан Б. Мандельброт³⁷. Те, кто создают эффектор (как Бехтерев или Кнорозов), остаются в истории великими учеными. Критерием и залогом развития общества становятся новые идеи, новые технологии, а их генерация и быстрое внедрение для получения экономического, социального эффекта и есть прогрессивное развитие общества, обеспечивающее увеличение продолжительности жизни.

Как соотносится идея социосистемного эффектора с теорией устойчивого развития АС, каковы характеристики не подсистем, а собственно АС, на оппозиции каких элементов выражается функциональная асимметрия этой системы, что следует определять как пространственный «несистемный» компонент? Мы исходим из того, что АС — это человечество, пространственный компонент — территория Земли. На какие функциональные группы в этом случае следует делить человечество? Логично предположить, что системосохраняющим фактором так или иначе становится большинство населения планеты. Идея сверхправительства, пусть даже мультигосударственного или какого-либо блокового, в качестве системоразвивающего фактора не соответствует и даже противоречит логике развития АС в силу исчезновения стимулирующих факторов противостояния подсистем ради защиты потенциальной территории выживания «своей популяции». Что же является единым для всего человечества фактором, способным обеспечить развитие на замкнутой территории с конечными энергоресурсами? Очевидно, что этим фактором не может быть ни политическая, ни творческая, ни духовная элита. Единственным возможным ответом: этим фактором становится глобальная научная элита, создающая всеобъемлющее научное знание. Его носителями становится надгосударственная часть человечества, относящаяся к создателям универсального знания, т. е. ученые. Таким образом, функциональная асимметрия завершенной фазы АС проявляется в оппозиции: население Земли — ученые. И Юрий Валентинович Кнорозов — яркий пример «первых ласточек» новой реальности антропосистемы, или «коллектива», изучению которого он посвятил свою жизнь.

³⁷ Мандельброт Б.Б., Хадсон Р.Л. (Не)послушные рынки: Фрактальная революция в финансах. М.; СПб.; Киев; Вильямс, 2006.

В.А. Шкуратов

Антропокультура и сапиентный диапазон эволюции: к проекту исторической психологии

Аннотация: *в статье излагаются соображения о состоянии и перспективах исторической психологии. К возможности изучать психологию людей прошлых эпох и делать прогнозы о будущем человека, заимствуя учения и приемы современной психологии, автор относится скептически. Он предлагает свой вариант психологического изучения прошлого. Суть подхода излагается на примере двух введенных им понятий: «антропокультура» и «сапиентный диапазон эволюции». Под антропокультурой понимается пространство взаимоотношений человека и культуры, под сапиентным диапазоном эволюции — время, в течение которого сохраняется антропокультурное равновесие между человеком и артефактами.*

Ключевые слова: *историческая психология, антропокультура, сапиентный диапазон эволюции, опосредствование.*

Историческая психология — трудный случай межнаучного взаимодействия. Разделяя общий интерес к человеку, история и психология различаются по объекту, методу, процедуре идеологии исследования. Скептическое заключение Г. Риккерта о проблематичности их научного союза в XX в. неоднократно подвергалось сомнению, но едва ли было опровергнуто. Под воздействием методологических антиномий программы исторической психологии отступали в более мягкие парадигмы истории ментальностей, исторической антропологии, исторической культурологии, социологии и т. д. Таковы, например, траектории замыслов Л. Февра во Франции, А.Я. Гуревича в нашей стране. Но дело не только в теоретико-методологических тонкостях. Изучая человека в потоке социального макровремени, называемого историей, исследователь сам оказывается захваченным гетерохронностью последней. Внешние условия его познавательной деятельности входят в саму материю научного поиска и становятся внутренними.

При очень большой пестроте и сумбурности писаний, бушующих под титулом исторической психологии, они располагаются слоями вполне идентифицируемой социокультурной и политической принадлежности и приоритетности. В России, пережившей бум историко-гуманитарной продукции с психологическим уклоном в перестроечные годы и первое постсоветское десятилетие, эти приоритеты сами

распределяются по шкале исторического времени. Во-первых, продолжается идентификация и реидентификация российского народа. Пространственные и социально-политические конфигурации его обитания в XX в. никак не установятся. Вопрос «кто мы такие?» по-прежнему традиционалистски замыкает нас на «мы» этноса и территории, на коллективную память и герменевтику опыта, он поддерживает изыскания традиционалистского и ностальгического толка. Во-вторых, продолжается обоснование современного, модернизирующего пути развития. Того, что предполагает урбанистический западный образ жизни, демократическое устройство, рыночную конкуренцию и культивирует индивидуальное сознание, свободное от давления прошлого, живущее настоящим в динамичной, но устойчивой среде. Ему идеально соответствуют структурно-функциональные модели современных социальных и психологических наук, формируемых по образцу естествознания Нового времени. Обаяние его объективности сильно сказалось на программах исторической психологии XX в. Однако пик современности исторически пройден и адаптация к ее цивилизационным стандартам уже не воспринимается как предельная задача человечества, поэтому (в-третьих) отчетливо вырисовывается круг глобализационных интересов и тем. Глобализация имеет свое научное сопровождение: направления с приставкой пост-, синергетику, универсальную историю и т. д. В российских условиях это знание зачастую имеет присаду отечественного космизма и также не брезгает ярлыком исторической психологии. Спираль научного обобщения проходит сквозь ниши больших территориальных и цивилизационных групп и показывает на самый верхний этаж консолидации человечества — планетарный. Этот уровень знания украшен большим вопросом относительно психики и личности носителей будущего, их общежития. Под сенью нового вопроса идентификация по кланово-кастовым, территориальным, этническим, классовым, цивилизационным признакам, конечно, не теряет свою актуальность для соответствующих групп. Но в расширенном списке глобальных проблем человечества они уже выглядят частными по отношению к «быть или не быть?» человека как вида и перспективам его трансформации.

За почти 40 лет занятий исторической психологией представления автора этих строк о ней также развивались. В целом я разделяю риккертовскую трактовку исторической психологии как науки о культуре, но с поправками, вносимыми в понимание гуманитарного исследования конструкционистскими и постструктуралистскими эпистемологиями конца XX—XXI в. «Культурологический поворот» в данной редакции относится к объекту науки и означает смещение исследовательского

предмета с индивидуального испытуемого на данности цивилизации («коллективные представления» в дюркгеймовской традиции). Только таким способом можно перейти к собственной задаче исторической психологии — знанию о людях прошлых эпох и прогнозам о будущем человека. Очевидно, что указанная задача никак не решается экспериментальными и тестовыми методами современной психологии.

В междисциплинарном поле исторических и психологических наук от XX в. осталось немало совместных опытов и гибридных образований: история ментальностей, микроистория, история повседневности, история современности, психоистория и т. д. Однако указанные мосты остаются шаткими и временными. Разрыв между двумя областями знания широк. Современная психология является наукой о современном человеке, и весь ее аппарат приспособлен к измерению индивидуальной длительности процессов и свойств. История описывает прошлое больших социальных групп. Другими словами, расхождение фундаментально, и сводится оно к различию временных шкал: социального макровремени общностей и психологического времени индивида. Совмещение большой истории человечества и малой истории человека, конечно, обогащает тематику и фразеологию двух наук, но не затрагивает их основополагающие принципы. Проект, который автор пробует осуществлять много лет, иной. Во-первых, я исхожу из того, что предельная задача науки об историческом развитии психики — определение срока существования человека нашего, сапиентного типа, но ей сопутствует эпистемологическая рефлексия над разрешимостью указанной задачи. Во-вторых, придется признать, что изучать психологию людей прошлого и будущего, опираясь на принципы индивидуальной психологии современности, есть *contradictio in adjecto*; индивидная психика есть концентрированный сгусток процессов и межфункциональных отношений, и вырваться из ее гравитации на просторы большой истории с инструментами изучения этих процессов и отношений весьма проблематично.

Для экспликации излагаемого варианта исторической психологии я выбрал из гнезда сформировавшихся за годы работы терминов понятия «антропокультура» и «сапиентный диапазон эволюции» как центральные и наиболее отражающие его направленность¹. Словом «антропокультура» я обозначаю пространство преобразований, где человек переходит в культуру, а культура в человека. Разные доктрины, от марксизма до феноменологии, сходятся в том, что социальные

¹ Подробнее см.: Шкуратов В.А. Новая историческая психология. Ростов-на-Дону: изд. ЮФУ, 2009.

и культурные структуры существуют, только будучи воспроизводимы действующими человеческими субъектами, и постулировать их раздельное существование — ошибка реификации. Однако постулировать приходится. Разрыв между созданием культурного продукта и его использованием существует. Самостоятельная артефактная масса нарастает, причем не только в моменте инерции. Она перенимает в свое несубъектное тело ряд собственно человеческих, субъектных характеристик. Понятие «антропокультура» вводится, чтобы подчеркнуть обратимую человеко-артефактную процессуальность психогенеза.

Принципиально важно проводить различие между операциональной паузой опосредствования и точками невозврата, после которых взаимодействие между психофизическим человеком и очеловеченными артефактами прекращается. Эти точки размечают границы антропокультуры как пространства взаимоуподоблений между психикой и культурными изделиями. За ее пределами человек есть биологическое тело или (в футурологической перспективе) техническое тело, киборг, а его творения — или разлагающаяся, окаменевающая физическая масса, или (опять с прикидкой на возможное будущее) саморазвивающиеся технические системы, больше не нуждающиеся в персонале. Внутри ее пространства возможны разные темпы рабочих пауз, т. е. режимы антропокультурного опосредствования.

Итак, антропокультура есть реальное взаимоуподобление и пространство взаимоуподоблений живого человека и круга его творений. Взаимодействие это не физическое, пока между артефактом и человеком сохраняется отношение артифициализации-очеловечивания (пока человек принадлежит вещам, а вещи подручны человеку). Мертвые тела, мертвые сооружения, превратившиеся в труху, бесформенные груды хлама из этого круга выпадают. Правда, человек многое может реставрировать, обозначить, но всему бывает свой предел. Позволительно предположить, что из этого круга могут выпасть и саморазвивающиеся искусственные устройства, оторвавшиеся от породившего их человечества. При таком использовании термин служит обозначением всей совокупности взаимоуподоблений человека и его артефактов.

Еще раз уточню назначение антропокультурной модели, которая имеет скорее наддисциплинарную, чем междисциплинарную направленность. Поскольку одновременное рассмотрение антропоса и его культуры затруднительно, то они обычно рассматриваются отдельно: психолого-антропологические науки своими инструментами вырезают из человеко-предметной слитности текущего момента «индивида», «психику», «личность», а их коллеги историки пытаются

оживить подвергнутых культурной мумификации людей прошлого. Междисциплинарные опыты общения с другой по методу и языку наукой (а сделаться двуязычным не хватает ни времени, ни желания) столь утомительны и противоречивы, что временные коллеги довольно быстро расходятся. Посредством же модели антропокультуры заявлена попытка рассматривать режимы, темпы, циклы, отношения психогенеза. Антропокультура — это в первую очередь пространство отношений культуры к человеку и человека к культуре, и поскольку внутри этого пространства все «объективные» знания и факты выступают уподобленными человеку, а человек уподобляется захваченному в его преобразовательную сферу предметам, говорить о чистой природе или о чистой культуре, о чистом субъекте или чистом объекте не представляется возможным.

Динамика антропокультуры состоит в разыгрывании множества приемов и норм ее для поддержания и развития. Разнообразие антропокультурных регулятивов можно свести к универсальной связи между человеком и его искусственно-натуральной средой, к опосредствованию. Иначе говоря, к особому порядку замещения одних элементов искусственно-натуральной системы другими при построении целого. Признание опосредствования в качестве фундаментального признака антропокультуры весьма полезно с практической точки зрения, поскольку позволяет отделить Человека разумного от его ближайших соседей по эволюционной лестнице, что весьма трудно сделать с помощью более специальных объяснений. И разумеется, главное призвание категории — постановка общетеоретического вопроса об отношении человека к надчеловеческой общности в плане его, человека, исторической судьбы.

Порядок опосредствования, как он описывается различными философскими доктринами, — телеологический. Он включает в себе, наряду с последовательностью диалектических шагов, обоснование Цели. Той, которая гарантирует субъективному началу процесса его сохранение в качестве обогащенного, объективированного результата процесса. Порядок опосредствования специфицирован определенным культурным слоем. Логика у Гегеля, производство у Маркса, язык у Хайдеггера, образ у Юнга — это универсалия и субъект одновременно, субстанция, заключающая внутри себя целеполагающего индивида. Для того чтобы адаптировать категорию старых философских доктрин для эволюционно-исторического очерка, требуется некоторая работа.

Во-первых, переопределить Цель. По контрасту с туманно-напыщенными словами метафизики она прозвучит очень просто: целью антропокультуры является сама антропокультура, т. е. сохра-

нение вида *Homo sapiens* вместе со средой его обитания. Человек — природно-искусственное существо, он живет в равновесии двух своих частей: биологической и культурной (искусственной). Это означает взаимоотношение природного искусственным, а искусственно-го — природным.

Во-вторых, приходится что-то делать с эссенциализмом, столь идиосинкразичным для постсовременной мысли. Гегельянство и марксизм оптимистически повествовали о возвращении человеческой сущности к себе через ряд опосредствований. Эту эссенциалистскую телеологию предрешенности также можно привести к более рациональному звучанию. Если «сущность» перевести как равновесие природного и искусственного на нашей планете, то телеология неизбежной гармонии переводится в учение об антропокультурном гомеостазе.

В-третьих, интересы исследования побуждают переставить пирамиду с острия (мышление, труд, язык, образ) на основание. Таким основанием являются все признаки сапиентности, а не один привилегированный атрибут человека. Выделяя специфические режимы опосредствования, я предлагаю нарушить монополию отдельных психологических атрибутов на представление целого, которое я называю антропокультурой. При таком подходе распря за первенство между человеком логическим, человеком производящим и человеком символическим (последние десятилетия добавили еще и человека смотрящего) заменяется консенсусом указанных антропологических модусов внутри человеческой целокупности, которая разрабатывается генеративными механизмами антропокультуры — режимами опосредствования.

Для перехода от этих общих рассуждений к психолого-историческим исследованиям потребовалось разделить антропокультуру на конкретные антропокультуры. Последние присутствуют как данности, предоставленные нам цивилизацией, и в известной степени аналогичны биологическим видам, предоставленным эволюцией. Их перечень формируется под психолого-историческую задачу и расширяется по мере выполнения последней. В этом отличие антропокультурного списка от смежной терминологии (ноосфера, семиосфера, техносфера), которая формируется под свои познавательные, практические, социальные, идеологические и другие задачи. Перечень антропокультур устанавливается в моих теоретических и теоретико-эмпирических работах с 1994 г. и сейчас выглядит так: культура тела, культура слова, культура мысли, культура образа, эгокультура.

Чтобы применить категорию опосредствования к описанию антропокультуры, понадобилось определить режимы опосредствования,

характерные для каждой. Каждой антропокультуре приписаны режим опосредствования и операциональная схема-отношение. Для культуры тела — это опредмечивание-распредмечивание с отношением агент-предмет, для культуры мысли — объективация-субъективация с отношением объект-субъект, для культуры слова — осюжетивание-рассюжетивание с отношением автор (рассказчик)-персонаж-читатель (слушатель), для визуальной культуры — «зрелище-репрезентация-зритель» с режимом опосредствования «спектакляризация-запечатление».

Поскольку читателю едва ли привычна терминология двух последних случаев, сделаю краткое пояснение. Признавая, что словесное опосредствование распространяется не только на повествования и на письменность, я вижу началом вербокультуры (культура слова) общение индивидуальных человеческих существ. Вполне же консолидируется словесная культура только с появлением письменности. Опосредствованию подлежит часть опыта коммуникантов. Осюжетивание-рассюжетивание и выражает градус его индивидуализированности, а также степень индивидуализированности контакта в целом. С превращением в сюжет все отношения участников во времени становятся сугубо индивидуализированными и необратимо протекающими в подобии реального времени, на противоположном же полюсе они превращаются в информационный процесс (синоним рассюжетивания); в последнем случае схема «автор-персонаж-читатель» заменяется на «передатчик-канал-приемник». Что касается видеокультуры (культура зрительного образа), то она начинается с того момента, когда между натуральным образом (отпечатком мира на сетчатке глаза, а также в нервной системе) и внешней средой появляется видеоартефакт, регулирующий отношения воспринимающего и мира. Видеокультура — часть общего семейства имагокультур, наряду, скажем, с аудиальной, запаховой, тактильной. Ее история — о том, как перцептивная модальность зрения выделяется и специализируется в качестве человеческого культурного взгляда для построения визуальных образов мира с помощью видеоартефактов. В начале этой истории — естественный вид окружения и «сырое», натуральное зрение, в конце — полностью экранированный мир и зрелищность (предлагаю читателю вообразить виртуальный ландшафт будущего в перспективе быстро растущих возможностей электроники). В промежутке происходит взаимообогащение живого человеческого взгляда и визуальных продуктов культуры².

² Подробнее см.: Шкуратов В.А. Искусство экономной смерти. Сотворение видеомира. Ростов-на-Дону: Наррадигма, 2006.

Особый интерес вызывает опосредствование нашего Я (целокупности), чем занимается эгокультура³. Концепты «человеческая целокупность» и «вся культура» не имеют, строго говоря, определенных референтов. Выражаясь по Канту, они не относятся к аналитическим суждениям. Понимая субстанцию по Локку, — это термины, которые адресуются к неопределимому множеству. А тревожа богословие — это примеры апофатического знания. Но я не собираюсь заходить столь далеко и повторю, что человеческая целокупность есть внетехнологический горизонт технологизированных антропологических знаний. Практически в антропокультуре мы имеем дело с опосредствованными в разных режимах фрагментами этой неопосредствованной целостности.

Вся психология Нового времени, как пирамида на острие, опирается на непосредственный опыт отдельного человека, с которым может вести свою игру, но никак не экспроприировать его. (Это удается только «объективным» психологиям первой половины XX в., которые с частным опытом, по примеру бюрократического государства, не церемонятся.) Воспроизводя дух Нового времени на рубеже XXI в., можно сказать, что Я, этот краеугольный камень человекокультурной системы, не относится к социокультурным технологиям, но остается непосредственным достоянием отдельного, уникального человека. Противостоит ли указанное утверждение продвигаемой мною пониманию опосредствования? Нисколько, поскольку только и дает возможность ввести отдельного человека в учения номотетического толка. Этот человек в каждом отдельном случае противостоит со своим уникальным случаем технологиям опосредствования как непосредственное начало антропокультурного системогенеза. И он же уходит в конце концов из социокультурного производства как неразгаданная уникальность, потрудившаяся на общее дело.

Мне кажется, что сочетание социологизма и персонализма лучше, чем другие методологические комбинации, позволяет схватить суть эволюционно-исторического «проекта» человека. Он в таком отношении целого и части, где часть — наделенный атрибутом целого человеческий микрокосм, а социокультурное целое гарантирует ему прижизненно и (в отдельных случаях) посмертно статус единичной субстанции. Единичная субстанция богаче поддерживающего ее социокультурного инструментария хотя бы потому, что обладает опытом, т. е. памятью уникальных обстоятельств отдельной жизни. Объ-

³ См.: Шкуратов В.А. Психология в истории культуры и познания. Ростов-на-Дону: изд. ЮФУ, 2011.

ем коллективной памяти слишком мал, чтобы сохранить информацию обо всех живших на Земле людях. Общество молчаливо или открыто признает наличие лежащего вне его технологических возможностей антропологического ресурса. Последний разрабатывается выборочно, очень ограниченно, и антропокультурный гомеостаз на планете, похоже, покоится на том, чтобы оставить значительную часть человеческого опыта вещью в себе: то ли приватным, то ли трансцендентным Я. Трудно предположить, что станет, если все способности раскрепостятся, как мечтали утописты: выдержит ли небольшая планета такой потоп творчества?

Человек в его эволюционно-историческом состоянии — существо, разделенное на биологическую (натуральную) и культурную половины. Одна часть действует посредством другой в общей коэволюции биокультурного человечества. Избыть фундаментальную дуальность гоминидного витка развития можно, только избыв его носителя — *Homo sapiens*'а вместе со всем, что он уже сделал и еще сделает. Это представимо и даже неизбежно *sub specie aeternitatis* (и даже много меньшего срока). Предельно схематизированное представление психологического плана истории, построенного на указанной гипотезе, я дал в т. н. антропоморфной матрице культуры⁴. Матрица состоит из вертикальных линий, называемых «культура тела», «культура слова», «культура мысли» (количество линий увеличивается по мере освоения материала). Две вертикальные линии, ограничивающие горизонталь справа и слева, подписаны соответственно «непосредственное» и «опосредованное (необратимое)». На горизонталь антропоморфной матрицы культуры точки недальности представлены до истории (биология без культуры, т. е. без культурного опосредствования) и после истории (культура без биологии, т. е. без биологического опосредствования). Существа, поместившиеся слева от начала культурно-исторической линии, понятно, животные; тех, что справа, труднее обозначить. За их портретами надо обращаться к писателям-фантастам. Можно предположить, что мыслящий океан или ячейки как на срезе непропеченного хлеба в последнем романе С. Лема со знаменательным названием «Фиаско» — не инопланетный разум, который, увы, недоступен для контакта, но экстраполяция нашей дальней ментальной эволюции. Однако эти сюжеты уже находятся за пределами данной статьи. В проект исторической психологии входит только то, что находится между вертикалями чистой (неопосредованной) биологии и чистой (неопосредованной) культуры и названо мной сапиентным диапазоном эво-

⁴ См.: Шкуратов В.А. Историческая психология. 2-е изд., М., 1997.

люции⁵. Оставив за скобкой перечисления признаков *Homo sapiens* (прямохождение, речь, труд, социальность и другое), я определю сапиентность как свойство человеческого существа поддерживать себя в качестве равновесия природных и культурных (искусственных) элементов в природно-культурной среде, им же созданной. Поддерживает, собственно, антропокультура с помощью некоторого количества принципов, свойств и запретов, которые интересно узнать. Сапиентный диапазон — время, в течение которого указанное равновесие сохраняется. В этом хронологическом промежутке все комбинации человека и его искусственно-натурального окружения не разрушают антропокультуру, т. е. не выходят за ее пределы.

Указанные концептуально-хронологические рамки позволяют очертить пространство психолого-исторических изысканий, которое слишком велико для приборно-тестовых шкал современной психологии и слишком мало для мегаразмерностей универсального эволюционизма.

В.В. Аршавский

Различные модели мира в свете полиморфизма типов полушарного реагирования¹

В настоящее время едва ли можно говорить о четкой морфологической локализации в правом или левом полушариях большого мозга человека конкретных психических функций, включая и функцию речи. Однако термин «межполушарная асимметрия» закрепился и вполне правомочно используется для указания на различные типы восприятия и переработки информации.

Качественное своеобразие психики и поведения человека, характер его социальных контактов, склонность к той или иной форме производственной и творческой деятельности во многом обусловлены наличием двух принципиально разных типов восприятия и переработки информации, связанных с возникшей в антропогенезе асимметрией полушарий большого мозга. Логико-вербальный тип обусловлен дея-

⁵ См.: Шкуратов В.А. Историческая психология; *Он же*. Новая историческая психология

¹ Статья публикуется с некоторыми дополнениями по изданию: Модели мира / Российская Ассоциация искусственного интеллекта. М., 1997. С. 125—136.

тельностью преимущественно левого, а пространственно-образный тип — правого полушария². Основные различия между этими двумя типами состоят в особенностях информационных процессов, участвующих в организации контекстуальных связей между элементами информации — словами и образами — и создающих принципиально неоднородные модели мира³.

Особенности правополушарного типа переработки информации заключаются в одномоментном охвате всех информационных связей. Благодаря этому реальность воспринимается такой, какая она доступна индивиду. Свойства образов, их грани взаимодействуют друг с другом во множестве смысловых плоскостей, что обеспечивает многогранность образа (или символизирующего его слова) в соответствующем контексте. Отражение на образном уровне обеспечивает восприятие мира во всей его целостности, многогранности и противоречивости, что необходимо для наиболее полного чувственного контакта с реальностью, для эмоциональной стабилизации. В то же время образное постижение мира лишь в определенных пределах может быть использовано в процессе социального взаимодействия и само по себе не обеспечивает анализа причинно-следственных отношений и однозначного взаимопонимания между людьми.

Левополушарный тип переработки информации так организует любой используемый материал (неважно, вербальный или невербальный), что создается однозначно понимаемый, не имеющий других толкований контекст, необходимый для социального общения. При этом из всех бесчисленных реальных связей между многогранными предметами и явлениями активно отбираются только некоторые, существенные для анализа причинно-следственных отношений и упорядоченного отражения реальной действительности. Создается как бы условная модель мира, удобная в общении и легко переводимая в слова. Поэтому знания об этой модели, о ее закономерностях и свойствах без труда и потерь могут быть переданы от одного человека другому, без чего немислимо однозначное взаимопонимание между членами общества и

² Sperry R.W. Cerebral organization and behavior // Science. 1961. V. 133. P. 13—22; Gazzaniga M. The bisected brain. N. Y.: Appleton, 1976. 249 p.; Спрингер С., Дейч Г. Левый мозг, правый мозг. М.: Мир, 1983. С. 256.

³ Ротенберг В. С. Слово и образ: проблема контекста // Вопросы философии. 1960. № 4. С. 282—299; Ротенберг В. С., Аршавский В. В. Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур // Вопросы философии. 1984. № 4. С. 78—86; Иванов В. В. Чет и нечет. М., 1976. С. 185; Деглин В. Л. Лекции о функциональной асимметрии мозга человека. Амстердам; Киев, 1996. С. 152; Тульviste П. Культурно-историческое развитие вербального мышления. Таллин, 1988. С. 342.

успешное социальное взаимодействие. Без формирования такой модели невозможно осознание мира и целенаправленное поведение в нем, а также его изменение в процессе коллективного труда. Но как любая модель, она ограничена возможностями однозначного контекста и не является всеобъемлющей. За ее рамками оказывается огромное количество реальных потенциальных связей между предметами, явлениями и людьми, которые не вписываются в модель в силу своей сложности и противоречивости. Обеспечивая построение внутренне непротиворечивых моделей, этот способ переработки информации и постижения мира неизбежно обедняет его объективную картину.

Функциональная межполушарная асимметрия является единственной уникальной особенностью деятельности мозга человека, отличающей ее от деятельности мозга животных. В процессе антропогенеза произошел качественный скачок, в результате которого возникла функциональная специализация полушарий. С одной стороны, в результате такой дифференциации полушарий у человека открылись возможности для качественного изменения свойственной животным способности к организации многозначного контекста, т. е. непосредственно чувственного восприятия мира, развитие ее до степени пространственно-образного мышления. Этот тип восприятия и переработки информации, составляющий универсалию человеческого мышления, позволяет строить картину мира выработанным в филогенезе естественным эмпирическим путем, что является необходимым инструментом повседневной жизни и лежит в основе свойственного только человеку художественного творчества, т. е. способности отражать мир в искусстве. И эта форма мышления на основе пространственно-образного типа переработки информации закрепились за структурами правого полушария большого мозга. С другой стороны, в результате такой дифференциации полушарий у человека открылись возможности для качественного изменения свойственной животным ограниченной способности к организации однозначного контекста, развитие ее до степени логико-вербального мышления. Этот тип восприятия и переработки информации позволяет строить картину мира выработанным в онтогенезе под влиянием социального окружения искусственным теоретическим путем, что также является инструментом повседневной жизни и лежит в основе свойственного только человеку творчества, т. е. способности отражать мир в формуле. И эта форма мышления на основе логико-вербального типа переработки информации закрепились за структурами левого полушария большого мозга, в которых локализованы центры речи.

Человек выделился из мира животных и превратился в *Homo sapiens*, *Homo humanus* и *Homo liberus* только потому, что с появлением

асимметрии типов полушарного реагирования возникли огромные потенциальные возможности как для развития логико-вербального мышления и речи, так и для образного мышления, которые приобрели характер творческой активности не только художественной, но и научной, изобретательской. Новая идея возникает как образ, как озарение. Но если для художественного творчества такого озарения часто оказывается достаточно, то для научного творчества необходимо его логическое завершение, формализация⁴. Такая двойственная природа человеческого сознания, возникшая в палеолитические времена, характерна и для человека нашего времени. Думается, что для изобретения каменного топора было необходимо не меньше творческой активности, чем для создания атомного реактора или расчетов полетов в космос. Мышление первобытного человека едва ли чем-либо отличалось от мышления современного человека. Он был наблюдателен и логически рассудителен; он не все знал, но если заблуждался, то с помощью той же самой логики, которой пользуемся и мы в повседневной жизни, зачастую так же заблуждаясь⁵. Конкретно-образная и абстрактно-логическая ветви мыслительной деятельности появились в раннем палеолите и формировались вместе с возникновением межполушарной асимметрии. И та и другая формы мышления использовались для выражения удивительно стойкой системы представлений, возникающих на основе взаимодействия двух разных моделей мира.

Представления о двойственной природе человеческого сознания впервые были высказаны А.А. Ухтомским в первых трудах, посвященных разработке учения о доминанте и хронотопе, но особенно четко были очерчены в письмах (опубликованных, а большей частью еще не опубликованных) его ближайшим ученикам⁶. Он обозначал эту проблему как беседу с «двойником», находя аналогии в эпизодах бесед Ивана Карамазова с чертом: люди «...не могут освободиться от своего двойника... Один требует бытия, смысла, другой — красоты. Там, где эти

⁴ Яглом М. Почему высшую математику открыли одновременно Ньютон и Лейбниц? // Число и мысль. Вып. 6. М., 1983. С. 99—125; Аршавский В.В., Ротенберг В.С. Некоторые психофизиологические особенности художественного творчества коренных народов Чукотки // Народы Севера. Новосибирск: Наука, 1988. С. 8—16; Болотовский Б.М., Левин М.Л., Миллер М.А., Суворов Е.В. Фарадей — Максвелл — Герц — Хевистейд. О согласованности функциональных специализаций мозга. Препринт № 327. Нижний Новгород, 1992. С. 29.

⁵ Штернберг Л. Первобытная Религия в свете этнографии. Л., 1936. С. 372; Тейлор Э. Первобытная культура. М., 1939. С. 421.

⁶ Ухтомский А.А. Письма // Новый мир. 1973. № 1. С. 251—266.

требования продолжают, продолжается жизнь, и где эти требования прекращаются, прекращается жизнь». «Разница между искусственно-абстрактным изложением мысли и передачей мысли в ее натуральном движении — это та же разница, что есть между формальной и диалектической логикой».

Имеются основания предполагать, что функциональная асимметрия мозга, выстраивающая две принципиально различные картины мира, является единственной функцией человеческого организма, не имеющей аналогов в животном мире, что не укладывается в общепринятую картину филогенеза.

В осуществлении любого вида сложной психической деятельности принимают участие оба полушария, не дублируя друг друга, а обеспечивая разные (и всегда необходимые) стороны этой деятельности, внося в ее течение свой самостоятельный фактор. Правое полушарие с раннего детства связывает человека с внешним миром. Левое полушарие обеспечивает ему быстрое вхождение в общество, где он живет, обуславливает культурно-исторические программы поведения, которые общество вводит в человека и которые человек сам активно усваивает.

Основу такого разделения составляет специфика рецепирования знаков и знаковых систем, которые используют и самостоятельно интерпретируют правое и левое полушария большого мозга. Слово — знак, но и изображения предмета тоже знак. Для правого полушария — его естественные, нативные знаки, для левого полушария — искусственные, артифициальные знаки. Правое полушарие оперирует иконическими, иероглифическими знаками или образами, берущими начало в естественных, природных знаковых системах. Оно обеспечивает те формы психической деятельности, которые основаны на восприятии естественных знаков и их интерпретации. Левое полушарие оперирует словами и символическими искусственно созданными человеком знаковыми системами. Оно обеспечивает те формы психической деятельности, которые основаны на восприятии искусственных знаков и их интерпретации. Но и само сознание слагается и осуществляется в знаковом материале. Мысль возникает в правом полушарии в виде интуиции, догадки, т. е. образа, но только пройдя путь из правого полушария к левому, она переводится в слова, формулы, приобретает логизированный характер, раскрываясь для самого индивида и становясь пригодной для сообщения другим людям. Как отмечал Л.С. Выготский, мысль не выражается, но завершается в слове⁷.

⁷ Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1982.

Таким образом, заложенный природой фундаментальный принцип функциональной межполушарной асимметрии человека определяется семантическими характеристиками, связанными с эволюцией образа и слова от знака естественного к знаку искусственному. Эта закономерность прослеживается в онтогенезе каждого человека, в филогенезе человека как вида (антропогенезе) и в развитии культуры человеческого общества в целом⁸. В онтогенезе: ранние этапы индивидуального развития человека связаны с восприятием и анализом естественных природных знаковых систем, и лишь в подростковом возрасте формируется в полной мере рецепирование и интерпретация искусственных знаковых систем. В антропогенезе: ранние этапы психической деятельности человека как вида основаны на использовании в качестве знаков природных объектов, поздние этапы — на использовании в качестве знаков специально созданных искусственных систем. В культуре человеческого общества: человек является биологическим видом, который благодаря функциональной асимметрии мозга смог через творческую активность выделиться из животного мира и создать цивилизацию, основанную на качественном отборе искусственных знаковых систем и использовании искусственных орудий труда для освобождения из-под безраздельной власти стихийных сил естественной природы; постижения цивилизации сохраняются и развиваются из поколения в поколение не генетическим путем, а в результате культурной преемственности, передающейся устной и письменной речью.

Два полушария большого мозга человека представляют собой различные подсистемы, оперирующие разными языками и разными знаковыми системами, по-разному взаимодействующие с миром; только дополняя друг друга, они формируют единую интегрированную систему целостной активной психической деятельности. Чувства и мысли представляют собой сложный итог культуры. Н. Бор отмечал, что «характеристики людей, обладающих сознанием, и человеческие культуры представляют целостность, отражение которой требует типичного дополнительного способа описания». Здесь полностью проявляется принцип Ф. Кюри: «асимметрия творит явление».

⁸ Ротенберг В.С., Аршавский В.В. Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур. С. 78—86; Деглин В.Л. Лекции о функциональной асимметрии мозга человека. С. 152; Черниговская Т.В., Деглин В.Л. Метафорическое и силлогическое мышление как проявление функциональной асимметрии мозга // Семиотики пространства и пространство семиотики. Труды по знаковым системам. Ученые записки Тартуского университета. Вып. 720. Т. 19. Тарту, 1986. С. 68—84.

Каждый способ организации контекстуальной связи имеет свои преимущества и ограничения. В идеале каждый индивид должен был бы иметь одинаковые потенциальные способности включать в переработку информации функциональные системы либо левого, либо правого полушария, в зависимости от требований конкретной среды и ситуации, создавая необходимые предпосылки для успешной психической адаптации организма в различных условиях среды обитания. Однако в реальной действительности в процессе восприятия и переработки информации у каждого индивида имеет место относительное доминирование одного из полушарий. Из этого отнюдь не следует, что индивиды с преимущественно правополушарным типом не способны ориентироваться в чисто логической ситуации, а индивиды с преимущественно левополушарным типом лишены способности образно воспринимать окружающий мир. Но механизмы принятия решений последними иные, несколько более длительные и более энергозатратные, более «энтропийные», связанные с вовлечением в процесс решения задачи не только специфических полушарных структур коры, но и неспецифических стволовых образований мозга, активирующих всю кору⁹.

Генетический анализ¹⁰ позволяет заключить, что тип полушарного реагирования является фенотипом с высоким уровнем наследуемости и может быть использован в популяционных исследованиях как интегральный маркер, отражающий психофизиологическую специфичность индивида и популяции в целом. В наследовании типов полушарного реагирования наряду с генетическими факторами решающая роль принадлежит культурной преемственности в организации поведения, направленного на сохранение тех качеств, которые составляют глу-

⁹ Kinsbourne M. Eye and head turning indicates cerebral lateralization // Science. 1972. V. 176. P. 539—541; Rotenberg V.S., Arshavsky V.V. Psychophysiology of hemispheric asymmetry. The «entropy» of right-hemisphere activity // Integrative physiological and behavioral science. 1991. V. 26. No 3. P. 183—188; Аршавский В.В., Ротенберг В.С. Некоторые электрофизиологические характеристики функциональной межполушарной асимметрии // Журнал высшей нервной деятельности. 1989. Т. 39. № 1. С. 44—51; Аршавский В.В. Межполушарная асимметрия в системе поисковой активности. Владивосток, 1988. С. 136.

¹⁰ Аршавский В.В. Межполушарная асимметрия в системе поисковой активности. С. 136; Соловчук Л.Л., Аршавский В.В. Популяционно-генетические изменения функциональной асимметрии головного мозга у коренного и пришлого населения Северо-Востока. I. Половозрастное распределение и семейные данные // Генетика. 1988. Т. 24. № 5. С. 928—936; Он же. Популяционно-генетические изменения функциональной асимметрии головного мозга у коренного и пришлого населения Северо-Востока. II. Межэтнические различия и динамика частот фенотипов в зависимости от длительности проживания в экстремальных условиях // Генетика. 1989. Т. 25. № 5. С. 910—917.

бинную сущность мироощущения, форму человечности, ценностный ориентир конкретной популяционной группы. Это передается в самом раннем детстве, что называется, с «молоком матери». Иными словами, характерный для популяционной группы тип восприятия и переработки информации, преимущественная картина мира, выстраиваемая ее носителями, формируются и закрепляются на основе группового отбора и преемственности культурного наследия.

Именно этот сформированный и закрепленный тип полушарного реагирования обеспечивает оптимальную активную жизнедеятельность отдельного человека и адаптацию популяций, обитающих в различных регионах. У лиц, которым труднее в силу особенностей межполушарной асимметрии проявить поисковую активность и успешно адаптироваться к среде, ориентированной на иной тип переработки информации, чаще возникает стойкий высокий уровень невротической тревоги, что и способствует селективному выходу этих индивидов в разнообразные формы неврозов и психосоматических заболеваний. Это в большей степени относится не к коренным жителям того или иного региона, составляющим определенную популяцию, а к мигрирующим в эти регионы представителям других популяций, психическая деятельность которых формировалась в условиях иной культуры. Нами это показано при психофизиологических исследованиях коренных жителей центральных и северо-восточных регионов России (Чукотка, Колыма, Корякия, Камчатка) и Балтии (Латвия) и населения, мигрирующего в эти регионы¹¹.

Тип полушарного реагирования для любой популяции всегда является признаком полиморфным. Когда мы говорим, что для той или иной группы характерен определенный тип переработки информации, то имеем в виду не абсолютное, а лишь статистическое преобладание индивидов с правополушарным или левополушарным фенотипом. Более того, в любой популяции имеется какое-то (как правило, небольшое) число индивидов с наиболее адаптивным смешанным типом по-

¹¹ Аршавский В.В. Межполушарная асимметрия в системе поисковой активности; Он же. Особенности полиморфизма межполушарной асимметрии и уровень тревоги в некоторых группах постоянных жителей Латвии // *Latvijas zinatnu akadēmijas vestis*. 1983. № 8, daļa V. L. 67—73; Аршавский В.В., Курсилас А. Нужно ли подводить под психофизиологические проблемы «географические подпорки»? // *Alter ego*. 1994. № 4. С. 16—17; № 5. С. 10—14; Аршавский В.В., Гельфгат Е.Л., Потенберг В.С., Соловчук Л.Л. Межполушарная асимметрия как фактор адаптации человека в условиях Севера // *Физиология человека*. 1989. Т. 15. № 5. С. 142—147; Rotenberg V. S., Arshavsky V.V. The two hemispheres and the problem of psychotherapy // *Dynamic psychiatry*. 1988. № 566/ 106—107. P. 369—377.

лушарного реагирования, у которых одинаково легко включается тот или иной тип переработки информации в зависимости от задачи, предлагаемой конкретной ситуацией¹².

Конкретный тип полушарного реагирования не сформирован по рождению индивида. На ранних этапах постнатального онтогенеза у большинства детей, относящихся к различным популяционным группам, выявляется образный, правополушарный тип реагирования. И только в определенном возрасте (как правило, от 9 до 14 лет) под влиянием генетических и культурных механизмов и самых ранних и продолжительных контактов с родителями закрепляется тот или иной фенотип, преимущественно характерный для данной популяции.

Исходя из этого, задача педагогики состоит в том, чтобы добиться максимального развития у ребенка логического типа переработки информации при минимальном подавлении и даже развитии образного типа; обучение восприятия мира с помощью логической модели не должно мешать исходной способности воспринимать мир с помощью образной модели. Однако традиционные системы школьного образования не учитывают этих особенностей ребенка и строятся в основном на логико-вербальных схемах обучения. Способности к образному мышлению и организации многозначного контекста существующей системой образования не только не стимулируются, но и активно подавляются. Если же у ребенка образный тип мышления закрепляется и он просто не в состоянии воспринимать логические схемы, тогда он с первых школьных лет оказывается в условиях фактической дискриминации по сравнению с детьми, у которых доминирует логический тип мышления.

Очевидно, что методики преподавания должны способствовать развитию логико-вербального мышления не путем его непосредственной активации, а через активацию образного мышления. Дети (особенно те, у которых преобладает образный тип переработки информации) должны ставиться в условия, провоцирующие «открытия» (что неизбежно связано с активацией образного мышления). Они должны проходить в своем познании естественный путь от «озарения» через эксперимент к формулированию закона. Такая психофизиологически обоснованная система образования обосновывала бы (без включения дополнительных неспецифических механизмов мозга, а лишь с помо-

¹² Аршавский В.В. Межполушарная асимметрия в системе поисковой активности. С. 136; Он же. Особенности полиморфизма межполушарной асимметрии и уровень тревоги в некоторых группах постоянных жителей Латвии. L. 67—73.

стью специфических корковых структур) естественное условие логически строгих законов точных наук и не вызывала бы отвращения к гуманитарным дисциплинам. Это тем более важно для популяций, в которых образный фенотип является доминирующим¹³.

В действительности дети с правополушарным типом переработки информации не находят в школе своей экологической ниши в связи с тем, что вся система образования направлена на развитие только одного типа личности. Несоответствие типа полушарного реагирования установкам традиционной педагогики способствует развитию у значительной части детей состояния «обученной беспомощности», что часто приводит здоровые личности во вспомогательные школы с необоснованным диагнозом «олигофрения в стадии дебильности». Эти дети не больные, а психически здоровые, страдают они лишь в силу социальных причин¹⁴.

Для появления новых школьных методик и программ необходимо изменить принципиальное отношение к иному типу мышления как к ненормальному, исключить расовый по существу подход, прикрывающийся демагогическими заклинаниями о равенстве. Данный подход, не желающий учитывать естественных различий между популяционными группами, не позволяет многим представителям этих групп максимально использовать свои способности; в конечном итоге многие из них не в состоянии выдержать конкуренции со сверстниками, искусственно поставленными в более выгодные условия.

Свободный потенциал поисковой творческой активности личности может проявиться слабее или сильнее в зависимости от того, в какой популяции, в какой психофизиологической среде, ориентированной больше на тот или иной тип полушарного реагирования, происходило развитие индивида. В левополушарно ориентированной среде активнее развиваются творческие возможности логико-вербального, научного, изобретательского типа. Такой упор на языковое и логическое

¹³ *Ариавский В.В.* Межполушарная асимметрия мозга и психофизиологические проблемы творчества, педагогики и взаимодействия культур // *Zinatnes un izglitibas attistibas kopsecerija Latvija*. Riga, 1992. L. 1—24; *Ариавский В.В., Ротенберг В.С.* Почему в гадком утенке мы не видим прекрасного лебедя / Межполушарная асимметрия и некоторые проблемы педагогики // *Alter ego*. 1991. № 2. С. 21—26; *Ариавский В.В., Ротенберг В.С.* Право на «правополушарный» образ мыслей // *Человек*. 1991. № 4. С. 102—106; *Стонун Э.* Психопедагогика. М., 1984. С. 475.

¹⁴ *Ариавский В.В., Калачева Л.П.* Особенности межполушарных отношений при олигофрении у детей коренного и пришлого населения Северо-Востока и некоторые перспективы педагогики // *Биологические проблемы Севера. Экология человека*. Магадан, 1983. Т. 3. С. 48—49.

мышление, обеспечивая максимальное развитие способностей левого полушария, в значительной степени игнорирует возможности правого полушария мозга и приводит к дефициту образного мышления. В правополушарно ориентированной среде активнее развиваются творческие возможности пространственно-образного, художественного типа. Но упор на образное мышление, обеспечивая максимальное развитие способностей правого полушария, в значительной степени игнорирует возможности левого полушария мозга и приводит к дефициту логического мышления.

Резкий дефицит как правополушарного, так и левополушарного типа мышления приводит к нарушению гармоничности совместной работы полушарий, в результате чего возникает грубая неполноценность мыслительных процессов, приводящая к разрушению человеческого сознания. Изолированное функционирование правого полушария в условиях бездействия левого полушария оставляет мысль незавершенной, не придает ей полноценной речевой формы, с помощью которой она может быть передана другим людям. Изолированное функционирование левого полушария в условиях бездействия правого полушария приводит к порождению химер сознания, торжеству фикций, не связанных с реальностью и не выверенных практикой повседневной жизни¹⁵.

Развитие пространственно-образного типа переработки информации у левополушарных индивидов и логико-вербального типа у правополушарных будет способствовать лучшему взаимопониманию между представителями различных культур. Пока же они часто не понимают друг друга, поскольку говорят на «разных языках», воспроизводя преимущественно одну картину мира и не имея возможности воспринять другую, характерную для иной культуры. Без учета этих психофизиологических особенностей взаимопонимание и взаимодействие культур неосуществимо. Часто мы забываем о многообразии культур, составляющих единую общечеловеческую культуру, и пытаемся навязать свою как более прогрессивную при полном игнорировании чуждой нам культуры, которую рассматриваем как отсталую и враждебную.

Ясно, что западный тип мышления — всего лишь одна из форм мышления. Снижение, а то и утрату европейцами (далеко не всеми) способности к образному мышлению едва ли можно рассматривать как прогрессивный фактор. Современная европейская культура является наследницей еврейского Ветхого Завета, греческой философии и

¹⁵ *Деглин В.Л.* Лекции о функциональной асимметрии мозга человека.

римского права, соединенных в христианской цивилизации. Предлагаю эти ценности в качестве глобальных, следует помнить, что любые иные культурные традиции, условно называемые восточными, тоже достаточно полно отражают мир. Каждая из них выработала свои принципы мышления, свою систему контактов, свои особенности стрессового контроля, позволяющие оптимально проявить поисковое поведение.

Игнорирование различий культур, их особенностей в построении разных картин мира, насильственное вторжение одной в другую есть преступление против любой культуры, нарушение прав ее носителей. Такая экспансия уменьшает культурный генофонд человечества, делает его более тусклым и примитивным, нарушая принцип дополнительности. Будучи морально порочной, она ведет к отказу от активного поискового поведения (снижая стрессоустойчивость как коренной популяции региона, так и миграционного потока), к росту заболеваний, в генезе которых лежит высокий уровень тревоги, к гипердиагностике умственной отсталости детей.

А.И. Липкин

О дисциплинарном, полидисциплинарном, междисциплинарном и наддисциплинарном подходах в естественных и социогуманитарных науках

Аннотация: в статье дается структура естественно-научного знания, включающая 4 уровня: 1) эмпирических данных, 2) эмпирических законов, 3) конкретных теорий и 4) оснований. Рефлексия 4-го уровня позволяет различать науки и разделы науки внутри них, их «институциональные окружения», дисциплины, полидисциплинарное описание явлений, полидисциплинарные и междисциплинарные науки. Рассматриваются аналоги этих уровней и моно-, поли- и междисциплинарности в социогуманитарных науках. Анализируются два типа полидисциплинарного рассмотрения социогуманитарных явлений (объектов): каузального и многослойного.

Ключевые слова: знания, социогуманитарные науки, междисциплинарность, полидисциплинарность, естественно-научное знание.

Осознание своей специфики социальные и гуманитарные науки (СГН) начали в конце XIX в. путем противопоставления себя есте-

ственным наукам (ЕН). Последние воспринимались при этом сквозь призму позитивизма конца XIX в. Я думаю, что подобное сравнение социальных и гуманитарных наук с естественными науками в представлении методологии конца XX в. могло бы еще раз существенно продвинуть самопонимание СГН¹.

Тема конференции — междисциплинарность, но, чтобы ее обсуждать, надо разобраться с понятием *дисциплины*. Судя по приводимому Добреневым и Кравченко² спектру определений «научной дисциплины» (Р. Уитли, П. Бурдые, К. Хондрика, И. Валлерштайна, А.П. Огурцова), здесь нет единства. Однако во всех них акцент делается на социальных институтах, а не структуре знания, не содержании, которое обычно вкладывается в понятие «научное знание» или «наука». С учетом этого возьмем в качестве ориентира определение, данное Мирским в «Философской энциклопедии»: «Дисциплина научная (от лат. *disciplina* — учение) — базовая форма организации профессиональной науки, объединяющая на предметно-содержательном основании области научного знания, сообщество, занятое его производством, обработкой и трансляцией, а также механизмы развития и воспроизводства соответствующей отрасли науки как профессии». В нем «наука» в указанном выше содержательном смысле присутствует в виде «области научного знания» и является лишь одним из элементов в структуре дисциплины, главным же оказывается институциональное окружение, ответственное за «развитие и воспроизводство соответствующей отрасли науки как профессии» (в приводимых Добреневым и Кравченко определениях научной дисциплины акцент на последнем еще более явный).

Рассмотрим, как это определение работает (или не работает) в естественных науках, на примере физики и химии, которым отвечают одноименные науки и дисциплины. При этом особое внимание будем обращать на место науки и ее «институционального окружения». У каждой из них своя логика: в центре науки лежит структура знания, «институциональное окружение» науки ориентировано на массовость производства. Расхождение этих логик создает дополнительные трудности в обсуждении темы поли- и междисциплинарности, поскольку последние непосредственно связаны со структурой знаний, т. е. с науками, а не с дисциплинами.

¹ Такая работа проводится на моем семинаре по философии науки (на пересечении кафедр философии МФТИ и истории науки РГГУ): <http://philosophy.mipt.ru/centerphilandhist/seminars/philsci>.

² Добренев В., Кравченко А. Социальная антропология. М., 2005.

Структура современного физического знания, т. е. *физика как наука*, представляет собой совокупность разделов физики, каждый из которых определяется тем, что у него выделены *основания*, где задаются (определяются) базовые понятия, необходимые для описания базового процесса-движения (по сути, обобщенного движения-перемещения Аристотеля) с участием «первичного идеального объекта» — ПИО (механической частицы в механике, электромагнитной волны и заряженной частицы в электродинамике и т. д.). Они четко выделены в курсах «теоретической физики», их порядка десяти: классическая механика, электродинамика, квантовая механика... *Объединяет эти разделы в физику* следующее: во-первых, представление любого из этих базовых процессов-движений как переход неизменной физической системы-объекта (ПИО) из одного состояния в другое (в химии другой процесс — превращение веществ, т. е. химическая реакция), во-вторых, использование при построении ПИО различных модификаций и сочетаний всего двух прототипов — частицы и сплошной среды (в химии это атомы). Теории конкретных (частных) явлений (объектов) строятся из ПИО различных разделов физики (то же в химии).

В результате, исходя из структуры естественно-научного знания, мы можем выделить следующие уровни: 0) «сырой» материал — «необработанные» эмпирические данные; 1) обработанные данные, прошедшие стадию «анализа данных»; 2) эмпирические законы (типа законов Кеплера или Ома), которые прямо не выводятся из первых («проблема Юма»), но выражены на том же языке, что и эмпирические данные. «Уровни материала» имеют свои аналоги в СГН. При этом 0-й уровень — то, что позитивисты мыслили как чисто эмпирический, но он оказался теоретически нагруженным (измерение силы или заряда уже предполагает наличие механики и теории электричества, где данные понятия появляются). Еще более теоретически нагружен 1-й уровень, который предполагает более сложную дополнительную обработку данных с использованием различных методов. В физике 1-й уровень присутствует не всегда, а в истории и СГН, возможно, почти всегда, что усиливает проблему теоретической (а в СГН и ценностной) нагруженности фактов. Но здесь можно использовать ход, предложенный К. Поппером в естественных науках: если обработка данных использует методы, которые считаются соответствующим сообществом проработанными и адекватными (непроблематизируемыми), то их применение не проблематизирует возводимые на их основе построения. Такие достаточно проработанные теории (и методы) и другие — те, что строятся на основании обработанных с их помощью данных, К. Поппер называл «наблюдательными» теори-

ями (лучше им подходит название «приборные»). 2-й уровень в СГН не очень интересен.

Главный интерес для заявленных в названии статьи вопросов будет иметь 3-й уровень — уровень конкретных теорий (т. е. теорий конкретных явлений типа движения планет), использующих теоретические понятия (типа «масса», «сила»), отсутствующих на первых двух уровнях и заимствованных из 4-го уровня — уровня оснований. В СГН 4-й уровень проявляется в наличии общедисциплинарных понятий (типа «идеальных типов» М. Вебера), которые используются при теоретическом описании конкретных явлений. Опираясь на различие 3-го и 4-го уровней (игнорируемое подавляющим большинством авторов), приступим к обсуждению моно-, поли-, меж- и наддисциплинарности и связанной с этим терминологии, с которой сразу же начинаются неприятности.

Начнем с монодисциплинарности. Из структуры естественных наук следует возможность превращения в дисциплины разделов науки. Но по факту, с одной стороны, есть примеры замыкания в дисциплины подразделов науки, имеющих большое прикладное значение, с другой — в номенклатуре журналов и курсов лекций физика не членится на разделы. Разделы проявляются в некоторых рубриках и спецификациях, но это недотягивает до полного набора институтов, связываемых с понятием «дисциплина». Более того, если такие рубрикаторы появляются, то они более соответствуют представлениям «общей», а не «теоретической» физики, т. е. отвечают (как и школьное и высшее нефизическое образование) старому, а не новому типу структурирования физических знаний³. В результате вопрос о том, являются ли разделы физики дисциплинами, остается открытым: по логике специализации вроде бы просматриваются многие характеристики необходимых для образования научной дисциплины институтов, но степень их реализации явно недотягивает до этого статуса.

³ До сер. XIX в. и в физике, и в математике базовые понятия задавались как неопределяемые, но очевидные. С появлением неевклидовых геометрий и электромагнитного поля этот способ определения оказывается недостаточным, наступает кризис оснований, выходом из которого стал «неявный» тип определения, введенный Д. Гильбертом в конце XIX в., что позволило ввести более сложные и менее наглядные понятия. Курсы «общей» и «теоретической» физики отвечают старому и новому типам задания и структурирования физического знания (поэтому между ними есть расхождение в делении на разделы: в курсах «общей физики» есть разделы «оптики» и «атомной физики», в курсах «теоретической физики» их нет; там они являются подобластями «электродинамики» и «квантовой механики»). В биологии, похоже, этого перехода пока не произошло. Возможно, в СГН тоже пользуются старым способом определения понятий.

Теперь перейдем к обсуждению темы *полидисциплинарности*. В естественных науках 3-му уровню (уровню теорий конкретных явлений) отвечает использование ПИО из разных разделов науки и даже разных наук (физики и химии). Такое *полиписание* аналогично для случаев, когда используются ПИО из разных разделов одной науки или из разных наук (отвечающих разным дисциплинам)⁴. То есть надо говорить не о полидисциплинарности, а о полинаучности и «полиразделонаучности». Это неудобоваримо, но отражает суть дела, ибо институциональные аспекты, центральные для понятия «дисциплины», здесь не важны. Это высвечивает терминологические трудности. Их можно смягчить использованием кавычек: заменять требуемое по смыслу полинаучное на более общепринятое полидисциплинарное, но в кавычках.

Кроме полиписания явления существуют полинауки, т. е. *полидисциплинарные науки*, примером чего является физическая химия «в издании» XIX в. (в XX в. она смешивается с квантовой химией, о которой речь ниже). Здесь, например, химическая реакция, скорость которой зависит от распределения в пространстве веществ и температуры, выделяет энергию, что приводит к потокам вещества и тепла, описываемых физикой (неравновесной термодинамикой в широком смысле слова), последние же влияют на скорость химической реакции. Этот процесс описывается совместной системой уравнений, где *через параметры-факторы* температуры и концентрации физика входит в химические уравнения (и отвечающие им процессы), а выделяемая в химической реакции энергия как параметр-фактор входит в физические уравнения (и отвечающие им процессы). Для СГН это отвечает случаю, когда в экономической модели учитывается в качестве фактора что-то от культуры или политики.

Более сложный случай представлен *квантовой химией*, где воздействие происходит на 4-м уровне (а не 3-м, как выше), базовый ПИО химии (атом) рассматривается как объект описания квантовой механики (раздела физики), что существенно сказывается на формулировке оснований химии. Этот случай уместно охарактеризовать как случай «*междисциплинарной*» науки.

⁴ Например, теория движения заряженного шарика в жидкости при наличии электромагнитного поля будет использовать ПИО трех разделов физики: гидродинамики, механики и электродинамики. Более того, возможно сочетание ПИО физики и химии при описании биологических явлений и объектов (в молекулярной биологии). Это простейшие типы «*полидисциплинарных*» теорий 3-го уровня для «полидисциплинарных» объектов и явлений в естественных науках.

Такое различие «*полидисциплинарности*» и «*междисциплинарности*» вполне соответствует приводимому Е.Н. Князевой⁵ различию (по Морену) на «полидисциплинарные исследовательские поля, междисциплинарные исследования и трансдисциплинарные стратегии исследования». Правда, *междисциплинарными могут быть не только исследования, но и науки* (или разделы науки) типа квантовой химии, биофизики и т. п. Что касается трансдисциплинарности, то Князева к ней относит синергетику⁶, которая, во-первых, является наукой, а не стратегией, во-вторых, это пример не «трансдисциплинарности», а «наддисциплинарности», ибо, *как и в теории колебаний*, здесь рассматриваются не конкретные типы движения, а формы движения, которые могут иметь место в различных дисциплинах (в любом разделе физики, в химии, в экологии...)⁷.

Еще одна важная черта естественных наук, которая может быть интересна при сравнении с СГН, состоит в том, что, несмотря на пост-позитивистскую революцию в эпистемологии, естественные науки, похоже, не испытали такого потрясения основ, как СГН. В значительной степени это связано с наличием четкого 4-го уровня в структуре естественно-научного знания.

Теперь посмотрим на обсуждаемые вопросы со стороны СГН. Начнем с «*монодисциплинарности*», с вопроса о том, как здесь задаются науки. Определение типа «социология — наука об обществе», т. е. определение через объект исследования, будет аналогом определения типа: «физика — наука о неживой природе» (похожее определение можно найти в философских словарях). Такой тип определений, во-первых, слишком неопределен, во-вторых, приводит к проблеме отличия от социологии — политологии, а от физики — химии. Можно пойти по пути, используемому в специальных (физических, химических) энциклопедических словарях, где определение физики (химии) сводится к перечислению того, чем занимаются физики (химики), что можно свести к формуле: «физика (химия) — это то, чем занимаются физики (химики)»; соответственно, «социология — то, чем занимаются социологи». По сути, это определения в духе Т. Куна. Отличное от этого содержательное определение физики (и химии), данное мною в

⁵ Князева Е.Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник ТГПУ. 2011. № 10 (112). С. 194.

⁶ Там же. С. 195.

⁷ Обсуждение в литературе синергетики, как и роли наблюдателя в квантовой механике, сильно мифологизировано (см. соответствующие главы: Липкин А.И. Концепции современного естествознания: Физика, химия, синергетика: Курс лекций. М., 2009; Философия науки. М., 2007).

начале статьи, опирается на выделение 4-го уровня в структуре научного знания. Проведение подобного типа работы для СГН поставило бы обсуждение меж- и полидисциплинарности в СГН на фундамент, который позволил бы четче формулировать и анализировать многочисленные вопросы, поставленные Л.П. Репиной⁸.

Теперь обратимся к рассмотрению некоторых типов междисциплинарности в СГН. В упоминаемых Л.П. Репиной дисциплинах типа «экономической истории», «политической истории» и т. п. история создает историческое измерение для понятий, введенных в соответствующих СГН. Это напоминает приведенный выше случай «квантовой химии» в естественных науках, т. е. речь идет о «междисциплинарности», отвечающей изменению базовых понятий одной науки под воздействием другой на 4-м уровне структуры научного знания. Такой тип «пересечения» наук возможен и для других СГН, примерами чего могут служить «экономическая политология»⁹ и «экономическая социология»¹⁰.

Второй вариант «пересечения» наук — «пересечение» на 1-м уровне — демонстрирует история как поставщик исторического материала для различных СГН (я не знаю аналогов этому в естественных науках).

Наконец, третий вариант «пересечения» наук происходит на 3-м уровне. В этом случае речь идет о «*полидисциплинарном*» описании объектов (или явлений) в истории. Примером такого «полидисциплинарного» объекта является общество (или человек).

⁸ Репина Л.П. Интердисциплинарная история вчера, сегодня, завтра // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2003. В гуманитарных науках при создании 4-го уровня еще сталкиваются с проблемой понимания герменевтического круга, возникающей в связи с построением системы базовых понятий, адекватных данной культуре.

⁹ «Выделение дисциплины экономической политологии из общего содержательного потока знаний о политике вызвано потребностью в более пристальном изучении отношений бизнеса с государством и обществом» (Богатуров А. Д. Понятие экономической политологии и особенности ее проблемного поля в России // ПОЛИС — политические исследования. 2011. № 4. С. 8).

¹⁰ Экономическая социология (как специальная социологическая теория) исследует закономерности экономической жизни с помощью системы категорий, разработанных в рамках данной науки, главные из которых — социальные механизмы регулирования экономических отношений и процессов, экономическое сознание, экономическое мышление, экономические интересы, экономическая культура, экономическое поведение. Развитие экономики она описывает как социальный процесс, движимый активностью функционирующих в ней социальных субъектов, а также взаимодействием социальных групп и слоев (Соколова Г.Н. Экономическая социология. Минск, 1995).

Здесь можно выделить два подхода к рассмотрению такого объекта. Один, хорошо известный и ярко представленный в марксизме, строит *каузальные* цепочки, выводя явления и объекты одних СГН из других, например политические и культурные из экономических («надстройку» из «базиса»). Это напоминает проникнутый физикализмом подход «глобального эволюционизма» в естественных науках, успешность которого явно преувеличена, поскольку, во-первых, он не справляется с проблемой происхождения жизни, не говоря о происхождении человека и общества, ибо тут существуют качественные скачки, а во-вторых, требует серьезного анализа вопрос о границах применимости тех разделов физики (ОТО, термодинамика, квантовые теории поля), которые используются при конструировании модели рождения Вселенной¹¹.

Другой подход я бы назвал «*многослойным*». Здесь выделяются несколько параллельных слоев реальности (например, политической, экономической, культурной — со своими слоями), в каждом из которых возникают свои структуры и процессы со своей логикой. В первом приближении можно, по-видимому, считать, что каждому слою соответствует наука со своим 4-м уровнем. «Полидисциплинарность» возникает здесь при рассмотрении взаимодействия слоев, которое может заключаться в поддержке и усилении (или, наоборот, в ослаблении) процессов и структур одного слоя другим слоем. Из аналогий с естественными науками ближе всего к этому будет, по-видимому, случай «полидисциплинарной» науки типа «физической химии».

Приведу пример «многослойного» рассмотрения в СГН¹². «Представление об индивидуальном назначении жизни человека возникает на довольно поздней стадии развития древних обществ (одно из первых упоминаний об этом мы находим в X таблице аккадского эпоса о Гигальмеше, относящемся ко II тыс. до н. э.). Оно появляется при столкновении двух доиндивидуальных образов: образа эпического героя, олицетворявшего в рамках общинной структуры представления о неограниченных экспансионистских возможностях племени, и более позднего надплеменного образа “государственных” богов.

¹¹ Липкин А.И. Место 4-мерного пространства-времени в теории относительности Эйнштейна. Методологический анализ // Актуальные вопросы современного естествознания. Вып 4. М., 2006. С. 19—26.

¹² Липкин А.И. «Духовное» и «политическое» «ядра» «локальной цивилизации» и их столкновение в истории России (репринт WP17/2012/01). Сер. WP17: Научные доклады Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ ВШЭ НИУ. М., 2012.

В соперничестве героев и “государственных” богов верх одерживают боги. Из двух основных атрибутов богов — бессмертия и праздника — герою доступен только праздник. “Боги, когда создавали человека, смерть они определили человеку, жизнь в своих руках удержали”, — говорит “хозяйка богов” Сидури Гильгамешу. — “Ты же, Гильгамеш, насыщай желудок, днем и ночью да будешь ты весел, праздник справляй ежедневно, днем и ночью играй и пляши ты!.. Гляди, как дитя твою руку держит, своими объятиями радуи подругу — только в этом дело человека”». Последнее есть гедонистический индивидуальный смысл жизни человека. То есть новый смысл (первый индивидуальный смысл жизни) возникает в ходе процессов, идущих в слое культуры, в результате столкновения двух культурных традиций. Но новые смыслы могут быть востребованы обществом или нет. Пока оно живет в социально-политическом и экономическом слоях по правилам и нормам, основанным на традиции, новый смысл ему не нужен. Но в жизни общества под воздействием социально-экономических процессов (т. е. в социальном, экономическом и политическом слоях) наступает время, когда разрушаются сами традиции. И тогда-то возникает запрос на индивидуальный смысл жизни. Распространение эгоцентрического смысла жизни порождает новые проблемы в социально-политическом и культурном слоях, что порождает новые процессы. В результате возникает последовательное взаимное воздействие между идеями из культурного слоя, являющимися продуктом культурных процессов, и социально-политическими структурами/процессами, идущими по своей логике.

Что касается «наддисциплинарности», то примером наддисциплинарной науки в СГН (аналогом синергетики и теории колебаний) является семиотика.

Итак, из приведенных аналогий видно следующее. Во-первых, следует различать науки как совокупность знаний, их «институциональное окружение» и возникающие на их основе дисциплины; проблемы поли- и междисциплинарности связаны с науками, а не дисциплинами. Во-вторых, требуется более глубокий анализ сути базовых понятий СГН как наук, состоящих в выявлении у них 4-го уровня (базовых понятий). В-третьих, полезно различать «полидисциплинарное» исследование «полидисциплинарных» объектов, «полидисциплинарные» науки, где взаимодействие между науками происходит на 3-м уровне, и «междисциплинарные» науки, в которых происходит синтез на уровне средств (на 4-м уровне). Имеет смысл ввести и понятие «наддисциплинарность».

A. M. Küçükkalay, İ. Köremezli

Question of Specialization and Repudiation of Traditional Methodology in Social Sciences

Abstract: *This study intends to critique and challenge existing approaches to the research methods in social sciences, and to offer some recommendations to construct a more comprehensive methodology. This work argues that traditional research methods have basic practical deficiencies which hinder further progress in social sciences. Therefore, one has to ask if introduction of a new methodological approach is required. In this work, methodological handicaps caused by (over) specialization will be discussed and the necessity to employ an interdisciplinary research method will be demonstrated. The results of this research are expected to show that studies in social sciences, i. e. history, sociology, psychology and economics can be more reflective and challenging thanks to inter-disciplinary projects.*

Keywords: *Specialization, Interdisciplinary Studies, Social Sciences, Research Methods.*

All social sciences are like flowers in the backyard of an estate. No matter which one you smell.

Fernand Braudel

There is no boundary for anyone who destroys the walls of his mind.

Mehmet Genç

1. Introduction. Emerged after the disintegration of philosophy in the 19th century, social sciences disciplines have faced pressing fundamental problems. Basic source of these problems has been the effort of social scientists to prove their capacity to provide scientific knowledge as good as positive scientists do. The effort to show that social sciences are “scientific” has necessarily placed them into a rapid quantification process. As such, social sciences succeeded in generating verifiable knowledge, but in time they have unfortunately transformed into a mechanism which produces only abstract knowledge. As a matter of fact, social sciences have distracted from human and society — very basis of their own existence.

Aspiration for specialization has also been a significant problem dealing with individual and society. It is true that specialization has promoted the production of comprehensive knowledge on specific research questions.

Moreover, it is commonly thought that only specialization can pave the way for development of paradigms, education of scientists as well as construction of useful theories. This specialization fashion has sustained more than a century, and despite critics it has preserved its very existence until 1990s. Accordingly, economics, history, sociology and psychology established their own sub-branches, and dispersed from the “whole”. They have thus started producing unreal investigation objects regarding which they just offered abstract theories. Therefore, tradition of specialization has brought scientific schools and styles; on the one hand, it has however caused grave problems for the progress of social sciences, on the other.

To be sure, each social science discipline has been studying the very same subject matter: individual and society. However, interestingly members of any of the branches of social sciences suppose that their outcomes are unique, essential, and even indispensable for explaining the subject matter whatever it is. Actually, lacking the essential dialogue with other social sciences — a sign of demise of their own existence — they have tried to prove their own superiority over other disciplines. Building blocks and drawing unnecessary borderlines between disciplines, which prevented the necessary communication within social sciences, is here called as “overspecialization”. In this respect, we argue that loosening the connections between disciplines due to over-specialization has weakened the quality as well as quantity of scientific production.

After explaining development of social sciences from the 18th century on, this presentation will primarily discuss the irrationality of “overspecialization”, which has hampered the development of the scholarship in many ways. There is an urgent need for a change of mind. Appropriate answers given to the above-mentioned questions might produce a new wave of social sciences tradition, which is more prone to dialogue and cooperation. This presentation argues that social scientists in different disciplines should necessarily cooperate (even with natural scientists) without raising walls, drawing strict boundaries, and encapsulating scientific efforts within very narrow areas of research.

2. *Emergence and Development of Specialization in Social Sciences.*

The venture of departmentalization of social sciences has started in 1600s. For the first time in the 17th century, scientists who were dealing with astronomy and physics, departed partly from philosophy¹. Developments in physics, astronomy and mathematics were just a beginning. There was not yet much difference between science and philosophy in the 17th and

¹ Demir Ö., İktisat ve Yöntem. İstanbul, 1995. P. 1—2.

18th centuries, but in time natural sciences have transformed². The origins of separation lied in the positivist methodology of natural sciences. Certain results attained by empiricist methodology, for the first time, asserted the belief of superiority of natural sciences, and theology should be replaced by philosophy. By the 19th century, it was generally accepted that natural sciences and philosophy were different in essence³.

From the second half of the 18th century to 1950s when natural sciences parted from philosophy, there were dramatic social transformations in European society. Humanism and nationalism were significant aspects of these transformations. This remarkable process included industrial revolution, transformation of social classes and emergence of nation state. Philosophy then alleged to explain individual and society, and holistic ideas related to society were accepted to be insufficient. Consecrated human mind, new thinking, which emerged during enlightenment and pioneered by Immanuel Kant, put individual at the center. Thus, individual and his mind were thought to be freed. While universal facts, which were believed to have been identified by God, were shattered, society lost its coherence⁴.

Thus, new disciplines have appeared, i.e. economics, history, sociology, psychology and anthropology. Each of these disciplines started institutionalization and drew their boundaries⁵. They endeavored, on the one hand, to *settle in* university departments, and on the other hand, they claimed their positivism as a proof of having a solid methodology.

As an answer to harsh critics of natural sciences such as astronomy, mathematics, and physics, they have tended to specialization and quantification. Economists have especially inclined to use mathematics and statistics in their researches. P. A. Samuelson’s PhD dissertation was an important turning point for the quantification of economics. According to D. McClosky, until 1990s, mathematics has been highly influential in economics⁶. Actually, some academicians were aware of undesirable outcomes of such a process in economics⁷.

² See: Yıldırım C., Bilim Felsefesi. Remzi Kitabevi, 3th Edition. Ankara, 1991. P. 24—43.

³ Gulbenkian Komisyonu Raporu, Sosyal Bilimleri Açın (Trans. Ş. Tekeli), 2009.

⁴ Mesud Küçükcalay A., İktisadi Düşünce Tarihi. Beta Yayınları. 3th Edition, İstanbul, 2011. P. 208—213.

⁵ Wallerstein I. Yeni Bir Sosyal Bilim İçin (Trans. E. Abanoğlu), 2nd Edition, İstanbul, 2005, P. 18.

⁶ For the development of economics and its relations with history of economics throughout the 20th century see: McClosky D., Does the Past have Useful Economics? // www.thomes.com/ecozone.htm. 6 April 2003.

⁷ See: March Blough. No History of Ideas, Please, We are Economists // Journal of Economic Perspective. Vol. 15. No. 1. 2001. P. 145—164.

There was a parallel process in History in which, it was unfortunately trapped in narrow boundaries having only weak contacts with other disciplines. Historians have generally limited their studies to archival resources, by which the biographies of great men or politics among great powers were written, while ordinary people were generally ignored⁸.

Philosophy also has started to produce just abstract ideas, and consequently lacked the capacity to develop answers for social problems. Scientists themselves unconsciously triggered and facilitated these unfortunate developments. Disciplines thus turned out isolated compartments, characterized with no awareness of each other, no understanding of time and space, detachment from individual and society as well as a total negligence of social problems.

Nevertheless, by the end of the Cold War, social scientists from post-communist countries and the western academia have asked “what is to be done?” The role and aim of social sciences have yet been under debate. Critical theories and postmodernist perspectives have been questioning the credibility of the hegemonic theories. Accordingly, many scientists have accepted that they should answer the actual troubles and tragedies of humanity, and to find common research questions in the globalizing world rather than artificial, narrow or politically oriented ones.

3. Drawbacks of (Over) Specialization in Social Sciences. To be sure, most academicians do not bother to collaborate with researchers in other disciplines or at least to possess some knowledge in different branches of science. Though the process of specialization, on the one hand, facilitates the academicians to attain in-depth knowledge, on the other hand, causes the social scientists to face certain problems. Nevertheless, exclusion of other social sciences (as well as natural sciences) by overspecialization has several undesirable effects on the research process, which can be summarized under the following headings.

Paucity of Research Questions: Overspecialization limits research questions in narrow boundaries of a discipline — in other words, exclusion of extensive set of possible and plausible questions. Scientist, who ignores other branches of social sciences, naturally rules out of consideration of asking many questions. In consequence, universal outcomes will not be able to be offered.

Insufficient Methodological Tools: Specialization may result in exclusion of methodologies of other disciplines. This, in turn, brings monotony and uniformity of research methods employed. Obviously, many of such researches are doomed to fruitless results. Abundance of

data, quantity of products as well as better assessments of them — all of which are natural results of diversity of research methods- have been thus prevented. Methodological collaboration, on the other hand, might suggest a great variety of source materials as well as methods.

Insufficient Data Found and Employed: Exclusion of works in other disciplines may result in a shortage of data to be used. Each discipline, therefore, has to build up its own data. Findings not shared will not be common tools of the social sciences as a whole. A historian, economist or a sociologist, who is unaware of already found data, will waste time by collecting quantitative data related to his/her own discipline. An economist can, on the other hand, produce original works by making use of abstract theories of economics together with historical and statistical explorations.

Impediments to Critical Thinking and Academic Production: Intimate relations with other disciplines, an inclusive academic perspective, as well as courage to clash with paradigmatic structure are necessary elements of scientific development. Established boundaries of disciplined minds slow down the academic tempo and decrease the quantity as well as quality of academic works.

Inefficient Theoretic Tools: Specialization also results inefficient use of theory. Each social science discipline can be devoid of an analytical tool that other disciplines may have. For instance, a historian can extract the numbers regarding population, income, tax, land, etc. from an archival document. However, he might not sufficiently use all of fresh information lacking previously established theoretical tools of economics, sociology, even statistics and econometrics. In other words, with theories of other disciplines archival exploration can make more sense. On the other hand, an economist or sociologist may use the methods of a historian, and employ theories of history for valuable and comprehensive explanations and meaningful interpretations of data.

Misconception about Having Un-falsifiable Data: As a result of overspecialization in social sciences, scientists assume that their own discoveries are unique, and they present their findings as established facts which cannot be refuted. Accordingly, each discipline explains individual and society through its own perspective, and tends to see their explanations as the sole reality. This, in turn, brings tension and exclusion instead harmony to the scientific researches.

Inadequate Results: Exclusion of methodological and epistemological viewpoints of other disciplines certainly affects the very quality of the product. Outcomes and theories obtained will necessarily be local rather than inclusive. Therefore, conceptual and theoretical development of social sciences will be hampered. Besides, theories and results will not be

⁸ See: *Iggers G.G. Yüzyılda Tarih Yazımı*. İstanbul, 2000, P. 1—30.

effective in order to solve the actual problems of the contemporary society. For instance, an economist who lacks an understanding of time and space by excluding theories of sociology and history will unlikely make any original contribution. Achieved results will thus be doomed to offer just an unpretentious study.

Divergence from Problems of Society: The most important undesirable outcome of specialization in social sciences is probably, the weakening of the efficiency of Academia in solving the problems of individual and society. Specialization was primarily promoted after the scientific revolution to shape and control society. For this reason, social sciences have just tried to answer only part of the problems of society, which were asserted and prioritized by mainstream theories. During the 20th century, and particularly in the Cold War era, social sciences assumed such a mission.

Manipulation of the Men of Science: Although scientists should waste their efforts to find answers to the problems of society, most of them have turned into disconnected people from the real world who serves only for the hegemonic belief systems. It can be argued that specialization in social sciences may manipulate the scientists to weaken the progress of critical mind. Therefore, scientists lacking critical mind hinder the feasibility, applicability and utility of scientific progress.

Academic Blindness: Stuck in their own paradigms many social scientists do not consider anything beyond theories that they employ. This obviously brings about a curious “scientific blindness”. Defining a routine and narrow path for searching the “fact”, disciplines obviously discipline the researcher. It is certainly a kind of blindness that narrows, and even darkens the perspective of the scientist. The reference letter prepared by Poincare for Einstein can be recalled as a good example for academic blindness. Einstein wanted to study in Switzerland and asked Poincare to write a reference letter for him. In his letter, Poincare remarked that though Einstein had some weird idea of “theory of relativity”, he was still a good mathematician who could accordingly be used. Human history is no doubt full of such anecdotes. Particularly during the pre-enlightenment period explorers of several developments in astronomy who possessed original ideas were excluded from the scientific circles. Fyodor Mihayloviç Dostoevsky underlines a similar viewpoint in his celebrated novel, *Notes from the Underground*. He criticizes established structures and refuses status quo in human mind and social life. He asserts the necessity of the fight between the original and its contradiction. As a matter of fact, throughout history of science many significant discoveries come from people who were out of that branch of science or discipline.

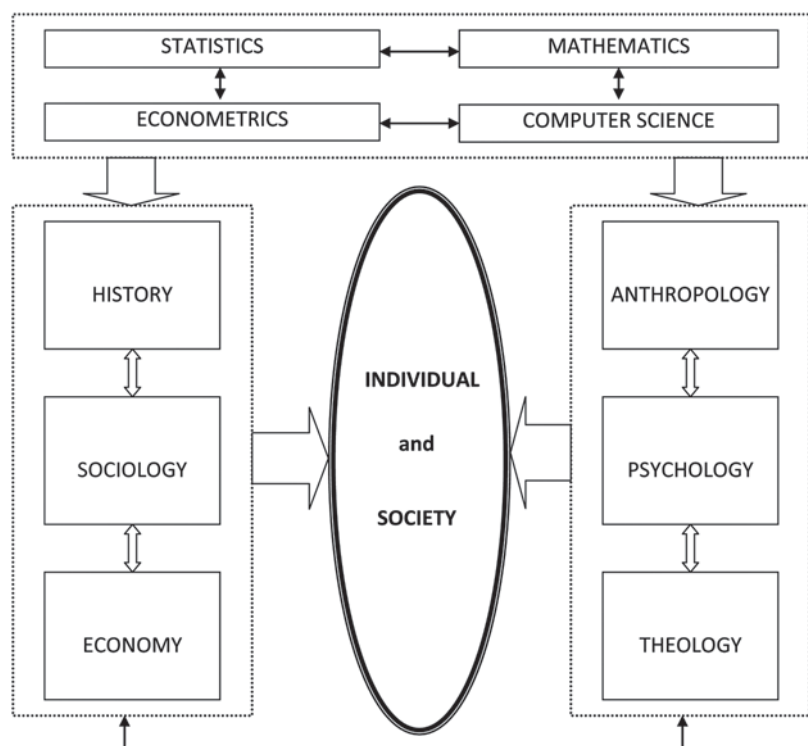
4. Conclusion and Suggestions. Disciplines discipline the academician. This, by no means, defies the necessity of disciplines for contemporary scientific research. It is obvious that both basic and advanced training in every field of research relies on knowledge and methodology rooted in a strong disciplinary tradition. Besides, accumulated experience in theory and practice paves the way for the disciplines to afford information and knowledge without having to repeat every experiment and checking every theory. Specialization in a field may result in obtaining a very detailed information and analysis on a specific aspect of one of the branches of science. It, however, sometimes causes distraction from the big picture. It may also be a reason for turning a deaf ear to contributions to the scientific knowledge by the researches of other scientific fields. “My methodology is the only viable one” is for instance one of the common misconceptions of Academia in general. It is also well known that knowledge basically grows at the periphery, in other words, at the borderline of two or more disciplines. As we all well know from the history of science, many new ideas come from outside the narrow confines of established disciplines.

Loose connection among social sciences should therefore be strengthened. Technology and transformation of society made the invented boundaries futile. Language is now hardly a barrier for researchers as well as geographical remoteness. Ideological differences are not of significance as well. Thus, Turkish academicians can come to present their works in Moscow without any barrier whatsoever. However, mental boundaries still endures. Developing communication and transforming society necessitate establishment of a new scientific perspective which is necessarily inclusive. Application of a multidisciplinary approach has the advantage of bringing more tools and adding more dimensions to scientific studies. Therefore, methodologically and philosophically researcher stands on a more solid foundation.

Individual and society should therefore be studied in a global and comprehensive way. Explorations in different branches of science should assist each other, by which theories and data explored and established can be the legacy of science in general. To achieve such a scientific environment, we need to possess a broader perspective and insight as well as mutual understanding in Academia.

We believe that multidisciplinary efforts will not only bring academically better outcomes, but also a mutual understanding inside the Academia. In other words, it will transcend the borders of our mind and will convey some kind of awareness for the harms of unnecessary fragmentation. We argue that trans-boundary researches are of significance. Historians, political scientists and economists all apply their scientific methodologies to have an understanding of human affairs and explain them.

Proposed Multidisciplinary Study in Social Sciences

This presentation focused on the main problems resulting from absence of necessary connections among social science disciplines. In the last two decades, the necessity of cooperation among disciplines of social sciences has justly been recognized by post-positivist tradition. Suggestions of this study are shown in the graphic below. According to the graphic below, social disciplines, for several reasons, should be in connection with each other during their research process. In this work we suggest:

a. They should conduct their scientific research in an interdisciplinary fashion. They must borrow scientific questions, data and methodologies of each other;

c. They should ask for technical support from several branches of positive sciences such as mathematics, statistics, econometrics and computer programming;

d. They should be open-minded for scientific development in the light of critical thinking;

e. They should respect scientific findings in other disciplines;

f. They should ask the overlooked questions of the contemporary society, and try to find out coherent answers to them.

Б.Б. Леонтьев

К вопросу об иерархии научных знаний и эффекторах как междисциплинарных объектах исследований¹

Аннотация: наибольший прогресс в социуме развивается при правильном учете иерархии и сбалансированности всех знаний. В понимании и использовании этой иерархии состоит смысл политических, деловых и научных приоритетов любого государства. В обеспечении правильной сбалансированности компонент в науке, образовании, экономике и политике состоит стратегический успех любого государства и всех его субъектов.

Ключевые слова: анализ, государство, иерархия, интеллектуальная собственность, институт, классификация, общество, стратегия, эффектор.

Для современной системы образования и в России, и за рубежом характерно доминирование гуманитарного знания над научно-техническим. Наплыв в гуманитарные вузы и отток в научно-технических объясняется промахами советской политики коммерциализации отношений и относительной простотой познавательного и образовательного процессов в гуманитарной области. Сложившиеся тенденции ведут к тому, что наше государство через 10—20 лет потеряет независимость в области науки, в инновационной сфере и, соответственно, в экономической, военной и политической сферах. Тенденции развития нашей экономики ведут к прямому превращению страны в сырьевой придаток Запада.

О понятии «иерархия». Проблема иерархии научных знаний в современной экономике и в сфере инновационной деятельности практически не рассматривается, поэтому вытекающее из этой иерархии

¹ Текст с дополнениями и уточнениями публикуется по изданию: Инновации. 2012. № 2 (160).

определение понятия «инновация» до сих пор вызывает множество споров. Иерархия — всеобщее свойство всех процессов, объектов, их элементов в природе и обществе. Если где-то иерархия не обнаружена, значит, там уровень изучения проблемы пока еще далек от научного. Иерархия астрономических объектов, а также растительного и животного мира известна и очевидна даже обывателю. Иерархия химических элементов по различным критериям вытекает из таблицы Менделеева.

Первые упоминания об иерархии исходят из древних Афин. Иерархия (греч. букв. «священноначалие») — расположение частей или элементов целого в порядке от высшего к низшему. Термин «иерархия» впервые встречается у Дионисия Ареопагита (трактаты «О небесной иерархии» и «О церковной иерархии»)². Иерархия в материальном мире более очевидна, чем в сфере нематериальных ценностей, отношений и особенно знаний. Какое знание важнее и нужнее? В зависимости от ситуации и стоящей перед человеком проблемы ответы будут разные. Тем не менее примерно «со 2-ой половины 19 века понятие “иерархия” начинает использоваться в естественных и социальных науках, а с появлением в 20 веке общей теории систем (австр. биолог Л. фон Берталанфи и др.) стало применяться для описания структурной организации и функционирования динамических многоуровневых систем, прежде всего биологических и социальных. Иерархия рассматривается как важнейший принцип, обеспечивающий взаимную корреляцию и соподчинение процессов на различных уровнях системы, каждый из которых специализируется на выполнении определенных функций, причем на более высоких уровнях иерархии осуществляются преимущественно функции согласования, интеграции»³.

Иерархические схемы и системы могут быть однофакторными и многофакторными, двух- и многоуровневыми. «К однофакторным в истолковании происхождения иерархии схемам относятся многочисленные разновидности биологического, психологического, экономического детерминизма, к многофакторным — теория олигархизации Р. Михельса и концепция социальной стратификации П.А. Сорокина. Структура иерархии описывалась как в двухуровневых (управляющие — управляемые, эксплуататоры — трудящиеся, элита — массы), так и многоуровневых (сложные модели социального расслоения) моделях. В перспективе осмысления социальных конфликтов иерархия

² Большая российская энциклопедия: В 30 т. / Председатель науч. ред. совета Ю.С. Осипов. Т. 10. С. 713.

³ Там же.

рассматривалась как форма организации господства и доминирования одних групп индивидов над другими (Р. Дарендорф), а в традициях позитивизма, эволюционизма и структурного функционализма — как необходимая и универсальная характеристика любых обществ систем, социальных процессов специализации и дифференциации (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, американские социологи К. Дэвис, У. Мур и др.)»⁴.

Проблема современной экономики. Существенной проблемой современной российской инновационной экономики является «наводнение» государственных, частных и общественных структур несостоятельными учеными, специалистами и менеджерами, перекрашенными под инновационщиков. Отличие состоятельных специалистов и менеджеров от несостоятельных подробно представлено в статье автора⁵, уже получивших признание у ученых, изобретателей и высококвалифицированных специалистов в разных отраслях экономики.

Перестройка российской экономики образца 1991 г. и ее последующее развитие, к сожалению, произошли не только без должной новой идеологии, присущей всем классическим революциям (например, Великой французской и Октябрьской). Здесь не было должной экономической, научно-технической, промышленной и, соответственно, кадровой стратегии. Поэтому обыватель пускает в ход свою идеологию обогащения, распиливания бюджетных средств группами единомышленников под названием «своя команда», которая идет до конца и своих не сдает. Отсюда неэффективность госкорпораций, где огромные бюджетные средства, вкладываемые в инновационное развитие, не дают необходимой отдачи.

Создатели интеллектуальной собственности в сфере науки, промышленности, энергетики, сельского хозяйства, медицины, информатики и других отраслей слабо понимают и потому почти не учитывают в своих разработках достаточно прямую и четкую *иерархию научных знаний*, о которой пойдет речь в данной статье. Это новое знание позволяет более качественно и эффективно выстраивать системы управления знаниями в самых разных отраслях, корпорациях и институтах. Оно позволяет по-иному взглянуть на всю систему образования, на

⁴ Большая российская энциклопедия.

⁵ Леонтьев Б.Б. Закон, принципы и критерии состоятельности продуктов интеллектуальной деятельности // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2011. № 4. С. 44—53; *Он же*. Закон состоятельности общественных феноменов как продуктов интеллектуальной деятельности // Вестник интеллектуальной собственности. 2011. № 2. С. 3.

различные академические организации и различные образовательные структуры: университеты, академии, институты, колледжи и школы.

Кроме того, это знание позволит родителям и их детям уже в раннем детском возрасте сделать более правильный выбор будущей профессии ребенка и его собственного интеллектуального развития. Дело в том, что в настоящее время зачастую, ставя задачу получить образование и разбогатеть, многие молодые люди и их родители нередко оценивают важнее всего экономику, поскольку это наука о деньгах, о богатстве и благополучии людей, предприятий, государств и народов. Для других важнее всего и перспективнее стала юриспруденция, для третьих — политология или психология. Технические специальности, а тем более фундаментальные научные знания (физика, химия, биология, астрономия, геология и др.) утратили популярность у российских школьников и их родителей ввиду того, что они сложны, непрактичны (на них много не заработаешь) и на их основе свой бизнес не построишь.

О проблемах управления знаниями в корпорациях. Модная сегодня в инновационном менеджменте тема управления знаниями в деловых и ученых кругах все чаще становится основной темой дискуссий. Некоторые руководители госкорпораций, чтобы соответствовать моде и заодно уйти от сложной для них проблемы интеллектуальной собственности, ставят задачу разработки этих систем у себя при полном отсутствии соответствующих специалистов, но при наличии специалистов-исполнителей, не понимающих общего порядка в интеллектуальной собственности (основе управления знаниями). Однако о том, что такое знание и как выглядит единая система знаний, каковы ее структура, функции и иерархия отдельных дисциплин в этой системе, об этих базовых понятиях как о единой системе никто из числа таких «знаниеведов» старается не высказываться. Так, У. Букович и Р. Уильямс, говоря об осознанных и неосознанных знаниях, уходят от формулировки этого понятия⁶. Не оригинальны и авторы учебного пособия «Экономика знаний»⁷. Относительно определенное содержание этому термину дает З.П. Румянцева⁸. В ее трактовке «знание есть продукт общественно-материальной и духовной деятельности людей; идеальное выражение в знаковой форме объективных свойств и связей мира, природного и человеческого». Тем не менее, говоря об управле-

нии знаниями, почти все авторы произведений на эту тему приходят к проблеме управления интеллектуальным капиталом, при этом стараясь избегать фундаментальной проблемы управления интеллектуальной собственностью. Однако в названном модном научном направлении до сих пор отсутствуют многие базовые определения, законы и критерии оценки, без которых управление знаниями пока выглядит недостаточно системно и на практике реализуется неэффективно. Скорее всего, это происходит ввиду отсутствия по данному вопросу каких-либо обоснованных общесистемных соображений.

На наш взгляд, знания — это способности разрешать возникающие проблемы. Это не данность, не информация, а именно способность конкретных компетентных или некомпетентных лиц разрешать проблемы. Компетентные лица проблемы разрешают основательно, стараясь к ним не возвращаться. Некомпетентные постоянно разрешают одни и те же проблемы. У компетентных лиц прогресс очевиден, у некомпетентных наблюдаются большие безрезультатные затраты средств и «топтанье на месте». И те и другие обладают знаниями. Одни — качественными, другие — некачественными. Трагедия ваша личная, когда вами управляют люди с некачественными знаниями, поэтому уходите к компетентным лидерам. Трагедия национальная, когда в госкорпорациях, где зарплата у секретарей на уровне 250 тыс. руб. в месяц, на протяжении ряда лет нет существенных результатов, и это меня как налогоплательщика немало волнует.

Все знания, на наш взгляд, следует разделить на религиозно-философские, точные, деловые и бытовые», где разрешаются личные и общественные проблемы. Среди них, с цивилизационных и общественных позиций, точные научные знания являются наиболее важными как самые точные, системные и практически полезные.

У большинства специалистов в самых разных областях науки складывается представление о том, что нам все знания нужны и все знания важны, каждое специфично по-своему и здесь нет иерархии. Спор об общественной пользе и значимости между физиками и лириками так до сих пор ни к чему не привел, как спор о яйце и курице. В процессе разработки «теории идей» мы нашли множество аргументов в пользу того, что фактически существует четкая и обоснованная закономерность, отражающая естественную и весьма жесткую иерархию знаний, заключенных в феноменах природы и общества. Не знать ее и не использовать стратегически недальновидно и социально опасно. Знание этой иерархии весьма и весьма важно. Оно интеллектуальной элите позволит оптимизировать прогресс среди всех субъектов общества. Оно же позволяет выявлять мировых лидеров, существенно повышать эффектив-

⁶ Букович У., Уильямс Р. Управление знаниями: руководство к действию. М., 2002.

⁷ Глухов В.В., Коробко С.Б., Маринина Т.В. Экономика знаний. СПб., 2008.

⁸ Мильнер Б.З., Румянцева З.П., Смирнова В.Г., Блиникова А.В. Управление знаниями в корпорациях: Учеб. пособие / Под ред. Б.З. Мильнера. М., 2006.

ность вложенных средств у всех адекватных субъектов современного рынка. Непонимание и неиспользование этой закономерности, а тем более противоречие со стороны неадекватных субъектов, ведет всю образовательную и научную систему к медленной деградации. Незнание этой иерархии приводит к деформации здоровых субъектов общества. Как минимум, незнание ведет к существенным потерям и даже к застою в интеллектуальном развитии пренебрегающего этим субъекта. Управлять интеллектуальным капиталом без этого знания — значит допускать стратегические ошибки в самой системе управления.

Эффекторы в научных дисциплинах. Иерархия научных знаний становится существенно более понятной и убедительной, если использовать в научном обороте понятие «эффектор» как источник эффектов. Универсальность этого ключевого термина, введенного в научный оборот автором еще в 1999 г.⁹, состоит в том, что он не только применим ко всем сферам научных знаний, но и коренным образом упрощает логику их изучения, исследования, а также систематику базовых элементов и механизмов, практически в любой научной системе. Об этом, в частности, широко стало известно после лекции Г.Г. Ершовой «Теория антропосистемы» на ТВ¹⁰.

Методология понимания, исследования и применения эффекторов в разных областях научных знаний была описана нами в статье «Экономическая унификация терминологии относительно результатов интеллектуальной деятельности»¹¹. В ней даны определения эффекторов, их классификация, описание эффекторного анализа по пяти зонам формирования и применения эффектора, изложена система измерения эффекторов и дан алгоритм эффекторного анализа сложной техники. В этой статье мы кратко напомним о трех базовых видах эффекторов с позиции естественно-научных, технических и социальных знаний. Эффекторами естественной природы для нас являются все видимые астрономические объекты (среди них самые значимые — Солнце и, в меньшей степени, Луна). Среди геоэффекторов жизненно важными являются атмосфера, водная среда, почва, растительный и животный мир. Без них наше существование в принципе невозможно. Однако с точки зрения тактики и стратегии применения этих знаний для современного общества наиболее

⁹ Леонтьев Б.Б. Введение в теорию обновления общества. М., 1999. С. 39—42.

¹⁰ Программа «Академия» ТВ-канала «Культура», 2 марта 2011 г. В лекции Г.Г. Ершова, сославшись на автора, рассказала об эффекторах.

¹¹ Оpubл.: Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2011. № 8. С. 19—32.

ценными живыми эффекторами являются все без исключения организмы. Человек является не только живым, но и интеллектуальным эффектором, формирующим ноосферу. Наиболее опасными эффекторами (дефекторами) природы являются землетрясения, цунами, смерчи, ураганы, метеориты, извержения вулканов, потепление климата, изменение состава атмосферы и др. Изменение экосреды, эрозия биосистемы ведут к росту опасных болезней, основными дефекторами которых для нас в биосреде являются определенные микроорганизмы.

Эффекторами техническими с момента пуска их в эксплуатацию являются все технические системы, изделия и технологии, начиная со зданий, сооружений, коммуникаций, шахт, объектов энергетики, транспорта и объектов сельского хозяйства. Наиболее ценными социально значимыми эффекторами, поддерживающими и развивающими технику и технологии, являются авторы лучших изобретений и разработок как наиболее знающие свои объекты с позиции их эксплуатации, развития и обеспечения безопасности. Потенциально наиболее опасными техническими эффекторами для нас являются средства вооружения и крупные плохо управляемые технические объекты, неправильное изготовление и эксплуатация которых ведут к техногенным катастрофам.

Эффекторами социальными являются деньги, права, методы, методологии, стандарты и другие механизмы регулирования отношений в обществе. Эффекторами являются также политические лидеры стран и общественные деятели, ученые, изобретатели, а также и значимые исторические события. Не меньшую роль играют лучшие творческие и деятельные субъекты, а также наиболее значимые объекты науки, образования, экономики, политики и культуры. Среди них есть более и менее значимые организации, личности, а также их лучшие произведения, включая нормативные и предпринимательские механизмы. Оптимально, когда наиболее компетентные личности в обществе действуют совместно и согласованно. В этом случае прогресс налицо. Роль творческой личности, начиная с авторов наиболее ценных произведений в системе социальных эффекторов, все более весомо оценивается с позиции их общественно полезного воспроизводства, их влияния на развитие и воспитание граждан. В социосреде не менее опасными являются лидеры экстремистских организаций и отдельных стран, невежественно относящиеся к развитию международных и межнациональных отношений, к личностям лучших ученых и их рекомендациям и не использующие их знания с целью развития науки, культуры и обеспечения большей безопасности граждан.

Помимо знания отдельных эффекторов важно также в каждом конкретном случае знать их совокупность и их итоговый системный эффект. Система эффекторов — нечто большее, чем сумма составляющих ее эффекторов. Любая система в зависимости от субъекта управления может демонстрировать разные типы поведения, в том числе опасные и вредные для пользователя и окружающих. Яркие примеры тому: аварии в Чернобыле в Украине, на Саяно-Шушенской ГЭС в России, на японской АЭС «Фукусима—1». Поэтому формировать и эксплуатировать сложную технику без привлечения их авторов значит получить новый фактор риска и к тому же нарушать права автора и разработчика, т. е. производить контрафактную продукцию, объекты.

Эффекторы, представляющие три группы научных знаний (естественно-научных, технических и социальных), обязательно должны быть управляемы и сбалансированы между собой, чтобы процесс был эффективным, а прогресс устойчивым. Для этого в классической организации их ретрансляторами, измерителями и управленцами должны быть лучшие высококвалифицированные творческие личности, включая авторов изобретений и открытий. Лучше всего эту проблему разрешают научные и политические лидеры США. Только высококвалифицированные личности способны быть гарантами успеха. Всех их можно достаточно точно ранжировать по значимости для человека, общества, цивилизации.

Критерии оценки иерархии научных знаний. Помимо эффекторного анализа проблемы иерархии, для большей убедительности необходимо также выявить критерии, оценка которых окончательно убедит нас в наличии иерархии научных знаний. Компетентное ранжирование научных знаний требует, как минимум, умения идентифицировать и измерять самые разные эффекторы. Для этих целей предлагается использовать наиболее важные, с нашей точки зрения, критерии: степень неотвратимости конкретного эффекта, получаемого от действия конкретного эффектора; степень неотвратимости побочных последствий от действия эффектора; точность воспроизводимости и степень управляемости эффектора; степень полноты и детерминированности знания об эффекторе или о системе эффекторов и риски его несоблюдения; степень влияния эффектора или системы эффекторов-дефекторов на здоровье и продолжительность жизни человека.

Если общенаучную иерархическую структуру знаний рассматривать с позиции этих критериев, то ее можно представить в виде табл. 1, где выделены четыре уровня: естественно-научные, технические, социальные и религиозно-философские знания.

Таблица 1

Ранг иерархии	Научные знания	Иерархия знания	Иерархия норм	Функция знания	Цена ошибки	Характер организации	Идентификаторы
1	Естественные	Доминантная первичная	Законы природы	Безусловное знание	Безопасность	Самоорганизация природы	Природа
2	Технические	Вторичная	Законы техники	Развивающее знание	Авария техники	Техноорганизация человека	Техника
3	Социальные	Ресурсивная третичная	Принципы отношений в социуме	Игровое знание	Конфликт	Самоорганизация отношений	Социум
4	Философско-религиозные	Четвертичная	Принципы религиозно-философские	Самокорректирующее знание	Устойчивые заблуждения	Самоорганизация знаний	Секта социум

Здесь иерархия знаний определяется точностью воспроизводимых эффектов, получаемых в результате их использования. Эталонными или безусловными являются природные биофизико-химические эффекты, исследование которых позволяет с определенной степенью точности и уровнем нашей осведомленности идентифицировать природные эффекторы — важнейший объект всех современных эффекторов. Лучше всего изученными и точнее всех среди прочих воспроизводимыми являются объекты техники как эффекторы, воспроизводящие почти точно ожидаемые эффекты, кроме случаев сверхсложных технических систем (Чернобыль и «Фукусима—1»).

Закон естественной иерархии научных знаний. Теперь попытаемся вывести закон естественной иерархии научных знаний. Исследуя с помощью этих критериев степень влияния самых разных эффекторов на человека, общество и цивилизацию, мы приходим к однозначному выводу об иерархии научных знаний. Более того, естественную иерархию научных знаний можно сформулировать в качестве одного из базовых законов функционирования и развития научного знания в обществе. Высшими всеобщими знаниями являются естественно-научные (как привязанные к биологической выживаемости человека). Вторичными знаниями, вытекающими из первых, являются технические (как позволяющие увеличивать продолжительность жизни; прогресс). Третичными знаниями являются гуманитарные, в значительной степени зависимые от высших и вторичных (как возникшие на последнем на сегодняшний день этапе развития социума). Четвертичными общесистемными знаниями являются религиозные (как наиболее субъективные, компенсационные при отсутствии первых трех уровней).

Наибольший прогресс в обществе (государстве) развивается в системах государственного и корпоративного управления, построенных на правильном учете этой иерархии и сбалансированности всех знаний. В знании и использовании этой иерархии состоит смысл политических, деловых и научных приоритетов любого государства. В обеспечении правильной сбалансированности компонент в науке, образовании, экономике и политике состоит стратегический успех любого государства и всех его субъектов. Именно эта иерархия позволяет выявить интеллектуальную элиту в противовес той, что обществу навязывается СМИ и политиками, ориентированными скорее на шоу и развлечения.

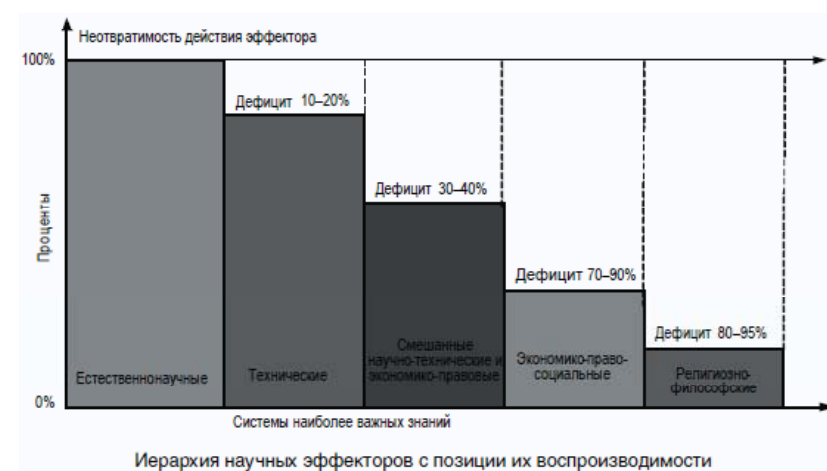
В большинстве случаев эффе́кторами в природе и обществе становится стечение нескольких факторов. Техника, сочетающая в себе ряд важных узлов и деталей, сама становится эффе́ктором в разных процессах жизнедеятельности человека.

Понятие эффе́ктора в науке позволяет существенно упростить осмысление, исследование и обоснование наиболее сложных научных категорий и параметров. В данном случае критерий неотвратимости действия естественно-научного эффе́ктора и его последствий для явлений природы оценивается как абсолютный, поэтому в естественных науках этот критерий практически и теоретически оценивается как стопроцентный. В других, менее точных научных дисциплинах он обладает существенным дефицитом, т. е. неабсолютной его воспроизводимостью. Это происходит потому, что мы в этих дисциплинах не все знаем и обязательно что-то не учитываем. Недочет каких-то факторов на практике обязательно дает неполную и неточную воспроизводимость эффе́ктора (методики). В результате мы получаем не совсем то или совсем не то, что ожидаем. Американцы пока не открыли данный закон и никак его не обосновали. Но их прагматичная логика построения научной и инновационной структуры их инновационных систем и образования в университетах говорит о том, что они живут и организуют науку, инновационную деятельность и образование в соответствии с этим законом.

Сформулируем закон иерархии системообразующих знаний: *иерархия системообразующих знаний для человека и общества во все времена и на всех континентах едина — это иерархически сбалансированные природа-техника-социальные знания и отношения, реализующиеся как самоорганизация индивидуальная, корпоративная и общественная, государственная и межгосударственная; именно в этой последовательности иерархически расположены приоритеты системообразующих знаний.*

Использование этого весьма важного для нас закона и его знание позволят наиболее компетентным лицам в науке, бизнесе, экономике,

социальной сфере и политике избежать множества стратегических ошибок, а наиболее грамотным управленцам — глубже понимать и лучше применять знания о ценностях, возможностях и способностях персонала учреждений, вузов, корпораций, компаний и всякого рода научных академий. Оценивая качество специалистов, организаций и разных государств с позиции пока еще интуитивного понимания этого закона, следует отметить, что объективное большинство понимающих и использующих это знание живет в США, к сожалению для многих россиян. Именно по данной причине утечка мозгов из нашей и других стран происходит в сфере самых ценных и дефицитных «мозгов», по воле политиков оказавшихся бесхозными и невостребованными.

Вся система университетского образования США построена на базе соблюдения этого закона. В американских университетах естественно-научные кафедры и лаборатории создают исходные знания для технических кафедр, которые воспроизводят инновации, а кафедры по экономике, правведению, социологии, психологии и другим социальным наукам, по сути, обслуживают естественно-научные и технические кафедры, через социально-экономические и нормативно-правовые механизмы адаптируя эти высшие знания для успешного использования на практике. Понимание этой иерархии со стороны гуманитариев позволяет принципиально по-новому оценить их роль в российской инновационной экономике. Помогать, а не учить и не возглавлять инновационные организации следует юристам, экономистам,

психологам, социологам и педагогам. Именно это понимание своей роли в экономике США позволило их экономистам сконцентрировать исследования не на терминологии, как в Российской академии наук, а на выделении новых и новейших организационных форм в сфере инноваций. Поэтому понятия «бизнес-инкубатор», «венчур и венчурные фонды», «инвестиционные и инновационные фонды», «стартапы», «песочницы» и прочие новации экономические и юридические исходят из США, а не из России. Таким образом, они полноценно применяются данный закон, не имея его четкой научной формулировки. Это происходит потому, что там более адекватная интеллектуальная элита вокруг правительства, а потому и существенно лучшая и успешная государственная инновационная и научно-техническая политика и экономика, лучшие традиции работы с высококвалифицированным персоналом, чем в прочих странах мира.

Оценка иерархичности и ее сбалансированности и разбалансированности в соотношении различных блоков научных знаний в системах управления государством, регионом, отраслью, крупной корпорацией (Росатом, Ростехнологии и др.) может служить важнейшим индикатором стратегической устойчивости их лидирующих позиций в отдельных направлениях научно-технической, инновационной и коммерческой деятельности. Этот критерий соотношения отдельных блоков научных потенциалов должен быть важнейшим критерием качества менеджмента в системах управления не только знаниями в данной конкретной организации, но и в целом крупными современными корпорациями, мегаполисами, а также государством в целом. Проблема недостаточной компетентности кадров на всех уровнях инновационной экономики особенно характерна для современной России. По этой причине представление и описание данного закона имеет не столько теоретическое, сколько емкое практическое значение. Вопрос лишь в том, нужно ли это знать хорошо устроившимся «распиловщикам» бюджетных средств в разных структурах и корпорациях. Время покажет.

И.М. Савельева

Историческая социология и социальная история в XXI веке: мосты и переправы

Аннотация: в статье анализируется теоретический потенциал представителей «третьей волны» в исторической социологии, кото-

рые фокусируют свои исследования не на типологиях и структурах, а на динамике, изменчивости, неустойчивости, мутациях. Ставится задача объяснить, почему, несмотря на то, что из эпистемического арсенала истории социологами были заимствованы ключевые понятия, аксиоматика и отчасти объяснительная модель, кроссдисциплинарное общение в предложенном теоретическом формате, в том числе и критическая рефлексия со стороны историков, пока не представляются возможными.

Ключевые слова: историческая социология, социальная история, цепи событий, темпоральность, случайность, «критические перекрестки», каузальные связи, социальные структуры.

Если использовать метафорику, выбранную устроителями данной конференции, и искать «мосты» между историками и социологами, то уместным оказывается заключение историка К. Ллойда: «Важно, что большинство попыток навести мосты между противостоящими сторонами предпринимались со стороны социальной науки/теории»¹. Заключение, прямо скажем, спорное, но предмет обсуждения необычайно важен применительно к исторической социологии и социальной истории. И стены, и мосты возводились в разное время, усилиями как той, так и другой стороны. Если представлять сторону социологов, сегодня мы имеем дело с долгой историей — от А. де Токвиля и О. Конта до нового направления в американской исторической социологии, иногда обозначаемого как «третья волна»². Отношениям этого направления с историей (реальным) и историками (воображаемым) и посвящена настоящая статья.

Начиная с 1970-х гг. активный процесс образования междисциплинарных отношений, формирования многочисленных субдисциплин в поле социальных наук сопровождался постоянной рефлексией происходящего, в том числе в историко-социологическом сегменте. Истори-

¹ *Lloyd Ch.* Toward Unification: Beyond the Antinomies of Knowledge in Historical Social Science // *History and Theory* 47 (October 2008). P. 396—412. P. 401.

² О «третьей волне» см.: *Clemens Elizabeth S.* Sociology as a Historical Science // *The American Sociologist*. Summer 2006, Vol. 37, Iss. 32. P. 30—40; *Adams J., Clemens E.S. and Orloff A.S.* Introduction: Social Theory, Modernity, and the Three Waves of Historical Sociology // *Remaking Modernity: Politics, History, and Sociology* / Ed. by Julia Adams et al. Durham, NC, and London: Duke University Press, 2005. P. 1—72; *Abbott A.* History and Sociology: The Lost Synthesis // *Social Science History*. 1991. V. 15. P. 201—238; *Griffin L.J.* Temporality, Events, and Explanation in Historical Sociology: An Introduction // *Sociological Research and Methods*. 1992. Vol. 20, Iss. 4. P. 403—427; *Sewell Jr. W.H.* Logics and History: Social Theory and Social Transformation. Chicago: University of Chicago Press. 2005.

ки облекали свою рефлексию преимущественно в дискурс о «поворотах», социологи размышляли о стратегиях и результатах собственных интервенций на территорию историков³.

Все же отношения между историками и социологами на протяжении всего этого периода преимущественно сводились к взаимной поучающей критике. В 1987 г. один из ведущих представителей когорты, утвердившей историческую социологию в США в 1970-е гг., Т. Скокпол, на ежегодном симпозиуме Американской социологической ассоциации (American Sociological Association, ASA) призывала историков и социологов к «наведению мостов». При этом первые должны были двинуться в сторону теории (предложенной социологами), стать более «каузальными», менее «дескриптивными», а вторые — сделать эту теорию «более привязанной к месту и времени»⁴.

Но в то время как Скокпол и ее единомышленники убеждали историков типологизировать, сравнивать и генерализовать, их молодые ученики начали экспериментировать с совсем иными подходами к исторической социологии, в основе которых лежал радикальный переосмотр отношения к фактуре и структурам прошлого. Тем самым перекидывался очередной мост на территорию истории. Как мы покажем, речь шла уже не только о новых теориях, но и о радикально ином понимании исторического времени.

Смена поколений. Название интересующему нас направлению в американской исторической социологии дали составители книги «Remaking Modernity: Politics, History, and Sociology»⁵, опираясь во многом на поколенческую интерпретацию трансформации исторической социологии, предложенную в работах Э. Эббота⁶. В целом эволюция дисциплины в персональном, поколенческом и проблемном контекстах может быть представлена следующим образом.

Социологи «первой волны» (К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм и др.) предложили общие объяснительные концепции превращения

³ *Steinmetz G.* The Relations between Sociology and History in the United States: The Current State of Affairs // *Journal of Historical Sociology*. March/June 2007. Vol. 20. Issue 1—2. P. 1—12; *Abbott A.* 1991. P. 201—238; *Abrams P.* *Historical Sociology*. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1982; *Skocpol T.* *Emerging Agendas and Recurrent Strategies in Historical Sociology // Vision and Method in Historical Sociology / Ed. by T. Skocpol*. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1984. P. 356—391; *Stinchcombe A.* *Theoretical Methods in Social History*. N. Y.: Academic Press, 1978; *Tilly Ch.* *As Sociology Meets History*. N. Y.: Academic Press, 1981.

⁴ *Skocpol T.* *Social History and Historical Sociology*. *Social Science History* II: 17—30. 1987. (1988).

⁵ *Adams Clemens, and Orloff.* 2005. P. 1—72.

⁶ *Abbott.* 1991; *Abbott A.* *Chaos of Disciplines*. Chicago: University of Chicago Press, 2001.

европейского общества из традиционного в модерное и разработали механизмы этой глобальной социальной трансформации: классовая борьба, революции, секуляризация, бюрократизация, солидарность и пр.

Социологи «второй волны» (Б. Мур, Р. Бендикс, С. Липсет, Т. Скокпол, И. Валлерстайн, Ш. Айзенштадт, М. Манн, ранний Ч. Тилли и др.), выдвинувшиеся на волне антипарсонсианской революции 1970-х гг. и поворота к академическому марксизму, развивали уже не общие модели развития общества, а концепции, интерпретирующие устройство важных, но все же отдельных социальных феноменов (революция, насилие, власть, экспансия, идентичность и др.), предлагая их типологии и используя, прежде всего, методы сравнительного анализа.

С их работами и выводами историки были неплохо знакомы. В свое время в исторические исследования практически без промедления проникли теория модернизации, миросистемный анализ, типология революций, концепция символической власти и др. И хотя некоторым историкам⁷ казалось, что трудно определить дисциплинарную принадлежность, например, таких известных работ, как «Социальные изменения в индустриальной революции» Н. Смелзера, «Вандея» Ч. Тилли, «Революция и трансформация обществ» Ш. Айзенштадта или «Происхождение власти в обществе» М. Манна, на самом деле это не так.

Историческая социология «второй волны» характеризовалась как раз отсутствием историчности, за что позднее ее создатели и заслужили упреки своих учеников⁸. Еще раньше, чем ученики, пренебрежение великих гуру исторической социологии событийностью и историчностью отметил социолог А. Стинчкомб. Он сказал, что их исследовательская стратегия ведет к созданию «мифов», иллюстрированных лишь подходящими историческими событиями, в то время как все остальные, подобно «мусору», предлагается выбросить, чтобы добраться до «каузальной структуры» или «исторических преобразований»⁹.

Большая часть социологических объяснений «второй волны» представляла собой компаративы, обобщения, не темпоральные по своей логике, а основанные или на логических сравнениях нескольких кейсов (особенно за это критиковали Скокпол), или на анализе статистических регуляриностей, или на логическом отнесении кон-

⁷ *Kammen M.* *Salvages & Biases: The Fabric of History in American Culture*. Ithaca (N. Y.); L.: Cornell Univ. Press, 1987. P. 21—22.

⁸ Надо сказать, что «ученики» всегда подчеркивали важную роль, которую сыграли «учителя» в возрождении исторической социологии в рамках социологической дисциплины.

⁹ *Stinchcombe,* 1978. P. 10, 12—13.

кретных случаев к широким историческим обобщениям и «всеобщим законам»¹⁰.

Если «вторая волна» была ориентирована на типологию, поиски подобия, преемственности и выстраивание на этой основе *больших* нарративов, то поколение исторических социологов, заявившее о себе уже в 1990-е гг., фокусировалось на ином — динамике, изменчивости, неустойчивости, мутациях. Разрабатываемые ими объяснительные модели существенно повышали статус исторических акторов и отдельных событий и, соответственно, концентрировались на непредвиденных долговременных последствиях человеческих действий в развертывании исторических траекторий.

Сразу оговорюсь, что программные работы интересующей меня группы социологов пока кажутся нам более интересными, чем «применяющая практика».

«Третья волна». Это направление в американской социологии уже довольно влиятельно. В наступившем столетии статьи исторических социологов «третьей волны» с завидной регулярностью печатаются в ведущих социологических журналах, а обзоры написанных ими книг можно найти практически в любом номере «Annual Review of Sociology».

Представители «третьей волны» (Р. Аминзаде, Дж. Касанова, Э. Клеменс, Б. Дилл, Д. Дж. Фрэнк, Л. Гриффин, Дж. Хайду, Дж. Мэйер, У. Сьюэлл и др.) отвергли базовые принципы своих учителей и «стали относиться ко времени серьезно» (выражение Аминзаде), что означало не просто «контролировать время и место», в котором устанавливаются прямые причинные связи между переменными, но фокусироваться на событийности, скорее, чем на каузальности¹¹. «Taking time seriously» предполагает, что прошлое релевантно: в прошлых обстоятельствах были приняты некие решения, совершены действия, которые продолжают влиять на настоящее, в том числе и тогда, когда обстоятельства изменились. Очевидно, что историческое время в таком понимании делится не на отрезки и сегменты, а воспринимается как гетерогенное, динамическое, континуальное, каузально-эффективное время — время историка¹².

Развивая идею Ф. Эбрамса, представители «третьей волны» полагают, что социологическое объяснение того, как и почему собы-

¹⁰ Griffin. 1992. P. 403—427.

¹¹ Abbott. 1991. P. 234; Griffin L.J. Narrative, Event-Structure Analysis and Causal Interpretation in Historical Sociology // American Journal of Sociology. 1993. No. 98. P. 1094—1133.

¹² О характеристиках исторического времени см.: Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб., 2003. С. 201—209.

тие разворачивается именно так, как оно разворачивается, требует такого типа каузальной логики, которая отражена во «времени» и в тщательно реконструированных множественных темпоральных процессах¹³. Поэтому их анализ сфокусирован на последовательностях (событий), вероятности и непредсказуемости, поворотных точках, «исторических ловушках» и т. п. Социологи «третьей волны» критикуют предшественников за то, что, «отфильтровывая непредсказуемые события и причины действий людей, основываясь на анализе переменных», они недооценивали роль *serendipity* (важный термин, означающий и счастливую способность к внезапным открытиям, и счастливую случайность. — И.С.) в области исторических последствий¹⁴.

Результатом исследований, столь радикально переключивших внимание на отслеживание множественных последовательных действий во времени, становится не создание типологий и сравнительных моделей, а выковывание индивидуальных для каждой исторической тенденции цепей событий и воспроизведение достаточно сложно устроенных причинно-следственных связей. «Третья волна» в исторической социологии поражает именно историчностью, столь важным для историка стремлением объяснить сложные переплетения самых разных факторов, тенденций, событий, порой непредсказуемых по своим последствиям даже ретроспективно.

Взамен целевой модели, вариации которой представлены в исторической социологии предшествующих «волн», предлагается модель решения задач (problem solving model), по условиям которой общество не «предзадано», а ситуативно конструируется, типологизируется, избрывается индивидом в качестве предпосылки решения проблемы¹⁵.

Предлагая совершенно иной способ социологического анализа, нежели тот, который практиковали их учителя, социологи «третьей волны» используют нарративные (а не типологические, серийные или структурные) модели объяснения, которые получают форму развертывающегося, открытого рассказа, богатого стечением обстоятельств и случайностями, где происходящее — некое действие. Такие нарративы

¹³ Aminzade R. Historical Sociology and Time // Sociological Methods and Research. 1992. V. 20. P. 456—480.

¹⁴ Haydu J. Making Use of the Past: Time Periods as Cases to Compare and as Sequences of Problem Solving // American Journal of Sociology. Vol. 104. No. 2. 1998. P. 339—371, 374.

¹⁵ Целевая модель (goal model) была у К. Маркса, М. Вебера, Парсонса и др. Речь идет о том, что у всех теорий, основанных на целевой модели, включая культурологические, общая объясняющая логика, разнятся только цели действия.

не формально, а сущностно темпоральны, т. е. историчны, и по способу конструирования, и по объяснительной логике.

Трудности междисциплинарного общения. Тем самым можно говорить о том, что в последние десятилетия в исторической социологии состоялся свой поворот, который с полным основанием можно назвать историческим (в смысле поворота к историческому восприятию хода событий как множественных, переплетающихся процессов).

Историки, в том числе американские, практически ничем не выдают своей осведомленности о разработках «третьей волны». Можно, конечно, допустить, что очередная интервенция социологов в пространство изучения прошлого встречает со стороны историков молчаливую защиту своей дисциплинарной территории; это в данном случае довольно странно, потому что историческая социология наконец радикально изменила угол зрения, поставив в центр исследований «единичное», индивидуальное, уникальное в перспективе времени, что, казалось бы, создает основу для диалога с историками.

Мне кажется, препятствия следует искать в сложностях междисциплинарного взаимодействия, связанных, как всегда, с различиями в постановке вопросов, методах и профессиональном языке.

В вопросах, равно интересующих историка и социолога «третьей волны», существенных расхождений и, соответственно, препон для диалога я не вижу. Вот, к примеру, вопросы из работ исторических социологов:

- как можем мы *одновременно* противопоставлять последовательные периоды и объединять их в более протяженные траектории, предполагая, что прошлое влияет на настоящее и даже предопределяет его через механизмы причинной последовательности?
- как зависимости от предшествующего пути определяют формирование устойчивых и долговременных структур, которые впоследствии могут измениться или разрушиться под напором следующей волны исторически случайных событий?¹⁶
- как можем мы теоретизировать, т. е. предписывать каузальность тому, что ненаблюдаемо, будь то механизмы ценообразования, максимизация предпочтений, классовое сознание, ценностные мотивации или господство?¹⁷

¹⁶ Haydu. 1998. P. 4, 5.

¹⁷ Somers, M.R. We're no Angels': Realism, Rational Choice, and Relationality in Social Science // American Journal of Sociology, 104(3). 1998. P. 722—784.

Эти и подобные вопросы, связанные с каузальным анализом последовательности событий, изучением критических констелляций, изменяющих траектории социальных процессов, определением зависимости «настоящего» от «прошлого», всегда занимают и историков.

Вопросы, отличные для историка и социолога, определяются интересом социологов к классификации, поиску устойчивых связей, независимых и зависимых переменных, эндогенных и экзогенных факторов. Для социолога характерны вопросы: к какому типу относится то или иное событие; как в социальной жизни взаимодействуют независимые и зависимые переменные; должно ли одно действие повлечь за собой определенное (предсказуемое) действие; если нет, то почему; как соотносятся демократия и неравенство; наконец, в нашем случае, как действия с непредсказуемыми следствиями приводят к формированию устойчивых социальных структур? Или: как возникают критические констелляции событий, разрушающие стабильность общества? Это не вполне вопросы историка, но ведь ответы на них *важны* для историка.

Что действительно в данном случае отрезает историков от социологов — это методы, которые применяют представители «третьей волны». Метафоры «поворотный пункт», «путь», «развилка», «ловушка», казалось бы, напоминают привычные для нас рассуждения историка. Но это не совсем так. Модели, связанные с такими метафорами, требуют знакомства с достаточно сложными теориями, используемыми сегодня в экономике, социологии и политологии: теория рационального выбора (rational choice)¹⁸; новый институционализм (new institutionalism)¹⁹, сетевой анализ (network analysis); «зависимость от предшествующего пути развития» (path dependency) в двух разновидностях — критические перекрестки (critical junctures) и ретроспективные последовательности (reactive sequences)²⁰; «модель решения проблем» (problem solving model)²¹; событийно-структурный анализ

¹⁸ Kiser E., & Hechter M. The Debate on Historical Sociology: Rational Choice Theory and Its Critics // American Journal of Sociology, Nov 1998, Vol. 104, Issue 3. P. 785—816.

¹⁹ Powell W. & DiMaggio P. (Eds.). The New Institutionalism in Organizational Analysis. Chicago: University of Chicago Press, 1991.

²⁰ Goldstone J.A. Initial Conditions, General Laws, Path Dependence, and Explanation in Historical Sociology // American Journal of Sociology. 104(3). 1998. P. 829—845; Mahoney J. Path Dependence in Historical Sociology // Theory and Society. 2000. Vol. 29. Issue 4. P. 507—548.

²¹ Biernacki R. The Action Turn? Comparative Historical Inquiry beyond the Classical Models of Conduct // Remaking Modernity... 2005.

(ССА)²² сети доверия (trust networks)²³; качественный компаративный анализ (qualitative comparative analysis, QCA)²⁴.

Как подчеркивают сами исторические социологи, применение данных моделей в изучении событийной истории (eventful history) не формализует исследование, а значительно повышает роль нарратива²⁵. Например, в случае использования модели «зависимости от предшествующего пути развития» исследование начинается с определения исторической развилки, затем шаг за шагом анализируются события и решения, определяющие избранную колею, и демонстрируется, как последующее развитие сделало тот или иной выбор необратимым²⁶.

Наконец, проблема научного языка. Основные понятия социологов «третьей волны»: agency, signification, accumulation, contingency, repression, independent and dependent variables. Историки говорят на языке социологов «первой» и «второй волны», но плохо владеют языком «третьей» в той части, где этот язык новый или когда в нем произошло изменение смыслов. Это не только проблема неосведомленности: как и в случае с методами, проблемы с освоением языка — следствие сложности теорий и моделей, оперирующих этими концептами.

Тем не менее важнейшие для «новой» исторической социологии понятия «событие», «причина» и «время», *ключевые* для историков, позволяют размышлять о «мосте» между дисциплинами. Однако, похоже, для вторжения в «мир и время историков» социологи навели не мост, а «переправу», поскольку ни заимствование методов исследования, ни общение в предложенном теоретическом формате, в том числе и критическая рефлексия со стороны историков, пока не кажутся возможными.

²² Гриффин Л. Историческая социология, нарратив и событийно-структурный анализ. Пятнадцать лет спустя // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 131—140.

²³ Tilly Ch. Trust and Rule. Cambridge: Cambridge University Press, 2005

²⁴ Goldstone. 1998. P. 829—845; Griffin L.J. Narrative, event-structure analysis, and causal interpretation in historical sociology // American Journal of Sociology. 98(5). 1993. P. 1094—1133.

²⁵ Quadagno J., & Knapp S.J. Have Historical Sociologists Forsaken Theory? Thoughts on the History/Theory Relationship // Sociological Methods and Research, 20(4), 1992. P. 481—507.

²⁶ Piore M.J., & Sabel C.F. The Second Industrial Divide: Possibilities for Prosperity. New York: Basic Books, 1984; Voss K. The Making of American Exceptionalism: The Knights of Labor and Class Formation in the nineteenth Century. Ithaca: Cornell University Press, 1993.

Е.В. Кодин, М.В. Кауль

Социальная история в современной отечественной историографии: центр или периферия исторического знания?¹

В современных дискуссиях о приоритетных и актуальных, новаторских направлениях исторического знания справедливо ставится задача обновления, или, по меньшей мере, расширения и обогащения методологии исторического знания. В качестве перспективных источников поиска «нового метода» называют антропологию, психологию и ряд других дисциплин. На их стыке с предметом традиционного внимания истории конституировались такие научные направления, как «историческая антропология», «историческая психология» и другие. К их числу, хотя и с необходимой оговоркой об особом статусе, относят и социальную историю. Появление и становление всего круга «исторических» социальных дисциплин связано с попытками обогащения традиционных методов исторического исследования и существенным изменением предмета внимания истории, характерным для второй половины XX — начала XXI в. В этот период все большее внимание привлекает человек в истории, значительные и малые общности. Микрофокус приобретает актуальность в истории общества.

Пик исследовательского интереса к социальной истории пришелся в России на вторую половину 1990 — начало 2000-х гг. Он был связан с поиском новой исследовательской парадигмы, применимой в исследованиях прежде всего недавнего прошлого. Особой остротой отличалась задача переосмысления советской истории. Нельзя сказать, что до падения железного занавеса отечественные специалисты находились в глухой изоляции и не были знакомы с новейшими подходами: ученые академических центров нередко успешно применяли новые подходы в разработке классических тем советской историографии (рабочая история и т. п.). По сути, работы А.К. Соколова, В.З. Дробижева 1970—1980-х гг. опираются на мировую практику изучения рабочей истории. Вполне в русле мировых тенденций развития исторического знания еще в Советском Союзе получили распространение количественные методы в исследованиях, родилась квантитативная школа И.Д. Ковальченко, преемственно развивающаяся и в наши дни в рамках ассоциа-

¹ Статья подготовлена в рамках исследования по проекту ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 годы, № 14. 740. 11. 0205.

ции «Историк и компьютер» и благодаря работе профессора Л.И. Бородкина, И.М. Гарсковой и других сотрудников кафедры исторической информатики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и региональных центров клиометрии.

На фоне кризиса науки в 1960—1970-е гг. возникло естественное стремление к смене предмета и метода изучения: история уверенно движется к междисциплинарности, а потому естественно в центр внимания попадают проблемы, позволяющие раскрыть усилия ряда гуманитарных дисциплин и подчеркнуть особый статус истории в системе гуманитарного знания. В центре внимания оказались человек и общество, а вскоре появилась проблема соотношения предмета исторической антропологии и социальной истории². В последующие десятилетия из социальной истории выделяется ряд субдисциплин: история семьи, городская история, женская история, история социальных движений и революций. Однако проблема разграничения «предметов ведения» социальной истории и исторической антропологии (а также истории повседневности) до сей поры не снята и особенно ощутима в молодой российской социальной истории.

В 1990-е гг. предмет социальной истории оказался в центре приложения сил отечественного сообщества историков. Усталость от предельных схематизаций прошлого, господствовавших предыдущие десятилетия, естественное обновление методологии исторического знания силами национальных исследовательских школ, получивших возможность для неподцензурного творческого развития, ускорили распространение интереса к социальной истории в России. Пионерами в этой области оказались те ученые и творческие коллективы, которые в 1970—1980-е гг. уже познакомились с новейшими тенденциями зарубежной историографии, но вынуждены были осмысливать их с позиций чуждости «буржуазной науки».

Активная публикаторская деятельность 1990-х гг., открытие архивов и введение в научный оборот обширных массивов источников по истории советского прошлого способствовали применению подходов «социальной истории», прежде всего к истории советского общества. Особую роль в этой связи играло формирование новых или реформирование существовавших ранее институциональных центров советологии / советологии. Так, в Институте российской истории РАН в 1990-х гг. активно работает Проблемный совет по истории революций, трансформируется ряд научных центров. В Центре изучения новейшей

² Tilly C. Two callings of social history // *Theory and Society*. 1980. Vol. 9. № 5. P. 679—680.

истории России и политологии ИРИ РАН (руководитель А.К. Соколов) сформировался творческий коллектив, предметом приложения сил которого стала советская социальная история. Академическими институтами был основан ежегодник «Социальная история», на страницах которого получили обсуждение теоретико-методологические проблемы социальной истории России и европейских государств и увидели свет исследования социально-исторических сюжетов самой широкой тематики и хронологии. Отдельное внимание в издании было уделено становлению «субдисциплин»: гендерной истории, истории детства, истории частной жизни (повседневности), рабочей истории. С публикациями методологического плана на страницах издания выступили Л.П. Репина, А.К. Соколов³. Ежегодник стал площадкой для международного научного сотрудничества, публикуя работы ведущих зарубежных социальных историков (А. Людтке, М. Ван дер Линден⁴ и др.).

В 1998 г. издательство «Российская политическая энциклопедия» начинает издание серии исследований «Социальная история России XX века». Признание в профессиональной среде получили первые издания серии, выполненные под редакцией А.К. Соколова в редком для отечественной науки жанре документальной монографии⁵. В издании «Общество и власть» в свете документов партийных, советских органов, общественных организаций из фондов архивов (РГАСПИ, ГАРФ, РГАЭ и др.) получили освещение различные стороны жизни советского общества: государственная социальная и кадровая политика, принятие эпохальной для советского строя Конституции 1936 г., развитие советской колхозной деревни, советское детство (политика в области материнства и детства, воспитательная и школьная практика). Изучение практически каждой из рассмотренных составляющих общественной жизни в последующий период стало предметом отдельных монографических исследований. В 2000 г. увидела свет схожая по структуре документальная монография, имевшая значение в деле формирования

³ Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // *Социальная история. Ежегодник*, 1998/99. М., 1999. С. 7—38; Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // *Социальная история. Ежегодник*, 1998/99. М., 1999. С. 39—76.

⁴ Ван дер Линден М. Мотивация труда в российской промышленности: некоторые предварительные суждения // *Социальная история. Ежегодник*, 2000. М., 2000; Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // *Социальная история. Ежегодник*, 1998/99. М., 1999.

⁵ Голос народа. Письма и отклики советских граждан о событиях 1918—1932 гг. / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1997; *Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах* / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1998.

объективного образа советской истории в США, где остаются сильны традиции тоталитарной школы в советологии⁶.

В начале 2000-х продолжалась подготовка обобщающих исследований по истории советского общества (как правило, в форме документальных монографий). В этой связи нельзя не отметить важность работ, введших в научный оборот «письма во власть» — специфичный и чрезвычайно емкий источник по социальной истории страны. Его актуализация происходила благодаря многочисленным работам И.Б. Орлова, А.Я. Лившина⁷. Тема отношений власти и общества стала одной из основных в новейшей отечественной историографии советского общества, что связано с естественной необходимостью переосмысления этих отношений, возникшей на волне демократизации в 1990-е гг., а также с особым статусом властных структур в советском обществе. Слабое функционирование каналов обратной связи общества и власти порождало в периоды социального переустройства всплески общественной активности (нередко в форме критики и сопротивления властям) и, естественно, обнаруживало противоречия общественного развития. Во вновь вводимых в оборот источниках эти противоречия представляли историкам сами современники событий.

Решению ключевой задачи осмысления советской истории через зафиксированные в источниках взгляды и настроения советских граждан был посвящен масштабный научный проект по публикации сводок отечественных спецслужб о настроениях в стране, осуществляемый с 2001 г. в партнерстве российскими и европейскими историками⁸. Впоследствии разгорелась дискуссия о репрезентативности агентурных материалов и мере адекватности представляемой ими картины, но обогащение планов изучения советского прошлого ценным пластом источников очевидно. Подтверждением тому служит подготовка Л.П. Колодниковой ценного исследования по истории советского общества 1920-х гг., опирающегося преимущественно на материалы ВЧК-ОГПУ, извлеченные из фондов ЦА ФСБ России⁹. В монографии рассмотрен сам механизм подготовки информационных материалов и

их циркулирование в политическом руководстве государства, а также представлена картина аграрного развития страны, положения рабочих в эпоху кризиса нэпа, освещена специфика борьбы с реальными и мнимыми контрреволюционерами и инакомыслящими как в стране, так и за ее пределами.

Советская повседневность — еще одна сфера социальной истории, привлекающая внимание российских специалистов в новой историографической ситуации 1990—2000-х гг. В лучших традициях социально-исторических исследований выполнены работы Н.Б. Лебиной¹⁰. В 2000 г. коллектив петербургских ученых во главе с В.А. Шишкиным представил классическое социально-историческое исследование жизни Петербурга первых послереволюционных лет — «Петроград на переломе эпох». В монографии были представлены практически все стороны городской жизни: управление, быт горожан, торговля и распределение, политическая деятельность. В тот же период специальное изучение получила каждая составляющая социальной истории города. Е.А. Осокина подготовила исследование по экономической жизни¹¹, материальному положению горожан посвящены работы А.А. Ильехова, обобщенные им в монографии «Жизнь в эпоху перемен»¹². В исследовании автор рассматривает проблемы социальных гарантий для трудящихся, поиска ими источников существования, проблемы обустройства жилища и бытовых условий горожан.

Нельзя не признать, что социально-историческая проблематика в истории советского прошлого долгое время будет оставаться в поле актуальных исследований: масса сюжетов еще не получила освещения, есть широкий простор для локализации и изучения микроисторической проблематики. Практически не затронуты вниманием частные аспекты социальной истории: жизнь иностранцев, работа национальных, профессиональных, общественных и религиозных объединений. Ряд частных тем изучен специалистами Челябинского университета, где вдохновителем социально-исторических исследований выступает И.В. Нарский, подготовивший первое и едва ли не единственное соци-

⁶ Stalinism as a Way of Life: Narrative in Documents. Ed. by Lewis Siegelbaum and Andrei Sokolov. Yale UP, 2000.

⁷ Письма во власть. 1928—1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. М., 2002; Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002.

⁸ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.) М., 2001—2008. Т. 1—8.

⁹ Колодникова Л.П. Советское общество 20-х годов XX века: по документам ВЧК-ОГПУ. М., 2009.

¹⁰ Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. — 40-е гг. XX в.). М., 1994; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920—1930 годы. СПб., 1999.

¹¹ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941. М., 2008.

¹² Ильехов А.А. Жизнь в эпоху перемен: Материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны (1917—1921 гг.). М., 2007.

альное исследование провинциальной жизни¹³. Его работу помимо локализации и умеренной регионализации (до уровня одного из крупных российских регионов) отличает глубокая методологическая рефлексия предметного, языкового (апробированы новые нарративные приемы) плана. Вторжение революции в обыденную жизнь, влияние потрясений и социальных катаклизмов на общество, механизмы модернизации уклада жизни, мобилизации населения и поиска стратегий выживания в новой реальности — далеко не полный круг тем, получивших освещение в фундаментальной монографии.

В последние годы появляются работы, интегрирующие микроисторический подход в социально-историческую проблематику. Так, В. Измосик и Н. Лебина исследовали коллизию нового человека в пространстве «старого» города — Петербурга¹⁴. Вообще же проблема «советской повседневности» в отечественной историографии фактически не отделена от социально-исторической тематики. Начатое в 1990-е гг. осмысление подходов к изучению повседневности на данном этапе продолжают практические исследования повседневности советского города и деревни и попытки рассмотрения советской повседневности как социального феномена¹⁵. Как отмечает автор последнего из обозначенных подходов, И.Б. Орлов, «анализ феноменов быта постепенно замещается более широкой предметной областью — социологией повседневности», которая «на сегодняшний день находится в процессе становления: ее теоретические ресурсы четко не определены, не сформировался консенсус в отношении центральных категорий», а «концепты социологии повседневности не образуют единого понятийного пространства»¹⁶.

В тематике советской повседневности достаточно разработанной является проблема «маленького человека», являющегося предметом исследований О.Л. Лейбовича и созданного им в Перми научного коллектива¹⁷.

¹³ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001.

¹⁴ Измосик В., Лебина Н. Петербург советский: новый человек в старом пространстве. 1920—1930-е годы. (Социально-архитектурное микроисторическое исследование). СПб., 2010.

¹⁵ Лебедева Л.В. Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены. М., 2009.

¹⁶ Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. С. 5.

¹⁷ Лейбович О.Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. М., 2008; *Он же*. Маленький человек сталинской эпохи: попытка институцио-

В последнее время для научного сообщества стал характерен интерес к рецепции советского наследия в новейшей России. Именно исследованию «советского наследия» в современной жизни страны посвящено новейшее коллективное исследование в серии «Социальная история России XX века»¹⁸. Впервые историки обратились к проблеме преемственности социальных практик советской и современной эпох в истории страны. Исследование показало, что советские социальные практики способствовали выживанию в сложных условиях реформ 1990-х гг., но их стойкость в ряде областей жизни одновременно препятствовала утверждению новых принципов общественной жизни, хозяйствования, общественной самоорганизации. Исследования подобного плана безусловно будут востребованы и впредь, а их развитие необходимо признать одним из приоритетов историографии советского общества.

Характерно, что российской историографии в 1990-е гг. удалось развиваться не только благодаря естественному заимствованию зарубежного опыта, но и культивировать оригинальные подходы, открывать новые исследовательские области. Так, Е.С. Сеньявская способствовала конституированию нового исследовательского направления — военно-исторической антропологии. Методологию исторической антропологии она применила в исследованиях военного опыта России¹⁹. Работа оказалась столь успешной, что привлекла внимание научного сообщества: была основана Ассоциация военно-исторической антропологии и психологии «Человек и война», стал выходить ежегодник «Военно-историческая антропология», возникли мощные региональные школы военно-исторической антропологии²⁰.

Несмотря на формирование вполне самобытных течений социально-исторического знания, специфика современной российской историографии социальной истории заключается в ее догоняющем (в сравнении с зарубежными научными школами) характером.

нального анализа // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: Материалы междунауч. конф. М., 2011. С. 161—175.

¹⁸ «Советское наследие». Отражение прошлого в социальных и экономических практиках современной России / Под ред. Л.И. Бородкина, Х. Кесслера, А.К. Соколова. М., 2010.

¹⁹ Сеньявская Е.С. 1941—1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; *Она же*. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; *Она же*. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.

²⁰ Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.

При этом темпы освоения новых методолого-теоретических приемов исключительно высоки: за полтора десятилетия российским историкам удалось создать десятки ценных монографических исследований, обобщающих работ, осуществить ряд масштабных публикаторских проектов, позволивших на основе вводимых в оборот источников по-новому представить жизнь советского общества.

Вместе с тем ускоренная переориентация на исследование социальных сюжетов, очевидно, не способствовала научной рефлексии по поводу теоретических оснований этого перехода. В результате возникла ситуация существования большинства (традиционных исследовательских групп) и меньшинства (новаторов). Специализации последних в русле социальной истории, исторической антропологии, микроистории фактически не произошло. В России не появилось оригинального теоретического обоснования изучения социально-исторической проблематики, теории вопроса посвящено всего несколько работ. В этой связи недоосмысленным оказался сам предмет социальной истории, практически не проведена необходимая дифференциация предмета изучения социальной истории, исторической антропологии, истории повседневности.

В результате на неразграниченном междисциплинарном поле социально-исторических исследований благодаря работам Б.Н. Миронова произошло становление исторической социологии как научной и учебной дисциплины, включающей в себя предметы традиционных интересов социальной истории (социальная демография, история семьи, урбанизация, история общественных институтов и процесс формирования правового государства)²¹.

Итак, высокие темпы освоения подходов к изучению социальной истории и сравнительно слабая научно-теоретическая работа по их осмыслению в последние два десятилетия сформировали отечественную школу социальной истории советской России. В рамках этого направления удалось достаточно подробно исследовать социальную историю крупного российского города в постреволюционный период, а также социальные трансформации в советской деревне. Одним из исследовательских приоритетов остается рабочая история, развивающаяся в русле западноевропейского опыта и на основе характерного для советской исторической науки интереса к рабочей теме. К числу наиболее разработанных относится и тема экономических отношений

(торговли, распределения и материального обеспечения) в советском городе.

В научном сообществе популярны споры о продуктивности и эвристическом потенциале того или иного исследовательского направления. Опыт отечественной социальной истории новейшего времени наглядно демонстрирует явно не периферическое положение социально-исторического знания в контексте современного историографического процесса.

²¹ *Миронов Б.Н.* Историческая социология России: Учеб. пособие / Под общ. ред. В. В. Козловского. СПб., 2009.

МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В ИСТОРИИ

С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева

Понятие «эмпирическая реальность исторического мира» как основа полидисциплинарности в источниковедческой концепции исторического познания

Аннотация: авторы провели сопоставительный анализ развития представлений об эмпирической основе исторической науки в Научно-педагогической школе источниковедения и отметили нарастание полидисциплинарности исторической науки с каждым эпистемологическим поворотом. По их мнению, источниковедческая концепция исторического познания, в основание которой заложено понятие «эмпирическая реальность исторического мира», может выступить основой полидисциплинарного научного исследования; такая концепция позволит противостоять актуальным моделям социально ориентированного историописания.

Ключевые слова: источниковедческая концепция, А.С. Лаппо-Данилевский, О.М. Медушевская, эпистемологические повороты, Источниковедение.ру, полидисциплинарность.

Актуальная познавательная ситуация в историческом знании характеризуется отчетливым размежеванием социально ориентированной и научно ориентированной истории и активизацией поиска эпистемологических оснований последней. В структуре этой проблемы целесообразно выделить две составляющие: 1) обнаружение эмпирической основы строго научного исторического знания с целью обнаружения в гуманитаристике общенаучных оснований, сформулированных в нау-

коведении применительно, в первую очередь, к естественно-научному знанию; 2) выявление оснований междисциплинарности / полидисциплинарности в современном научном историческом знании.

На наш взгляд, источниковедческая концепция исторического познания дает корректный ответ на оба эпистемологических вызова. Источниковедческая концепция исторического познания восходит к эпистемологии русской версии неокантианства, применительно к историческому познанию целостно представленной методологией истории А.С. Лаппо-Данилевского¹. Здесь стоит заметить, что концепция А.С. Лаппо-Данилевского долгое время позиционировалась, в том числе и Научно-педагогической школой источниковедения, как концепция источниковедения, но надо подчеркнуть, что по сути — это концепция методологии истории (о чем говорит и название труда А.С. Лаппо-Данилевского), логика которой заставила автора положить в ее основание учение о «реализованном продукте человеческой психики» — историческом источнике. С конца 1930-х гг. концепция развивается Научно-педагогической школой источниковедения, которая с 1939 по 2011 г. институционально базировалась на кафедре вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института (с 1991 г. в составе РГГУ; с 1994 г. — кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин), а после ликвидации кафедры интегрирована на основе сайта Источниковедение.ру². В первое десятилетие XXI в. О.М. Медушевская (1922—2007) — признанный лидер Научно-педагогической школы, вывела концепцию на новый уровень, сформулировав модель когнитивной истории, в основе которой — понятие эмпирической реальности исторического мира³.

Наше исследование строится на двух гипотезах.

Гипотеза первая. Российский историографический процесс в XX в. имеет свою специфику. Основы этой специфики, на наш взгляд, следует искать не в относительной изолированности российской исторической науки в период советской идеологизации (значение этого фактора сколь неоспоримо, столь и очевидно), а в принципиальных различиях русской (А.И. Введенский, А.С. Лаппо-Данилевский, В.М. Хвостов, И.И. Лапшин) и немецкой, баденской (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) версий неокантианства. Если баденские неокантианцы со-

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: [в 2 т.]. М., 2010. (1-е изд. 1909, 1910—1913).

² Источниковедение.ру [электронный ресурс]. Электрон. дан. М., сор 2010—2012. Режим доступа: <http://ivid.ucoz.ru>.

³ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.

средоточились на обосновании идиографической логики конструирования исторического нарратива на основе аксиологии, то русское неокантианство отличало специальное внимание к объективированному результату творческой активности человека / производству культуры как основе исторического познания на основе принципа «признания чужой одушевленности». Развитие именно этого направления в течение XX в. позволило предложить целостную по своему характеру, феноменологическую по содержанию концепцию исследования культуры, в основе которой понимание системы видов исторических источников — продуктов культуры как проекции культуры, дающей возможность ее строго научного верифицируемого исследования.

Гипотеза вторая. Историческое знание, получившее дисциплинарную определенность на протяжении XIX в. и осмысленное в своей специфике Баденской школой неокантианства, в течение XX в. проходит ряд эпистемологических поворотов, из которых выделим антропологический, лингвистический, культурный. Культурный поворот предоставил возможность иначе посмотреть на проблемы «нации» и «государства» (находя в них определенные культурные конструкции) и обратить внимание на пространство, которое уже не представлялось лишь «территорией». Как нам уже приходилось отмечать, несмотря на «естественность» любого обитаемого пространства (как определенной географической среды), для современных исследователей оно выступило культурной конструкцией, изобретенной человеком, который строил пространственную идентичность для определенного локуса, места проживания, отдыха и иных своих действий⁴. Рефлексия о «потерянном» классической европейской моделью историографии («историографией времени») пространстве позволила историкам заговорить о его возвращении и пространственном повороте в историографии⁵.

Демократизация социальной, политической и культурной сторон жизни обществ позволила ученым в конце XX в. отметить происходящую демократизацию научного знания, заключающуюся не только в интересе к ненаучным формам мышления, но и к вещам, окружающим человека. Исследователи стали более чувствительными к «неантропологическим» следам прошлого, обратили внимание к вещественным

источникам, что, по мнению Э. Доманской, с конца 1990-х гг. знаменовало «поворот к нечеловеческой» или «постчеловеческой» истории и вещественный поворот в гуманитаристике⁶.

Каждый из эпистемологических поворотов, кроме своих специфических качеств, ведет к наращиванию полидисциплинарности гуманитарного знания вообще и исторического в частности.

Естественно, что поскольку обе гипотезы описывают историографический процесс, они не могут не коррелировать друг с другом.

Цель настоящей работы — сопоставительный анализ развития представлений об объекте исторического познания / эмпирической основе исторической науки в Научно-педагогической школе источниковедения и нарастания полидисциплинарности исторической науки с каждым эпистемологическим поворотом.

Как уже отмечалось, А.С. Лаппо-Данилевский определял исторический источник как «реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением»⁷. На сей раз сосредоточим внимание не на первой, субстанциональной, части определения, как это обычно делается в курсе источниковедения, а на второй, указывающей на функцию исторического источника в историческом познании. Вполне очевидно, что определение понятия «исторический источник», данное А.С. Лаппо-Данилевским, в этой своей части весьма точно фиксирует результат развития исторического знания в XIX в. в рамках преимущественно линейных / стадийных теорий исторического процесса.

Кризис линейного историописания, переход от линейных моделей к цивилизационным потребовал переноса акцента с линейной конструкции истории на коэкзистенциальное пространство культуры. Хотя заметим, что потребность в осмыслении коэкзистенциального пространства присутствует уже в концепциях Г. Риккерта и А.С. Лаппо-Данилевского. Размышляя об отличии научного образования понятий от донаучного индивидуализирования, Г. Риккерт акцентирует внимание на необходимости осмысления исторического объекта не только в процессе исторического развития, но и в «отношениях, связывающих объект с окружающей его средой», и в предельном смысле — с историческим целым⁸. А.С. Лаппо-Данилевский, исследуя методы интер-

⁴ См.: Казаков Р.Б., Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Историческая география в пространстве современного гуманитарного знания: от вспомогательной дисциплины к методу гуманитарного познания // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: материалы XXIII междунар. науч. конф. Москва, 27—29 янв. 2011 г. М., 2011. С. 31—44.

⁵ Schlögel, K. Im Raume Lesen wir die Zeit über Zivilisationsgeschichte und Geopolitik. München, 2003. S. 9—15.

⁶ Domanska E. The Material Presence of the Past // History and Theory. 2006. Vol. 45. No. 3. P. 338, 341.

⁷ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории... Т. 2. С. 38.

⁸ Риккерт Г. Философия истории // Он же. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 147—148.

претации исторического источника, выделяет типизирующий метод интерпретации, предполагающий изучение как «периода культуры», так и «состояния культуры»⁹.

Методологические поиски в сфере социального и гуманитарного знания в XIX — начале XX в. сопровождались установлением прочных междисциплинарных контактов исторического знания, в первую очередь, с социологией и психологией, причем здесь надо учитывать, что речь идет не только, а зачастую и не столько о социологическом и психологическом поворотах в исторической науке, сколько о задействовании исторической фактологии в социологических и психологических построениях.

Начало полидисциплинарности положил, по-видимому, антропологический поворот и «новая историческая наука», связанные во многом с т. н. «школой Анналов». Одновременно со становлением полидисциплинарности идет процесс размывания дисциплинарной определенности, достигнутой к началу XX в. П. Нора пишет: «Враждебность “Анналов” в отношении событийной, политической, военной, дипломатической, биографической истории в принципе не означала приговора национальной истории, но на деле подготавливала его, потому что национальная история всегда писалась только как линейный рассказ о причинно-следственных связях»¹⁰.

Методологические поиски в этот же период шли и в российской (советской) исторической науке, сосредоточившись в предметных полях историко-архивоведения и связанного с ним источниковедения, как менее подверженного идеологизации. С конца 1930-х гг. начавшая формироваться Научно-педагогическая школа источниковедения сосредоточила свои исследования на разработке видовой структуры корпуса исторических источников и выявлении специфики видов. Таким образом, теперь в рамках источниковедческой концепции под объектом исторического познания понимался уже не отдельно взятый исторический источник, а система видов исторических источников, системно-структурно презентующая определенную культуру. Этот этап завершился на рубеже XX—XXI вв. изданием двух учебных пособий¹¹.

Но если антропологический поворот происходит в историческом познании, то следующий непосредственно за ним лингвистический

поворот, фундированный неопозитивизмом и аналитической философией, затрагивает всю сферу науки и разворачивает научное знание в сторону гуманитаристики. Правда, еще Э. Гуссерль обращал внимание на то, что любая наука, по сути, — гуманитарный феномен. В середине 1930-х гг. философ пишет: «...подстраивать под науки о духе, желая сделать их якобы точными, естественно-научный фундамент — абсурдно». И далее: «...естествознание (как и всякая наука вообще) представляет собой духовную деятельность, а именно деятельность сотрудничающих ученых; как таковое оно наряду с прочими духовными явлениями относится к кругу фактов, подлежащих духовно научно объяснению. Не бессмысленно ли это и не логический круг, когда историческое явление “естествознание” хотят объяснить естественно-научным образом, привлекая для этого естественные науки и открытые ими законы, которые сами — часть проблемы, ибо представляют собой духовный продукт?»¹².

Что касается выбранного нами ракурса исследования, то здесь важно обращение исторического знания к проблеме нарратива и текста в самом широком понимании. Не развивая эту тему, сошлемся только на две знаковые работы — А. Данто¹³ и Х. Уайта¹⁴, и выскажем предположение, что здесь возможны параллели, хотя и весьма осторожные, с интересом российской эпистемологии к объекту исторического познания.

В последней трети XX в. знаком состояния постмодерна и кризиса доверия к историческому метарассказу является микроистория. В этой познавательной ситуации источниковедческая концепция, ориентированная на видовую структуру корпуса исторических источников, противостояла постмодернистской раздробленности и предложила выход из ситуации постмодерна, когда в начале XXI в., при переходе от постмодерна к постпостмодерну явственно обозначился поиск путей новой интеграции.

В частности, источниковедческая концепция предоставляет возможности конструирования социокультурного пространства в ходе пространственного поворота и в рамках новой локальной истории — предметного поля, актуализация которого маркирует переход от глобализации XX в. к процессам глобализации начала XXI в.

⁹ Ланно-Данилевский А.С. Методология истории... Т. 2. С. 111—112 и след.

¹⁰ Нора П. Предисловие к русскому изданию // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пуимеж, М. Винок. СПб., 1999. С. 9—10.

¹¹ Источниковедение: История. Теория. Метод. Источники российской истории. М., 1998 (повтор. изд. 2000, 2004); Румянцева М.Ф. Теория истории. М., 2002.

¹² Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Он же. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 105

¹³ Данто А. Аналитическая философия истории. М., 2002.

¹⁴ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. Екатеринбург, 2002.

Но в последние десятилетия начинает осознаваться и более общая проблема — проблема поиска новых оснований научности в связи с кризисом нововременной дисциплинарности научного знания.

Исторический источник в качестве интегрирующего начала социального и гуманитарного знания был заявлен в работах О.М. Медушевской еще в 1990-е гг.¹⁵ В начале 2000-х О.М. Медушевская, как уже отмечалось, пришла к понятию *эмпирическая реальность исторического мира*¹⁶. О.М. Медушевская утверждает: «Главное отличительное свойство человеческого мышления — способность целенаправленно создавать продукт в виде материального образа и осуществлять опосредованный информационный обмен с себе подобными, что и создает возможность взгляда со стороны и, следовательно, создания собственной истории. Назвать рукотворную реальность человеческой или назвать ее исторической в категориях данного подхода синонимично»¹⁷.

Здесь важно заметить, что внимание к вещественным источникам вынуждает историков искать (учитывая специфику вещей) приемлемый интерпретационный инструментарий, в первую очередь, в естественно-научной сфере знания¹⁸. Однако, как признают исследователи, работающие в проблемном поле «новой материальной культуры», нельзя забывать об уже испытанном антропологическом подходе, который, по их мнению, вполне приемлем для изучения мира челове-

¹⁵ См., например: *Медушевская О.М.* Источниковедение и гуманитарная культура // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 11—19; *Она же.* Источники в науках о человеке // История России XIX—XX веков: историография, источниковедение: тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф. Н. Новгород, 1995. С. 93—96; *Она же.* Гуманитарий в поле современного знания // Вестник архивиста. М. 1996. № 4(34). С. 31—35; *Медушевская О.М., Муравьев В.А.* Исторический источник — основа гуманитарного познания // Документ. Архив. История. Современность: сб. ст. Екатеринбург, 2000. Ч. 1. С. 7—15

¹⁶ См.: *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории; *Она же.* Источниковедение и историография в пространстве гуманитарного знания: индикатор системных изменений // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: докл. и тез. XIV науч. конф. М., 2002. С. 20—36; *Она же.* Концептуальное единство философии и эмпирической науки // Историческая наука и методология истории в России XX века: к 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского: [сборник]. СПб., 2003. С. 236—246; *Она же.* Новое знание о человеке // Источниковедческая компаративистика и историческое построение: тез. докл. и сообщений XV науч. конф. М., 2003. С. 2—13; *Она же.* Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX науч. конф. М., 2008. [Ч. 1]. С. 24—34.

¹⁷ *Медушевская О.М.* Эмпирическая реальность... С. 24.

¹⁸ См.: *Dotanska E.* Op.cit. P. 341; *Massey D.* Landscape as a Provocation: Reflections on Moving Mountains // Journal of Material Culture. 2006. Vol. 11. No. 1—2. P. 33—48.

ческих вещей¹⁹. Отметим, что базовые принципы этого подхода вполне когерентны основаниям источниковедческой концепции исторического познания Научно-педагогической школой источниковедения, интегрированной на основе сайта Источниковедение.ру

Предложенная концептуальная модель исторического исследования противостоит, на наш взгляд, уже не нарративной логике историописания, как ее позиционирует сама О.М. Медушевская²⁰, а актуальным моделям социально ориентированного историописания, строящегося, в отличие от отрефлексированного неокантианцами нарратива, не на ценностях, а на оценках. Но с учетом этого уточнения можно согласиться с О.М. Медушевской, что понятие *эмпирическая реальность исторического мира* дает эмпирическую базу для строго научного верифицируемого исторического знания. К этому добавим: и, являясь, по сути, онтологическим понятием, создает основу для полидисциплинарных подходов в многоаспектном изучении человека и общества в их исторической и коэксистенциальной составляющих.

Т.П. Хлынина

Устная история как междисциплинарная практика

Аннотация: статья посвящена проблемам становления и поискам междисциплинарной прописки относительно новой для отечественной историографии исследовательской практики — устной истории. Ее цель — очертить круг основных проблем, с которыми сталкивается профессиональный историк при использовании устных свидетельств прошлого, и показать предоставляемые ими возможности. Устная история рассматривается как «мост» между социологической практикой и задачами исторической науки по воссозданию полноты реалий прошлого.

Ключевые слова: устная история, исторический источник, методы исторических исследований, центры устной истории, социология, междисциплинарность, теорема Томаса, достоверность и значимость устных источников.

¹⁹ См., например: *Warnier J.-P.* Technology as Efficacious Action on Objects... and Subjects // *ibid.* 2009. Vol. 14. No. 4. P. 459—470.

²⁰ *Медушевская О.М.* Теория и методология... С. 15—16.

Мое профессиональное взросление и последующая жизнь в науке пришлись на годы серьезной эрозии основ ремесла историка. Будучи аспиранткой тогдашнего Института истории СССР АН СССР, я воочию наблюдала, как рушились стены все еще казавшегося незабываемым здания советской историографии, а вместе с ними и судьбы ее создателей. Однако тогда в эйфории перестроечного угара и юношеского запала все происходившее казалось мне до невероятности правильным. Мне и в голову не могло прийти, что многие столь востребованные на сегодняшний день идеи вполне мирно уживались с тотальным господством в советской исторической науке марксистской идеологии. Одной из них как раз и являлась идея междисциплинарности, о которой мы тогда очень много говорили на занятиях по философии...

С тех пор прошло около 20 лет: междисциплинарность из некогда интригующей своими познавательными возможностями исследовательской практики превратилась в общее место любого мало-мальски претендующего на высокую ученость рассуждения из области постижения прошлого. При этом смысловые границы междисциплинарности раздвинулись столь широко, что создается впечатление о найденном исторической наукой «эпистемологическом» камне, посредством которого способны разрешиться все мучащие ее вопросы. Между тем междисциплинарность оказывается не только «мостом», позволяющим совершить полезную прогулку по территории иного профессионального домена, но и «стеной», чей цементирующий состав не всегда «срабатывает» при строительстве новых зданий. В предлагаемой вниманию заинтересованного читателя статье рассматриваются вопросы, связанные с «мостами» и «стенами» устной истории как междисциплинарной практики.

В последние годы внимание профессионального сообщества приковано к проблемам памяти, ставшей на сегодняшний день едва ли не единственной формой переживания прошлого. Исчезновение ее естественной разновидности и вызванный им интерес к сохранению наследия кардинальным образом меняют и задачи, стоящие перед гуманитарным знанием в целом¹. Речь прежде всего идет о болезненном процессе осознания того, что прошлое, привычно воспринимавшееся в примордиалистских категориях и служившее непоколебимой осно-

¹ Об «историческом повороте» и историоризации современной жизни см.: *Копосов Н.* Память старого режима: история и политика в России. М., 2011; *Он же.* Исторический поворот в современной мысли: взгляд на «переломное время» из «переломного времени наоборот» // *Эйдос. Альманах теорії та історії історичної науки.* Вип. 5. К., 2011. С. 27.

вой грядущего, оказывается во многом продуктом творческих усилий все тех же гуманитариев. Признание его отчасти профессиональной рукотворности ставит под сомнение не только идею преемственности поколений и связи времен, но и принципиальной верифицируемости данных, полученных на основе анализа свидетельств прошлого. Наглядным тому подтверждением являются непростые отношения, складывающиеся между историей как наукой о прошлом и памятью как формой его сохранения. Согласно П. Нора, автору наиболее влиятельной на сегодняшний день концепции «мест памяти», «история — это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память — это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же — это репрезентация прошлого. Память в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны... История как интеллектуальная и светская операция вызывает к критическому дискурсу. Память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим»². Их неизбежное столкновение приводит к поиску новых моделей понимания прошлого, находящих свое отражение в легитимации ранее «сомнительных» исследовательских практик.

Так, характерной приметой нынешней историографической практики становится вторжение в ее пространство разнообразных свидетельств времени, чье по большей своей части изустное происхождение еще несколько лет назад предавалось профессиональной анафеме. В сложившейся иерархии источникового обеспечения науки о прошлом жизненные истории и семейные предания занимали место если и не граничащих с вымыслом «досужих рассказней», то, во всяком случае, «текстов сомнительных», отмеченных привкусом литературного вымысла. Длительное время, развиваясь под сенью позитивизма с его стремлением к объяснению прошлого посредством изучения и критики документальных источников, историческое знание исходило из иерархической значимости последних, степень ценности которых неизбежно снижалась из-за присущего им субъективизма. Именно по этой причине «дневники всегда ценились выше мемуаров..., а устные воспоминания не рассматривались вовсе — очевидно, как не являющиеся настоящими свидетельствами о прошлом»³. Историков не смущал ни факт их частого присутствия на страницах социологических

² *Нора П.* Франция — память. СПб., 1999. С. 20.

³ Память о блокаде: Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: Материалы и исследования. М., 2006. С. 9.

исследований, где они воспринимались практиками созидания прожитой реальности, ни временная типичность находящихся в них отражение сюжетов, ни созвучность письменным нарративам «большой» истории. Обращение к подобному рода свидетельствам рассматривалось в лучшем случае в качестве иллюстрации судеб отдельных людей, память которых причудливым образом запечатлила отдельные вехи истории своей страны.

На сегодняшний день устная история — сформировавшееся и признанное направление исследовательского поиска, где воспоминания о пережитом, увиденном, да и просто некогда слышанном получают надежную дисциплинарную прописку. К ее показаниям прибегают не только исследователи, склонные к профессиональной рефлексии, но и так называемые историки-традиционалисты, длительное время культивировавшие «правду» извлеченных из архивных источников фактов. Зачастую, воспринимаясь в качестве альтернативной возможности проникновения в мир прошлого, устная история с ее рассказами-воспоминаниями противопоставляется повествованию документа, постепенно утрачивающего монопольное право на воссоздание исторической реальности. При этом растущая популярность нового «голоса прошлого» оказывается не столько следствием его познавательных возможностей, сколько прогрессирующего разочарования в традиционных практиках историописания, провоцируемого интеллектуальным обаянием эпистемологических вызовов последнего времени.

Пройдя довольно тернистый и во многом непростой путь от узкого направления в рамках библиотечного и архивного дела до получившей широкое профессиональное признание междисциплинарной практики, устная история тем не менее все еще остается «вещью в себе», нуждающейся в прояснении целого ряда вопросов как теоретического, так и практического свойства. Начавшаяся институционализация сбора устных свидетельств, находящая отражение в создании разнообразных центров устной истории и архивов устных воспоминаний, может рассматриваться в качестве одного из способов разрешения возникающих сомнений в легитимности получаемых таким образом данным. Так, проекты Центра устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге «Блокада в судьбах и памяти ленинградцев», «Блокада Ленинграда в коллективной и индивидуальной памяти жителей города» (2001—2003) нагляднее, чем неоднократно декларируемые принципы «кизустно исторического творчества», демонстрируют механизмы работы приверженцев данного направления. Их внимание сосредоточивается «не столько на реальных событиях рассматриваемой

эпохи, сколько на отражении этих событий в сознании современников и их потомков»⁴. Отголоском международного проекта летних школ Европейского университета стало появление самостоятельного проекта «Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России», выполненного на материалах двух регионов — Краснодарского и Ставропольского краев. Результатом его реализации стало понимание того обстоятельства, что «память, несмотря на определенную неполноту, способна удерживать в сознании людей основные исторические события прошлого. В этой перспективе устные записи воспоминаний — исторический источник о социальной истории войны, повседневности в годы войны, психологии и гендерной истории войны»⁵. Благодаря деятельности Центра устной истории Петрозаводского государственного университета стали очевидными не столь однозначные стороны и последствия финской оккупации Карелии, получили право на профессиональное существование ранее не вполне серьезно оцениваемые сюжеты повседневной жизни различных категорий населения того времени⁶.

Исследовательские притязания устной истории не ограничиваются лишь событиями недавнего прошлого, ее экспансия распространяется и на более отдаленное время, связанное с отражением в коллективной и индивидуальной памяти народных традиций, этнического самосознания. Архивы полевых материалов диалектологических и этнолингвистических экспедиций кафедры общего и сравнительного языкознания факультета филологии и журналистики ЮФУ, Научно-исследовательского центра традиционной культуры ГНГУ «Кубанский казачий хор» стали солидным подспорьем для решения ряда задач в области изучения картины мира кубанского и донского казачества, воинской ментальности, трансформации обрядовых и культурных комплексов старожильческого и пришлого населения.

Как свидетельствует даже беглый и довольно поверхностный обзор возможностей устной истории как направления исследовательского поиска и полноправного исторического источника, они сводятся к трем основным ипостасям: дополнению данных архивных документов и, тем самым, расширению наших представлений о прошлом; выявлению особенностей человеческой памяти и определению ее «места» в потоке «большой» истории; поиску обновленной стратегии пости-

⁴ Память о блокаде... С. 7.

⁵ Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России: Материалы и исследования. СПб., 2008. С. 14—15.

⁶ Устная история в Карелии: сб. научных статей и источников. Вып. 3: Финская оккупация Карелии (1941—1944). Петрозаводск, 2007.

жения исторической реальности и выработке принципиально иного типа нарративных практик. Сосредоточенность усилий устной истории преимущественно на временном интервале XX в. едва ли следует рассматривать в качестве ее дисциплинарной особенности. Тем не менее, именно наличие живых свидетелей воссоздаваемых событий прошлого придает устной истории большую уверенность и оправданность своему существованию в пространстве методологически неустойчивой и теоретически всеядной историографической ситуации рубежа столетий.

В жанровом отношении устная история представляет собою нечто среднее между практикой социологического исследования, основанного на разнообразных методах интервью и беседы, и исторического изучения прошлого, исходящего из признания реальности описываемых событий. При этом устная история не только заимствует аналитический инструментарий и теоретический багаж у близких ей предметных областей, но и привносит не свойственные им смысловые коннотации. На последнее обстоятельство внимания, как правило, обращается меньше, чем на поиски оснований причисления устной истории к науке как таковой. Вместе с тем существуют не вполне очевидные обстоятельства дисциплинарного порядка, позволяющие отнести устную историю к самостоятельной области научного исследования. Речь, прежде всего, идет о ее теоретическом и методическом обеспечении.

Несмотря на многочисленные и разнообразные заимствования в теоретическом отношении, устная история более выражено тяготеет к *интерпретативной теории* и так называемой *теореме Томаса*. Широкое признание в исследовательской практике интерпретативная теория получила благодаря «плотному описанию» культуры К. Гирца, исходящему из признания того факта, что современная культура открыта человеку как множество конкурирующих между собою интерпретаций⁷. Интерпретация в данном случае выступает формой познания мира, особым механизмом корреляции сознания и действительности, нацеленным на поиск оптимального способа позиционирования личного или коллективного опыта. Интерпретативная теория, таким образом, мыслится в качестве «построения объяснения с учетом смыслов, приписываемых событиям их участниками»⁸. В ее пространстве устная

⁷ Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Самосознание мировой культуры. СПб., 1999. С. 279—280.

⁸ Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Исследования в социальной работе: оценка, анализ, экспертиза. Саратов, 2004. С. 75.

история обретает так недостающую ей с точки зрения традиционного историописания опору на «конкретику исторических фактов», которая замещается значимостью воспроизводимых человеческой памятью событий. Степень градации этой значимости колеблется в зависимости от масштабности того или иного события, его местоположения в реестре национальной истории, уровня включенности очевидца и современника в орбиту ее влияния. Именно поэтому сторонники устной истории так ценят разнообразие личного опыта, а ее противники находят в нем бесспорное подтверждение непрочности такого рода свидетельств.

Американский социолог У.А. Томас сформулировал теорему, согласно которой «если ситуация мыслится как реальная, то она реальна по своим последствиям»⁹. Оценивая ее возможности для понимания принципов функционирования общества, другой не менее известный американский социолог, Р. Мертон, отмечал: «И хотя ей недостает охвата и точности ньютоновской теоремы, она остается не менее значимой вследствие своей применимости ко многим, если не к большинству, социальных процессов... Первая часть теоремы непрестанно напоминает о том, что люди реагируют не только на объективные особенности ситуации, но также — и иногда преимущественно — на значение, которое эта ситуация имеет для них. И когда они придают некое значение ситуации, их последующее поведение и некоторые последствия этого поведения определяются этим приписанным значением»¹⁰. Согласно теореме Томаса, вымысла в воспоминаниях о прошлом не существует по определению: размытость внешних контуров воспроизводимого памятью события не имеет для ее носителя определяющего значения. Реальность, давно замещенная значимостью, переориентировала ретроспективу когда-то произошедшего события на его онтологическую ценность в жизни конкретного человека. Он восстанавливает не его детали, к которым так настойчиво стремится исследователь, пытаясь запечатлеть полноту и непредсказуемость отдельного случая, а передает гамму ощущений и эмоций, им вызванных.

Историки, занимающиеся сбором устных воспоминаний, в большинстве своем исходят из того обстоятельства, что «в процессе беседы, слушая воспоминания..., исследователь, ведущий опрос, имеет реальную возможность спросить свой “источник“, проверить уже в процессе интервью свою гипотезу по тому или иному моменту расска-

⁹ Теорема Томаса. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://msk.treko.ru/show_dict_1146 (Дата доступа: 12.05.2011).

¹⁰ Мертон Р. Самоисполняющееся пророчество. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://socioline.ru/node/828> (Дата доступа: 12.05.2011).

за. Этап “повторного интервью” (С. Квале) позволяет расширить знания о человеке и событиях, с ним связанных»¹¹. При этом изначально задается ситуация, при которой источнику отводится второстепенная, дополняющая позиция, способствующая прояснению либо расширению уже известных сведений. Исследователь, ангажированный общим знанием того, о чем он собирается спрашивать, «как бы» снижает самостоятельную ценность индивидуального воспоминания, пытаясь придать ему внешние признаки достоверности. Отсюда и стремление устных историков к максимальной детализации рассказа, к нацеливанию собеседника на припоминание бытовых подробностей излагаемого им события, а также соотнесение его с течением прошедшего времени.

Зачастую такие настойчивые просьбы со стороны слушателя сопровождаются эффектом аберрации памяти рассказчика. Под воздействием возрастающего интереса интервьюера к его личной судьбе происходит «присвоение» не принадлежащего повествователю опыта, в пространстве которого рассказчик переключается с собственно процесса припоминания на достижение повествовательной идентичности. Социологи, неоднократно обращавшие внимание на особенности речевого поведения опрашиваемых, в данной связи подчеркивают: «Рассказы информантов — это не просто отчеты о том, что произошло. Например, если матери конструируют свои нарративы так, что показывают в них себя в качестве единственного источника заботы о ребенке, то они хотят, чтобы другие воспринимали их именно таким образом. Однако речь не только о самопрезентации, самоописании субъекта. Нарратив является частью жизни человека, которая конструируется в процессе рассказывания о себе. Получается, что в ситуации рассказывания человек создает свою идентичность»¹².

Работа с нарративами (текстами бесед, интервью) имеет давние традиции и вполне устоявшиеся технологии получения и обработки данных. Тем не менее их выбор историком и предопределенность этого выбора обуславливаются «отношением к нарративам — как источнику более или менее истинной (и ценной) информации, к отражению реальности или же как к реальности как таковой. Некоторые исследователи считают, что респондентам свойственно лгать, приукрашивать историю, чтобы быть более убедительными, привносить в нее свои интересы и ценности. Другие полагают, что рассказ заслуживает внима-

¹¹ Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России: Материалы и исследования. С. 18—19.

¹² Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Исследования в социальной работе... С. 93—94.

ния сам по себе, как окошко в жизненный мир другого человека с его уникальным опытом и переживаниями»¹³. Решение в пользу выбора того или иного метода принимается исследователем под воздействием факторов самого разнообразного порядка — от его общепрофессиональной подготовки и масштабов стоящей перед ним задачи до случайного стечения обстоятельств в жизни потенциального информанта. Однако вне зависимости от принятого решения метод воспринимается как способ извлечения из повествования реального события либо связанных с ним происшествий. Увлекаясь собственными интересами, исследователь нередко забывает об интересах собеседника, менее всего склонного к удовлетворению профессионального любопытства противоположной стороны.

Нарратив, создаваемый рассказчиком, условно распадается на три части, «состояние — событие — состояние», каждая из которых по своим интенциональным возможностям и предназначению различна, как для самого повествователя, так и для его слушателя. В то время как слушатель заинтересован в более подробном описании средней и с его точки зрения более активной части повествования, рассказчик сосредоточивает свои усилия на «входе» и «выходе» из события. В результате несовпадения первоначальных намерений исследователя и информанта многие нарративы отбраковываются, так и не приобретя статуса источника. Те же из них, что попадают на страницы исследовательских сочинений, в большинстве своем утрачивают очарование избранности, встраиваясь в общий поток «большой» истории, конкретизируя тем самым его основные направления и редкие ответвления.

В своем стремлении к полноправному существованию в пространстве разнообразных практик постижения прошлого устная история добилась практически невозможного. Возведя в ранг источника «голоса из прошлого», она фактически разрушила длительное время культивируемую границу между историей-событием (*res gestae*) и историей-рассказом (*historia rerum gestarum*). Однако, будучи прежде всего наукой, а уж затем «выразительницей чужих мнений» (П. Томсон), устная история оказалась неспособной к последующему созиданию. Вторгнувшись на территории памяти, она подобно библейской ослице не знает, какому стогу отдать предпочтение: событию как таковому или все же его оценке. Но в любом случае, как бы ни разрешилась в дальнейшем создававшаяся ситуация, устная история задает новый вектор развития гуманитарного знания в целом. Развития, нацеленного на возвращение ему человеческого измерения и находящего свое отраже-

¹³ Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Указ. соч. С. 11.

ние в создании нового междисциплинарного нарратива — повествования, в котором память становится индивидуальной стратегией освоения динамичного и плохо поддающегося генерализации пространства современной жизни.

О.Б. Леонтьева

Дискурс, образ, миф: междисциплинарность в изучении исторической памяти

Аннотация: цель статьи — типологизация методологических подходов к изучению проблематики исторической памяти, сформировавшихся в современной науке. Проблемное поле статьи — опыт применения категорий «дискурс», «образ» и «миф» для воссоздания идентификационных структур «вспоминающего» общества. В статье затронуты проблемы: комплексной природы феномена исторической памяти, включающего нарративный и образный компоненты, социальные практики коммеморации; использования инструментария лингвистики, культурологии, психологии и других гуманитарных наук для анализа различных аспектов исторической памяти.

Ключевые слова: историческая память; дискурсы памяти; образы прошлого; мифы коллективной памяти.

«Мемориальный уклон» в исторической науке, явственно обозначившийся в конце XX в. (поворот к изучению разнообразных форм коммеморации и представлений о прошлом, хранящихся в коллективной памяти общества), закономерно повлек за собой расширение предметного поля исторической науки, в том числе историографии.

Сущность современной «парадигмы памяти», сформировавшейся в русле исторической антропологии, состоит в том, что предметом исследования становится не историческое событие или явление как таковое, а память о нем, живущая в сознании общества. Причины, вызывающие интерес исследователей к этой проблематике, достаточно очевидны: историческая память, интересующая по своей природе, является одним из важнейших структурных элементов групповой идентичности — семейно-родовой, национальной, конфессиональной, гражданской и др. Стремительные изменения современного общества, которые сопровождаются ощущением «конца знакомого мира», приво-

дят к кризису привычных типов идентичности и настоятельно требуют появления новых форм осознания и переживания групповой солидарности. Не случайно именно «войны памяти», разворачивающиеся вокруг содержания и трактовки образов общего прошлого, стали едва ли не главной составляющей современной политической и идеологической борьбы: эти баталии являются верным признаком того, что в сознании общества соперничают несколько различных сценариев коллективной идентичности¹. Все это пробуждает интерес исследователей-экспертов к природе исторической памяти, к различным способам ее формирования, сохранения и трансляции: изучение образов «общего прошлого», сложившихся в коллективной памяти общества, может многое повеждать о самом вспоминающем обществе, о его ценностях, внутренних конфликтах, ожиданиях, надеждах и страхах.

Отличительная особенность исследований по исторической памяти — их поистине бескрайнее предметное поле. В сфере внимания специалистов по исторической памяти находится «коммуникативная память», охватывающая воспоминания трех-четырёх живущих ныне поколений, — и «культурная память», соединяющая современность с давним прошлым²; память «мягкая» (личная, запечатленная в дневниках и воспоминаниях) — и память «жесткая» (закрепленная в форме разнообразных «мест памяти», музейных экспозиций, календаря официальных памятных дат, мемориалов и церемониалов)³; обыденные представления о прошлом — и эволюция научных практик историописания⁴. Но такое видение предметного поля потребовало и соответствующих изменений исследовательского инструментария историка, широко использования методологического арсенала других гуманитарных наук. Исследователь, обратившийся к изучению исторической памяти, должен обладать способностью проследить внутренние взаимосвязи разных сфер культуры общества: от академической науки до исторических жанров искусства; от устных семейных преданий, овеществленных в памятных реликвиях и фотоснимках, до мемориального компонента

¹ См., напр., материалы о междисциплинарном исследовательском проекте «Война памяти: Культурная динамика в России, Польше и Украине» под руководством А. Эткин-да: Сражения за память, войны воспоминаний // Новое литературное обозрение. 2011. № 107. С. 416—425.

² Ассманн Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 50—59.

³ Эткинд А. Столетняя революция: юбилей начала и начало конца // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 46.

⁴ Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. СПб., 2004. С. 6.

городского пространства; от методики школьного преподавания истории до технологий «конструирования памяти» средствами массмедиа.

Междисциплинарная природа исследований по исторической памяти связана со сложной, комплексной природой самого изучаемого феномена. С одной стороны, коллективная историческая память содержит в себе повествовательный, нарративный компонент, с другой — компонент образный, с третьей — совокупность разнообразных социальных практик коммеморации (не только «вспоминания», но и «забывания»). Безусловно, каждый из этих компонентов требует применения особых методик изучения. Содержательная сторона исторической памяти также включает в себя несколько уровней представлений о прошлом: информативный (конкретные сведения о том или ином историческом событии, лице, явлении), концептуальный (представление о ходе и смысле исторического процесса, о его факторах и движущих силах) и аксиологический (оценка исторических событий и явлений с точки зрения ценностных приоритетов). Наконец, исторические представления несут в себе эмпатическую составляющую, основанную на способности к сопереживанию и эмоциональному отклику на события давних лет.

В силу этого для реконструкции исторических представлений, существовавших в памяти той или иной эпохи, от историка зачастую требуется умение свободно ориентироваться в методологическом инструментарии и концептуально-понятийном аппарате ряда гуманитарных дисциплин: лингвистики (для анализа речевых структур); литературоведения и искусствоведения — с целью изучения сюжетной и образной стороны исторического повествования; психологии (для понимания травмирующего исторического опыта); культурологии и социальной антропологии (для исследования практик коммеморации и встающих за ними идентификационных структур); политологии (для изучения технологий и скрытых пружин «политики памяти»).

Междисциплинарная природа исследований исторической памяти наложила отпечаток и на понятийный аппарат этого научного направления, где практически на равных соседствуют категории «дискурс», «образ» и «миф». В первую очередь современные исследования по исторической памяти широко используют такую познавательную процедуру, как изучение «языка памяти» или «дискурса памяти», способов и стратегий организации повествования о событиях прошлого. Изучение дискурсивных структур памяти предполагает самые разные направления исследования: историка может заинтересовать, как организован нарратив, как выбраны «узловые» или «ключевые» события

повествования, в какой «сюжет» (терминология Х. Уайта) они складываются; в центре исследования может также оказаться (как у Ф. Анкерсмита) язык исторического письма и приемы исторической концептуализации⁵. Все это закономерно ведет к сближению исторических и филологических исследований.

В современной историографии вычленяется множество видов исторических дискурсов. Чаще всего их выделяют по типу идентичности, на упрочение которой нацелен тот или иной способ повествования о прошлом: историки говорят, например, об имперском, национальном, династическом, церковном, революционном дискурсах и т. д. Предметом исследования становятся также ситуации соперничества и переплетения нескольких дискурсов (например, применительно к повествованию о войне — «официально-героического», «казенного», «государственно-ориентированного» и «живого», «личного», «лично-ориентированного»), а также феномен своеобразного «двоемыслия» — ситуационного «переключения» вспоминающего человека с одного дискурса на другой; этот феномен констатировался практически всеми историками, работавшими с живой, устной памятью. Как отмечают исследователи, «двоемыслие» может объясняться тем, что у историй, рассказанных одним и тем же человеком, могут быть «различные адресные аудитории и различные культурные функции»⁶.

Таким образом, изучение дискурсивных структур позволяет понять, что память о прошлом по сути своей диалогична, что воспоминания о прошлом всегда предполагают (пусть в скрытой форме) круг собеседников, слушателей, которым они адресованы. Реконструкция образа неявно присутствующего «идеального слушателя», к которому обращен рассказ, — одна из самых интересных и сложных задач изучения дискурсов исторической памяти, выводящая исследователя на проблемы социальных рамок памяти, в сферу социальной психологии.

При анализе памяти о прошлом исследователями успешно используется категориальный аппарат психоанализа: с той разницей, что предметом анализа в данном случае является не только индивидуаль-

⁵ Репина Л.П. Память о прошлом и история // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 15; Савельева И. М., Полетаев А.В. Обыденные представления о прошлом: эмпирический анализ // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. С. 88—99.

⁶ Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 86—87, 297, 222; см. также: Алексеевич С. У войны не женское лицо. Последние свидетели. М., 1988. С. 75.

ный, но и коллективный опыт, история «травмы» и ее преодоления в памяти целого общества. Ключевыми проблемами таких исследований являются травматическая память, вытеснение и замещение травмирующих воспоминаний, т. е. механизм психологической реабилитации поколений, переживших пограничный опыт⁷. В рамках этого подхода сама историческая наука с ее историографическими стратегиями предстает как практика преодоления посттравматического кризиса идентичности, возврата утраченного ощущения осмысленности истории; с точки зрения А. Эткинды, сам «мемориальный уклон» в современной исторической науке можно рассматривать как следствие травматического опыта, пережитого человечеством в XX веке⁸.

Применение методов культурологических и искусствоведческих дисциплин напрямую связано с возросшей ролью образного компонента в исследованиях по исторической памяти: само понятие «образ» стало одним из ключевых для данной проблематики⁹. К настоящему времени сформировался жанр исследований, в центре которых находится образ какого-либо яркого исторического персонажа (обычно такого, оценка чьей исторической роли неоднократно пересматривалась: Александра Невского, Ивана IV Грозного, Петра I Великого, Павлика Морозова и др.)¹⁰. Предметом исследования при этом могут быть не только индивидуализированные, но и типизированные образы исторической памяти: например, «образ другого» и особенно «образ врага»¹¹.

⁷ Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 41—42; Roth M. The Ironist's Cage. Memory, Trauma and the Construction of History. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1995. P. 8—17; Ankersmit F.R. The Sublime Dissociation of the Past: Or How to Be(come) What One Is No Longer // History and Theory. Vol. 40. № 3 (October 2001). P. 295—323. См. также: Эткинды А. Время сравнивать камни. Постреволюционная культура политической скорби в постсоветской России // Ab Imperio. 2004. № 2; «Культурная память в странах Восточной Европы»: Научные чтения Кембриджского университета // Новое литературное обозрение. 2009. № 95 (1); Платт, Кевин М.Ф. Репродукция травмы: сценарии русской национальной истории в 1930-е годы // Новое литературное обозрение. 2008. № 90 (2); и др.

⁸ Эткинды А. Столетняя революция: юбилей начала и начало конца. С. 46.

⁹ См., напр.: История и историки в пространстве национальной и мировой культуры: Сб. статей / Под ред. Н.Н. Алеврас и др. Челябинск, 2011. Раздел 5: «Образы истории: способы конструирования и презентации прошлого». С. 384—504.

¹⁰ Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: Святой, правитель, национальный герой. М., 2007; Данилевский И.Н. Александр Невский: парадоксы исторической памяти // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 2005; Келли, К. Товарищ Павлик. Взлет и падение советского мальчика-героя. М., 2009; и др.

¹¹ Сенявская Е. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; Она же. Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.

Жанр «исторической имагологии» предполагает анализ того, как тот или иной образ эволюционировал во времени, встраиваясь в различные идеологические и историографические дискурсы; как изменялась при этом семантическая нагрузка, аксиологическая составляющая и художественная трактовка образа.

Можно ли вычленил некий алгоритм, которому следуют современные исследования образов, сложившихся в исторической памяти? На наш взгляд, их анализ опирается на эстетическое представление о том, что для художественного образа характерна внутренняя целостность и отсутствие «случайных» черт; что именно благодаря смысловой взаимосвязи всех своих отдельных компонентов образ становится автономным и «жизнеподобным», приобретает самостоятельное бытие. Исследования образов прошлого позволяют наглядно, шаг за шагом проследить процесс превращения фактов реальности в факты исторической памяти. Когда историческое лицо становится персонажем художественного произведения, его индивидуальные черты, отображенные в источниках, подвергаются художественному переосмыслению с тем, чтобы образ приобрел целостность и выразительность; со временем исторический персонаж наделяется устойчивыми признаками-атрибутами, позволяющими зрителю или читателю с легкостью опознавать его в интертекстуальном пространстве данной культуры. При этом подлинно художественный образ всегда полисемантичен; он предполагает полифонию возможных интерпретаций, «дистраивание» со стороны читательской или зрительской аудитории.

Семантическое наполнение образов прошлого позволяет многое понять о самом обществе. Так, в исследовании Ф.Б. Шенка прослежено, что три «идеальных типа» трактовки образа Александра Невского (как святого, князя и героя-полководца), сосуществовавшие в русской культуре, соотносились с тремя моделями «воображенного сообщества»: «сакральным сообществом, империей и современной нацией»¹². Изменения в трактовке образов исторических персонажей являются, следовательно, показателем изменений сценариев коллективной идентичности.

«Визуальный поворот», совершившийся в исторической науке на рубеже XX—XXI вв., закономерно вызвал обращение исследователей к анализу художественно-наглядной стороны воплощения образов исторических персонажей и событий: не только в живописи или киноискусстве, но и, например, в современной рекламной индустрии. Эта переориентация исторической имагологии неминуемо повлекла

¹² Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти. С. 500, 505.

за собой постановку проблемы «перекодировки» информации из визуального формата в текстовый, трансляции зрительного образа на язык научного анализа, результаты которого могут быть подвергнуты верификации. Речь идет не просто о расшифровке семантики образов, но прежде всего — о воссоздании того ракурса и восприятия реальности, который был присущ людям изучаемого периода.

В связи с этим полезным для изучения образов исторического прошлого, как представляется, может оказаться алгоритм «внешней» и «внутренней» критики визуальных образов, предложенный Е.А. Вишленковой. «Внешняя» критика состоит в изучении технологии изготовления художественных изображений, социального контекста их появления и циркуляции, степени доступности потенциальному потребителю. «Внутренняя критика» направлена на воссоздание «меняющихся способов смотрения и видения», присущих культуре изучаемой эпохи — «репрезентаций телесности», способов социальной типизации изображения, методов отображения психологических состояний или эмоционального характера персонажа¹³. Подобный подход может быть успешно применен и при анализе образов исторического прошлого.

Интерес к проблеме дискурса и образа повлек за собой изменение роли литературной цитаты и художественного изображения в тексте современного исторического исследования. Фрагменты литературных произведений и визуальные образы на страницах научных трудов предстают перед читателем, сменив привычный статус: из иллюстраций к тексту, вплетенных в его логику и подчиненных ей, они превращаются в центральный объект анализа.

Наконец, подобно культурологу, столкнувшемуся с культурными практиками иной цивилизации, исследователь исторической памяти стремится реконструировать смысл коммеморативных ритуалов и восстановить стоящие за ними мифы коллективной памяти. На сегодняшний день именно категория мифа стала ключевой в инструментарии исследователей, занимающихся проблемами исторической памяти; при этом можно отметить многозначность данной категории. С помощью понятия «миф» зачастую описываются проекты коллективной идентичности, повествования об «общем прошлом»: «национальные мифы», «государственные мифы», «сарматский миф», «кельтский миф» и др.¹⁴ В то же самое время понятие «миф» применяется и к от-

¹³ Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011.

¹⁴ См., напр.: Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 21. Специальный выпуск: Исторические мифы и этнонациональная идентичность. М., 2007.

дельным сюжетам исторической памяти: исследователи охотно пользуются такими словосочетаниями, как, например, «декабристский миф» (при условии, что данный исторический сюжет являлся ключевым для самоидентификации какой-либо социальной группы)¹⁵.

В научной литературе сложилась определенная традиция изучения мифов, возникающих в исторической памяти вокруг реальных исторических событий и деятелей. Историк, выступающий в данном случае в роли дешифровщика мифа, прослеживает, как за образами исторических персонажей, тиражируемых политической пропагандой или массовой культурой (от соцреалистического романа до голливудского фильма), встают архетипические, фольклорные прообразы. Были приняты и интересные попытки понять сам механизм создания мифа вокруг реального исторического события. Как считают исследователи, сущность этой практики заключается в том, чтобы соотнести повествование о конкретном событии с одним из «циркулирующих в мировой культуре универсальных сюжетов», затем отбросить из рассказа все «лишние» детали и привнести детали новые, более соответствующие мифическому прообразу, наконец, перевести повествование в яркий образный ряд. Если же, напротив, историк, установив реальные исторические детали события, вносит их в свой рассказ, и в результате таких дополнений образ отклоняется от мифического прообраза, — массовое сознание может воспринять это как развенчание героя¹⁶.

В этом плане далеко не каждый образ прошлого способен подняться в общественном сознании на уровень мифа. В свое время А.Ф. Лосев дал мифу определение: «миф есть в словах данная чудесная личностная история»¹⁷, т. е. сюжетное повествование, построенное вокруг какой-либо персоны и образным языком раскрывающее участие сверхъестественных сил в ее судьбе. Однако в современных исторических дискурсах вместо сверхъестественных сил, влияющих на судьбу персонажа, выступают трансцендентальные ценности той или иной культуры, приобщение к которым придает смысл человеческой жизни и непреходящее значение — конкретным поступкам. Мифологизированное восприятие исторического события, как правило, связано с манифеста-

¹⁵ Эрлих С.Е. История мифа. («Декабристская легенда» Герцена). СПб., 2006. С. 79—90.

¹⁶ См., напр.: Нуркова В. Историческое событие как факт автобиографической памяти // Воображаемое прошлое Америки: История как культурный конструкт. М., 2001. С. 20—33; Гришанин П.И. Белое движение и гражданская война: историческая феноменология и историческая память // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 168.

¹⁷ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М., 2001. С. 212.

цией каких-либо ценностей, а поступки героя в рамках исторического мифа становятся способом утверждения этих ценностей (например, миф о том, что Петр I пожертвовал сыном ради будущего страны; миф об «уходе» императора Александра I как об искуплении грехов самодержавной власти и т. д.)¹⁸.

Как можно заключить, исследование исторической памяти всегда представляет собой воссоздание идентификационных структур, собственных сознанию «вспоминающей» эпохи. Изучая дискурсы памяти, образы прошлого или исторические мифы, мы тем самым реконструируем структуры воображаемых сообществ, механизмы созидания коллективной идентичности, прослеживаем борьбу за реализацию различных ее сценариев и проектов.

Таким образом, исследование по истории исторической памяти позволяют вывести историческую науку на новый уровень междисциплинарности. Наведение мостов между сферами интересов разных гуманитарных дисциплин, широкое использование междисциплинарных подходов позволяет реконструировать историческую культуру той или иной эпохи в ее мировоззренческом измерении, — а значит, приблизиться к более глубокому пониманию механизмов нашей собственной идентичности.

Л.С. Шишкина-Ярмоленко

Междисциплинарность и метафоризация

Аннотация: в статье обсуждаются проблемы междисциплинарных исследований с позиции процесса метафоризации научного языка. Сравниваются образы объекта исследования на основе метафоры междисциплинарного подхода и на базе метонимии, логика которой определяет вертикаль построения символа. Определяется соотношение интерпретации как способа описания, основанного на метафоре, и внутренней реконструкции, обеспечивающей построение знания об

¹⁸ См.: Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX — начала XX в. Самара, 2011. С. 244—251, 260—261, 265—270; Она же. «Властитель слабый и лукавый»: образ Александра I в российской исторической культуре конца XIX — начала XX в. // Власть и общество в России: жизнь и государственная деятельность П.А. Столыпина. Самара, 2011. С. 227—233.

объекте путем восхождения к архетипу. Инструментарий метода отрабатывается на основе реконструкции внутренней формы языка, что позволяет видеть логику генезиса объектов любой природы с позиций лингвистической антропологии.

Ключевые слова: междисциплинарность, описание, метафора, интерпретация, метонимия, генезис, архетип, внутренняя реконструкция, лингвистическая антропология, внутренняя форма языка.

Топики и тренды науки

Предметы, границы и образы. «Стены и мосты» междисциплинарного подхода в науке — емкая метафора, способствующая формированию определенного образа подлежащей исследованию проблемы. Создание образа изучаемого объекта, или фиксирование в первоначальном тексте *явного* (фанеронов и их связей) независимо от того, реально это или представляет собою плод нашего воображения, родоначальник семиотики Ч.С. Пирс считал необходимым донаучным этапом исследования — фанероскопией. Главное, по Пирсу, — *честное, прямодушное* описание¹. Только в этом случае оно оказывается внутренней фотографией объекта, тем, что достойно семиотического анализа в режиме перманентного обращения к исходному материалу. И только в этом случае результатом нашего исследования становится истинно научный текст, фактически отражающий видение генезиса объекта наблюдателем.

К необходимости именно такого построения научного текста приходит почти столетием позже и один из известнейших американских социальных антропологов, К. Гирц. Введенный им концепт насыщенного описания предполагает присутствие в научном тексте тех символических структур, которые порождают наблюдаемое событие².

Здесь необходимо вспомнить о «первоцветке» как феномене восприятия И.В. Гете, что позволило ему создать морфологию растений, и о его 40-летних исследованиях генезиса цвета, в актуализацию которого всегда включен наблюдатель. И здесь же нельзя обойти молчанием родоначальника современного языкознания В. фон Гумбольдта,

¹ Пирс Ч.С. Учение о категориях. Феноменология // Он же. Избранные философские произведения. М., 2000. С. 116—118.

² Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. 2-е изд. СПб., 2006. С. 171—200.

который утверждал, что описание языка (а значит, и акта речи) должно быть генетическим.

Однако какой образ выстраивается на основе привычного термина «междисциплинарный подход»? Прежде всего, перед нами пространственная метафора, формирующая зону, граничащую с двумя или несколькими научными дисциплинами. Если учесть, что даже при одном объекте исследования каждая из научных дисциплин имеет собственный предмет, то зона эта чревата последовательным конструированием новых предметов, множество которых никак и ничем не ограничено.

Точное определение границ различных дисциплин также представляет собою огромные трудности, которые с боем вынуждены преодолевать аспиранты и докторанты ради защиты диссертаций. Научное исследование во многом посвящается определению предмета и поиску отражения проблемы предмета в объекте, т. е. господствует подход: от рациональной схемы к реальности. Реальность поневоле подгоняется под рациональную схему или уже сформированную рациональную теорию. Этот процесс повторяет ситуацию, которая давно сложилась в пределах направлений одной научной дисциплины.

От метафоры к метонимии. Возьмем хотя бы веер дисциплин, пограничных лингвистике. Как это ни странно, развитие психолингвистики, социолингвистики, антропологической лингвистики, этнолингвистики и этнографии речи, коммуникативной и когнитивной лингвистики породило ситуацию, когда и предметные области, и задачи этих дисциплин заметно пересекаются. Но есть ли у нас уверенность в том, что возрастающее количество промежуточных дисциплин когда-нибудь перейдет в качество нашего знания объекта как целого? Думается, что таких примеров в истории науки пока нет. Более того, у многих исследователей возникает закономерный вопрос: «А был ли мальчик-то?»

Уверенных в его существовании становится все меньше. Последние могики пытаются собрать разрозненные знания воедино с помощью комплексного, интегративного и даже системного подходов. В их черед, безусловно, проявляется все более сложная организация объекта. Но объекта ли? Или нашего рационального представления об объекте? Ведь во множестве современных методологических штудий система прочно отождествляется с целостностью, а системогенез — с генезисом моделируемой реальности. Уже к концу XX в. становится ясно, что генезис языка и речевого акта мы подменили наблюдаемой динамикой функционирования. Прагматика торжествовала, опираясь на поддержку синтактики и наряжая языковую семантику в костюмы коннотативных смыслов.

Сегодняшний дискурс о языке отличается удивительным свойством: собственно языка в нем нет. Это дискурс об отсутствующем объекте в ситуации, когда никто об этом отсутствии не подозревает. Обсуждение в основном разворачивается в инверсированном по сравнению с традиционным пространстве табуирования, где актуализирована формула: «Мы говорим — язык, подразумеваем — речь» (сравним: *медведь* вместо исконного **ursus*). Возможно, сбылось чаемое Р. Бартом: мы успешно обманули язык, чтобы избавиться от его репрессивной роли, и теперь «свободно» рассуждаем о письме, о тексте, о речи и даже о врожденной способности говорить. Коммуникация (заветное слово!) оказывается темой самого себя и все собой *подменяет/подминает*.

Так мы преодолели структурализм со всеми его недостатками. Просто отказавшись от языка, откачнулись в поляризованное нами (и внове абсолютизированное!) бесконечное бытие речи.

Обозначилась пропасть, которую рано или поздно все-таки придется преодолевать. Недаром в последние годы XX в. зазвучал лозунг: «Вперед, к Гумбольдту!»

Другая, не менее важная, особенность сегодняшнего междисциплинарного подхода — заимствование языка описания из смежных или даже далеких, но популярных дисциплин, особенно тех, которые претендуют на освободившееся место «теории всего». Сегодня в методологии науки существует джентльменский набор концепций, не зная которые неприлично. К ним, безусловно, относятся: синергетика, теория аутопоэза, теория потоков и сетей.

Использование языка описания, найденного для объектов иной природы, только тогда оказывается необходимым, когда, формируя общее жизненное пространство с объектом исследования (сравним биполярные системы координат), мы обнаруживаем в нашем объекте структуры, логика которых способна объективироваться лишь в одном из уже известных языков науки. Только тогда мы уходим от метафорического способа описания, увеличивая фактическую мощь используемого языка. Но не только. При этом удается выявить случаи подобия определенных структур, присущих типологически разным объектам. Основопологающим принципом данного подхода становится принцип совпадения уровней сравниваемых структур в пределах их объектов. В используемом языке описания формируется знаковая модель структуры, с которой мы в состоянии работать в духе Пирса и Гумбольдта, реконструируя ее семиотический архетип.

В противном случае, когда мы смотрим на свой объект с позиций научных языков модных дисциплин, мы лишь с редким упорством множим переписания давно известного.

Итак, выстроенная на этих страницах логика формирования образа объекта как «отсутствующей структуры» или как «инкогнито в карнавальном костюме» прямо вытекает из *метафоры междисциплинарного подхода*. Не пора ли сменить метафору или вовсе отказаться от нее? Потеря интереса к метафоре в поэзии абсолютно не соответствовала нараставшему в XX в. интересу к ней в научных кругах. Но, несмотря на большое количество исследований, до сих пор нет четкого разделения двух тропов: метафоры и метонимии. Значение метафоры резко преувеличивается, а значение метонимии — преуменьшается. Метонимия оказывается неким упрощенным вариантом метафоры, в котором новый смысл базируется тоже на ассоциации, только по смежности, а не по сходству. Так ли это?

На основе исследований, о которых пойдет речь дальше, можно утверждать, что метонимия на уровне речи/текста формирует значение по доминирующему признаку, представляющему целое по его части. Метонимия всегда скрытая или едва заметная синекдоха, отличающаяся от последней тем, что объем целого не определен заранее. Именно метонимия является механизмом конструирования символа на основе любого другого знака и представляет собою речевой, доступный осознанию, вариант собственно языковой логики порождения смыслов.

Метонимия — механизм формирования вертикали в отличие от горизонтального, ассоциативного механизма метафоры. Следование принципу метонимии приводит нас к утверждению иного пути построения нашего знания об объекте: пути восхождения к архетипу. Этот путь не ведет к полному отказу от метафоризации, но маркирование метонимии в оппозиции с нею позволяет увидеть реальное место метафоры в сложном процессе построения адекватного научного образа реальности.

Язык — земля обетованная

Об объекте и предмете лингвистической антропологии. Еще Гераклит считал, что природа устроена согласно истинному рассуждению, Логосу. Следовательно, и познать ее возможно лишь через Логос. В разные времена под Логосом понимали речь, слово, значение, смысл, понятие. И пытались, конструируя все новые и новые смыслы, выстроить адекватный реальности семантический образ мира. Но семантика — поле без границ.

Уже у стоиков появилась достаточно разработанная грамматика текста. Выделенные части речи воспринимались ими как формы раз-

вертывания Логоса в языке. Следовательно, структура речи/текста оказывалась отражением структуры мироздания. Эту-то ситуацию и абсолютизировали как философия, так и лингвистическая наука, полагавшие текст и его грамматику единственной реальностью языка.

Но на рубеже XIX—XX вв. фон Гумбольдт, развивая идею внутренней формы языка, отличной от грамматики речи/текста, заложил основы нового восприятия языка как ежесекундной деятельности по порождению речи³. Внутренняя форма, скрытая от прямого наблюдения, фактически не оставляющая следов в речи как результате своей деятельности, оказывается самой сутью языка, его творческой лабораторией, резонансно отражающей на знаковом уровне архетипы окружающей человека реальности.

Именно благодаря реконструкции внутренней формы языка становится возможным, по Гумбольдту, понять его природу и природу человека, увидеть род человеческий в его поступательном развитии и постигнуть своеобразие каждого народа. Эти цели и были поставлены им перед *сравнительной антропологией*, постулирующей язык как инструмент познания.

Однако *качественное* отличие языка от речи/текста трудно осознавалось лингвистами. Пытаясь объективировать свою интуицию языка, Ф. де Соссюр слишком решительно противопоставил его речи, но при этом перенес на «язык как систему» характеристики последней: принцип линейности означающего и принцип произвольности языкового (читай: речевого) знака. Поляризация языка и речи, синхронии и диахронии, статики и динамики привела к тому, что собственно языковой процесс порождения речи предстал как комбинаторика в пространстве и времени, как фиксирование временных последовательностей исходного набора единиц. А поляризация формы и содержания обернулась контаминацией языковой семантики и понятийной.

Пересмотр традиции всегда полезное дело. Как бы случайно обнаруживаются глубины научно-философских концепций предыдущих периодов, не востребованные на экстенсивном этапе развития науки. Вспомним хотя бы Лейбница с его мечтой об универсальной характеристике, в которой одновременно содержалось бы искусство суждения и искусство *открытия* и знаки которой представляли бы то же, что арифметические знаки в отношении чисел, а алгебраические — в отношении абстрактно взятых величин. А ведь Бог, по мнению Лейбница, даруя человеческому роду эти две науки, по-видимому, желал нам

³ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

напомнить, что в нашем разуме скрывается тайна, значительно более важная, и эти две науки только тени ее⁴.

Доверяя В. фон Гумбольдту, мы можем предполагать: тайной нашего разума и является, по-видимому, внутренняя форма языка, доступная сознанию лишь в виде интуиции, когда все уже понятно, но еще не выражено в словах.

На это указывают и представления о языке западных философов и лингвистов (М. Хайдеггера, Г. Гийома, М. Фуко), и традиции вскрытия имманентных структур русского языка (в работах А.А. Потебни, Г.П. Павского, К.С. Аксакова и Н.П. Некрасова), и идея археологии языка, разработанная в трудах Н.Я. Марра и И.И. Мещанинова, и, наконец, исследование ленинградской группы лингвистов 1960—1970-х гг.

Следовательно, создание максимально достоверного образа внутренней формы языка способно приблизить нас к пониманию сущности мира и человека. И здесь открываются перспективы развития современной лингвистической антропологии, концентрирующей в своем предмете многие аспекты философии, истории, логики и других наук, но всякий раз при доминанте языка⁵.

Если философ, прежде всего, выстраивает текст, концептуализируя содержание своей интуиции, логик озбочен вскрытием истинных связей смыслов готового текста, а лингвист шлифует общие представления о его структуре, то в пределах лингвистической антропологии совершается закономерный переход от речи/текста к архитектонике языкотворческой деятельности человека, т. е. к проявлению структуры языковой интуиции.

Конструирование позиции исследователя. В лингвистической антропологии первой по значимости оказывается задача осознания исследователем своей позиции по отношению к материалу. В этом плане работа лингвиста отличается счастливой особенностью: ему гарантирована позиция включенного наблюдения в силу того, что язык включен в него и он включен в язык, результаты языковой деятельности представлены в изобилии как в динамике (речевой поток), так и в статике (тексты) и сама языковая система при всей ее мощности состоит из нескольких десятков исходных единиц (артикулированных звуков).

Но и при этом осознание естественной позиции человека как субъекта познания — не такое простое дело. Фактически это всегда резуль-

тат серьезной работы исследователя над собой на всех уровнях личности, включая духовный. Из предыдущего ясно, что осознание позиции включенного наблюдения способствует формированию достойного, по выражению Гумбольдта, взгляда на объект и, следовательно, обеспечивает этическую доминанту исследовательского подхода. Только в этом случае становится возможным отделить субъективизм восприятия, выражающийся чаще всего в преждевременных оценках и определениях, в ранней формализации описания, от качеств и отношений, присущих материалу, и прийти, наконец, к описанию, адекватно отражающему *целостность* объекта.

Поиск новой целостности — характерная черта современного состояния в науке. В эпоху античности семь свободных искусств исчерпывали сакральную сферу отношений человека и космоса и дополняли друг друга до целого в мистериальном действе. Постепенная рационализация описания на основе формальной логики текста привела к абсолютизации проекционного знания и замещению целостного *образа* мира его научной *картиной*. При этом инверсировалась доминанта выстраивания наших представлений о мире: принцип «от целого к части» сменился на принцип «от части к целому», обусловленный бурным развитием индивидуального сознания. Смена обратной перспективы на прямую обеспечила многофокусное конструирование реальности и сформировала когнитивную дистанцию, или виртуальное пространство культуры, в пределах которой индивид получил право на ошибку и возможность ее осознания. Однако, по тонкому наблюдению Ю.С. Степанова⁶, «целое» как финал интеллектуальных усилий человека и Целое космологических мифов традиционного общества и мировых религий, безусловно, соотносятся с разными синонимами русской философской традиции: *единством* и *единым*. Следуя Николаю Кузанскому⁷, мы должны увидеть и качественно разные логики постижения в этих случаях: *контрастную* для единства и *неконтрастную* для единого.

Многочисленные попытки формирования «единой научной картины мира», характерные для последнего этапа развития науки, свидетельствуют (как и многие другие признаки) не только о неудовлетворенности растущей дифференциацией знания, но и об игнорировании метафоричности и противоречивости чаемого результата. Интенция артикулирования Целого как Единого объективируется

⁴ Лейбниц Г.В. Сочинения: В 4 т. Т. 3. М., 1984. С. 412—413.

⁵ См. подробнее: Шишкина-Ярмоленко Л.С. Язык и познание. Опыт лингвистической антропологии. СПб., 2004.

⁶ Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985. С. 51—57.

⁷ Кузанский Н. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1979.

прописыванием «целого» как единства на основе формальной, контрастной, логики.

Через интерпретацию к внутренней реконструкции. Еще в 1973 г.К. Гирц писал, что исследование культуры удачно, если оно более проникательно, чем предыдущие (что бы это ни означало), но оно не стоит у них на плечах, а наперегонки бежит рядом⁸. Неизбежность конфликта интерпретаций констатировал П. Рикер. Ведь «бег наперегонки» в науке даже не всегда происходит в одном направлении. При этом наиболее сложным, по Гирцу, оказывается необходимость перейти от микроскопических наблюдений к крупномасштабной реконструкции народа, эпохи, континента, цивилизации.

Интерпретация и реконструкция — не в соотношении ли этих подходов лежит разгадка нашей несостоятельности? *Интерпретация* всегда в достаточной мере субъективна, хотя может предстать и в виде строгой математической модели объекта. Внутренняя форма слова (*inter-pretatio*), рождающая его речевые смыслы, явно задает модель понимания посредством иного, устоявшегося, известного, имеющего цену. Этот механизм сродни метафоре. Внутренняя форма слова *реконструкция* — иная. Реконструировать — фактически означает заново перебрать по слоям, восстановить в первичной последовательности, если не поставлена задача перестройки объекта. Следовательно, подход к материалу с позиций реконструкции сосредоточивает исследователя на естественной истории самого объекта, отрицая косвенные определения. Роль субъективного фактора велика и здесь, но заключается она не в поиске неожиданной точки зрения (в прямом и переносном смысле), а в возможности индивидуального вживания в объект вне оценок и досужих мнений, в способности доверять материалу и собственному опыту, в науке трезвого видения жизни.

Отсюда следует, что интерпретация может и должна использоваться на первом этапе исследования, когда происходит определение объекта по объему. И здесь множественность интерпретаций только способствует уточнению границ. Вскрытие содержания при этом возможно лишь с помощью *внутренней реконструкции*, применяемой на всех уровнях: от микроскопического до крупномасштабного. Только в этом случае обобщение будет иметь неслучайный, качественный характер, а следовательно, и прогностическую силу.

Метод, который способствует занятию исследователем позиции включенного наблюдения и получения насыщенного описания, мы

⁸ Гирц К. В поисках интерпретативной теории культур... С 194.

можем назвать *методом внутренней реконструкции*. Впервые артикулированный по результатам проявления порождающей текст грамматики, следы которой лишь косвенно присутствуют в структуре текста, этот метод состоит в определении направления и этапов исследования и не предполагает использования обязательного набора методик: выбор и применение конкретных методик определяются принципом доверия материалу и спецификой последнего. Следовательно, сам метод обеспечивает возможность и необходимость изменений способов обработки и описания данных, что в результате приводит к описанию закономерных изменений объекта исследования. Практика подобных исследований подтверждает положение Гумбольдта о том, что истинное описание языка (как, впрочем, и всякого события) может быть только генетическим.

Научный текст как итог включенного наблюдения строится как полная знаковая проекция наблюдаемого события. Полнота обеспечивается воспроизведением на уровне речи/текста знаковых механизмов внутренней формы языка, адекватно отражающих генезис изучаемого материала, но скрытых от прямого наблюдения (по В. фон Гумбольдту). Поскольку действующую знаковую модель языка можно представить в виде перфорированной структуры, обеспечивающей резонансную связь с Целым, научный текст, построенный на изложенных основаниях, окажется реальным посредником между читателем и объектом исследования, обеспечивающим надежный результат.

С этих позиций особенно интересными оказываются рассуждения Э. Гуссерля о началах геометрии⁹. Гуссерль говорит о том, что окончательно и подлинно реактивировать великие познавательные конструкции геометрии и так называемых дедуктивных наук возможно только через возвращение к первоочевидностям, т. е. к моментам схватывания какого-то сущего в сознании его наличной самости посредством языка, так как язык коррелятивно связан с миром. Делание очевидной геометрии, по Гуссерлю, есть раскрытие ее исторической традиции перманентного перевода устойчивых языковых конструкций, фиксирующих метод производства изначальных очевидностей, в ясность реактивирования очевидного смысла смутного языкового понимания.

Именно поэтому история философии, история частных наук в духе обычной истории фактов ничего не может понять в своей теме. Подлинная история философии и тем более частных наук «есть не что иное, как встречное возведение исторических смысловых образований, данных в настоящем, или, соответственно, их очевидностей — вдоль

⁹ Гуссерль Э. Начало геометрии. М., 1996. С. 210—245.

документированной сети исторических встречных отсылок — к скрытому измерению лежащих в их основе первоочевидностей». Перед нами потрясающее по своей точности описание метода внутренней реконструкции целого.

Переформулируя Гуссерля, мы вправе утверждать, что открыть исторический смысл изначальности, который может придать всему становлению науки устойчивый истинностный смысл, можно, обращаясь к сущностному в истории языка, т. е. реконструируя его внутреннюю форму.

Следуя сказанному, можно предполагать, что новый тип структурирования научного знания задает объединение не по предмету, а по позиции исследователя. Включенное наблюдение обеспечивает возможность внутренней реконструкции объекта исследования, а значит, и доступную степень объективации неконтрастной логики его порождения. В пределе это позволит сформировать научный образ Единого, который все под собой содержит.

И.В. Мишина

Междисциплинарные связи в историко-культурном исследовании

Аннотация: *цель статьи — определение актуальных направлений осуществления междисциплинарных связей (истории культуры, исторической психологии, эстетики) в ходе проведения историко-культурных исследований. В статье затрагиваются следующие проблемы: психологические механизмы культурогенеза, значение культуры в детерминации психических процессов; историко-психологическая интерпретация историко-культурных явлений; поиск закономерностей психологических изменений в историческом времени; значение эмоционально-чувственного фактора в историко-культурном процессе.*

Ключевые слова: *историческая психология, модальная личность, индивидуализация, эмоциональный климат, эстетические переживания.*

Культура представляет собой объект исследования повышенной сложности в силу своей изменчивости, многомерности и неулови-

мости. Любой серьезный исследователь сталкивается с трудностью четкой фиксации духовного компонента в жизнедеятельности человека — носителя культуры¹. В такой ситуации невозможно представить культурологическое исследование без активного и постоянного развития междисциплинарных связей. В этом смысле важным средством выполнения задач историко-культурного исследования становится сотрудничество культурологии и исторической психологии.

Историческая психология сосредоточивает внимание на выявлении закономерностей исторической изменчивости человеческой психики, психических процессов, психической организации индивида, на воссоздании психологического своеобразия отдельных исторических эпох и периодов, проявляющегося, к примеру, в особенностях восприятия, памяти, мышления, эмоциональной жизни, структуры личности и др., а также в выяснении значения и способов действия психологического фактора в историческом процессе. С точки зрения исторической психологии развитие психики рассматривается как часть исторического процесса, и сама история становится объектом психологического исследования².

Проследим направления, в рамках которых сотрудничество культурологии и исторической психологии представляется необходимым и перспективным.

Изучение духовной жизни общества с необходимостью включает выявление психологических характеристик, условий формирования сознания, ценностных ориентиров, идеалов, определяющих поведение и поступки героев истории. Важным исследовательским направлением, объединяющим культурологию и историческую психологию, является поиск взаимосвязей исторического процесса и психологических характеристик, ценностных ориентаций личности, а также возможных механизмов ее обратного влияния на социальную среду в ходе создания социального порядка, соответствующего структуре личности.

Историческая изменчивость деятельности человека влечет за собой изменения в сфере восприятия окружающей действительности, приводит к смене типов мышления, формированию специфической ментальности, особого эмоционального фона, системы поведения. Обращаясь к исследованию исторического развития психики, изменений

¹ Селиванов В.В. Три подхода к определению культуры // Культура и личность: Сб. ст. СПб., 2006. С. 46—47.

² См. об этом: Никандров В.В. Историческая психология как самостоятельная научная дисциплина // Вестник ЛГУ. Сер. 6. Вып. 5. 1991; Коул М. Культурно-историческая психология. М., 1997; Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1998 и др.

в структуре и содержании высших психических функций, историческая психология позволяет выявить психологическую основу трансформации духовного мира людей, что составляет содержательное ядро истории культуры.

Проследивая качественные изменения духовного опыта на протяжении истории, необходимо обратить внимание на источники и механизмы его формирования. К примеру, значительное усиление роли зрения в сфере восприятия («визуализация») у представителей европейской цивилизации происходит в период, обозначаемый как начало Нового времени, отмеченный формированием основ и ростом авторитета научного мышления, что приводит к резкому экономическому и научно-техническому подъему западноевропейской цивилизации — «европейскому чуду». В связи с этим стоит отметить частое использование понятия «визуальная культура» при характеристике современной эпохи, что получает отражение в сфере господствующих тенденций в образовании, искусстве и других элементах культуры. Необходимо обратить внимание также на то, что изменение типов мышления в ходе исторического процесса также приводит к появлению новых форм культуры: так, к примеру, формирование вербально-логического мышления в античной Греции, обусловленное социально-экономическими и политическими процессами в жизни древнегреческого полиса, явилось основой становления науки и философии³.

Для более глубокого понимания механизмов, лежащих в основе процессов духовной эволюции, необходимо обратить внимание на перемены, происходившие на протяжении истории в структуре личности. В частности, индивидуализация человеческого поведения, которую следует рассматривать как характерный и повторяющийся феномен в истории Европы, служила психологическим стимулом активизации творческой активности, что привело к расцвету культуры в таких ее компонентах, как, например, художественно-эстетические переживания, научная мысль, философская рефлексия (плодотворной с этой точки зрения может быть интерпретация древнегреческой культуры в классический период, культуры западноевропейского Возрождения и других явлений в истории европейской культуры)⁴. При этом на материале истории культуры античного мира удастся установить, что усиление процессов индивидуализации имеет различные следствия, особое преломление в отдельных элементах духовной жизни: обесценивание и распадение коллективной (гражданской) солидарно-

³ См. об этом: Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988.

⁴ Barbu Z. The problems of Historical Psychology. N. Y. 1960. P. 140—141.

сти, утрата интереса к общественной жизни (аполитичность) обретают роль психологического фактора, определяющего гибель государств, распад единой системы нравственных критериев, вызванный кризисом идеи общего блага. Диалектика индивидуального и коллективного (социального) в историческом развитии психики позволяет, в частности, выявить психологические основания возникновения отдельных разновидностей и форм художественного творчества, таких как лирическая поэзия, театральное искусство и драматургия, жанры автобиографии и портрета. Таким образом, поиск закономерностей изменения психологических структур в историческом времени содействует усилиям историков культуры в ходе осмысления процесса развития духовной жизни и позволяет обнаружить психологические механизмы, лежащие в основе культурных сдвигов в историческом процессе, глубже осознать направленность этих перемен.

Современные процессы, происходящие в сфере культуры, также имеют психологические основания и последствия. Так, подверженность влиянию массовой культуры связана с особым психологическим состоянием «потерянности в настоящем», неспособностью к долгосрочному планированию, построению жизненных сценариев, фиксацией на ощущениях, особой мозаичностью — сочетанием в индивидуальном сознании взаимоисключающих ценностных систем и ориентиров. Порожденные современной цивилизацией технические средства открывают широчайшие возможности для манипулирования человеческим поведением, программирования психических реакций, создавая тем самым благоприятную среду для воспроизведения личности пассивного потребителя. Таким образом, фиксируемый процесс резкого численного возрастания совокупности людей, выступающих носителями низкого (витального) уровня культуры, имеет в основе своей конкретные психологические процессы, и исследование механизмов психологического воздействия массовой культуры, ее роли в формировании особого типа личности, создании барьеров, препятствующих самоактуализации, духовному росту, выступает одним из важнейших направлений исследования.

В настоящее время осознание значения культуры в детерминации психических процессов человека становится эффективным исследовательским принципом, способствующим разрешению актуальных задач культурологии и исторической психологии. Признание важнейшей роли культуры в формировании и изменении деятельности высших психических функций является одним из определяющих положений отечественной культурно-исторической школы психологии (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев).

Методология, к которой прибегает историческая психология, во многом базируется на психологической интерпретации памятников культуры. Деятельность высших психических функций объективируется в человеческом поведении и результатах человеческой активности, среди которых следует выделить используемые людьми языки, орудия труда, накопленные знания и сформировавшиеся представления об окружающем мире, сложившиеся идеалы и правила поведения, законодательные установления и правовые нормы, регулирующие межличностное взаимодействие, произведения искусства, иерархии ценностных ориентаций, верования и др.⁵ Таким образом, психологический анализ памятников культуры становится для исторической психологии важным способом получения эмпирических данных, а изучение истории культуры — необходимым условием понимания исторической обусловленности психических процессов.

Таким образом, можно сделать заключение о том, что взаимодействие культурологии и исторической психологии представляет собой неизбежный и необходимый союз, призванный выявить психологическое основание духовных процессов и, тем самым, обеспечить эффективность дальнейших исследований духовного мира человека и его роли в историческом процессе.

А.Е. Чельцова

Теоретические основания новой политической истории

Аннотация: цель статьи — проанализировать междисциплинарные основания новой политической истории и их практическую рецепцию в исследованиях истории СССР. Рассмотрены новые трактовки понятий «власть», «идеология», «практика» и их влияние на базовые концепции советской истории.

Ключевые слова: новая политическая история, культурный поворот, К. Гири, П. Бурдье, М. Фуко, власть, идеология, практики, история СССР.

⁵ Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1998. С. 129.

Культурный поворот в гуманитарном знании, заявивший о себе в начале 1980-х гг., поставил под вопрос эпистемологические, дисциплинарные и политические основания социальных наук. Западная академическая наука и противостоящий ей в то время марксизм осознали, что «в вопросе человеческого сознания и его отношения с обществом еще не все решено»¹. Кроме того, на тот момент строгие науки оказались не в состоянии разрешить противоречия современных и модернизирующихся обществ. В результате сформировалось убеждение, что междисциплинарность станет приемлемым выходом из кризиса и будет способствовать интеграции социальных наук². Процесс поиска ответов на поставленные культурным поворотом вопросы и развитие междисциплинарного синтеза продолжается до сих пор. Одним из примеров служит направление новой политической истории, активно применяющееся сегодня в российском контексте, в частности в исследованиях по истории СССР.

Несмотря на то что об этой дисциплине заговорили давно, ее еще нельзя считать полностью сформированной. Так, в недавней теоретической статье, посвященной бытованию политической истории, слово «новая» заключено в кавычки, обозначая, видимо, неустойчивость данного направления в историографии³. В связи с этим актуальным представляется обзор особенностей новой политической истории как результата междисциплинарного взаимодействия и анализ понятий и методов, которые она может предложить современной исторической науке.

Причиной возникновения направления стал кризис традиционной политической истории в версии позитивизма, изучавшей национальные государства и сводившей причинность к поступкам отдельных деятелей⁴. Первоначально новая политическая история заявила о себе в медиевистике: в центре внимания исследователей там оказались не традиционные категории государства и нации, а феномен власти и те реалии, которые он в себя включает⁵.

¹ White H. Afterword // Beyond the Cultural Turn: New Directions in the Study of Society and Culture / Ed. a. introd. by Bonnell Victoria E.; Ed. a. introd. by Hunt Lynn Avery, Afterw. White Hayden. Berkeley; Los Angeles; London, 1999. P. 320.

² Bonnell V.E., Hunt L. Introduction // Beyond the cultural turn... P. 1.

³ Pedersen S. What is Political History Now? // What is History Now? / Ed. by David Cannadine. Basingstoke (Hants.); N. Y.: Palgrave Macmillan, 2002. P. 50.

⁴ Кром М.М. Новая политическая история: темы, подходы, проблемы // Новая политическая история: Сб. науч. работ. СПб., 2004. С. 9—10.

⁵ Большакова О.В. Новая политическая история России: современная зарубежная историография: Аналитический обзор. ИНИОН РАН. М., 2006. С. 4—5.

Ж. Ле Гофф дал достаточно подробное определение новому направлению. Во-первых, политическая история остается «связана с конфликтами и, как следствие, с динамикой развития общества», т. е. она не изменяет своего поля целиком, но модифицирует, расширяет и одновременно углубляет его⁶. По мнению Ле Гоффа, она может располагаться на различных временных уровнях, а по определению Ф. Броделя, в разных «ритмах истории»; на более глубоких уровнях для ее понимания необходимо применять социальный анализ. Таким образом, традиционная политическая история имеет перспективы стать «политической историей с социологическим уклоном — т. е. “социальной” историей в широком смысле»⁷, к которой стремились представители школы «Анналов»

Во-вторых, новую политическую историю отличает междисциплинарность: она заимствует концепции антропологии, пытаясь уйти от «бурь, бушующих на поверхности истории событийной»⁸, а также понятия истории культуры, уделяя внимание семиотическим системам политического (словарю, ритуалам, моделям поведения, ментальностям).

Новая политическая история — междисциплинарный синтез методов и концепций, заимствованных из антропологии и культурной истории. В рамках направления исследователи уделяют внимание повседневности, политической культуре и той экосистеме, которую она формирует. Собственно политика (декреты, постановления, политические действия) становится некой «дискурсивной оболочкой», в пределах которой отдельные индивиды осознают себя и формируют свои цели в данной исторической действительности.

Теоретическая база направления сформирована концепциями культурного поворота: представлением о зависимости социальных категорий от языка; тезисом о взаимном конструировании индивида и, как следствие, отказом от жестких причинно-следственных связей; вниманием к языку как инструменту конструирования мира политического⁹.

Одним из ключевых теоретических новшеств стало иное понимание власти. В этом представители направления опираются на разработки М. Фуко, который называл объектом своего анализа не государство, а власть во всех ее проявлениях. В представлении Фуко власть — это некое общее имя, которое присваивается всему множе-

⁶ *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого / Общ. ред. С.К. Цатуровой. М., 2001. С. 415.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 412.

⁹ См.: *Bonnell V.E., Hunt L.* Introduction. ... P. 9; *Большакова О.В.* Новая политическая история...

ству взаимодействующих сил в данном обществе¹⁰. Он говорил не о власти институтов или государств, а о власти дискурса, формирующего субъектов. Концепция власти-знания, разработанная философом, подразумевает, что там, где есть знание и дискурс, непременно появляется власть: «власть порождает знание, знание есть власть»¹¹. Власть производит дискурсы истины, но историко-политический дискурс, по М. Фуко, — это не государь или абсолютный суверенитет¹², власть не принадлежит группе и не ограничивается государственным функционированием.

Опираясь на данную концепцию, новая политическая история обратилась к более широкому пониманию политики; как следствие, в историческом поле появились новые темы: массовая политика, политика повседневности, местная политика, а также дискурс в связи с идеологией. Ученые признали, что стали «историками политического»¹³.

В 2004 г. редакторы журнала «Критика» провели обсуждение нового направления, определив его не как событийную историю политических решений и действий, а «многоаспектную вовлеченность в “политическое”»¹⁴. Ключевыми чертами новой версии политической истории были заявлены, во-первых, определение политики как «комплекса взаимосвязанных практик», а не декретов и партийных решений; во-вторых, понимание связи высокой политики с повседневными практиками и действиями на местах; в-третьих, тенденция отказываться от однонаправленных объяснительных моделей любого вида — идеологических, социальных или политических¹⁵.

Реализация заявленной теоретической задачи потребовала новых категорий анализа. Одной из них стало понятие политической практики, в определении которого исследователи руководствуются концепцией П. Бурдьё. Как и представители культурного поворота, он исходит из понимания социального мира как совокупности изменчивых отношений, а не постоянно существующей «системы вещей». Эти отношения он обозначил как практики — изменение социального мира, произво-

¹⁰ *Хархордин О.* Фуко и исследование фоновых практик // Мишель Фуко и Россия: Сб. ст. / Ред. О.М. Хархордин; СПб., 2001. С. 67.

¹¹ *Колесникова А.С.* Мишель Фуко и его «Археология знания» // Фуко М. Археология знания. СПб., 2004. С. 22.

¹² *Дьяков А.В.* Мишель Фуко и его время. СПб., 2010. С. 269—270.

¹³ *Pedersen S.* What is Political History Now?... P. 38.

¹⁴ *David-Fox M., Holquist P., Martin A.M.* New Wine in New Bottles? // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 5. № 1. Winter, 2004. P. 1.

¹⁵ *Ibid.* P. 1—2.

димое агентом¹⁶. Практика не дана исследователю как исходный материал — ее нужно увидеть, проведя различие с практиками иного (или предшествовавшего) вида. Практика, по теории П. Бурдые, возможна только при условии наличия определенных социальных структур, которые он назвал «габитус». Это «принципы, порождающие и организующие практики»¹⁷. Практики, с одной стороны, ограничены исходными условиями (габитусом), с другой — соотносятся с требованиями момента, «содержащимися как объективная возможность в ситуации, которая определяется когнитивными и мотивирующими структурами, входящими в состав габитуса»¹⁸; для объяснения практик их следует соотносить и с габитусом, и с условиями настоящего времени.

Главная черта практик, имеющая значение для теории новой политической истории, — их коллективность. Практики, утверждает П. Бурдые, «не являются продуктом подчинения правилам и, следовательно, ... не являются продуктом организующего воздействия некоего дирижера»¹⁹. Это положение коренным образом меняет традиционную направленность политической истории на конкретных действующих лиц, переключая внимание на политические процессы в целом и обуславливающие их культурные компоненты.

Пересмотру подвергся еще один ключевой термин традиционной политической истории — идеология. Один из ведущих представителей социальной истории Ш. Фицпатрик признает, что тоталитарная модель политической истории СССР строилась на понимании централизации власти и идеологии. Идеология при этом понималась очень узко: исключительно как «канонические тексты» главных теоретиков марксизма²⁰. Теперь идеологию предлагается изучать по иным источникам, в которых проявляются «формы индивидуального и общественного самоанализа», например, по дневникам²¹.

Теоретическим основанием новой трактовки идеологии служат разработки К. Гирца, предложившего в своей теории интерпретативной антропологии иное понимание термина. Гирц начинает рассуждения с постулирования «идеологизированности» самого понятия идеология: «даже в работах, авторы которых именем науки клянутся, что употре-

¹⁶ Шматко Н.А. На пути к практической теории практики // Бурдые П. Практический смысл / Отв. ред., пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб., 2001. С. 553.

¹⁷ Бурдые П. Практический смысл... С. 102.

¹⁸ Там же. С. 109.

¹⁹ Там же. С. 102.

²⁰ Fitzpatrick S. Politics as Practice: Thoughts on a New Soviet Political History // Kriika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 5. № 1. Winter, 2004. P. 27—54.

²¹ Ibid. P. 32—33.

бляют термин в нейтральном смысле, впечатление от его употребления, тем не менее, отчетливо полемическое»²². Исследователь ищет способ провести границу между наукой и идеологией — проблема, которая послужила одной из причин кризиса традиционной политической истории. Гирц приходит к выводу, что неспособность социальных наук разработать адекватное, научное понимание термина заключена в «теоретической топорности», которая проявляется «при подходе к идеологии как к самостоятельной сущности»²³.

Автор развенчивает доминирующие в социальных науках подходы к идеологии либо как к инструменту борьбы за выгоду (теория интересов), либо как к способу избавиться от социально-психологического дисбаланса (теория напряжений)²⁴. Главный недостаток этих теорий К. Гирц видит в том, что они объясняют феномен идеологии, но упускают из виду конкретный механизм ее функционирования: «связь между причинами идеологии и ее следствиями кажется случайной, потому что связующий элемент — автономный процесс формирования символов — фактически обходится молчанием»²⁵. Исследователь предлагает рассмотреть идеологию как «систему взаимодействующих символов»²⁶, а также поставить в качестве проблемы вопрос о том, как именно формируются и трансформируются символы.

В отношении возникновения идеологии К. Гирц в целом принимает сторону теории напряженности: идеология в его представлении появляется, когда ориентиры некоего общества не соответствуют и не объясняют проходящий в нем политический процесс. Идеология в такой ситуации становится источником нужных значений, но не столько в социальном и психологическом, сколько в культурном измерении: «идеология пытается придать смысл непонятым социальным ситуациям, выстроить их так, чтобы внутри них стало возможно целесообразное действие»²⁷. Необходимые значения идеология формирует из символов, которые К. Гирц предлагает изучать с помощью категорий, ранее использовавшихся только в литературном анализе: метафоры, аналогии, иронии, парадокса, гиперболы. Данные символы группируются в зависимости от контекста, представляя обществу «социологию смысла», которое оно принимает за истину²⁸. Этот процесс можно при-

²² Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004. С. 224.

²³ Там же. С. 226—227.

²⁴ Там же. С. 231—232.

²⁵ Там же. С. 238.

²⁶ Там же. С. 228.

²⁷ Там же. С. 249.

²⁸ Там же. С. 242.

равнять к формированию знания М. Фуко, обретающему власть над теми, кому оно дается.

К. Гирц делает вывод, что наука и идеология «должны работать по совершенно разным направлениям»²⁹, однако применительно к развитию новой политической истории СССР эта рекомендация не всегда выполнима.

Представитель направления М. Дэвид-Фокс презентует концепцию новой политической истории, противопоставляя ее теории тоталитаризма, которая вновь становится популярной в исследовании советской истории³⁰. Он критикует мнение М. Малии о том, что главной составляющей и движущей силой советской истории была идеология, как ее понимали сторонники теории тоталитаризма. При подобной трактовке российский и советский опыт противопоставляются «нормальной эволюции либеральных рыночных систем Запада»³¹. Исследователь стремится переосмыслить концепт идеологии в двух направлениях — как объект научных исследований и как внешнее по отношению к науке условие, т. е. поднимает проблему, упомянутую К. Гирцем, в поле практической истории. М. Малия, по мнению Дэвида-Фокса, лишает историческую науку всех ее научных компонентов, оставляя только идеологию и политику и в качестве объекта исследований, и как контекст, в котором работают исследователи³². Дэвид-Фокс перечисляет ошибки Малии и этим одновременно указывает направление для развития новой политической истории СССР, свободной от научной идеологизированности. Ошибками сторонников единого фактора в истории называются: 1) отказ от поиска пределов идеологии и ее соотношения с мотивациями людей; 2) игнорирование процесса трансформации идеологии, изменения ее словаря и основных концепций; 3) отсутствие исследований о смещении идеологии с другими элементами веры и убеждениями, которые существовали в СССР, т. е. нивелирование проблемы сопротивления, пусть даже пассивного; 4) игнорирование несоответствий внутри идеологической системы при приложении марксистских текстов к советской действительности³³.

²⁹ Гирц К. Интерпретация культур. С. 259.

³⁰ В основном критике подвергается позиция Мартина Малии. См.: *Kotsonis Y. The Ideology of Martin Malia // Russian Review. Vol. 58. № 1. P. 124—130; Malia M. The Soviet Tragedy: A Reply to Gianni Kotsonis // Russian Review. Vol. 58. № 4. P. 676—677.*

³¹ *David-Fox M. On the Primacy of Ideology Soviet Revisionists and Holocaust Deniers (In Response to Martin Malia) // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 5. № 1. Winter, 2004. P. 82.*

³² *Ibid.* P. 97.

³³ *Ibid.* P. 104.

Новую сравнительную перспективу историографии советской истории М. Дэвид-Фокс предлагает искать в исследованиях нацизма, а также Французской революции. Это поможет ввести советский опыт в поле европейских исследований и снимет «традиционный миф» об уникальности и отсталости России³⁴. Задача, таким образом, заключается в «интегрировании исследования советского коммунизма в общую историческую культуру западного научного сообщества»³⁵. Однако автор признает, что этот тезис остается теоретическим, и ученые пока не «перенесли дискуссии об идеологии в фазу саморефлексии»³⁶. Исследованию на новых основаниях мешает характеристика идеологий современных государств как «законодательно зафиксированных, рассеянных и внедренных на уровне масс»³⁷, т. е. непреодоленная идеологизированность самого термина.

В противовес тоталитарной концепции М. Дэвид-Фокс предлагает считать идеологию более общим и всегда присутствующим в исторической действительности феноменом. Вслед за К. Гирцем он стремится объединить идеологические, политические и культурные факторы, а не изолировать, и выделять их обособленно, т. е. намечает программу создания «тотальной истории», в которой идеология будет анализироваться в «более глубинных контекстах»³⁸.

Аналитическая схема исторического исследования «общество — государство» в новой политической истории сохраняется, что в применении к российскому контексту объяснимо, учитывая длительную научную традицию анализировать советскую историю как процесс подавления государством населения. Акцент вновь предлагается переместить на государство, изменив при этом представление о степени и качестве его взаимодействия с обществом.

В теоретических построениях новой политической истории идеология теряет свою всеобщность и монолитность, она становится всепроникающей, но уже не в качестве раз и навсегда установленных концептов, а меняющихся, трансформирующихся под давлением иных факторов наборов убеждений, которые каждый индивид принимает или отвергает индивидуально. Идеология не приравнивается к определенной доктрине, а становится более широким понятием, функционирующим в обоих полях — как в политическом, так и в общественном.

³⁴ *David-Fox M. Op. cit. P. 83, 92.*

³⁵ *Ibid.* P. 91.

³⁶ *Ibid.* P. 102.

³⁷ *Ibid.* P. 103.

³⁸ *Ibid.* P. 105.

Само общество также рассматривается не как аморфное целое, а видится более дифференцированным, состоящим из конкретных индивидов, существующих и действующих в окружающем их идеологическом пространстве. Кроме того, одной из черт новой политической истории становится уход от событийности, обращение к более масштабным процессам и применение сравнительного подхода³⁹.

Как показывает анализ конкретных исторических исследований, отношения государства и общества теперь представляются, во-первых, двухсторонними, т. е., действуя, власть должна была учитывать реакцию общества, а иногда и подстраиваться под нее, во-вторых, в некоторых случаях продуктивными, а не только подавляющими общество⁴⁰.

Так благодаря междисциплинарному взаимодействию образуется некое пока еще «не вполне удобное среднее»⁴¹, открывающее теоретически обоснованные пути поиска ответов на уже поставленные новые вопросы. От ученых в такой ситуации ожидается открытость этим научным поискам и критическая рефлексия собственных позиций, гарантирующая, что возникающие полемичные взгляды будут осознаны и обоснованы научно, а не идеологически.

В.К. Потехин

Приемы, методы и начала точных наук в гуманитарных исследованиях

Аннотация: цель статьи — привлечь внимание гуманитариев к универсальным приемам и методам точных наук. Развитие речных, морских и океанологических цивилизаций не имеет достаточно-

³⁹ Holquist P. New Terrains and New Chronologies: The Interwar Period Through the Lens of Population Politics // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 4. № 1. Winter, 2003. P. 163.

⁴⁰ См., напр.: *Hellbeck J. Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts // Russian Review*. Vol. 60. Jul., 2001. № 3. P. 340—359; *Hellbeck J. Revolution on my Mind: Writing a Diary under Stalin*. Cambridge; London: Harvard University Press; Harvard University Press, 2006; *Halfin I. From Darkness to Light: Class, Consciousness, a Salvation in Revolutionary Russia*. Pittsburgh (Pa): Univ. of Pittsburgh press, cop. 2000; *Kotkin S. Magnetic mountain: Stalinism as a civilization*. Berkley; London; University of California Press, 1995.

⁴¹ *Bonnell V.E., Hunt L. Introduction...* P. 5.

го научного базиса для своего адекватного и причинного описания: проблема — в излишней общности исторической науки. На примере речных цивилизаций показана изящность и эффективность предложенного подхода и решены такие задачи, как формирование городов-государств, становление границ и ничейных земель между ними, обозначение вектора эволюции этих объектов.

Ключевые слова: принцип идеализации в истории, принцип наименьшего действия, приложение геополитики к истории, города-государства на реках, историческая эволюция.

Общие замечания о приложении строгих методов к историческим наукам. Одни и те же объекты и явления в смежных науках имеют, как правило, не тождественные образы восприятия, а смежные понятия, даже в рамках одной науки, имеют общие области соотнесения в реальности. Наука покрывает реальность как бы многослойно, образами различной конфигурации в каждом слое. Но даже при этом в природе есть то, что не покрыто и не может быть покрыто, что бесконечно безмолвствует. И четкое высказывание в отношении этого есть всегда ложь бытия. Это с одной стороны. С другой — в случае неадекватного восприятия объектов и явлений действительности они плохо выделяются из окружающего мира и плохо структурируются, оперирование ими не несет конструктивного начала. В предельных ситуациях их образы невозможно использовать, и они просто отмирают.

Попытки обозначить точные границы того или иного понятия не только в гуманитарных и в исторических науках, но и в социальных, и даже в естественных науках часто не удаются. В новых крайне неясных ситуациях границы их бытия могут уходить в бесконечность познания. Так, к примеру, в математике такие образы, как линия, поверхность, объем, четкие и ясные со времен Евклида, теряют в современном понимании свои контуры. В рамках строгих, как и вся математика, подходов удалось построить кривые, поверхности и объемы с размерностью, отличной от единицы, двух и трех соответственно.

Вести в науку незыблемую конечную и даже счетную систему категорий со строго обозначенными границами, полно отображающую явления окружающего нас мира, в принципе невозможно. Причина этого в том, что множество явлений, событий, предметов и других объектов природы и общества есть несчетное открытое множество, которое не может быть исчерпано счетной системой замкнутых подмножеств, которыми оперирует мозг. При рассмотрении и изучении произвольно взятого явления природы европейский количественный мозг вынужден вводить все новые и новые понятия, что на каком-то

этапе переполняет возможности социального наследования познания мира и требует все новых форм накопления и хранения информации и оперирования ею, а азиатский аналоговый мозг размывает существующие понятия и требует медитации, что не дает возможности их оперативного применения и затрудняет наследование. Все это в самой полной мере применимо и к описанию истории.

Но, так или иначе, ясно, что, прежде чем оперировать теми или иными образами предметов, событий и явлений природы, надо определить область их существования. В противном случае если обсуждение и удастся, то только на уровне схоластики. Но вопрос о границах вводимых понятий остается неопределенным всегда.

Принцип идеализации Галилея. Для разрешения обозначенных вопросов обратимся к принципу идеализации Галилея, с успехом примененному им к выявлению законов природы. Суть этого принципа заключается в том, чтобы избавиться от сопровождающих рассматриваемое явление факторов, оставив только те, которые присутствуют в различных условиях, маскируясь множеством производных реальных географических особенностей. К сожалению, от чего избавиться и что оставить конкретно в той или иной проблеме, становится понятным лишь после того, как проясняется формулировка найденного закона.

Прямое представление о подобном можно дать на примерах явлений дифракции сверхслабых полей или последовательного наложения отдельных элементарных частиц, в которых наблюдаются новые закономерности — статистические. Элементарные частицы, проходящие решетку, распределяются на экране рамочно, как бы согласно будущей дифракционной картине. Включение каких-либо случайных полей (например, вибрации дифракционной решетки) будет размывать наблюдаемую картину. Можно придумать множество других дополнительных процессов, которые будут ее разрушать. Однако после того как явление дифракции понято, становится очевидным, что вибрация решетки или иные влияния являются некоторыми дополнительными процессами, накладываемыми на формирование дифракционной картины, а само явление дифракции есть самостоятельный физический эффект, определяющий формирование того или иного изображения.

Этот принцип пытались применить и крупнейшие исследователи истории, в частности Ф. Бродель при попытке написания экономической истории мира: «Как это часто случается, мы попытались, с помощью здравых аргументов, устранить трудности, загромождавшие нашу дорогу. Но едва мы принялись за дело, как с самого начала труд-

ности упрямо возвращаются. Те трудности, без которых, признаем это, историю не принимали бы всерьез»¹.

Недостаточная степень идеализации в этих попытках и явилась причиной возвращения трудностей. Законы всегда носят дедуктивное оформление. Индуктивный подход дает в лучшем случае решение частной проблемы.

Гораздо более конкретные и общие результаты получили Беттигер², обозначивший закон трехчленного географического развития человечества («река, море и океан») и Мечников³, связавший эти фазы развития с тремя последовательными стадиями социальной эволюции обществ («подневольных, подчиненных и свободных союзов»). Оба они выделяли природно-географические условия как наиболее устойчивые факторы человеческого развития на длительных интервалах времени. В силу этой данности человек становился вековым пленником климата, регионального растительного мира и урожая, поголовья скота, типа земледелия и условий производства, следовательно, в наибольшей степени это и определяло региональное историческое развитие человечества, выстраивало его экономику и социальную структуру. В блестящих работах Беттигера и Мечникова история впервые стала просматриваться как геоистория. После их работ появилась очевидная необходимость перехода от событийной истории, описывающей события в коротких ритмах, к истории, требующей рассмотрения процессов, идущих на длительных интервалах времени, связанных с экономическими и социальными структурами.

С целью построения вектора исторического развития нами выбрано минимальное историческое поле (водные и сухопутные пространства), субъект исторической деятельности (человек общественный) и актуализирующий историю фактор (торговые коммуникации), и в этом направлении построены шесть теорем классической геополитики и получены эффективные приложения к истории речных, морских и океанологических цивилизаций⁴. Во всех теоремах применялись одни и те же идеализации.

При рассмотрении речных цивилизаций изначально поставленная задача состояла в том, чтобы найти фундаментальные экономи-

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. Т. 3: Время мира. М., 1992. С. 10.

² Böttiger C. Das Mittelmeer. Leipzig: Mayer, 1859 (Kessinger Publishing, LLC, 2010).

³ Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки: Статьи. М., 1995.

⁴ Потехин В.К. Основные теоремы геополитики // Интернет-ресурс: www.milresource.ru.

ческие различия поселений на реках и в приречном пространстве, а не описать эти различия. Для получения определенных результатов из рассмотрения были убраны широтные факторы, другие географические и климатические условия, потребительские ресурсы приречных поселений (холмистость территорий, наличие лесных массивов, плодородных пастбищ, полей, водных ресурсов, животного мира, всевозможные случайности определенно влияют на развитие тех или иных регионов, но при рассмотрении вышеобозначенных вопросов являлись затеняющими моментами; эти факторы могут быть учтены через интенсивность исторического развития). Рассматривалась прямолинейная речная коммуникация (прямолинейная геометрическая симметрия речной коммуникации вводилась для усиления восприятия проблемы, для упрощения математических вычислений и для обозначения исходных равенств между поселениями на реках; в дальнейшем от этого ограничения нетрудно отказаться). Была введена симметричная заинтересованность поселений приречного пространства вдоль направления речной коммуникации (предположение о ней необходимо, чтобы поставить поселения вдоль рек в некоторые одинаковые условия, дать им равную заинтересованность в контактах и в этом равенстве отыскать некоторые экономические коммуникационные границы между поселениями). Из рассмотрения были исключены субъективные моменты.

Мы придерживаемся нами сформулированного принципа исторического нивелирования: «Субъективные факторы: мнение, видение, решение даже гениальных или ничтожных властителей есть лишь отображение развивающегося мира. Те или иные властители не могут своим повелением отменить естественные процессы, а могут лишь смягчить или, наоборот, спровоцировать их протекание. Окружающий мир на больших интервалах времени нивелирует их решения и связанные с ними события. Вопрос может ставиться только о характерном времени нивелирования этого решения или события, которое может быть самым различным»⁵. Этот момент имеет столь важное значение, что простое упоминание, даже на правдоподобных примерах, не является убедительным и требует отдельного и обстоятельного обсуждения, выходящего далеко за пределы этой статьи.

Принцип наименьшей стоимости. Продуктивный земледельческий труд обществ на берегах рек понимается как первоначальный источник аттрактивности к рекам, но этого явно недостаточно, чтобы отыскать здесь вектор исторического развития древних речных цивилизаций.

⁵ Потехин В.К. Частные сообщения. Семинары ГД РФ. 1994—1999 гг.

При более пристальном рассмотрении и обсуждении многообразных исторических процессов в культурах, разбросанных как во времени, так и в пространстве, выявляются общие черты для древних царств Египта, Месопотамии, Китая, Индии и славянских княжеств конца I тыс. н. э. Климатические, географические, природные и ресурсные многообразия их зон поселения и, как следствие, многообразия внутризонного взаимодействия затеняют совершенно определенную и явно выраженную поразительную тенденцию аттрактивности этих взаимодействий к речным внутрицивилизационным коммуникациям, которая, как увидим далее, с одной стороны, интегрирует и связывает приречные поселения, а с другой — дифференцирует их в прообразы государственных образований.

Как отображение этого факта в речных цивилизациях имеет место удивительная «теорема об аттрактивности линейных коммуникаций» (*Первая теорема геополитики*): «В предположении, что отношение e себестоимостей перевозок товаров по суше и по реке > 1 , торговый путь между двумя поселениями, удаленными от прямолинейной речной коммуникации *River* на одинаковое расстояние, экономически модифицируется в речной путь, лишь только расстояние L между поселениями будет больше некоторого критического расстояния»⁶.

Теорема включает в себя как экономический аналог один из основных принципов физики, проистекающий от Герона Александрийского из I в. н. э., — принцип наименьшего действия Мопертюи (в других формулировках — Ферма, Эйлера, Лагранжа, Гамильтона). Мы формулируем этот принцип в приложении к историческому развитию и называем его *принципом наименьшей стоимости*. В бытовой формулировке для гуманитариев он выражается следующим образом: «Стоимость перевозки товара между двумя поселениями F_1 и F_2 не обязательно минимальна вдоль прямой F_1F_2 , даже при условии отсутствия на пути чрезвычайных событий».

Но принцип наименьшей стоимости в отличие от его физических аналогов не является детерминированно причинным. Он имеет рамочный характер. Каждый субъект приречных торговых отношений наряду с экономической выгодой руководствовался множеством дополнительных причин: наличием родственников в том или ином направлении передвижения, потребностью с ними встретиться, слабостью к Монии-

⁶ Потехин В.К. Основные теоремы геополитики (Теорема об аттрактивности линейных коммуникаций) // Национальная безопасность и геополитика России. 2003. № 3—4. С. 166—175.

ке Левински, проживающей в несколько ином направлении, возможностью захватить по пути дополнительный товар, наличием речных пиратов или шаек лесных разбойников, попутчиками, нелюбовью к тому или другому виду передвижения, какими-то событиями в портовом поселении, просто настроением... Более того, эта экономическая выгода не всегда осознавалась явным образом.

Возникновение городов-государств на реках. Принцип наименьшей стоимости не является механистическим, его эволюционное начало естественным образом проявляется в виде конструкции «формирование границ в Древнем мире»: «Для любого речного портового поселения, удаленного от подобного поселения на расстоянии $2L$, имеется такое геометрическое место точек $G = \{F\}$ (поселений), торговые пути которых подчинены экономической притяжительности к портовому поселению». Таким образом, от одной торговой поездки через порт к другой портовое поселение накапливало богатство, укрупнялось территориально и демографически. В этом, собственно, и состоит эволюционное начало уравнения стоимостного баланса.

Образование границ между городами государствами. Сегодня как политикам, так и научному миру политических наук представляется, что границы на всех исторических этапах были либо навязаны внешними силами, либо сформированы как некий компромисс политических сил, либо создавались в результате столкновений с соседними государствами, в крайнем случае, были обусловлены природными массивами. Хорошо известные спорные пограничные проблемы лишь усиливают эти представления. В дополнение к современным геополитическим представлениям в рассматриваемой конструкции появляется новый прообраз границ, который носит естественный характер, соответствующий экономическим торговым взаимоотношениям речных эпох. Этот прообраз проходил по границе зоны аттрактивности и принимал гиперболическую форму. Вдоль реки граница проходила на расстоянии $L[(e-1)/e]$. Но самое интересное в этом результате то, что наряду с интеграционными торговыми процессами реки дифференцировали прибрежные районы, формировали между ними границы экономического влияния и пограничные районы, «создавали» города-государства и тем самым разъединяли народы.

Ничейные земли. Другой важнейший момент подхода состоит в представлении и описании того, что самые ранние границы были не линиями, а пограничными районами — областью вне ареалов G_1 и G_2 , которая коммуникационно не была завязана ни на тот, ни на другой

порты. Размеры этих ничейных пространств определялись отношением e при транспортировке товаров и были равны вдоль реки величине $2L/e$.

Становление городов-государств. Развитие судоходства на реках, снижение себестоимости перевозок в сравнении с перевозками по суше, приводило к сближению границ соседних аттракторов. В свою очередь, сужение межграницных районов — областей вне ареалов G_1 и G_2 — порождало тенденцию исчезновения ничейных земель и народов, их населяющих. Затраты на развитие речных технологий порождали расширение границ городов-государств не только вдоль рек, но, что также удивительно, в направлении, перпендикулярном к рекам. Речные города становились естественными собирателями земель. Именно так проходило любое экстенсивное территориальное и демографическое укрупнение в мире древних речных культур, если исключить силовое решение.

Географический вектор эволюции речных цивилизаций. Границы экономического влияния речных портовых городов определяются не только отношением технологических себестоимостей e . Их местоположение, при всех прочих равных условиях, определяется и таким чисто географическим природным параметром, как течение рек. Конструкция, учитывающая этот простейший географический фактор, приводит к нетривиальным и удивительным результатам в интерпретации истории. Течение рек изменяло отношение e себестоимостей перевозки от технологического параметра e до природно-технологического e' с его увеличением при транспортировке вдоль по течению и до e'' с его уменьшением при транспортировке против течения реки.

Изменение отношения e приводило к асимметрии торговых взаимоотношений приречных поселений. Так, эффект аттрактивности в приречном пространстве в направлении против течения реки имел место только в том случае, если e было больше некоторого критического, что накладывало на технологическую культуру приречных поселений определенные требования. С диспропорцией отношения e , обусловленного скоростью течения реки, выстраивались и пространственные ареалы экономических притяжений к центрам аттрактивности. Ареал G_1 надстраивался как в направлении речной коммуникации, так и в перпендикулярном к реке направлении. Размеры ареала G_2 , наоборот, уменьшались и в том, и в другом направлении.

Именно в этих альтернативных тенденциях состоит принципиальное отличие деформации ареалов G_1 и G_2 , обусловленной течением реки, от деформации, обусловленной технологическими изменениями

ми параметра e . Отсюда и проистекает экономическая диспропорция ареалов. Так, в гипотетическом случае для отношения $e = 2$, скорости течения реки — 2 условные единицы, скорости транспортировки груза по неподвижной воде — 5 условных единиц, граница влияния поселения F_1 вдоль реки отодвигается в 1,29 раза от своего технологического положения, а в перпендикулярном направлении — в 1,63 раза. Вместе с экстенсивным расширением вышестоящего ареала сжимается другой. Расстояние от границы влияния G_2 к портовому поселению вдоль реки, при тех же условиях, сокращается в 3 раза, тогда как в перпендикулярном направлении область аттрактивности G_2 сжимается еще больше — в 4 раза.

В допущениях галилеевской идеализации, мощь государства пропорциональна его территории, если эта территория заселена равномерно. В этом первом приближении экономическая мощь государства G_1 в 25 раз превосходит экономическую мощь государства G_2 . Так, через экономическое доминирование вышестоящих городов, и проявлялся вектор исторического развития древних речных цивилизаций — к морям! И самое главное, именно на этом пути лежит ответ на вопрос: почему некоторые речные цивилизации исчезли бесследно, а другие эволюционировали в совершенно новые культуры (однако его рассмотрение лежит вне рамок этой работы).

Представленная теорема об аттрактивности торговых путей вскрывает явно выраженную тенденцию возникновения городов Древнего мира на берегах великих исторических рек. Это — ключевой момент возникновения речных цивилизаций. Однако математическая часть работы в равной степени применима к любым линейным, а не только речным коммуникациям: к железнодорожным и автомобильным магистралям, к лесным и городским тропинкам, к Великому шелковому пути, к другим сухопутным торговым путям и, возможно, к Великим тропам континентов. В ряде случаев теорема применима даже к морским коммуникациям. Вышеприведенные конструкции над теоремой позволяют описать строгим образом многие исторические процессы не только в речных культурах, но и собирание земель вокруг городов, стоящих на линейных коммуникациях, формирование ареалов этих городов, взаимодействие поселений, городов-государств, княжеств, царств между собой. Те же, слегка измененные, конструкции позволяют: описать возникновение ничейных территорий между княжествами и царствами вдоль коммуникаций, построить прообраз границ культур, стоящих на коммуникациях, понять структуру и форму этих границ, их изменение во времени и с экономическим развитием общества.

В любом случае — это огромное подспорье для историков.

М.В. Патмур

Междисциплинарные связи исторической науки: ретроспективный взгляд

Аннотация: целью статьи является ретроспективное рассмотрение междисциплинарных связей исторической науки на примере взглядов Э. Фримана. Идея формирования междисциплинарных связей истории не является исключительно приметой современности, а имеет давнюю традицию, значительный теоретический и методологический опыт, который необходимо учитывать сегодня.

Ключевые слова: междисциплинарность, взаимодействие, субъективность, достоверность, историческое исследование.

Междисциплинарные подходы ретроспективно имеют истоки в разных культурных и когнитивных традициях. Междисциплинарность в современной философии науки понимается как система взаимодействий. Речь идет о разных его уровнях: от простого обмена идеями до взаимной интеграции концепций, методологий, исследовательских процедур, терминологических дискурсов¹. Одним из результатов такого взаимодействия научных дисциплин стало осознание значительности научного потенциала так называемых стыков дисциплин. Прежде всего речь идет о переносе методов исследования объектов из одной научной дисциплины в другую.

Сегодня междисциплинарность рассмотрения и осмысления в науке проявляется по-разному и в различной степени: в постановке проблем, в подходах к их решению, в развитии теорий, выявлении связей между ними, формировании новых дисциплин. Г.Л. Тульчинский отмечает, что междисциплинарность в науке — дело степени. Следует помнить об ограниченных возможностях каждого уровня рассмотрения. Невозможно говорить обо всем сразу. Междисциплинарный подход не есть «пицца-метод». Максима «anything goes» хороша только в ситуации выбора, но после конкретного выбора мы уже должны придерживаться избранного пути. Можно говорить и о шкале междисциплинарности. На одном полюсе этой шкалы — в той или иной степени интегрированная мозаика дисциплинарно точных описаний и объяснений. Связи между ними (интегративная схема) могут быть

¹ Василькова В.В. Междисциплинарность как когнитивная практика (на примере становления коммуникативной теории). // Коммуникация и образование: Сб. ст. / Под ред. С.И. Дудника. СПб., 2004. С. 69.

вырожденными или все более и более выходить на первый план, доходя до очерчивания собственных границ и формирования пограничных проблем и теорий. И наконец, другой полюс — некий новый синтез, новые фундаментальные метафоры и, таким образом, возникновение и развитие новой научной дисциплины².

Приметой сегодняшнего времени является увеличение интенсивности взаимодействия и взаимовлияния дисциплин. Однако вопросы укрепления междисциплинарных связей исторической науки являлись предметом рассмотрения классиков мировой исторической мысли. Так, Э. Фриман (известнейший английский историк XIX в., профессор новой истории в Оксфорде) в ряде работ интерпретировал историю Европы с точки зрения географического детерминизма, рассуждал о влиянии географии на национальный характер народа и на его место в истории.

Междисциплинарным подходам в исторических исследованиях много внимания уделяется в работе Э. Фримана «Методы изучения истории». Автор отмечает, что всякая из отраслей науки и искусства, имеющая какое-либо отношение к целям человеческим, должна быть признана историком полезной для его отрасли знания. Историк приходится иметь дело с очень разнообразными предметами, и чем больше отраслей знания ему доступно, тем больше он пригоден для исполнения своего дела. Он обращает внимание на то, что следует различать отрасли знания, могущие быть для него полезными только случайно, от тех, которые имеют с историей непосредственную связь³.

Характеризуя взаимосвязь географии и истории, Э. Фриман отмечает, что история невозможна без политической географии; вернее сказать, политическая география составляет существенную часть истории. Но политическая география незаметной чертой отделяется от геологии, и таким образом мы снова приходим к группе наук, близко, родственных истории и тем не менее отдельных от нее. Географию и хронологию часто называют глазами истории; действительно, без них история была бы слепой. Но обе эти отрасли находятся в довольно различных отношениях к науке, для уяснения данных которой они обе необходимы. У хронологии до известной степени имеется свой особый метод, и ее изучение предполагает существование особого материала, в котором не нуждается прямо и непосредственно чело-

² Тульчинский Г.Л. Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / Под ред. Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна. СПб., 2003.

³ Фриман Э. Методы изучения истории. 2-е изд. М., 2011. С. 32.

век, изучающий историю. Несмотря на это, она есть не только часть истории, а даже не имеет других целей и другого значения, кроме уяснения исторических событий при посредстве расположения их в надлежащем порядке и в известных соотношениях времени. География, наоборот, более похожа на различные формы искусства: с одной стороны, она строго историческая наука, а с другой — совершенно отдельна от истории.

Э. Фриман утверждает, что если мы хотим понять историю прошлого или настоящего, нам с особенной старательностью нужно изучать историческую географию. Мы можем определить эту науку как науку о названиях, которые носили в различные эпохи различные части земной поверхности. Это определение будет совершенно правильным, если к знанию названий мы присоединим и сведения о способах их происхождения. Пренебрежение исторической географией, небрежное и неточное название стран и народов всегда было главнейшим источником ошибок исторических. Мало этого, неправильное употребление названий постоянно ведет к самым вредным недоразумениям относительно важнейших современных вопросов. Неправильное употребление названий в иных случаях даже способствовало порабощению народов. Несомненно, что употребление, легкомысленное или намеренное, слова «Турция» для обозначения стран, находящихся под игом турок, до значительной степени способствовало ослеплению людей и подавлению их естественных чувств при виде великой борьбы за освобождение Юго-Восточной Европы от ее угнетателей. До тех пор, пока будет употребляться это название, люди бессознательно будут думать, что турки для Турции — то же, что англичане для Англии и французы для Франции. Выучимся говорить, как этого требуют и история, и факты действительности, не о Турции, которой не существует, а о порабощенных Греции, Болгарии, Сербии — и мы сделаем шаг, совсем немаловажный к соединению порабощенных земель для освобождения Греции, Болгарии и Сербии⁴.

Помимо географии ученый обозначает тесную взаимосвязь истории и филологии, полагая, что «общая история — и история языка, как ее часть, — в значительной степени обуславливается местной историей». Попутно Э. Фриман останавливается на необходимости красивого литературного изложения исторических исследований. Он отмечает, что когда сочинение имеет красивую форму, то у него непременно будут читатели. Всегда появляется искушение дать читателям не такое чтение, которое было бы всего полезнее, а такое,

⁴ Фриман Э. Указ. соч. С. 36, 182.

какое им больше нравится; таким путем составляются фальшивые репутации и распространяются ложные исторические взгляды; если история рассказана изящным языком, если она рассказана так, чтобы понравиться какому-нибудь классу читателей, то этот класс читателей поверит ей совершенно независимо от того, будет ли она изложена верно.

Отсюда он делает вывод о том, что мы видим тут полное развитие понятия, будто история есть легкая наука, будто всякий, обладающий бойким пером, может писать о ней и всякий, кому только нравится бойкая манера писательства, может судить о ней. Подобное унижение нашей науки составляет прямое следствие (следствие не необходимое, но против которого мы всегда должны принимать меры предосторожности) литературного характера нашей работы, устранить который мы, однако, не можем. Нам приходится брать вещи так, как они есть; мы не можем ничего сделать с публикой, которая судит о нас, по крайней мере частью, не только по самой сущности того, о чем мы говорим, но и по форме, придаваемой нами нашему изложению. Для самого строгого исследователя истины она приятнее тогда, когда появляется в красивой, а не в отвратительной форме; тем более это можно сказать о людях, для которых истина дело второстепенное сравнительно с временным развлечением, или даже о людях, действительно жаждущих истины, но не прошедших школы, которая бы помогла им отличать истину от лжи. Потому нельзя презирать стиля и формы; верное, хотя бы и скучное, повествование, конечно, лучше, чем повествование неверное, хотя бы и живое; но лучше всего повествование, соединяющее точность изложения с энергией и красотой языка⁵.

Литературный характер работы историка, по мнению Э. Фримана, влияет на то, что общество предполагает, что писать об истории или о языке может всякий; и, наоборот, оно признает, что о естественных науках могут писать только люди, изучившие предмет, о котором пишут. Это — пример того мнения, будто история — легкая наука, предмет, доступный всякому, не имеющему подготовки, считающейся необходимой для изучения других отраслей знания. Все это — образцы мнения, что история есть предмет, о котором всякий имеет право говорить и относительно которого всякий, и ученый и не ученый, имеет одинаковое «право на собственное мнение».

Таким образом, историкам необходимо бороться с затруднениями, наверное, не встречающимися в такой степени при изучении всех

⁵ Фриман Э. Указ. соч. С. 64—66.

других наук. Ни в одной из них полужнание не признается с такой легкостью, как в истории, за настоящее знание; ни в одной из них человеку, желающему действительно понять свой предмет, не приходится прежде всего «разучиваться» большей части того, чему он выучился. Во всех науках необходима подобная работа забвения выученного раньше в том случае, когда новые факты доказывают, что старое учение было ошибочно. В исторической же науке такая работа необходима не только потому, что тот или другой вопрос уясняется новыми данными, но и потому еще, что очень многие предпочитают мрак свету. Кажущаяся легкость предмета, отсутствие технических терминов, связь истории со всеми другими отраслями знания и деятельности, необходимость для всех изучать ее или, по крайней мере, получить о ней некоторые сведения — все это делает наш предмет, историю, любимым занятием несведущих людей. История сделалась такой наукой, относительно которой всякий, изучавший ее или не изучавший, имеет право высказать свое мнение; наукой, в которой всякий имеет право быть выслушанным и в которой всякого обыкновенно выслушивают на основании соображений, совершенно чуждых содерательности его утверждений⁶.

Э. Фриман обосновывает, что тесная взаимосвязь истории и политики является одной из причин субъективизма и даже недостоверности в исторических исследованиях. Порядок природы не зависит от такой весьма недостоверной вещи, как человеческая воля. А то, с чем мы имеем дело, т. е. ход человеческих событий, именуемый нами для настоящего политикой и для прошедшего историей, зависит от человеческой воли. Корректировка взглядов на исторические события происходит в большей степени не потому, что непрерывно накапливаются новые факты, что критика делается более суровой, что изменяется стиль, а потому, что изменяются идеи, что с каждым веком переменяется точка зрения. Каждое поколение требует, чтобы факты были пересмотрены, чтобы история предков была написана с его собственной точки зрения.

Формулировки XIX в. сегодня не потеряли актуальности. Трудно спорить с тем, что событие зависит от человеческой воли, а сама человеческая воля весьма недостоверная вещь; доказательство его зависит от человеческой правдивости, тоже весьма недостоверной вещи⁷.

В качестве подтверждения своей мысли автор приводит ряд исторических примеров. Так, книга статуты часто нуждается в пояснении

⁶ Фриман Э. Указ. соч. С. 71.

⁷ Там же. С. 94.

условиями времени, но зато она и сама поясняет эти условия. Однако совсем не то приходится сказать о манифестах, прокламациях и дипломатических документах разного рода, кроме трактатов. Здесь мы вступаем в настоящую область лжи; здесь всякий по самой сущности вещей старается перехитрить другого. Но эта ложь поучительна: это ложь людей, знающих правду; из нее при помощи различных процессов можно даже добыть правду; само собой разумеется, добыть правды нельзя, если мы будем верить лжи. Было бы чудесно простодушно верить всякой королевской прокламации или предисловию всякого парламентского акта, сообщаемым нам не только о действиях известных личностей, но и об их мотивах. Точно так же было бы по-детски простодушно верить, что приговоры судов всегда бывают совершенно справедливыми, даже в такие времена и в таких случаях, когда до суда посылается приказ об осуждении и казни преступника....

Тесное переплетение истории и политики требует тщательной работы с историческими источниками. Э. Фриман утверждает, что некоторое знание человеческой природы, человеческого поведения, знание добра и зла, приобретаемое изучением исторических источников и взвешиванием изучаемых документов, могли бы помешать появлению столь прекрасной и столь грустной наивности, верившей в прошлом официальным словам Генриха VIII, а в «наше время» официальным словам султана⁸.

Он пишет, что мы не можем быть уверены в будущем, потому что от человеческой воли зависит определить, что случится; мы не можем быть уверены и в прошлом, потому что доказательство его зависит от человеческой правдивости: от человеческой воли зависит определить, что будет сказано о случившемся. Абсолютная достоверность недостижима даже при самых наилучше установленных исторических данных. Кто бы ни был очевидцем исторических событий, всегда имеется возможность ошибки или даже лжи. В этом отношении историки находятся в гораздо худшем положении, чем специалисты в науках, наиболее родственных нашей. Геолог может ошибиться в истолковании свидетельства скал, но сами скалы не могут ни лгать, ни лжесвидетельствовать; историк не только может ошибиться в истолковании свидетельства своих источников, но и сами источники могут ошибаться и лжесвидетельствовать.

Даже в случае приближения к достоверности большей, чем обыкновенная достоверность какого-либо из исторических источников, мы

⁸ Фриман Э. Указ. соч. С. 156—157.

остаемся далеки от достоверности абсолютной. Исходя из личного опыта, всякий из нас предполагает, что ему известно, кто он такой, хотя в действительности он знает об этом столько же, сколько знает о фактах истории прошлого времени. Никому неизвестно, что он в действительности сын тех лиц, кого он считает своими родителями; он верит этому так же, как верит, что Вильгельм Завоеватель высадился в Певенсе — верит потому, что это сообщали ему люди, которых он считает достоверными свидетелями.

Всем известно, что почти никогда два очевидца не описывают совершенно одинаково какого-либо события, при котором они оба присутствовали. При описании события им приходится описывать различные вещи, так как они видели разные части одного события, и потому каждый из них излагает дело по-своему, хотя в их показаниях и нет настоящего противоречия. Даже в том случае, когда им пришлось видеть одно и то же, они могут видеть каждый по-своему. Это неизбежно и зависит от различия точек зрения или от незначительного различия в положении очевидцев⁹.

Стремление к достоверности, срывание покровов правдоподобия с самых избранных, с самых красивых, с самых любимых легенд, по убеждению Э. Фримана, таит в себе опасность непопулярности истории. Публика недовольна историками, потому что они лишают ее любимых басен; она отворачивается и говорит, что будет верить этим басням вопреки всем доказательствам. В таком случае «делать нечего; мы могли подвести лошадь к воде, но заставить ее пить мы не можем. Можно сомневаться, чтобы учителям других отраслей знания приходилось иметь дело с такой неохотой принимать истину, по крайней мере в такой степени; несомненно, нечто в этом роде происходит в том случае, когда дело идет о религиозных или политических убеждениях; люди отказываются иногда слушать доказательства потому, что боятся, что будут вынуждены, выслушав их, отказаться от этих убеждений; но в таких случаях мы должны припомнить, что если человек и делает дурно, отказываясь выслушать аргументы, направленные против убеждений, он делает еще хуже, легкомысленно отказываясь от них, не будучи вынужден аргументами, действительно необходимыми для их опровержения. Но теперь я говорю не о подобных серьезных убеждениях, а о тех многочисленных случаях, когда публика верит легенде просто потому, что она знакома ей с самого детства и кажется ей гораздо красивее правдивой истории»¹⁰.

⁹ Фриман Э. Указ. соч. С. 78—79.

¹⁰ Там же. С. 89.

Э. Фриман, описывая междисциплинарные связи исторической науки, обозначает и методические преимущества истории. Он пишет: «Я даже осмелился бы утверждать, что, хотя историк с меньшим доверием, чем натуралист, может сказать, что дело происходило таким-то и таким образом, но признав, что оно происходило именно так, он с большей уверенностью, чем натуралист, может утверждать, почему оно так произошло. Во всяком случае, законы естественных наук суть только выводы из опыта; в природе события всегда происходят известным образом, и натуралист не может сказать, почему они происходят так; он может указать на непосредственную причину факта или события, но относительно конечной причины он может только сказать, что это есть сила. Собственно говоря, он должен бы сказать, что он не знает этого»¹¹.

Учитывая особенности междисциплинарных связей исторической науки, которые, с одной стороны, ее обогащают, а с другой — увеличивают субъективность исторических исследований, ученый призывает к здравому изучению истории, старательному взвешиванию свидетельств и критическому разбору документов. Такой путь, по его мнению, ведет к «еще более важным результатам, чем даже изучение науки, а именно к дисциплине ума»¹².

Ретроспективный взгляд на формирование междисциплинарных связей исторической науки на примере взглядов Э. Фримана позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, идеи междисциплинарности в исторических исследованиях не являются приметой только сегодняшнего времени и не обусловлены целиком и полностью глобальными тенденциями развития. Сегодня налицо интенсификация взаимодействия между науками, однако этот процесс имеет давнюю традицию, значительный теоретический и методологический опыт, который необходимо учитывать в современных условиях.

Во-вторых, Э. Фриман на большом количестве примеров из европейской истории убедительно доказал, что использование междисциплинарного подхода в исторических исследованиях позволяет успешно преодолевать субъективизм.

В-третьих, использование междисциплинарных подходов в исторических исследованиях, по Э. Фриману, будет успешным только в том случае, если у историка сформировано четкое представление о том, что есть «ведущая» дисциплина (история) и вспомогательные. Это по-

¹¹ Фриман Э. Указ. соч. С. 92.

¹² Там же. С. 196.

зволяет избежать методических ошибок и ведет не только к получению достоверных результатов, но и к дисциплине ума.

Интенсификация интеграционных и обменных процессов в мире приводит к тому, что когнитивные практики характеризуются стремлением к синтезу, междисциплинарности, разрушению дисциплинарных границ и смешению предметных дискурсов. В этих условиях позиция английского ученого-историка XIX в. представляется актуальной и взвешенной.

Е.А. Студенцова

Институциональная мобильность науки в России: историко-социологический анализ

Аннотация: в статье рассматриваются основные этапы институционализации науки в России и их влияние на ее современные особенности, демонстрируется, что после распада СССР модель науки, сложившаяся в нашей стране в прошлые периоды, не была существенно перестроена и, как результат, унаследовала черты, заложенные в основу системы в самом начале ее институционализации и в советский период. Зависимость от прошлого, или *path-dependency*, является одной из причин многих проблем науки, которые существуют сегодня. В статье доказывается необходимость сочетания социологического и исторического знания для анализа институциональной мобильности российской науки, обсуждаются преимущества этого подхода.

Ключевые слова: российская наука, институциональная мобильность, *path-dependency*, университеты.

Сегодня российская наука находится под пристальным вниманием общественности. Связано это прежде всего с многочисленными заявлениями представителей самого научного сообщества о затянувшемся кризисе в науке, а также с непрекращающимися попытками политических лидеров страны кризис преодолеть. Благодаря постоянному обновлению реформ и созданию и обширному государственному финансированию стратегических программ в этой области, проблемы российской науки активно обсуждаются не только учеными, но и представителями широких кругов общественности. Среди

важнейших и требующих скорого решения проблем эксперты выделяют следующие: разрыв между наукой и высшим образованием, отток молодых специалистов из науки (в т. ч. миграция за рубеж), старение научных кадров, разрушение научных школ, экономическая неэффективность науки, устаревание механизмов финансирования исследований и др.

В последнее время появился ряд исследований, посвященных отдельным проблемам российской науки и предлагающих возможные пути их решения. Тем не менее можно с уверенностью заявить, что большинство подобных исследований носят точечный характер и редко принимают во внимание комплексность существующих проблем. Лишь немногие ученые рассматривают в своих трудах в качестве их источника сами принципы, основы функционирования системы науки и призывают воздействовать не на вершину айсберга, а на его основание. Таким образом, научный интерес постепенно смещается от вопросов финансирования науки, научной миграции и других тем, которые были особенно популярны в 1990 — начале 2000-х гг., к анализу институциональной модели российской науки, истокам ее становления и траекториям исторического развития и, как результат, к осознанию обусловленности нынешних проблем науки факторами, связанными с прошлыми периодами ее развития.

Понятие path-dependency (зависимости от прошлого) стало активно разрабатываться в 1980-х гг. и сегодня является популярной объясняющей концепцией, особенно на Западе. Согласно базовой идее, заложенной в основу этого понятия, исходная модель общества или отдельного социального института, а также случайные изменения («шоки»), которые произошли с ним в период становления или развития, определяют его конфигурацию сегодня. Именно поэтому изучение любого социального института невозможно без исторического анализа. Таким образом, для более полного осмысления принципов функционирования науки в России и механизмов их поддержания необходимо совмещение социологического знания с анализом исторического материала.

Цель данной работы — установить связь настоящего с прошлым: выяснить, связаны ли (и каким образом) современные институциональные особенности российской науки с событиями ее истории. Методологически исследование основано на знаниях социологии и исторической науки; в работе освещены и особенности выбранного подхода.

Начало институционализации науки в России большинство исследователей относят к XVIII в., когда были учреждены Россий-

ская (в 1724—1747 гг. Петербургская, затем Императорская) академия наук и Академический университет в Петербурге. Изначально предполагалось, что функции этих двух институтов будут отличаться. Учредительный документ Академии наук гласит: «Университет есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко феологии и юрис пруденции (прав искусству), медицины, философии, сиречь до какого состояния оные ныне дошли, младых людей обучают. Академия же есть собрание ученых и искусных людей, которые не токмо сии науки в своем роде, в том градусе, в котором они ныне обретаются, знают, но и чрез новые инвенты (издания) оные совершить и умножить тщатся, а об учении протчих никакого попечения не имеют»¹.

Таким образом, Академия наук (по крайней мере, номинально) была объявлена центром складывающейся институциональной модели, получив практически эксклюзивное право проводить научные исследования и развивать науку. Обучение студентов же признавалось функцией университетов, которые, если и включались в систему науки, то заниматься должны были исключительно подготовкой кадров. Тем не менее там также проводились серьезные научные исследования, работали многие выдающиеся ученые того времени: математик Л. Эйлер, филолог и историк Г. Байер, астроном П.Б. Иноходцев и др.

Академический университет тесно сотрудничал с Академией наук, которая еще не имела такой разветвленной системы отделений и центров, как сегодня. Наоборот, Р. Майнс заявляет, что в России в то время Академия наук представляла собой свободное научное сообщество и именно университеты были центрами науки². Подобное «мирное сосуществование» университетов и академий наук прослеживается и в истории науки многих европейских стран, в которых деятельность университетов, в том числе и научная, сочеталась с работой академий наук: Академия деи Линчеи в Италии (Accademia dei Lincei, первая академия наук в Европе, основана в 1603 г.), Лондонское Королевское общество в Англии (the Royal Society of London, 1660), Академия наук во Франции (Académie des sciences in France, 1666) и др.³ Сравнительный исторический анализ институционализации науки позволяет

¹ Официальный сайт Российской академии наук. 05.01.2012.

² Mayntz R., Schimank U., Weingart P. (Ed.), *Eastern European Academies in Transition*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1998.

³ Колелевич Ю.Х. Возникновение научных академий: середина XVII — середина XVIII в. Л., 1974.

утверждать, что в его начальный период не существовало значительного различия между моделью науки в России и тем ее институциональным образом, который утвердился в ряде европейских государств.

Тем не менее уже с самого начала своего становления российская модель имела одну явную особенность. Большинство европейских академий наук не имели в своем распоряжении многочисленных институтов и лабораторий, а довольствовались крайне ограниченным государственным финансированием, которое покрывало только содержание библиотек и музеев, публикацию научных журналов, а также (хотя заметно реже) присуждение наград. Члены этих академий, как правило, работали бесплатно. Российская академия наук изначально полностью финансировалась государством, ее сотрудники получали жалованье и были своего рода государственными служащими.

Подобный, даже краткий исторический анализ позволяет установить, что отправная точка институционализации науки в России была близка общеевропейским традициям, которые и по сей день определяют институциональный дизайн науки в некоторых европейских странах. Но в отличие от европейской модели, в которой университеты выступали как важные центры развития науки, «ядром» российской модели была Академия наук, получавшая исключительную государственную поддержку, в том числе и финансовую. Это различие еще больше углубилось в первой половине XX в., когда перемены в политической жизни страны привели к значительной трансформации институциональной модели науки.

Трансформация институциональной модели в советский период. По мнению большинства исследователей, занимающихся историческим анализом институциональных особенностей российской науки, переломный момент в ее развитии наступил после 1925 г. Реформы, последовавшие за приходом к власти коммунистической партии, направили развитие академической системы по новому пути, в направлении, отличном от траектории развития европейской модели. Организация науки в системе национальных академий наук как главных институтов научных исследований (а не научных сообществ), полностью финансируемых государством, — советское изобретение. В системе политических приоритетов компартии науке отводилась важнейшая роль: она являлась своеобразным локомотивом общественного развития, создавая необходимую базу экономического прогресса, производства и плановых инноваций (подобная концепция государственного развития в науке получила название «science push model»). Роль, отводимая науке, стала фундаментом той государственной поддержки, которую наука получала в течение всего советского периода: благодаря обширному

государственному финансированию, к примеру, в 1930-е гг. значительно возросло количество научных институтов и численность научного персонала в них.

Благодаря концепции общественного развития, которой следовала коммунистическая партия, получив привилегии и заняв важное место в системе государственных приоритетов, наука потеряла часть своей автономии. Та функция, которую должна была исполнять наука для развития страны и общества, определила необходимость поставить эту систему под контроль государства. Одним из возможных путей достижения этой цели была передача функций, связанных с проведением научных исследований, из диффузной системы университетов в одну централизованную организацию — Академию наук, которая в тот момент полностью финансировалась государством и была зависима от него. Свободу университетов значительно ограничили, часто их заменяли институтами, основанными на концепции высшей профессиональной школы. В это время университеты практически утратили исследовательскую функцию и воспринимались исключительно как часть системы высшего образования.

Таким образом, появление и развитие академической модели (academy-based model), т. е. концентрация исследований в одной большой, специализированной и политически контролируемой организации, обусловлено особенностями видения функции науки в плановом обществе и связи производства знания с его применением⁴.

Модель науки, сложившаяся в СССР, резко контрастировала с общеевропейскими тенденциями: в большинстве западных стран в это время углубляется, в том числе и через проводимую государством политику, разделение труда между секторами науки.

Постсоветский период. Современный этап развития. В России сложившаяся в советский период модель науки так и не была значительно перестроена после распада СССР. Согласно исследованиям ОЭСР, сегодня по своей внешней структуре наука в нашей стране близка к европейской модели: здесь также существует три сектора (государственный сектор, университеты и бизнес). Однако разделение труда между этими секторами и механизмы их взаимодействия значительно отличаются: государственный сектор занимает важнейшее место, а Российской академии наук (РАН) отводится центральная роль. В отличие от тенденций, общих для большинства постсоветских стран, в России число академических институтов не уменьшилось, а возросло:

⁴ Mayntz R., Schimank U., Weingart P. (Ed.), Eastern European Academies in Transition.

в 1990 г. институты РАН составляли 6 % от общего числа научных организаций в стране, а сегодня это более 11 %. Кроме того, автономия Академии также была расширена.

Бизнес-сектор представлен небольшими научными центрами и лабораториями, которые входят в состав крупных предприятий и ориентированы на исследование рынка и разработку технологий, пользующихся спросом потребителей. Исследования в этом секторе в большинстве случаев носят прикладной характер. Первые частные центры и лаборатории появились в середине 1990-х гг., поэтому можно сказать, что это новый для России сектор науки и его вклад все еще несравним с объемом научных исследований, которые проводят частные исследовательские центры за рубежом (например, в Германии 50—60 % исследований проводятся в бизнес-секторе⁵).

Вклад университетов в науку также остается несущественным: доля университетов в общем объеме проводимых в стране исследований составляет всего 10,4 %, лишь 38 % аккредитованных государством высших учебных заведений имеют бюджет для проведения научных исследований и только 20 % сотрудников университетов участвуют в них.

Место и роль университетов в системе науки — главное различие российской и европейской моделей. Пытаясь объяснить его истоки, исследователи ссылаются на нехватку финансирования, большую преподавательскую нагрузку, отсутствие технической базы. На наш взгляд, все эти факторы, негативно влияющие и зачастую тормозящие развитие научных исследований в университетах, сами по себе являются следствием. На протяжении большей части XX в. университеты были исключительно образовательными учреждениями, практически лишенными возможности заниматься наукой. Это привело к складыванию системы, мало приспособленной к потребностям науки. В настоящее время особенности финансирования и координации университетов, внутренняя структура, формы отчетности, механизмы распределения средств и другие факторы препятствуют их активному включению в науку.

Сегодня многие государственные программы направлены на реформацию науки, тем не менее большинство из них приносят скромные результаты. Например, первая подобная программа («Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997—2000 гг.») не привнесла существенных изменений в систему распределения ролей между секторами науки. В 1996 г. 11,2 %

⁵ Lange S. The Basic State of Research in Germa N. Y., London: Springer Science+Business Media, 2007.

фундаментальных исследований проводились в стенах университетов, а доля РАН составляла 58,3 %. После окончания федеральной программы институтами РАН проводилось 71,5 % фундаментальных исследований в стране, а участие университетов возросло лишь на 1 % (12,3 %)⁶.

Итак, исторический анализ институциональной мобильности российской науки позволяет установить истоки ее современных особенностей. Та роль, которую играют сегодня государственный сектор и университеты, предопределена не только советскими нововведениями и преобразованиями, но и механизмами функционирования системы, заложенными с самого начала институционализации. Осознание зависимости настоящего от прошлого необходимо для более продуманного подхода к пониманию проблем науки и стратегий их решения. Призыв некоторых ученых и политиков ограничить автономию РАН и инициировать переход от академической модели к «свободной» науке с конкуренцией и сотрудничеством различных секторов пока кажется утопичным. На протяжении нескольких веков институциональные характеристики науки в стране существенно не менялись; Академия наук успела создать разветвленную сеть институтов и выработать механизмы поддержания системы, а университеты в результате проводимой в СССР политики и кризиса 1990-х гг. во многом утратили исследовательскую функцию. Дополнительные вливания в науку и попытки решить проблемы точно вряд ли принесут скорые результаты и приведут к «перераспределению сил» в этой сфере.

Институциональные изменения науки в России — тема, для анализа которой сочетание исторического и социологического знания является не только полезным, но и необходимым. Исторические данные предоставляют эмпирическую базу для анализа и обобщения. Социологическая теория институтов, выступающая в исследовании в качестве методологической рамки, позволяет обобщить обширный исторический материал, а системная теория — оценить влияние на науку других социальных систем. Историко-социологический анализ позволяет продемонстрировать «влияние прошлого» (path-dependency) на институциональные особенности науки в России сегодня, что может послужить теоретической основой для реформирования науки и решения ее проблем.

⁶ Дежина И.Г. Интеграция науки и образования: оценка работы научно-образовательных центров в ведущих российских университетах // Вестник высшей школы. 2008. № 7.

ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ XX ВЕКА

П.А. Алипов

Генезис циклической теории социально- экономического развития древнего мира в работах М.И. Ростовцева. 1911—1915 годы

Аннотация: в статье прослеживается трансформация взглядов крупнейшего отечественного антиковеда М.И. Ростовцева на социально-экономическую историю древнего мира с 1911 по 1915 г. Именно в это пятилетие он интенсивно размышляет над проблемами упадка античной системы хозяйствования. Учитывая широкий научный резонанс, который приобрели выводы ученого по данному кругу вопросов вскоре после его вынужденной эмиграции в США и публикации первых трудов на английском языке, исследование их генезиса позволяет сделать ряд заключений касательно степени влияния американской исторической науки на творчество М.И. Ростовцева.

Ключевые слова: М.И. Ростовцев, социально-экономическая история, циклическая теория, упадок античной экономики.

Уже в первых своих исследованиях выдающийся отечественный антиковед М.И. Ростовцев (1870—1952) заявил себя приверженцем циклической теории социально-экономического развития Средиземно-морского региона. Впервые выразив свои воззрения на этот счет в статье «Капитализм и народное хозяйство в древнем мире»¹, написанной в 1899 г. (еще до защиты магистерской диссертации), историк активно включился в дискуссию, разгоревшуюся между сторонниками концеп-

ций немецких ученых Э. Мейера и К. Бюхера на рубеже XIX—XX вв.² Отстаивая собственное видение хода социально-экономических процессов в древнем мире, Ростовцев все первое десятилетие посвящает изучению восходящей части античного цикла и лишь в 1910-х гг. обращает свой взор на его нисходящую составляющую.

Анализ его взглядов на период экономического упадка древнего мира и в особенности Римской империи позволяет нам вплотную приблизиться к пониманию того, с каким интеллектуальным багажом ученый прибыл на Американский континент в 1920 г. и приступил к написанию своего, пожалуй, наиболее дискуссионного труда — «Социально-экономической истории Римской империи»³. Вопрос этот не праздный, поскольку, ответив на него, мы сможем более трезво и взвешенно отнестись к единодушным оценкам, сложившимся в англо-американской историографии творчества русского антиковеда, согласно которым именно «изгнание сделало Ростовцева тем великим человеком, которым он был»⁴.

Обратимся сначала к тексту лекций ученого по истории Древнего Рима, относящихся к завершающему этапу российского периода его жизни, в частности к курсу 1912—1913 гг.⁵ Придавая педагогической деятельности принципиальное значение, М.И. Ростовцев стремился излагать свои мысли студентам предельно концептуально, четко формулируя собственные тезисы. В данном случае он ставит перед собой конкретную цель: рассмотреть генезис современной Европы (подчеркнем, что современность в широком смысле слова для Ростовцева начиналась с эпохи Средневековья) и культурного Востока, переход к

² См. подробнее: Алипов П.А. Судьба теории Родбертуса—Бюхера в России: критика диссертации И.М. Гревса современниками // Исторический ежегодник. 2009: Сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. Новосибирск, 2009. С. 37—46; *Он же*. Дискуссия 1900 г. о характере социально-экономического развития древнего мира: отзыв М.И. Ростовцева на диссертацию И.М. Гревса // Россия и мир в конце XIX — начале XX века: III: материалы Третьей всероссийской науч. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов (Пермь, Пермский гос. ун-т, 4—8 февраля 2010 г.). Пермь, 2010. С. 6—9.

³ *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926.

⁴ Эти слова принадлежат А. Момильяно (*Momigliano A.D.* M.I. Rostovtzeff // *Idem.* Studies in Historiography. L., 1966. P. 92); подробнее см.: Алипов П.А. Формирование традиционного представления о М.И. Ростовцеве в зарубежной историографии 50-х гг. XX в. // Междунар. науч. конф. молодых ученых «Наука и образование — 2008»: Труды междунар. науч. конф. молодых ученых 25—26 апреля 2008 г. Ч. III. Астана, 2008. С. 16—18; *Он же*. Труды М.И. Ростовцева по истории Древнего Рима в оценках англо-американской историографии конца 50-х—70-х годов XX века // Вестник Пермского университета. Политология. История. 2009. Вып. 1 (8). С. 86—91.

⁵ РГИА.Ф. 1041. Оп. 1. Д. 7.

¹ Русская мысль. 1900. Кн. III. С. 195—217.

которым, по его мнению, произошел непосредственно из провинциальной жизни Римской империи⁶. Ему важно было понять, как формировалось культурное своеобразие государств, которые образовались с течением времени на территории бывшего Рима. Он их даже перечисляет: Италия, Англия, Франция, Испания, Германия, византийский и славянский миры, с одной стороны, Персия и высокоцивилизованные арабские страны — с другой⁷.

Однако если ранее он работал над вопросами становления античного мира, то теперь он переходит к изучению его распада, разложения на составные части. Ученый без обиняков говорит, что это новая проблема и новый предмет для углубленного исследования, который ранее не становился полем для приложения его интеллектуальных усилий⁸. Он подчеркивает, что вопрос распада Римского государства как такового, хотя и имеет огромное значение и подлежит самому тщательному выяснению, не может считаться первостепенным. Главное, на что должны быть направлены усилия специалистов — это попытка понять причины гибели самой античной культуры — то, «почему творческая сила народов античности, действовавшая непрерывно в высшем напряжении на протяжении веков, на наших глазах начинает хиреть и вянуть, стариться и бледнеть, уходит куда-то из наших рук и теряется где-то в массах имперского населения»⁹. Заметим, что в начале XX в. ученый не хотел братья за этот «большой и мучительный вопрос»¹⁰, не находя ему необходимых параллелей в современном мире, а теперь, хотя прямых аналогий по-прежнему не наблюдалось, он подходит к нему вплотную.

Последние перед вынужденной эмиграцией из России курсы лекций М.И. Ростовцева по истории Римской империи, датируемые 1913—1914 и 1914—1915 гг.¹¹, в зачаточном состоянии уже содержат ключевую мысль об антагонизме города и деревни, который впоследствии стал причиной крушения столь мощного государства. Для Ростовцева Римская империя первых двух веков нашей эры представляет собой время роста мирового обмена, развития как сухопутных, так и морских путей сообщения между различными регионами государства¹²; время расцвета промышленности в самых разнообразных отраслях

⁶ РГИА.Ф. 1041. Оп. 1. Д. 7. Л. 14.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 14—15.

¹⁰ Там же. Л. 14.

¹¹ Там же. Д. 6.

¹² Там же. Л. 90—91.

(текстиль, производство бумаги, папируса и пергамента, изготовление оружия, изделий из камня, стекла, керамики)¹³.

Однако ученый в этих двух курсах лекций добавляет некоторые нюансы в свою характеристику римского принципата по сравнению с тем, что им было написано доселе. Говоря о предпосылках преобразований, проведенных Августом за время его правления, М.И. Ростовцев делает акцент на необыкновенном развитии городской жизни, наблюдавшемся в последний век существования Римской республики, особенно в Италии. Ученый отмечает как количественный рост городов, так и упрочение позиций буржуазии, их населявшей, за счет прилива капиталов из провинций «через посредство многих тысяч италийских торговцев, банкиров, откупщиков и их по преимуществу италийских агентов»¹⁴. Параллельно с этим расцветом он наблюдает чрезвычайно сложную экономическую ситуацию, которая складывается в то же время в сельских местностях. Италия тогда представляла собой комплекс частновладельческих помещичьих и крестьянских хозяйств; последним было трудно вести неравную борьбу с «капиталистическими предприятиями» первых, в результате чего они разорялись и превращались в сельский пролетариат — основного поставщика войска¹⁵. В период борьбы «военных тиранов» (М.И. Ростовцев имеет здесь в виду не солдатских императоров эпохи домината, а главных политических деятелей поздней республики: Цезаря, Помпея, Марка Антония и др.) они одержали своеобразный реванш над капиталистами: эти политические деятели, чтобы расплатиться со своими солдатами столь вожделенной ими землей, вынуждены были прибегать к проскрипциям — многочисленным экспроприациям землевладений знати¹⁶. Зачастую затрагивались и интересы городов, так как и на их землю простирались взоры тогдашних вершителей истории Рима¹⁷.

Согласно картине, тщательно вырисовываемой М.И. Ростовцевым, ситуация только усугубилась в имперский период. В городах по преимуществу концентрировалась все та же крупная землевладельческая аристократия, «которая неотделима от крупных промышленников, купцов и банкиров», ведь самым надежным способом помещения капиталов была покупка земли¹⁸. А раз так, то естественным образом шел встречный процесс: обезземеливание мелких собственников, их

¹³ РГИА.Ф. 1041. Оп. 1. Д. 6. Л. 91—92.

¹⁴ Там же. Л. 64—65.

¹⁵ Там же. Л. 64.

¹⁶ Там же. Л. 64—65.

¹⁷ Там же. Л. 65.

¹⁸ Там же. Л. 89.

пролетаризация, пауперизация и, соответственно, как единственный способ выжить — приход на службу в армию¹⁹.

Важен в его построениях и третий момент: рост в то же самое время императорского имущества вследствие его слияния административным путем с *ager publicus*. Это порождало борьбу императорского и частного крупного землевладения²⁰. Не трудно догадаться, кто в такой ситуации мог и должен был стать надежной опорой императора — армия, которую он опять-таки снабжал землей, насаждая мелкое землевладение, но теперь уже не в форме собственности, а в форме бессрочной аренды (колоната)²¹.

Все «кирпичики» для построения той концепции, которая будет реализована в полной мере М.И. Ростовцевым в «Социально-экономической истории Римской империи», налицо уже в его дореволюционных лекциях. Так что очевидно, что его теория крушения римского государства формировалась длительное время и начало этого процесса нужно искать не в российских событиях 1917—1918 гг., а значительно раньше, и притом в интеллектуальной сфере.

Еще одним свидетельством того, что интерес русского ученого к социально-экономической проблематике никогда не затухал, а лишь переходил по временам в латентную фазу развития, служит его редакторская деятельность. М.И. Ростовцев внимательно следил за новейшей научной литературой в этой области, выходящей за рубежом, и старался принять деятельное участие в публикации переводов наиболее значительных трудов на русский язык. В частности, под его непосредственным руководством было выпущено русское издание монографии немецкого антиковеда Р. Пельмана «История античного коммунизма и социализма»²². В редакторском предисловии²³, крайне высоко оценив вклад автора книги в решение поднимаемых в ней проблем, М.И. Ростовцев все же высказал критические замечания по поводу замеченной им «некоторой модернизации античности, некоторого насилия над особенностями ее склада, некоторой шаблонизации развивающихся в ней процессов»²⁴. Тем не менее, он был уверен, что «эти недостатки в сильной мере искупаются целым рядом новых и важных результатов,

освещающих жизнь античности с новых и иногда неожиданных точек зрения»²⁵. Выступая против крайностей презентистского подхода, русский ученый все же признает его действенным исследовательским инструментом, позволяющим достичь специалисту столь необходимое качество новизны.

При внимательном изучении научного наследия русского антиковеда обнаруживается поразительный факт: мысль об антагонизме города и деревни как базе глубочайшего социально-экономического кризиса, охватившего Римскую империю в III в. н. э. и ставшего для нее началом конца, возникает в его работах, посвященных генезису колоната. В первом и втором номерах журнала «Современный мир» за 1911 г. М.И. Ростовцев публикует пространную статью «Римский колонат»²⁶, представляющую собой изложение основных идей его монографии об этом явлении, вышедшей ранее на немецком языке²⁷. По признанию ученого, проблема закрепощения крестьян полностью вписывается в более широкий круг вопросов, напрямую связанных с кризисом III в. в Римской империи: «Несомненно правильно, наконец, что прикрепление колонов есть только одна черта в общей картине “окаменения” римской социальной, экономической и политической жизни, но вполне не ясны детали и причины этого окаменения специально в аграрной области»²⁸. Пытаясь разрешить поставленную проблему, Ростовцев действует весьма осторожно, особо оговаривая тот момент, что само явление кризиса III в. в Древнем Риме на данном этапе исследований в этой сфере пока еще не до конца понято и объяснено²⁹. Предлагая свою версию ответа на столь трудный вопрос, он делает акцент на имевшем в то время место процессе переориентации государственной системы Рима в сторону восточных «бюрократически-монархических» схем. По его мнению, происходит своего рода «реакция Востока», и возникновение колоната — самое яркое тому подтверждение³⁰, ведь его корни ученый находит именно в монархиях Древнего Востока (вопрос о происхождении колоната в основном был им решен еще в 1900 г.³¹).

²⁵ Ростовцев М. Предисловие редактора.

²⁶ Ростовцев М.И. Римский колонат // Современный мир. 1911. № 1. С. 260—280; Он же. Римский колонат (Окончание) // Там же. 1911. № 2. С. 143—159.

²⁷ Rostovtzeff M. Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. Leipzig, 1910.

²⁸ Ростовцев М.И. Римский колонат. С. 263.

²⁹ Ростовцев М.И. Римский колонат (Окончание). С. 157.

³⁰ Там же.

³¹ Ростовцев М.И. Происхождение колоната // Филологическое обозрение. 1900. Т. 19. С. 105—109.

¹⁹ РГИА. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 6. Л. 89.

²⁰ Там же. Л. 93.

²¹ Там же. Л. 93—94.

²² Общая история европейской культуры / Под ред. И.М. Гревса, Ф.Ф. Зелинского, Н.И. Кареева и М.И. Ростовцева. Т. II: Пельман Р. История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910.

²³ Ростовцев М. Предисловие редактора // Там же. С. II—III.

²⁴ Там же. С. II.

Теперь же М.И. Ростовцев считает необходимым сделать ряд замечаний о том, как развивалось землевладение в восточных областях Римской империи. В частности, он указывает, что процесс закрепощения крестьян шел на городских и царских землях; в первую очередь порабощались «мелкие арендаторы крупных имений отдельных богатых капиталистов» (терминология вполне в стиле ученого) — вследствие невозможности выполнить долговые обязательства они вынуждены были идти на бессрочную аренду³². Фискальный гнет также толкал мелких собственников идти под патронат крупных (а они-то горожане), которые за это брали на себя ответственность за выплату налогов с «подведомственных» им территорий. Далее следует примечательный во всех отношениях вывод: «*На этой почве развивается сильнейший антагонизм между городом и деревней, крупными землевладельцами и мелкими земледельцами*»³³ (выделено мною. — П.А.). Справедливости ради надо сказать, что дальше в статье эта мысль не получает развития и не детализируется, но зато вполне очевидно, что идеи, прозвучавшие позднее в лекциях 1914—1915 гг. (гораздо более развернуто и аргументированно), возникли у него еще в процессе работы над выявлением истоков системы колоната, т. е. как минимум за шесть лет до октябрьского переворота и последовавшей за ним гражданской войны в России.

Нельзя, конечно, обойти стороной тот факт, что начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война подтолкнула М.И. Ростовцева, всегда стремившегося к максимальной актуализации проблематики, к новым размышлениям над, казалось бы, уже детально вырисованной им циклической теорией. В № 10 «Русской мысли» за 1915 г., который согласно редакторской политике был посвящен обсуждению вопросов, связанных с войной³⁴, антиковед поместил и свою статью³⁵. Она явилась прямой реакцией на книгу Э. Мейера, представлявшую собой попытку вывести некие параллели между Римской империей и современной ему Германией и тем самым идеологически обосновать ее экспансионистские притязания³⁶. При этом, как указывает М.И. Ростовцев, в подобных построениях Англия уподоблялась Карфагену, а России отводилось место Персии³⁷. Можно себе представить, каким моральным

³² Ростовцев М.И. Римский колонат (Окончание). С. 154.

³³ Там же.

³⁴ Русская мысль. 1915. Кн. X. С. I.

³⁵ Ростовцев М.И. Национальное и мировое государство // Там же. С. 19—31.

³⁶ Бонгард-Левин Г.М. Скифский роман, или Жизнь Михаила Ивановича Ростовцева // Российская научная эмиграция. Двадцать портретов / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина и В.Е. Захарова. М., 2001. С. 296—297.

³⁷ Ростовцев М.И. Национальное и мировое государство. С. 30.

ударом были для русского ученого откровения человека, которого он считал своим Учителем и теоретико-методологические взгляды которого во многом повлияли на формирование его собственных научных установок. Несмотря на былой пиетет, Ростовцев посчитал нужным дать незамедлительный отпор Мейеру.

Сложившаяся ситуация привела к тому, что циклическая теория, приобретшая в трудах русского антиковеда уже вполне законченный и устоявшийся вид, подвергнута была им пересмотру. От самой идеи двух циклов исторического развития человечества он не отказался³⁸, но внес в нее новую интерпретацию: в данной статье ученый утверждает, что циклы эти идут в противоположные стороны³⁹. Подчеркнем: в основу указанной идеи положены не социально-экономические параметры, о которых он писал ранее, а чисто политические — степень экспансионистских устремлений человечества как такового. Соответственно этому оказывается, что вся античность прошла под знаком мирового государства, а история современной Европы — непрерывное движение от государства мирового к государствам национальным, от абсолютизма, рабства и подданства к политической свободе и самоопределению⁴⁰. В авангарде процесса ему видятся Италия, Англия и Франция; Россия находится где-то в хвосте, а Германия (здесь он в полемическом задоре говорит самые обидные вещи) «с трудом пробивает себе основы античной гражданственности и культуры, врагом и разрушителем которой она всегда была, как была она всегда и носительницей идеала возобновления мирового государства»⁴¹. Тем не менее автор высказывает убеждение в невозможности для современной Европы снова свернуть на этот путь, поскольку в европейском политическом и культурном развитии нет места мировому государству, господству одной нации⁴².

Таким образом, даже рассматривая этот неприятный для самого М.И. Ростовцева эпизод его творческой биографии, мы можем констатировать неизменность базовых теоретико-методологических принципов ученого. Сама полемическая заостренность статьи, хотя, вероятно, и выраженная здесь в несколько гипертрофированном виде, проявляет желание избирать в качестве предмета изучения именно те проблемы античной истории, которые имеют непосредственный выход на совре-

³⁸ Ростовцев М.И. Национальное и мировое государство. С. 19.

³⁹ Там же. С. 30—31.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 31.

⁴² Там же.

менность. Связь прошлого и настоящего, столь яростно отстаиваемая им и подчеркиваемая со все возрастающей настойчивостью, свидетельствует лишь об усилении в его творчестве презентистских тенденций, причем именно как сознательной установки, а не в качестве досадных оговорок. Сохраняется и его приверженность циклической теории. Отдельные правки, внесенные ученым в столь любимую им схему, были связаны с тем, что он решил впервые затронуть ее политическую составляющую; социально-экономические ее аспекты им не пересматривались.

Учитывая вышесказанное, мы приходим к выводу, что на момент отъезда М.И. Ростовцева из России (1918) его научная концепция как в общетеоретическом плане (идеи циклизма и презентизма), так и в конкретном историческом (мысль об антагонизме города и деревни в Римской империи) обладала уже всеми чертами, вошедшими в его исследовательский арсенал в первые же годы работы в США.

И.В. Сидорчук

От триумфа до гротеска: развитие идей междисциплинарного синтеза в гуманитарном знании в России первой трети XX века

***Аннотация:** статья посвящена истории развития идей научного синкретизма в отечественном гуманитарном знании первой трети XX в. Рассматриваются ключевые моменты в истории их реализации как в дореволюционный, так и в постреволюционный период. Анализируется деятельность виднейших представителей ученого сообщества, занимавшихся разработкой и пропагандой идей междисциплинарного синтеза, созданием методологических основ для их развития.*

***Ключевые слова:** история отечественной гуманитаристики, идеи междисциплинарного синтеза, А.С. Лаппо-Данилевский, В.М. Бехтерев, Н.Я. Марр.*

Вопросы синтеза различных дисциплин в отечественной науке в обозначенный период до сих пор не исследованы должным образом. Одновременно факт того, что для отечественной науки рубежа XIX—XX вв. был характерен сильный научный синкретизм и что данная ситуация является уникальной и представляет важный историко-

культурный феномен, требующий рассмотрения, в историографии озвучивается постоянно¹. При этом исследования не обязательно посвящены вопросам истории науки. Например, виднейшая отечественная исследовательница российской интеллигенции начала XX в., В. Р. Лейкина-Свирская, как бы мимоходом констатирует следующее: «Новым явлением в России этого периода нужно считать более высокую ступень организации научного труда, сближение сопредельных наук с возникновением новых проблем на стыке этих наук»².

Похожие заключения можно встретить и в работах историков, занимающихся проблемами развития в России естественно-научных дисциплин. Н.А. Логинова, исследуя вопросы становления и развития психологических школ В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева, писала о том, что для Бехтерева и его единомышленников всестороннее целостное знание являлось идеалом, к которому должна стремиться наука; основатель первой в России психофизиологической лаборатории «ранее других ученых понял необходимость интеграции антропологических наук и наметил стратегию комплексного изучения человека»³. Реализация этих планов наиболее активно проводилась в частном Психоневрологическом институте. Взгляд на преподавательский состав института позволяет говорить о том, что идеи В.М. Бехтерева нашли отклик у ведущих представителей различных областей знания. Среди них можно выделить другого создателя института — социолога М.М. Ковалевского, историка и социолога Н.И. Кареева, философов Н.О. Лосского и Э.Л. Радлова, педагога и анатома П.Ф. Лесгафта, юриста Н.А. Гредескула, историка Е. В. Тарле, языковеда И.А. Бодуэна-де-Куртэне, литературоведа и лингвиста Д.Н. Овсяннико-Куликовского, зоолога и психолога В.А. Вагнера, филолога и историка литературы Ф.Д. Батюшкова, библиографа и историка литературы С.А. Венгерова, социолога и правоведа М.А. Рейснера, юриста А.Ф. Кони и многих других.

Среди других видных ученых предреволюционной эпохи, активно пропагандировавших идеи синтеза различных дисциплин, нельзя не выделить историка А.С. Лаппо-Данилевского. О.М. Медушевская даже склонна ставить ученого во главу движения к синтезу наук: «В свете со-

¹ Один из последних примеров: *Цыпкин Д.О.* Формирование историко-документной экспертизы в России: 1898 — 1963 гг. (Концепции, учреждения, ученые: Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. С. 5.

² *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1981. С. 94.

³ *Логинова Н.А.* Опыт человекознания: история комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева. СПб., 2005. С. 33.

временных дискуссий о параметрах оптимальной модели университетского образования становится более очевидной одна ее составляющая, которая ярко проявила себя в деятельности А.С. Лаппо-Данилевского и его интеллектуального окружения. Вокруг него сформировалось особое наддисциплинарное интеллектуальное поле, в рамках которого находили общий язык представители различных гуманитарных и негуманитарных наук»⁴.

Нельзя не упомянуть и о друге А.С. Лаппо-Данилевского, выдающемся ученом и организаторе науки В.И. Вернадском. Обращает на себя внимание, что междисциплинарные взгляды Лаппо-Данилевского близки концепции теории и методологии знания о природе Вернадского. Можно говорить о том, что многие идеи Лаппо-Данилевского нашли у него отклик и впоследствии реализовывались им в работах о биосфере и, прежде всего, ноосфере. Понимание схожести задач, решаемых представителями различных наук, могло прийти в студенческие годы⁵. М.Ю. Сорокина справедливо отмечает, что «еще в молодости ученые многократно совместно обсуждали различные научные проблемы междисциплинарного характера»⁶. Эти наиболее яркие примеры показывают, что крупнейшие ученые эпохи активно стремились к комплексному изучению личности и общества, к созданию единой науки о человеке. Для реализации данных идей организовывались общества, кружки, негосударственные учебные заведения, научные центры.

Революционные потрясения 1917 г. не привели ученых к разочарованию в идеях междисциплинарного синтеза и прекращению попыток реализации различных проектов, связанных с ними. Тот же А.С. Лаппо-Данилевский в конце 1918 — начале 1919 г. попытался реализовать проект Института социальных наук в системе РАН, но попытка не увенчалась успехом⁷. В.М. Бехтерев проводил в жизнь идею создания Государственной Петроградской психоневрологической академии⁸. Стоит вспомнить Социобиблиологический институт, созданный трудами П.А. Сорокина и Н.А. Гредескула и преобразованный в

⁴ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 316.

⁵ Это хорошо видно по их дружеской переписке: СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3.

⁶ Сорокина М.Ю. Об историке и его книге: предисловие от составителя // Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII в. в связи с общим ходом развития ее культуры и политики. Köln; Weimar; Wien, 2005. С. XXVI.

⁷ Платонова Н.И. Российская академия истории материальной культуры. Этапы становления (1918—1919 гг.) // Советская археология. 1989. № 4. С. 9—10.

⁸ Акименко М.А., Шерешевский А.М. История института имени В.М. Бехтерева в документальных материалах. Ч. 2. СПб., 2000. С. 16.

1919 г. в Социологический институт⁹. Среди состоявшихся и продолживших свое развитие учреждений стоит выделить те, в создании которых активнейшее участие принял Н.Я. Марр. Речь идет о факультете общественных наук в Петроградском университете, Академии истории материальной культуры и Яфетическом институте.

Создатель яфетической теории Н.Я. Марр стремился сделать переворот не только в лингвистике, но в гуманитаристике в целом. Общая тенденция к научному синкретизму, которая не могла не затронуть лингвистику, оказала на него огромное влияние. Марр еще в предреволюционные годы обнаружил, что «изучение отдельных памятников культуры не может быть достаточно эффективно без подключения всего комплекса гуманитарных наук. В силу этих убеждений он не только заинтересовался междисциплинарными связями, но и активно стал поддерживать всякое сближение друг с другом различных гуманитарных дисциплин, считая такое взаимодействие плодотворным и перспективным»¹⁰.

Реализация ученым проектов, связанных с синтезом различных дисциплин, началась в 1918 г., при организации факультета общественных наук в Петроградском университете, деканом которого он стал¹¹. Мотивируя необходимость реорганизации факультетов, Н.Я. Марр писал, что объединение «предметов различных отделений в учебных целях по различным планам будет неиссякаемым источником циркуляции свежего воздуха из одного специального мира в другой»¹². Объединение наук, с его точки зрения, было связано с представлениями о свободе научного творчества и «расширении зоны сотрудничества и комплексных исследований культур народов России и мира»¹³.

Академия истории материальной культуры была создана в результате масштабной реорганизации Императорской Археологической комиссии, работавшей с 1859 г. Один из ее создателей, Б.В. Фармаковский,

⁹ См.: Деятельность Социобиблиологического института за первый год его существования и преобразование его в Социологический институт. Пг., 1919. 46 с.

¹⁰ Селиванов В.В. Вяч. И. Иванов и Н.Я. Марр в жизни и творческой судьбе К.М. Колотовой (часть II) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира: Сб. статей. Вып. 6. СПб., 2007. С. 495.

¹¹ История Ленинградского университета. Очерки / Под ред. В.В. Мавродина. Л., 1969. С. 212.

¹² Марр Н.Я. [Об организации факультета общественных наук] Записка о слиянии факультетов I, II и III Петроградских университетов // СПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. № 261. Л. 27. См. также: Марр Н.Я. О реорганизации гуманитарных факультетов Первого Петроградского университета в факультет общественных наук. Пг., 1919. 20 с.

¹³ Селиванов В.В. Вяч. И. Иванов и Н.Я. Марр в жизни и творческой судьбе К.М. Колотовой. С. 496.

писал, что, по мнению группы лидеров, взявшихся за дело реорганизации, «учреждения, подобного намечавшемуся, не существовало»; «...учреждение, являвшееся наиболее целесообразным, представлялось аналогичным Академии Наук, но с специальной задачей исследования памятников материальной культуры»¹⁴, что подразумевало активнейшее участие представителей различных научных дисциплин, в частности археологов, историков, искусствоведов, лингвистов, этнографов и фольклористов¹⁵.

Развитие своего главного детища — яфетической теории, которая должна была произвести революцию во всем гуманитарном знании, Н.Я. Марр также не мыслил вне идей научного синкретизма. В «Общем курсе учения об языке», составленном по лекциям, прочитанным в Баку в 1927 г., ученый планировал, но не успел, прочитать 6 параграфов (§ 46—51), посвященных «встречам» яфетической теории «с положениями, высказанными предшествовавшими и современными исследователями других и сродных областей науки о человеке»¹⁶. Речь шла о лингвистах, философах, историках материальной культуры (археологах и этнологах), социологах и марксистах. Об этом же Марр писал по 2-м пункту «Программы общего курса учения об языке», предпосланной Бакинскому курсу лекций: «Увязка [яфетической теории. — *И.С.*] с историей материальной культуры и социологию. Важность ее не только для археолога, этнолога, историка искусства, словесника, литературоведа, но и общественника в линии и международных и национальных интересов, в особой же степени для проблемы о будущем едином международном внеклассовом языке с использованием речевых достижений всего человечества»¹⁷.

Мысли Н.Я. Марра об общей науке о человеке нашли отражение в лекции «О работах и достижениях Всесоюзной Академии наук в области науки о человеке за 200 лет ее существования» (1925); в ней он отметил, что наука о человеке — наиболее трудная область человеческих знаний; чтобы ею заниматься, надо быть «представителем всех гуманитарных наук»: «Наука о человеке, это — наука о себе, а это са-

¹⁴ Фармаковский Б.В. К истории учреждения Российской Академии истории материальной культуры. [Пг., 1921]. С. 9.

¹⁵ Мавродин В.В. Первые историки в Государственной Академии истории материальной культуры // Институт археологии: Краткие сообщения / АН СССР; Ин-т археологии. Т. 163; Институту археологии 60 лет. М., 1980. С. 32—34.

¹⁶ Марр Н.Я. Общий курс учения об языке // Марр Н.Я. Избранные работы: В 5 т. Т. II: Основные вопросы языкознания. М.; Л., 1936. С. 111.

¹⁷ Марр Н.Я. Избранные работы: В 5 т. Т. II: Основные вопросы языкознания. М.; Л., 1936. С. 5.

мая тонкая, самая сложная, самая трудная, скажу более — самая неприятная наука — “познать себя”, да и доходят до нее, до этой науки, очень поздно»¹⁸. Ученый отмечает положительную роль для науки о человеке радикальных политических изменений, произошедших в результате событий октября 1917 г.: «права же полного гражданства в высшей школе она [наука о человеке. — *И.С.*] начинает получать после Октябрьской революции»¹⁹. Заметим, что это не просто реверанс в сторону власти, а констатация факта: новое правительство охотно откликнулось на подобные проекты. Марр подчеркивает, что именно в новых учреждениях этот вопрос наиболее изучаем, а более остальных — в Яфетическом институте²⁰. По мнению одного из исследователей, ученый являлся идеальным кандидатом на роль «создателя универсального этнологического синтеза, поскольку сам являлся воплощением этого синтеза»²¹.

Именно поэтому теорию Н.Я. Марра часто принимали те коллеги, которые не являлись специалистами в области лингвистики, но с готовностью откликнулись на смелые многообещающие идеи, требующие синтеза нескольких научных дисциплин. Его поддерживали С.Ф. Ольденбург, А.П. Карпинский, А.Ф. Иоффе, О.А. Добиаш-Рождественская, С.И. Ковалев, М.С. Альтман, Б.Л. Богаевский, В.Б. Томашевский, Л.П. Якубинский и др. Ученый понимал, что для поддержания популярности своей теории необходимо мнение специалистов в других, пусть даже далеких науках²².

В середине 1920-х гг. началась активная работа по «органическому внедрению марксизма»²³ во все области знания, что было вызвано как требованиями власти, так и честолюбивыми стремлениями большинства представителей ученого сообщества. Не остался в стороне и Н.Я. Марр. Спустя некоторое время после установления советской власти он понял, что научная теория может иметь успех и поддержку, только если она является марксистской²⁴. Ограничиваясь в первые годы после революции утверждениями, что его теория

¹⁸ СПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. № 912. Л. 25, 26.

¹⁹ Там же. Л. 27.

²⁰ Там же. Л. 103.

²¹ Слезкин Ю.Н.Я. Марр и национальные корни советской этногенетики // Новое литературное обозрение. 1999. № 36. С. 53.

²² Аллатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991. С. 34.

²³ Марр Н.Я. Доклад на совещании директоров научных учреждений 1925 г. // СПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. № 1638. Л. 9.

²⁴ Lawrence T.L. The linguistic theories of N. Ja. Marr. University of California Press, Berkeley, California [u. a.], 1957. P. 90.

является революционной и материалистической, теперь ученый начал привязывать ее к учению К. Маркса и рьяно ввязался в «битву за марксизм»²⁵.

В личном фонде Н.Я. Марра нами обнаружен чрезвычайно интересный документ, который мы осмелимся назвать символом заката идей междисциплинарного синтеза. Некто П. Арбузов, работавший в Вятском педагогическом институте им. Ленина, прислал создателю яфетидологии рукопись «Метод научного синкретизма», датированную 13 ноября 1926 г. В этом до сих пор не введенном в научный оборот документе идея междисциплинарного синтеза доводится до высшей точки своего логического развития, а точнее до гротеска. Автор обращается к Н.Я. Марру с просьбой ознакомиться с его работой. Основную идею труда Арбузов формулирует так: «Автор усваивает этому методу название метода научного синкретизма. Этим названием имеется в виду обозначить сущность и значение данного метода. Для внесения ясности в понимание вопроса можно указать на совершенно закономерную параллель между понятием научного синкретизма и понятием научного коммунизма. Подобно тому, как научный коммунизм представляет собой учение, материалистически доказывающее неизбежность наступления коммунизма, научный синкретизм ставит своей целью материалистически доказать неизбежность наступления эпохи синкретизма. Научный синкретизм с этой точки зрения есть коммунизм идей, как параллель научному коммунизму — коммунизму людей. Таким образом, освещаемый метод — метод научного синкретизма — является методом, при помощи которого можно достигнуть слияния наук в единую науку, как при помощи диалектического метода материализма можно добиться осуществления будущего коммунистического общества, причем понятие наук употребляется в данном случае в расширенном против обычного смысле, так что в него входят и теоретические науки (навыки) и творческие науки (искусства). Само собою разумеется, что, подобно тому, как коммунизм может быть осуществлен только через диктатуру пролетариата, и научный синкретизм может быть осуществлен только через диктатуру марксистской науки и марксистского диалектического метода»²⁶. Автор говорит о том, что его теория связана как

²⁵ В.М. Алпатов, подробно анализируя «стихийный марксизм» Н.Я. Марра, отмечает, что многие представления классиков явно противоречили теории ученого, однако он и его ученики умело ссылались на цитаты из Маркса и Энгельса для доказательства даже самых «бреховых идей» (Алпатов В.М. Указ. соч. С. 68—73).

²⁶ Арбузов П. Метод научного синкретизма (Материалистический синкретический метод схватывания) // СПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. № 4. Л. 3.

с идеями И. Канта, так и с «Социализмом науки» А.А. Богданова и «Теорией исторического материализма» Н.И. Бухарина и что применение синкретического метода потребовало от него «просмотра всех существующих наук»²⁷.

Та картина, которая, по его мнению, сложится после реализации его теории, коррелирует с представлениями Н.Я. Марра о едином мировом алфавите: «Но представьте себе, что синкретизм завоевал себе признание, что специальными синкретическими институтами проработаны все те науки, которые могут быть подвергнуты такой обработке. Что тогда получится? Получится совсем неожиданная картина хранения знаний. Какая же это картина? Для значительной части знания нужды в б-ках не будет, потому что каждый будет в состоянии иметь свою библиотеку основного знания, а эта библиотека будет состоять всего из двух книг: одна книга будет изложением основной науки, включающей в себя все основное знание; вторая книга будет словарем, с помощью которого можно будет переводить эту науку или с литературно-художественного текста основной науки в какое-либо литературное произведение. Вы находите нужную вам страницу книги, открываете нужную вам страницу словаря и переводите содержание основной науки на язык той науки, или типа художественных произведений, которые вас интересуют. И это не фантазия, а необходимое следствие применения синкретического метода; это осуществление научного синкретизма, причем с точки зрения научного синкретизма такая эпоха должна наступить с такой же неизбежностью, с какою должна наступить и эпоха коммунизма. Нет никаких сомнений в неизбежности наступления эпохи коммунизма — коммунизма людей; не может быть никаких сомнений и в неизбежности наступления эпохи научного синкретизма — коммунизма идей. Наше представление о нем может быть далеко не точно, но синкретизм неизбежно придет, как неизбежно придет и коммунизм»²⁸. Таким образом, идею синкретизма в науке автор прочно связывает построением коммунизма на планете.

Выбор рецензента был сделан П. Арбузовым совершенно верно. Именно Н.Я. Марр большинства своих коллег продвинулся в разработке идей о комплексной науке о человеке, добиваясь при этом ее привязки к марксизму и решению поистине всемирных задач. К сожалению, найти информацию об отклике Марра на работу нам не удалось. Вероятно, он либо не заинтересовался слишком оригиналь-

²⁷ Арбузов П. Метод научного синкретизма // СПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. № 4.. Л. 6.

²⁸ Там же. Л. 7—7 об.

ными даже для себя идеями, либо не смог этого сделать по причине нехватки времени²⁹.

Ученые последующего поколения, ученики Н.Я. Марра не испытывали восторгов перед идеями синтеза. Эта отличительная особенность ученых старшего поколения во всех областях знания постепенно сходила на нет. В частности, маррист Н.Я. Золотов называет тех, кто стремится распространить достижения яфетической теории в области других общественных наук, «горе-яфетидологами»³⁰.

Таким образом, идеи научного синтеза, служившие многим из ведущих ученых «старой школы» идеалом будущего, достаточно быстро превратились в разновидность утопии, от которой отказались — наподобие идеи мировой коммунистической революции. Синкретизм наук, изначально понимаемый авангардом ученого сообщества как средство расширения возможностей познания окружающего мира, как вероятный прорыв в области гуманитарного знания, стал дополнительным обвинительным аргументом против оппонентов в борьбе за признание науки или теории подлинно марксистской. При этом мы не склонны обвинять в крахе идей синкретизма власть, которая избегала серьезного вмешательства в науку вплоть до конца 1920-х гг. Гораздо важнее разобраться в чисто научных причинах их угасания, особенно учитывая частоту предпринимаемых на современном этапе попыток искусственной актуализации этого опыта прошлого.

Е.А. Долгова

Концепция «общей методологии гуманитарных наук»: теоретические поиски в гуманитарном знании в 1920-е годы

Аннотация: работа посвящена проблеме становления междисциплинарных исследований в российской науке 1920-х гг. Обращаясь к определению науки как конкуренции идей (научных позиций и групп),

²⁹ Интересно, что в Вятском педагогическом техникуме, до перехода в ГАИМК, преподавателем истории работал С.Н. Быковский (*Алпатов В.М.* Указ соч. С. 55). Однако мы не думаем, что эти обстоятельства как-то связаны между собой.

³⁰ *Сухов С.В.* Марристы без Марра: по страницам сборника «Против буржуазной контрабанды в языкознании» // Вопросы гуманитарных наук. 2009. № 5 (43). С. 113.

исследуя факторы и механизмы трансляции научной традиции, автор анализирует дискуссию вокруг идеи создания общей методологии гуманитарных наук в работах Н.И. Кареева, С.Л. Франка, П.А. Сорокина и приходит к выводу о сосуществовании в проблемном поле 1920-х гг. нескольких взаимоисключающих друг друга подходов, подчеркивает важность актуализации концепции.

Ключевые слова: гуманитарное знание, теория и методология истории, междисциплинарные исследования, Н.И. Кареев, С.Л. Франк, П.А. Сорокин.

Представление о том, что идея взаимодействия наук является одной из определяющих в современном гуманитарном знании, давно стало историографическим клише. При этом историки могут не заметить тот факт, что демаркационная линия размывается прежде всего между историческими и социальными / гуманитарными науками. Так, на XIX Международном конгрессе исторических наук в Осло (2000) официально высказывалась идея необходимости отказа от традиционного деления на исторические и социальные науки¹. С другой стороны, эта идея встречает и резко негативные отклики. Д. Тош так характеризует сложившуюся ситуацию: «Традиционалистов возмущает одно из главных практических последствий теоретизирования в исторической науке — история попадает в зависимость от общественных наук. Историки-теоретики утверждают, что они не создают собственных моделей, а заимствуют теоретические достижения у социологии, социальной антропологии и политэкономии — дисциплин, изучающих не прошлое, а настоящее, где история — лишь испытательный полигон для их собственных теорий»².

Острые дискуссии в научном сообществе подчеркивают актуальность идеи, но не могут обойти тот факт, что идея взаимодействия истории с другими социальными / гуманитарными дисциплинами далеко не новаторская: она транслировалась в исторической науке на всем протяжении XX в. Проблемы осмысления возможностей приме-

¹ Э. Шеррат (Кембридж) в докладе, посвященном глобальному видению истории и его теоретическому обоснованию, признал, что «на практике эти границы чаще всего размываются»: в XX в. поле исследований в западной историографии заметно расширилось благодаря развитию экономической, социальной и культурной истории. См.: *Хачатурян В.М.* Возможна ли глобальная история? (по материалам докладов XIX Международного конгресса исторических наук в Осло) // Теория и методология истории. Историография и источниковедение. М., 2004. С. 39.

² *Тош Д.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 191.

нения методов психологии и социологии к анализу традиционно исторической проблематики в той или иной степени касались почти все классики отечественной и зарубежной историографии. Важным представляется обратиться к проблеме определения науки как *конкуренции* идей (научных позиций и групп), анализу факторов и механизма трансляции научной традиции. Важность этого подхода подчеркивается и тем, что в новых условиях научного самоопределения меняются и представления о научной традиции, связанные преимущественно с набором авторитетных (классических) текстов и фигур³.

Одним из наиболее ярких примеров конкуренции научных идей в отечественной науке стал период «кризиса исторической науки» в 1920-е гг.

Понятие «кризис исторической науки» введено в научный оборот Р.Ю. Виппером, ведущим отечественным специалистом начала XX в. по истории античности: так он назвал свой полемический сборник, увидевший свет в 1921 г. С точки зрения Виппера, современная ему европейская и российская историческая наука оказались в кризисном состоянии из-за разразившихся в начале XX в. социальных катаклизмов: Первая мировая война и революции в России заставили усомниться в теории прогресса, до этого «составлявшей чуть ли не главный догмат культуры XIX века»⁴. Другим симптомом кризиса, согласно Випперу, стала переориентация исследовательских интересов научного сообщества, отказ от «научно-познавательных приемов, которые господствовали в период, лежащий позади нас, период позитивизма»⁵. Бурные политические события современности, писал он, заставили ученых радикально изменить проблематику исследования: «Мы еще недавно спрашивали о состояниях, о жизни масс, о направлении интересов. Мы теперь хотим прежде всего знать события, роль личностей, сцепления идей»⁶. Наконец, актуальным стал вопрос о роли познающего субъекта в процессе научного познания: ученые стремятся «дать себе отчет, определить, что мы сами вносим в восприятие, в наблюдение фактов; с какими категориями приступаем мы к ним; какова во всем нашем знании о мире доля необходимых и неизбежных предрасполо-

³ Пример подобного обращения к проблеме классиков — коллективная монография: *Классика и классики в социальном и гуманитарном знании* / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М., 2009.

⁴ Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. Казань, 1921. С. 15, 17, 29.

⁵ Виппер Р.Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания // Он же. Две интеллигенции и другие очерки: Сб. статей и другие лекции. 1900—1912. М., 1912. С. 26.

⁶ Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. С. 13.

жений нашей мысли»⁷. Таким образом, «кризис исторической науки» для Виппера означал не упадок, а, скорее, отказ от прежнего понимания истории, попытку расширить поле исследований и выйти из теоретического тупика.

Со страниц его работ термин «кризис исторической науки» перешел в труды историков-марксистов. При этом акценты в трактовке кризиса изменились в соответствии с догмами новой идеологии: важнейшим признаком кризиса считалось отсутствие единой парадигмы научного мышления, а методологическому «разброду и шатаниям» в исторической науке предреволюционной России исследователи противопоставляли концептуально-теоретическую целостность советской науки, опирающейся на принципы марксистско-ленинского учения⁸. Переосмысление устоявшихся догм отечественной историографии произошло только в 1980—1990-е гг. Методологический кризис, по мнению И.Д. Ковальченко и А.Е. Шикло, был кризисом роста, следствием отказа от изжившей себя модели «первого позитивизма», что заставило одних историков повернуть к неопозитивизму, других — к неокантианству, третьих — к религиозной философии⁹. Представитель томской школы А.Н. Нечухрин интерпретировал ситуацию, сложившуюся в отечественной исторической науке первой трети XX в., как «смену парадигмальных установок», «смену научных парадигм», отказ от «позитивистской парадигмы истории»¹⁰.

За последнее десятилетие восприятие «кризиса исторической науки» как особого этапа в развитии отечественной исторической нау-

⁷ Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. С. 27.

⁸ Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма: Курс лекций. Л., 1962. С. 125—134; Черепнин Л.В. Кризис буржуазной исторической науки в период империализма // Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М.В. Нечкиной, М.А. Алпатовой, Б.Г. Вебера и др. Т. 3. М., 1963. С. 239—278; Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период: Учеб. пособие. М., 1978. Лекция 13: «Идейно-политический кризис дворянской буржуазно-либеральной историографии в период империализма». С. 208—228.

⁹ Ковальченко И.Д., Шикло А.Е. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX — начале XX века // Вопросы истории. 1982. № 1. С. 25—26.

¹⁰ К ее чертам А.Н. Нечухрин относил: 1) стремление преобразовать гуманитарные науки по образу и подобию естественных наук, утверждение единства научного знания; 2) гносеологический оптимизм и рационализм, идеал беспристрастного объективизма; 3) убежденность в существовании определенных законов в развитии общества; 4) признание наличия в истории прогресса; 5) трактовку общества как «малой системы», характеризуемой небольшим количеством элементов и их детерминированными связями и потому прозрачной для изучения. См.: Нечухрин А.Н. Смена парадигм в русской историографии всеобщей истории (90-е гг. XIX — 1917 г.). Гродно, 1992. Рукопись деп. в ИНИОН РАН за № 47748 от 22. 02. 1993. С. 5—34.

ки стало общепринятым в отечественной историографии. Эта точка зрения отражена в обобщающих трудах Н.М. Дорошенко и С.П. Рамазанова, посвященных методологическим поискам в российской исторической науке рубежа XIX—XX вв.¹¹ Согласно точке зрения Н.М. Дорошенко, тогда в российской исторической науке сосуществовали «две линии, по-разному решавшие теоретические вопросы исторической науки и определявшие решение ее методологических проблем»; одно из этих направлений характеризовалось стремлением построить методологию истории по образцу методологии естественных наук, другое — интересом к уникальным историческим событиям и историческим личностям, субъективизмом и психологизмом¹². Сходным образом реконструирует историографическую ситуацию начала XX века и С.П. Рамазанов¹³.

Иногда предпринимаются попытки отыскать в научно-исследовательских программах то общее, что было характерно для всех научных течений, противостоявших позитивизму в первой трети XX в. Так, В.П. Корзун отмечает, что в тот период «наряду с позитивистским образом науки оформляется другой, ориентированный на поиск специфики гуманитарного познания, на процесс исследовательского творчества активно познающей личности»¹⁴. Л.П. Ястребицкая говорит о том, что историки, «открыв для себя социологию, сферу производства и хозяйственной жизни», обратились к поискам «нового метода историко-культурного синтеза»¹⁵. По мнению В.Д. Жигунина и Г.П. Мягкова, в российской исторической мысли сложилось направление «раннего культурологизма»¹⁶.

Картину «разброда и шатаний», а иными словами — разнообразия, яркости, полноцветия 1920-х гг., отражает научная дискуссия вокруг

¹¹ *Дорошенко Н.М.* Философия и методология истории в России (конец XIX — начало XX века): Учеб. пособие. СПб., 1997; *Рамазанов С.П.* Кризис в российской историографии начала XX века: В 2 ч. Ч. 1: Постановка и попытка решения проблемы. Волгоград, 1999; Ч. 2: Методологические искания послеоктябрьской исторической мысли. Волгоград, 2000.

¹² *Дорошенко Н.М.* Философия и методология истории в России... С. 7.

¹³ *Рамазанов С.П.* Кризис в российской историографии начала XX века. Ч. 1. С. 37.

¹⁴ *Корзун В.П.* Образы исторической науки на рубеже XIX—XX века (анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург, 2000. С. 57.

¹⁵ *Ястребицкая А.Л.* Лев Платонович Карсавин: Творчество историка и историографический процесс // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 6. М., 2001. С. 86.

¹⁶ *Жигунин В.Д., Мягков Г.П.* Между монизмом и плюрализмом: российская историческая мысль на рубеже XIX — XX вв. // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 1/99. М., 1999. С. 215—222.

идеи «общей методологии гуманитарных наук», развернувшаяся в интеллектуальном пространстве между Н.И. Кареевым, С.Л. Франком, П.А. Сорокиным.

В личном фонде Н.И. Кареева в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ) была обнаружена подготовленная к печати, но не опубликованная работа «Общая методология гуманитарных наук»¹⁷. Как отмечает Н.И. Кареев в предисловии к работе от 16 июня 1922 г., целью написания работы стало «желание подвести общие итоги под выработывавшимися в течение полустолетия методологическими взглядами и дать цельное изложение этого предмета»¹⁸. В ходе работы над текстом поменялось название, изначально обозначенное в черновиках как «Методология общественных наук». В 1922 г. была опубликована работа С.Л. Франка с почти аналогичным названием: «Очерк методологии общественных наук»¹⁹; вероятно, тогда Н.И. Кареев и изменил название работы²⁰.

Несмотря на публикацию работы С.Л. Франка, Н.И. Кареев подчеркивает принципиальную новизну поставленной им задачи. В предисловии к «Общей методологии гуманитарных наук» он отмечает: «...вышедшая недавно под аналогичным названием книга задумана и выполнена в смысле не научной методологии общественных наук, а метафизической социальной философии, что не одно и то же»²¹. В последовавшей за выходом работы С.Л. Франка резко критической рецензии Н.И. Кареев отмечает: «Под методологией какой бы то ни было науки мы привыкли разуметь учение об ее методе или методах, т. е. о тех путях, тех способах, тех приемах, при помощи которых данная наука разрешает свои проблемы... его [Франка] методология строится не как

¹⁷ НИОР РГБ. Ф. 119. К. 39. Д. 1—15. Подробнее об истории издания работы см.: *Долгова Е.А.* Из истории издания работы Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук», 1922—1924 гг. // Вестник архивиста. 2012. № 1. С. 239—245.

¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 119. К. 39. Д. 13. Л. 2об. Работа восстанавливается по: рукописным черновикам исследователя; машинописи, подготовленной к набору, и нескольким корректурам; примечаниям и материалам к работе. Текст ее включает главы: «Понятие науки и классификация наук», «Логические предпосылки всякой методологии», «Гуманитарные науки, их классификация и методология», «Непосредственное наблюдение и констатирование фактов в гуманитарных науках», «Научная работа в области исторических повторовений», «Теоретические гуманитарные науки», «Нормативное и прикладное знание в гуманитарных науках». К «Общей методологии...» приложены: примечания; библиография; материалы к работе — выписки Н.И. Кареева из трудов по истории, социологии и психологии; список социологических работ автора.

¹⁹ *Франк С.Л.* Очерк методологии общественных наук. М., 1922. 124 с.

²⁰ НИОР РГБ. Ф. 119. К. 39. Д. 15.

²¹ НИОР РГБ. Ф. 119. Н.И. Кареев. Папка 39. Д. 13. Л. 2об.

учение о научном исследовании общества, а как философская теория о его природе»²². Работа С.Л. Франка вызвала неоднозначные отзывы и других исследователей, подчеркивавших несоответствие заглавия содержанию²³.

Что же вкладывалось в название «Общая методология гуманитарных наук»? Н.И. Кареев четко обозначил главную проблему: «...логика отдельной науки называется ее методологией, под каковым названием следует разуметь учение о методах <...>, способах и приемах, при помощи которых данная наука добывает и строит свое знание. Методов существует много: не все они применимы во всякой науке, а применяясь к той или другой из них, всякий метод должен быть приспособляем к особенностям, представленным ее методом»²⁴.

Для понимания сути концепции Н.И. Кареева следует четко определить, что ученый понимал под «общественными» (первоначальный вариант названия) и «гуманитарными» (окончательный вариант) науками? В более ранней работе ученый отмечал: «Собственно говоря, все явления, изучаемые гуманитарными науками, кроме разве фактов индивидуальной душевной жизни, суть явления общественные, потому что все совершается в обществе. В самом деле, вне общества немислимы были бы ни язык, ни литература, ни религия, ни философия, ни наука, т. е. ничто из того, в чем заключается все содержание духовной жизни человечества, и потому в широком смысле все гуманитарные науки могли бы называться общественными. Дело, однако, в том, что среди взаимодействий между отдельными людьми, из которых складывается вся жизнь общества, одни взаимодействия суть чисто психические, так сказать, духовные, другие же имеют практический характер, устанавливая между отдельными членами общества определенные взаимоотношения и тем самым организуя их в постоянные системы общественных явлений, которым мы даем названия народного хозяйства, права, государства. Вот именно эти самые науки, которые изучают практические взаимоотношения членов общества, и складывающиеся из этих взаимоотношений системы общественных порядков, иначе — явления общественной организации, и принято называть

²² Кареев Н.И. Метафизик о «Методологии общественных наук» // *Анналы: журнал всеобщей истории*. 1922. № 9. С. 267—271.

²³ Карсавин Л. [Рец.] // *Мысль: журнал Петербургского философского общества*. 1922. № 2. С. 112—114; Адоратский В. [Рец.] // *Печать и революция: журнал литературы, искусства, критики и библиографии* / Под ред. А.В. Луначарского. 1922. Кн. 6. С. 238—240. Рец. на кн.: Франк С.Л. *Очерк методологии общественных наук*. М., 1922.

²⁴ НИОР РГБ. Ф. 119. К. 39. Д. 13. Л. 4.

общественными науками в более тесном смысле этого слова»²⁵. Таким образом, терминологически исследователь существенно расширил первоначальный замысел работы, обратившись к разработке проблем единой методологии для гуманитарного знания в целом.

В «Общей методологии...» Н.И. Кареев предложил четкую классификацию гуманитарных наук, выделив: 1) науки о психических явлениях (психология, гносеология, логика, этика); примыкающие к ним науки о культурных явлениях (историческое и теоретическое изучение языков, мифологий, религий, искусств и т. д.); 2) социальные науки (социология, государственное устройство, юриспруденция, политическая экономика в историческом и теоретическом освещении) и 3) исторические (археология, антропогеография, этнография, демография, общая история)²⁶.

Как же в представлении Н.И. Кареева выстраивались взаимосвязи в системе гуманитарных наук? Исследователь писал: «...изучение культуры может быть и идиографическим, и типологическим, номологическое же ее изучение должно быть преимущественно предметом более общих наук. Ими в данном случае являются психология и социология, первая — для наук о духовной культуре, которые ради краткости позволим себе называть культурными (в более узком смысле), вторые — для наук общественных, или, как тоже их можно называть, социальными»²⁷.

Социологии исследователь отводит место синтеза и базиса социальных наук, их «общей философии»²⁸. В этом отношении Н.И. Кареев вступает в полемику с С.Л. Франком; дискуссия была обозначена еще в рецензии, появившейся вслед за публикацией «Очерка методологии общественных наук»: «Социология автором прямо отрицается за ее позитивизм, за стремление подражать естествознанию, за то, что она, как выражается автор, есть, во-первых, типичный образец игнорирования систематической методологии, пример методологической спутанности и предвзятости»²⁹. Кареев упрекает Франка за попытку выработать нечто вроде «общественной философии»: «...автор самым определенным образом отмежевывается от социологии. Он не отрицает возможности «обобщающей социальной науки», но ею может быть, по его мнению, не «социология как единое положительное обществоведение, а лишь фи-

²⁵ Кареев Н.И. Что такое общественные науки... С. 2—3.

²⁶ НИОР РГБ. Ф. 119. К. 39. Д. 13. Л. 34.

²⁷ Там же. Л. 13.

²⁸ Там же. Л. 35об. —36; Д. 7. Л. 49.

²⁹ Кареев Н.И. Метафизик о «Методологии общественных наук»... С. 268.

лософская теория общественного бытия»³⁰. Для Кареева очевидно, что именно социология, а не отвлеченная социальная философия должна выступать синтезирующим элементом. Подчеркивая это, он резко ограничивает область социологии, включая в нее «круг явлений, которые сводятся к практическим взаимодействиям между людьми в их общественной жизни и к объективным результатам этого взаимодействия в существовании народного хозяйства, права, государства»³¹.

Резко критикуя опыт построения С.Л. Франком общей методологии гуманитарных наук на метафизических началах, Н.И. Кареев тем самым поставил под сомнение философский компонент теории истории: предложил обратиться к опыту использования методов и проблемных полей других дисциплин применительно к конкретным историческим исследованиям. Сформулировав идею целостного гуманитарного знания, ученый поместил в его основание две науки — социологию и психологию, методами которых должна была научно достигаться история.

Еще одной попыткой обратиться к поиску принципов общей методологии гуманитарных и социальных наук с качественно иных позиций стала диссертация молодого социолога П.А. Сорокина «Система социологии»³², ученика М.М. Ковалевского, руководителя Отдела социальной рефлексологии в Институте мозга В.М. Бехтерева. Н.И. Кареев, выступивший оппонентом на публичном диспуте Сорокина (ввиду отмены научных степеней своеобразной форме защиты), оставил несколько отзывов и опубликованных рецензий, в критических замечаниях которых он высказывает свою собственную позицию относительно тех оснований, которые должны быть положены в основу единой методологии³³.

В основание наук, как видно из самого названия работы, П.А. Сорокин кладет социологию. Однако, по его мнению, руководящие научные принципы ее идентификации как науки следующие: 1) в методологической части социология должна пользоваться естественно-научными ме-

³⁰ Кареев Н.И. Метафизик о «Методологии общественных наук». С. 269.

³¹ НИОР РГБ. Ф. 119К. 39Д. 7. Л. 49.

³² Сорокин П.А. Система социологии. Пг., 1920. Вып. 1—2. Подробнее об издании работы и публичном диспуте П.А. Сорокина см.: *Голосенко И.А.* Социология Питирима Сорокина (русский период деятельности). Самара, 1992. С. 67—97.

³³ Кареев Н.И. [Рец.] // Вестник литературы. 1920. № 7; *Он же*. О системе социологии П.А. Сорокина // Там же. 1921. № 1; *[Он же]*. Диспут проф. П.А. Сорокина // Экономист. 1922. № 4—5. С. 275—280; неопубл. отзывы: НИОР РГБ. Ф. 119. П. 43. Д. 9. Два новых русских труда по социологии: «Система социологии П.А. Сорокина и «Наука об общественной жизни» К.М. Тахтарева. На 59 л.

тодами; 2) задачей социолога является описание подведомственных ему явлений и установление между ними функционально-корреляционной связи; 3) никакая оценка не может быть допущена; всякий нормативизм должен быть изгнан; 4) объект социологии должен быть транс-субъективным и вещественным (таковым является только поведение людей); 5) тенденция к пользованию объективным методом, полное устранение психологизма и «психологического субъективизма»³⁴, превращение психологии из науки о психических реальностях в объективную дисциплину, изучающую явления предметного характера»³⁵.

Н.И. Кареев оспаривает утверждение П.А. Сорокина, что в современной им социологии важное место принадлежит психическому компоненту: «...если социология и интересовалась до сих пор такими «психическими реальностями», как религия, мифология, искусство и т. п., то главным образом, в их отношении к учреждениям»³⁶; по мнению Кареева, социологии как раз не хватает психического компонента. Подчеркивая, что автор «Системы социологии» находится под влиянием рефлексологии В.М. Бехтерева, Кареев отмечает, что «совершенно элиминировать из социального рассмотрения «состояний сознания» — дело и невозможное, и ненужное»³⁷, призывает видеть в «состояниях сознания» нечто отличное от рефлексов, утверждает, что «явления человеческого взаимодействия пока что несводимы к чисто биологическим процессам»³⁸.

Хотя Н.И. Кареев соглашается с П.А. Сорокиным в том, что в основу психического понимания истории положено простейшее социальное явление — взаимодействие между индивидами³⁹, он оговаривает, что оно ошибочно понимается социологом «рефлексологически» просто; процесс действия одного человека на другого рисуется автором как трехчленный: а) сначала дано психическое переживание в субъекте; в) затем оно превращается в непсихическую форму, в то или иное внешнее явление, в раздражитель (мимика, слова, жесты, знаки и т. п.) и с) этот раздражитель, действуя на другого субъекта, вызывает в нем ряд психических переживаний, т. е. приобретает снова психическую природу⁴⁰. Эта ошибка, по мнению Кареева, усиливается, когда «рефлексолог» Сорокин проецирует свою теорию на общественную жизнь:

³⁴ *[Кареев Н.И.]*. Диспут проф. П.А. Сорокина... С. 278.

³⁵ НИОР РГБ. Ф. 119. П. 43. Д. 9. Л. 9.

³⁶ Там же. Л. 10.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 11.

³⁹ См.: там же. Л. 18—19.

⁴⁰ Там же. Л. 20.

все эти действия носят одномоментный характер, исторический процесс сводится к таким «толканиям», «давлениям», «дерганиям»⁴¹. Для Сорокина человек является «каким-то граммофоном, в который извне социальными группами, его, человека, в себе заключающими вкладываются то одни, то другие пластинки. Постоянным для него остается только наш организм»⁴². Поведение индивида трактуется как равнодействующая давления тех социальных групп, вольным или невольным абонентом коих он является⁴³. Собственно говоря, это равносильно устранению психологии из того места, которое она занимает в ряду номологических наук, равносильно «обоснованию социологии на данных физиологии и притом только рефлексологической ее части»⁴⁴.

Для Н.И. Кареева принципиально важно то, что П.А. Сорокин лишь на словах декларирует свою позицию: «к счастью, П.А. Сорокин везде поступает несогласно со своим теоретическим “хотел бы” <...> то и дело в книге рядом со словом «поведение» стоят слова «психические переживания»⁴⁵. И для историка подобные противоречия (как, например, указание П.А. Сорокиным на важное значение вспомогательного метода интроспекции⁴⁶) представляются обнадеживающими и позитивными: без обращения к психологии все исторические события можно было бы рассматривать как “кинематографические сеансы без каких бы то ни было пояснительных текстов”⁴⁷. В конечном итоге Кареев приходит к выводу, что, «несмотря на теоретическое отрицание психологизма в социологии, на самом деле автор “Систем социологии” примыкает к психологическому (не биологическому и не узкоэкономическому) истолкованию общественных явлений, принимая <...> в расчет и интеллектуальную, и эмоциональную, и волевою стороны психики, равно как, нужно добавить, и физическую, конечно, природу человека»⁴⁸.

Спорный, но несомненно позитивный отзыв, данный на работу П.А. Сорокина (как его назовут впоследствии, «одного из наиболее опасных противников марксизма, его общесоциологической концепции»⁴⁹),

⁴¹ НИОР РГБ. Ф. 119. П. 43. Д. 9. Л. 24.

⁴² Там же. Л. 24.

⁴³ Там же. Л. 25.

⁴⁴ Там же. Л. 31об.

⁴⁵ Там же. Л. 15.

⁴⁶ Там же. Л. 14.

⁴⁷ Там же. Л. 11.

⁴⁸ Там же. Л. 16—17.

⁴⁹ В критическом отзыве И. Боричевского, заложившем стандарты последующей марксистской критики работ П.А. Сорокина, отмечается, что книга демонстрирует пол-

благожелательные отзывы Сорокина о работах Н.И. Кареева⁵⁰, разумеется, не могли остаться незамеченными в 1920-е гг. В марксистской литературе, прежде всего социологической, надолго утвердилось мнение о несостоятельности того и другого в теоретико-методологическом плане: «Н.И. Кареев, П.А. Сорокин и другие буржуазные социологи призывали соединить марксистскую социологию с модной в буржуазной социологии психологической школой. <...> Появление подобных признаний о необходимости социологического “синтеза” является фактическим показателем несостоятельности буржуазной социологии в теоретико-методологическом плане»⁵¹. Развернувшаяся в печати травля поставила точку в затянувшейся научной дискуссии: в 1922 г. П.А. Сорокин и С.Л. Франк были высланы из страны; в 1931 г. в атмосфере травли и втягивания в водоворот «академического дела» скончался Н.И. Кареев; публиковать его работы перестали еще в 1924 г.

Как он писал в 1918 г., «мысль иногда высказывается слишком несвоевременно, потому что фантазия способна за целые века предвосхищать действительность, но когда создадутся условия, благоприятные для осуществления фантазии, мысль становится фактом»⁵². Ни одна из рассмотренных концепций не была реализована: «Общая методология гуманитарных наук» Н.И. Кареева не была допущена к печати по причине «идеализма» автора и осталась в типографских гранках; работа С.Л. Франка «Очерк методологии общественных наук» переиздана только в 1990-е гг. в «Вопросах методологии», не найдя, впрочем, должного отклика; идеи П.А. Сорокина упали на благодатную почву американской социологии, обернувшись теорией интегральной социологии. Однако шанс, конкурентный импульс был в 1920-е гг. у каждой из этих концепций.

ное отсутствие у ее автора «сколько-нибудь наукообразного понимания марксизма» (*Боричевский И.* Ортодоксальный марксизм и резиновая российско-американская социология // Книга и революция. 1922. № 4. С. 19—20). Подробнее о критике работ Сорокина см.: *Бормотова С.С.* Ленинская критика реакционных общесоциологических концепций П. Сорокина и других антимарксистов в первые годы советской власти (1917—1922): Автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 1971. С. 4.

⁵⁰ *Сорокин П.А.* Русская социология в XX веке // *Сорокин П.А.* О русской общественной мысли. СПб., 2000. С. 33. Перевод осуществлен по изданию: *Sorokin P.A.* Russian sociology in the twentieth century // *American Journal of Sociology.* 1927. Vol. 31. P. 57—69.

⁵¹ *Алексеев В.А.* Великий Октябрь и кризис буржуазной позитивистской социологии в России // *Философско-методологические проблемы общественного развития.* М., 1979. С. 130—135.

⁵² *Кареев Н.И.* Общие основы социологии. Пг., 1919. С. 53.

Прочтение историографического наследия с позиции современности, актуализация и рецепция идей позволяют проследить процесс трансформации и внутренней дифференциации дисциплины, проанализировать факт появления конфликтующих трактовок важных для науки идей. Как нам представляется, предложенные концепции могут быть востребованы современной наукой не просто как одна из страниц прошлого, но и как эвристически ценный опыт создания методологии гуманитарного, в том числе исторического, познания.

П.А. Куценков

Наследие Б.Ф. Поршнева и современное состояние изучения начала человеческой истории

Аннотация: цель статьи — показать актуальность гипотезы антропогенеза Б.Ф. Поршнева, несмотря на то, что многие данные, на которые он опирался, устарели. В свете современных данных анализируются взгляды исследователя на проблему биологических предков человека, на время появления вида *Homo sapiens sapiens*, на проблему человеческого труда и, наконец, на вопрос о «прерывности» в начале человеческой истории.

Ключевые слова: Б.Ф. Поршнев, антропогенез, неантропы, неандертальцы, палеолит, орудия.

После опубликования в 1972 г. книги Б.Ф. Поршнева «О начале человеческой истории» представления о древнейшем периоде жизни человечества претерпели революционные изменения. Теперь ясно, что исследователь ошибался практически во всем, что касается хронологии событий, биологических предков человека и соотношения речи и мышления. Тем не менее парадоксальным образом революция в науке о доистории произошла во многом благодаря его усилиям. Рассмотрим по порядку источниковедческую и теоретическую базу, на которой основывалась гипотеза Поршнева.

1. Предком *Homo sapiens sapiens* до конца XX в. считался неандерталец (*Homo neanderthalensis*, или *Homo sapiens neanderthalensis*). Но в 1997 г. генетику Сванте Пэбо удалось прочесть участок мтДНК, выделенной из останков неандертальца, найденного в 1856 г. в Фельдгоферовской пещере близ Дюссельдорфа (Германия). Было установ-

лено, что неандертальцы не были нашими биологическими предками: их мтДНК выходят за границы внутривидового разнообразия *Homo sapiens sapiens*. В 2000 г. был исследован второй образец неандертальской мтДНК из останков ребенка из пещеры Мезмайская на Северном Кавказе (возраст 29 000 лет). Он подтвердил результаты первого анализа.

Сейчас нашим предком считается *Homo erectus*. Предполагается, что эректусы появились в Восточной Африке в эпоху среднего плейстоцена, около 1,8 млн лет назад они расселились по Евразии от Европы до Китая. К эректусам относятся Гейдельбергский человек (*Homo heidelbergensis*) в Европе, синантроп в Китае, питекантроп в Индонезии, Родезийский человек (*Homo rhodesiensis*) в Африке. Весьма вероятно, что эректусы дожили до прихода современных людей: в Индонезии питекантропы окончательно исчезли всего 27 тыс. лет назад, а *Homo floresiensis* (возможно, карликовая островная форма питекантропа) — около 18 тыс. лет назад. Вероятно, что до появления современных людей дожил и Родезийский человек. Что касается неандертальцев (палеоантропов), то их предком также был *Homo erectus*. Возможно, *Homo sapiens sapiens* с неандертальцами все-таки скрещивались, поскольку те оставили очень слабый след в генах современного человека. Причем, что показательно, геном неандертальца оказался больше похож на геном европейцев, азиатов и папуасов, чем африканцев (в Африке следы неандертальцев до сих пор не обнаружены).

Таким образом, следует признать скорее правоту упомянутого Б.Ф. Поршневым А. Валлуа¹: он еще в 1954 г. предположил, что неандертальцы и современные люди произошли от неких «пресапиенсов»², каковыми, как оказалось теперь, были *Homo erectus*.

2. Вопреки мнению Поршнева, считавшего, что *Homo sapiens sapiens* появился 35—40 тыс. лет назад (общепринятая в то время точка зрения), сейчас установлено, что случилось это около 200 тыс. лет назад в Северо-Восточной Африке. Таким образом, ошибочна и мысль Поршнева о том, что «история людей — взрыв»³. На самом деле никакого взрыва не было. Напротив, по продолжительности времени существования современного человечества вполне сопоставимо

¹ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб., 2007. С. 382.

² Vallois H.V. Neanderthals and presapiens // Journal of the Royal Anthropological Institute, 1954. V. 84. P. 111—130.

³ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории... С. 382.

с временем существования нашего «брата»-неандертальца (около 350—30 тыс. лет назад). Прежде чем действительно внезапно появиться в ледниковой Европе, человек претерпел долгую эволюцию в Африке: наши предки покинули историческую родину и явились в Европу с готовой каменной индустрией, изобразительным искусством и, вероятно, с уже относительно развитой речью. Но эти революционные достижения вызревали очень долго. Говоря словами американских исследователей МакБрирти и Брукс, верхнепалеолитический рывок — «революция, которой не было»⁴.

Однако в одном вопросе, связанном со временем существования *Homo sapiens sapiens*, Б.Ф. Поршнев оказался даже более прав, чем думал сам. В 1-й главе своей книги он подробно рассматривает феномен ускорения исторического прогресса и приходит к совершенно определенному выводу: «Начальный отрезок истории был наиболее медленно текущим, следовательно, на нем торможение имело перевес над динамикой»⁵. Теперь понятно, что он был даже еще медленнее, чем думал Поршнев. Таким образом, его мысль о том, что высшие гоминиды «ничуть не обезьяны и ничуть не люди»⁶, может быть распространена и на раннего палеоантропа среднего и верхнего палеолита, поскольку темпы его эволюции практически не отличались от темпов эволюции неандертальцев.

3. Гораздо сложнее дело обстоит с тождеством труд \equiv человек, бывшим в советское время краеугольным камнем исторического материализма. Что касается «орудийной деятельности» животных, то первым объяснение ей за пределами человеческого «труда» предложил Л.С. Выготский. Еще в 1930 г. (!) он пришел к выводу: оперирование орудиями у высших обезьян объясняется явлениями эйдетики⁷ и происходит не на уровне представлений, но только в сенсорном поле, т. е. является сугубо оптическим разрешением задачи⁸. Затем в 1935 г. П.Я.

⁴ *McBrearty S., Brooks A.S.* The revolution that wasn't: A new interpretation of the origin of modern human behaviour [Journal] // *Journal of Human Evolution*. 2000. Vol. 39. P. 453—563.

⁵ *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории... С. 28.

⁶ Там же. С. 78.

⁷ Эйдетизм, эйдетика, эйдетическая память — специфический вид памяти, позволяющий его обладателю помнить однажды увиденный предмет во всех деталях. По современным представлениям, физиологическая основа эйдетических воспоминаний — остаточное возбуждение зрительного анализатора (*Марютина Т.М., Ермолаев О.Ю.* Введение в психофизиологию. М., 2001. С. 192).

⁸ *Выготский Л.С.* Эйдетика / *Психология памяти*. М., 2002. С. 193. Первая публикация: *Выготский Л., Геллерштейн С., Фингерт Б., Ширвиндт М.* Основные теории современной психологии / Под ред. Б.А. Фингерта и М.Л. Ширвиндта. М.; Л., 1930.

Гальперин в кандидатской диссертации «Психологические различия орудий человека и вспомогательных средств у животных и его значение» показал принципиальные отличия ручных операций с орудиями у животных от орудийных операций у человека. Эта работа была прочно забыта и только недавно снова была опубликована⁹.

В правомерности самого тождества труд \equiv человек (или «человеческий труд \equiv человек) первым в СССР открыто усомнился именно Б.Ф. Поршнев. Он считал, что в основе изготовления каменных орудий нижнего и среднего палеолита лежал не осознанный «проект», но имитативный рефлекс: «Изготовление того или иного набора этих палеолитических камней было продуктом автоматической имитации соответствующих комплексов движений, протекавшей внутри той или иной имитации»¹⁰. С его точки зрения, по крайней мере до окончания среднего палеолита для изготовления орудий не требовалось подключения мышления и речи¹¹. Однако это положение гипотезы Б.Ф. Поршнева в настоящее время основательно поколеблено под напором новых открытий. Изучая и экспериментально воспроизводя технологию изготовления олдувайских (2,6—1,8 млн лет назад) и ашельских (1,7—0,1 млн лет назад)¹² каменных орудий, авторитетный археолог-экспериментатор П.В. Волков пришел к выводу, который в том, что касается доашельских орудий, неплохо согласуется с мыслью Б.Ф. Поршнева: «Для изготовления всех этих колотых галек, “чоппе-

⁹ *Гальперин П.Я.* Психологические различия орудий человека и вспомогательных средств у животных и его значение // Он же. *Психология как объективная наука: Избранные психологические труды*. М.; Воронеж, 1998. С. 37—93.

¹⁰ *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории... С. 83.

¹¹ Мысль Поршнева об исключительно важной роли подражания в антропогенезе получила подтверждение и была поставлена на прочную естественно-научную основу в конце XX в. благодаря открытию зеркальных нейронов (см.: *Косоногов В.* Зеркальные нейроны: краткий научный обзор. Ростов-на-Дону, 2009; *Черниговская Т.В.* Зеркальный мозг, концепты и язык: цена антропогенеза // *Физиологический журнал им. И.М. Сеченова*. 2006. Т. 92. № 1. С. 84—99).

¹² Есть сведения, что ашельская индустрия еще древнее: «Результаты начатых недавно работ Армяно-Российской экспедиции (рук. С.А. Асланян) изменили прежние представления о времени появления ашеля на Кавказе и его последующей эволюции. На севере Армении (Лорийское плато) наряду с богатыми позднеашельскими материалами открыты три памятника с индустриями среднего и раннего ашеля. Два памятника (Мурадово и Карахач) содержат близкие по своим характеристикам раннеашельские изделия (крупные пики и чопперы, грубые рубила), изготовлявшиеся преимущественно из плитчатых обломков местного вулканического сырья. В Карахаче раннеашельские изделия залегают в слое вулканического пепла и в отложениях под пеплом, для которого во ВСЕГЕИ получены уран-свинцовые даты в диапазоне 1,75—1,94 млн лет назад» (<http://antropogenez.ru/single-news/article/156>).

ров”, орудий из корявых отщепов и прочих мелких, характерных для “доашельского периода”, изделий явно не требовалось даже минимума человеческого интеллекта»¹³.

Но в том, что касается оценки интеллектуальных возможностей носителей ашельской каменной индустрии, мнения Б.Ф. Поршнева и П.В. Волкова сильно разнятся. По мнению последнего, «орудия ашельской культуры имеют высокие эстетические и технологические характеристики. Их производство требует развитого технологического мышления, большого количества знаний, опыта, возможностей этот опыт накапливать, фиксировать и передавать»¹⁴.

Новейшие нейрофизиологические исследования подтверждают точку зрения Волкова, а не Поршнева: активность мозга современного человека при экспериментальном изготовлении олдувайских и ашельских орудий оказалась разной. При воспроизведении олдувайской техники от экспериментатора требовались только новые навыки восприятия и моторики (все происходило на уровне сенсомоторных функций мозга и координации движений). Изготовление ашельских орудий потребовало от испытуемых подключения высших когнитивных способностей, в том числе «сознательного контроля сложных последовательных действий» (enhanced mechanisms for cognitive control)¹⁵. По мнению авторов исследования, это может означать связь между процессом изготовления орудий и развитием речи и языка¹⁶. К тому же выяснилось, что пропорции ашельских бифасов (как и «орнаменты» *Homo erectus* из Бильцингслебена в Тюрингии) вписываются в золотое сечение ($\varphi = \frac{\sqrt{5}+1}{2} \approx 1,6180339887 \dots$)¹⁷. Таким об-

¹³ Волков П.В. Эксперимент в археологии. Новосибирск, 2010. С. 297. Ср. с характеристикой того же периода А.П. Назаретяна.

¹⁴ Там же. С. 297.

¹⁵ В западной литературе наиболее часто употребляется понятие «когнитивный контроль» — набор исполнительных функций, обеспечивающих целенаправленное поведение. В отечественной традиции чаще используется понятие «сознательный контроль»; он заключается в осознании содержания текущей деятельности, т. е. ее представлении во внутреннем плане (см.: Морозкина Н.В., Гершкович В.А. Сознательный контроль в мнемических задачах и задачах научения // Вестник СПбГУ. Сер. 12. Вып. 2. 2008. С. 91—100.

¹⁶ Faisal A., Stout D., Apel J., Bradley B. The Manipulative complexity of Lower Paleolithic Stone Toolmaking // PLoS ONE, November 2010, Volume 5, Issue 11, e13718. www.plosone.org. Следует учесть, что исследовались не наши отдаленные предки, с младенчества наблюдавшие действия с камнем и имевшие возможность их имитировать: олдувайские и ашельские орудия делал современный человек, только воспроизводивший древнюю технику.

¹⁷ Feliks J. Phi in the Acheulian: Lower Palaeolithic intuition and the natural origins of analogy [Book Section] // Pleistocene palaeoart of the world. Proceedings of the XV UISPP

разом, даже неожиданное замечание П.В. Волкова относительно «высоких эстетических характеристик» ашельских орудий зиждется на весьма прочном основании.

4. К числу важнейших положений гипотезы Б.Ф. Поршнева следует отнести возрождение им концепции «прерывности». До сих пор считается, что непрерывность эволюции — единственно возможная научная точка зрения на происхождение человека. Концепция «прерывности» привязывается к креационизму и считается исключительным достоянием богословия. На самом деле картина значительно сложнее: можно констатировать, что к середине XX в. эволюционизм победил не только в науке, но и в религиозном мировоззрении (так, у католиков после II Ватиканского собора возражения против эволюционизма были практически сняты). Сразу заметим, что представление об эволюции как о непрерывном восхождении от «примитивного» к «развитому», по меньшей мере применительно к каменному веку, далеко не всегда соответствует действительности: «Наблюдения за хронологической эволюцией основных орудий человека в эпоху камня (мясных ножей и скребковых орудий) показывают нам, что: линейности графика прогрессивных изменений эффективности орудий на протяжении палеолита — неолита не наблюдается; можно отметить признаки как прогрессивных, так и регрессивных тенденций эволюции рабочих качеств исследуемого инструментария; доминирующей тенденцией в эволюции мясных необифасиальных ножей и скребковых орудий за период раннего, позднего палеолита и неолита явилась деградация»¹⁸.

Следовательно, имеется возможность усомниться в абсолютной истинности эволюционной картины доистории и истории. Впервые мысль о восстановлении концепции «прерывности», как ни странно, высказана именно Б.Ф. Поршневым. Дело в том, что он был не просто убежденным материалистом, а марксистом воинствующим, готовым яростно отстаивать свои убеждения. Как это ни парадоксально, пафос восстановления концепции прерывности у Поршнева был направлен именно на борьбу с религиозным мировоззрением. По Поршневу, начало истории (тот самый «перерыв») следует датировать не временем появления вида *Homo sapiens sapiens*, а периодом, когда этот вид окончательно сформировался, как считалось в 1960—1970-е гг., 20—25 тыс. лет назад.

World Congress (Lisbon, 4—9 September 2006) / ed. D Bednarik R.G. and Hodgson. Oxford: [s. n.], 200. — BAR International Series 1804. P. 11—31.

¹⁸ Волков П.В. От Адама до Ноя. С. 177.

Однако, как мы видели, и в этом вопросе наследие Б.Ф. Поршнева уже не соответствует имеющимся в распоряжении современной науки данным. Продолжительность существования вида *Homo sapiens sapiens* возросла до 200 тыс. лет; таким образом, от поршневского перерыва не остается и следа.

Как мы видели, каждый по-своему, но и Поршневу, и Волкову возрождают концепцию прерывности. Их рассуждения не лишены изъянов. Так, первый игнорировал очевидную сложность среднепалеолитических орудий (явно несводимую к одной только имитации), а второй оставляет без ответа важный вопрос: если «они» были такими умными, то чем занимались больше миллиона(!) лет?

Заметим, кстати, что эта деятельность вовсе не нуждалась ни в «творческом воображении», ни в «сознательном использовании камня», ни в языке для обучения молодежи. Даже в сохранившихся до наших дней традиционных обществах обучение ремеслу происходит не столько на речевом уровне, сколько в пределах зрительного поля: ученик наблюдает за действиями мастера и усваивает комплексы движений, сопровождающих изготовление того или иного предмета. И в современном информационном обществе дело обстоит примерно так же. Приведем один пример: в Интернете на сайтах, посвященных рыболовным приманкам, всегда размещаются фотографии или видео, наглядно демонстрирующие весь процесс их изготовления. На словах объяснить это трудно: такое объяснение требует от инструктора недюжинного литературного таланта. Таким образом, усвоение моторных шаблонов в пределах зрительного поля очень глубоко укоренено в человеческой природе, настолько глубоко, что даже психически нормальный современный человек, обучаясь простым трудовым навыкам, не обращается при этом к абстрактному мышлению.

На наш взгляд, оба исследователя упрощают проблему, но по разным причинам: Поршневу надо было непременно доказать, что все виды, предшествовавшие *Homo sapiens sapiens*, не обладали даже и зачатками разума, а археолог-практик и экспериментатор Волков исходит из техники изготовления орудий и склонен несколько абсолютизировать ее, игнорируя нечеловечески медленные темпы эволюции нижнего и среднего палеолита.

Однако основной вывод П.В. Волкова опять-таки переключается с выводами Б.Ф. Поршнева. Опираясь на техническое совершенство ашельских и отчетливую грубость олдувайских орудий, он делает симптоматичное замечание: «Антропологи предполагают достаточно непростую эволюцию «австралопитековых» гоминид, в результате которой часть из них приобрела способность расщеплять камень и из-

готовлять из него простейшие орудия (*Homo habilis* и *Homo erectus*). Вероятно, именно эти существа и оставили нам артефакты олдувайской культуры. И вероятно, уместно будет дальнейшее именование всех способных к работе с камнем вымерших «умелых» палеообезьян «археопитеками»...

Что же касается носителей ашельской культуры, то наиболее подходящим термином представляется «архантропы» (от греч. «древний», и «человек»). К таковым можно отнести практически всех людей «до-неолитической» истории, т. е. тех, о жизни которых мы знаем преимущественно не по письменным источникам, а только исходя из анализа оставшихся после них артефактов»¹⁹.

Иными словами, П.В. Волков идет даже дальше Б.Ф. Поршнева, считая архантропами не только предшествующие современному человеку виды, но и самого *Homo sapiens sapiens*, по меньшей мере, среднего и верхнего палеолита: «Антропологи склонны считать существующий около миллиона лет, как они говорят, «подвид» *Homo sapiens* (archaic), *Homo sapiens* (neanderthalensis), *Homo sapiens* и т. п. уже собственно людьми. Но для нас более подходящим представляется термин «архантроп» (от греческих «древний» и «человек»). К таковым можно отнести всех людей до-неолитической, если угодно — «допотопной» истории, т. е. тех, жизнь которых мы знаем преимущественно не по письменным источникам, а на основе анализа оставшихся после них артефактов»²⁰. Таким образом, с точки зрения П.В. Волкова, и носители ашельской каменной индустрии, и неандертальцы, и «настоящие» люди верхнего палеолита образуют группу видов, «культуры» которых отличались друг от друга не столько качественными, сколько количественными параметрами.

С этим согласны и другие исследователи. Так, анализируя культуру неандертальцев, Л.Б. Вишняцкий пришел к выводу, что «различия между ними и нами далеко не столь велики, как принято думать»²¹: «Создается впечатление, что в тех областях деятельности, о которых можно составить хоть какое-то представление по археологическим и антропологическим данным, неандертальцы практически ни в чем не уступали гомо сапиенс. [...] Даже тезис об интеллектуальном превосходстве гомо сапиенс над их современниками, до сих пор воспринимаемый большинством из нас как нечто само собой разумеющееся,

¹⁹ Волков П.В. Эксперимент в археологии. С. 297, 298.

²⁰ Волков П.В. От Адама до Ноя. С. 234.

²¹ Вишняцкий Л.Б. Неандертальцы: история несостоявшегося человечества. СПб., 2010. С. 259.

в свете накапливаемых данных теряет былую аксиоматичность. Превратить же его в теорему не удастся из-за отсутствия сколько-нибудь убедительных доказательств»²².

Человек современного вида и некоторые его предшественники существовали в одном времени и пространстве на протяжении десятков, если не сотен, тысяч лет (к концу верхнего палеолита остается только один вид: *Homo sapiens sapiens*). Качественное же отличие этой обширной группы от древних австралопитеков («южных обезьян») состоит в умении изготавливать орудия на отщепках, отделенных от специально приготовленного нуклеуса. Для этого, по мнению П.В. Волкова, требовался уже человеческий интеллект, мало чем отличимый от интеллекта современного человека. Из приведенных выше рассуждений Волкова можно сделать вывод, что перерыва было два: первый — перед началом ашеля, второй — в канун неолитической революции.

Сколько на самом деле было «перерывов» в эволюции и были ли они вообще, покажут только будущие исследования. Пока же вопрос остается открытым: не хватает источников для того, чтобы вынести по этому поводу окончательное суждение.

О.В. Петренко

Социоисторический и культурно-антропологический поворот в отечественной исторической науке: еще раз о том, как все начиналось

Аннотация: цель статьи — выявить особенности появления и развития социоисторического и культурно-антропологического познавательных поворотов в советской исторической науке. Автор затронуты проблемы включения советской исторической науки, до 1960-х гг. пребывавшей в идеологической изоляции от немарксистской интеллектуальной мысли, в мировую исследовательскую практику. Рассматриваются основные тенденции процесса восприятия, адаптации и творческого переосмысления мирового и отечественного опыта; неизбежного обновления представлений о предмете и методах исторического исследования; развития идей междисциплинарности.

²² Вишняцкий Л.Б. Неандертальцы: история несостоявшегося человечества. С. 260.

Ключевые слова: советская историческая наука, познавательный поворот, междисциплинарность, культура, человек.

Понятие «познавательный поворот» активно используется в современном мировом социогуманитарном знании для характеристики сдвига в теории и практике познания, выражающегося в смене ракурса рассмотрения объекта, определения предметной области, установления взаимоотношений с другими дисциплинами, качественном изменении способов получения и представления научного знания. В западной академической литературе отмечается несколько значимых познавательных поворотов, содействовавших переосмыслению исследовательских подходов, в их числе: социоисторический (1950—1970-х гг.); антропологический (1950—1970-х гг.), культурный (1970—1990-х гг.); лингвистический и нарратологический (1960—1990-х гг.); когнитивный и новый исторический (1970—1990-х гг.), визуальный и научный (1980—1990-х гг.) и пр.¹

Социоисторический познавательный поворот, поставив под вопрос традиционные приемы исторического познания и историописания, «манифестировал» новое профессиональное сознание и новый образ исторической науки как дисциплины аналитической, проблемной, открытой для междисциплинарных практик². Антропологический и культурный повороты перенесли фокус исследовательского внимания на социально и культурно детерминированного человека во времени и пространстве, активного субъекта культуры, преобразующего мир творческой деятельностью. Историография становления и бытования данных познавательных феноменов в отечественном историческом знании довольно представительна. Нам бы хотелось обратить внимание на специфику их появления и развития в советской исторической науке, долгое время пребывавшей в идеологической изоляции от мировой немарксистской интеллектуальной мысли.

Как и на Западе, в этом согласимся с известным медиевистом А.Л. Ястребицкой, процесс формирования нового научного мышления в гуманитарных науках обозначился у нас к началу 1960-х гг., прежде всего в лингвистике и литературоведении, социологии, философии,

¹ Зверева Г.И. Роль познавательных «поворотов» второй половины XX века в современных российских исследованиях культуры // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов. М., 2001. С. 11.

² Ястребицкая А. Л. Новая история // Культурология. XX век: Энциклопедия. СПб., 1998. Т. 1. С. 9.

позже в исторических науках³. Исследователь советской исторической науки Л.А. Сидорова также отмечает, что поиск новых подходов к изучению истории начался в условиях последовавшей за смертью И.В. Сталина либерализации общественно-политической жизни, в атмосфере хрущевской «оттепели»⁴. XX съезд КПСС (февраль 1956 г.) и разоблачение «культы личности» пробили брешь в господствующем тоталитарном складе мышления. В 1962 г. на Всесоюзном совещании историков официально провозглашен курс на пересмотр и очистку от догматических наслоений марксистско-ленинского наследия. В то же время исследователи получили относительно свободный доступ в архивы, осуществлялась публикация документальных сборников и путеводителей по архивам. Начался процесс возвращения в мировую историческую науку. В центральном историческом журнале «Вопросы истории» был организован отдел «Историческая наука за рубежом». Историки знакомились с исследованиями зарубежных коллег, представленных в контексте «критики буржуазной, антимарксистской и ревизионистской историографии». В Институте истории АН СССР был создан сектор методологии истории под руководством М.Я. Гефтера, после реорганизации в 1968 г. он продолжил существование как неформальное сообщество⁵. Развернулись многочисленные дискуссии; и пусть они, по мнению историографов, «не были по-настоящему продуктивными», однако свидетельствовали о концептуальных переменных в исторической науке. На волне общественного и научного подъема в 1969 г. зародилась идея создания Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН АН СССР), одной из задач которого, по замыслу инициаторов, должен был стать анализ новых тенденций в науке, как отечественной, так и зарубежной. Оживились международные связи, возобновлялось участие советских исследователей во всемирных съездах историков (в 1970 г. XIII Международный конгресс прошел в Москве), научные обмены, поездки историков в зарубежные страны для работы в архивах и библиотеках. Происходило ознакомление с методологией и методикой «новой исторической нау-

³ Ястребицкая А.Л. Повседневная и материальная культура средневековья в отечественной медиевистике // Одиссей. Человек в истории. М., 1991. С. 85.

⁴ См.: Сидорова Л.А. «Санкционированная свобода» исторической науки: опыт 50—60-х гг. // Россия в XX веке. Судьба исторической науки. М., 1996. С. 705—710; Она же. Феномен «санкционированной свободы»: «Вопросы истории» академика А.М. Панкратовой // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. С. 532—561.

⁵ Неретина С.С. История с методологией истории // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 149—163.

ки», применяемым ею междисциплинарным подходом, приоритетными направлениями современной западной историографии: социальной историей, исторической демографией, исторической антропологией, обогащающими видение исторического прошлого, особенно в понимании человека как целостного субъекта исторического действия. Заметное влияние на этот процесс оказывали участие советских историков в конгрессах исторических наук⁶, знакомство с трудами иностранных авторов посредством серии переводов, издание реферативных сборников. В 1970-х гг. были переведены на русский язык некоторые труды западных структуралистов, лингвистов, литературоведов. В 1974 г. А.Я. Гуревич издает «Апологию истории» М. Блока. В 1970—1980-е гг. в ИНИОН СССР, под редакцией А.Л. Ястребицкой, А.Я. Гуревича и Ю.Л. Бессмертного, выходит серия реферативных сборников, большинство из которых носило название «Культура и общество в Средние века». Одновременно были переосмыслены и как бы открыты заново труды многих русских ученых рубежа и первых десятилетий XX в. (М.М. Бахтина, П.А. Флоренского, Г.Г. Шпета, В.Я. Проппа, Ю.Н. Тынянова и др.)⁷. Неслучайно социокультурную атмосферу этого времени А.Я. Гуревич называет первым интеллектуальным «ренессансом» (попытки обновления, по его словам, «захлебнулись» в конце 1960 — начале 1970-х гг.)⁸.

Процесс поиска новых исследовательских методов и подходов не прерывался и в условиях «санкционированной свободы» (Л.А. Сидорова), благодаря интеллектуальным усилиям «одинок»: источниковедов и методологов, «неофициальных медиевистов», «историков культуры» и культурологов. Одним из вариантов таких поисков представляется интенсивная рефлексия историков, философов, литературоведов над феноменом «культуры», свидетельствующая о становлении нового гуманитарного мышления — «мышления в масштабах культуры» (или «в рамках логики культуры», по В.С. Библеру).

Мощным стимулирующим фактором в этом процессе явилась деятельность тартуско-московской семиотической школы лингвистов и литературоведов, в 1960-х гг. обратившихся к изучению истории культуры. В свете семиотических исследований представления о культуре

⁶ В Сан-Франциско (1975), Бухаресте (1980), Штутгарте (1985), Мадриде (1990), Монреале (1995). Подробнее см.: Российские историки на международных конгрессах исторических наук (1900—2000 гг.): Исторический обзор. М., 2005.

⁷ См.: Ястребицкая А.Л. Повседневная и материальная культура средневековья в отечественной медиевистике. С. 85.

⁸ Гуревич А.Я. «Путь прямой, как Невский проспект», или Исповедь историка // Одиссей. 1992. М., 1994. С. 30.

как простой сумме разного рода деятельностей (преимущественно в духовной сфере), либо как о совокупности материальных и духовных благ уходят на второй план. «Выкристаллизовалось новое ее понимание как структурной целостности, как системы отношений между человеком и миром — системы, с одной стороны, регламентирующей поведение человека, а с другой — определяющей то, как он воспринимает и моделирует мир. Культура (по Ю.Л. Лотману, “совокупность всей ненаследственной информации, способов ее организации и хранения”) понималась как система взаимосвязанных элементов (смыслов), формирующих “картину мира” человека, передавая ему “небиологическую информацию”⁹. Такое понимание культуры получило живой отклик в среде историков; написанные в этом ключе научные работы становились «провокационными» для традиционной советской марксистской историографии и знаковыми для нарождающейся культурно и антропологически ориентированной мысли¹⁰.

«На рубеже 1960—70-х годов в СССР, — отмечает С.Н. Зенкин, — сложилась новая научная дисциплина — комплексное исследование культуры, или культурология, — получившая значительный резонанс в среде интеллигенции и объединившая в себе разные течения независимой гуманитарной мысли»¹¹. Омский историограф, культуролог А.В. Свешников, соглашаясь с общей идеей С.Н. Зенкина, дает новому подходу к изучению истории культуры более нейтральное определение: «целостное научное направление», в конце 1980-х гг. «обозначившее себя как «культурология»¹². В справедливости мнения омского исследователя нас убеждает воспоминание Л.М. Баткина, очевидца и непосредственного участника описываемых культурных коллизий. По его свидетельству, в самом широком значении термином «культурология» в 1970—1980-е гг. «схватывалось надцеховое методологическое единство тех, кто не ограничивается специальными задачами много-различных отсеков гуманитарных исследований», «историки, филосо-

⁹ См.: *Свешников А.В.* Культурологические и структуралистские тенденции в отечественной гуманитарной мысли 1970-х гг. // *Очерки отечественной исторической науки XX в. ...* С. 607.

¹⁰ См.: *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972; *Каждан А.П.* Византийская культура. М., 1968; *Баткин Л.М.* Итальянские гуманисты: стиль жизни — стиль мышления. М., 1976; и др.

¹¹ *Зенкин С.Н.* Рефлексия о культуре в советской науке 70-х гг.: идеологический аспект // *Россия/ Russia.* 1998. № 1 (9). С. 197.

¹² *Свешников А.В.* Культурологические и структуралистские тенденции в отечественной гуманитарной мысли 1970-х гг. // *Очерки отечественной исторической науки XX в. ...* С. 603.

фы, филологи, искусствоведы, лингвисты, психологи, социологи и. т. п. устремились в общий смысловой мир, т. е. в «культуру»¹³.

А.В. Свешников выделяет присущие новому междисциплинарному подходу черты: перемещение культуры с периферии в центр внимания; осознание необходимости понять человека иной эпохи/культуры (как интеллектуалов, так и простых людей); стремление увидеть в историческом персонаже «живого человека» со своими чувствами, страстями и эмоциями, порой неосознанными; установка на изучение культурного бессознательного (близкого зарубежной «ментальности»).

Представленное направление гуманитарной мысли развивалось параллельно «официальным» исследованиям по истории и теории «культуры», осуществляемым в рамках специальных институтов (а на уровне теории и практики оно противопоставляло себя). В конце 1950-х гг. в Институте истории АН СССР был образован сектор Истории советской культуры под руководством М.П. Кима, в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР — сектор культурного строительства; наконец, при Министерстве культуры РСФСР организован Научно-исследовательский институт культуры¹⁴. Изучение культуры активизировалось также в высших учебных заведениях. Так, в 1961 г. в структуре исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова был создан кабинет истории русской культуры, в 1971 г. преобразованный в лабораторию, которую возглавил А.М. Сахаров, а с 1978 г. — Б.И. Краснобаев. Отличительными чертами исследований сотрудников лаборатории было признание единства материального и духовного компонентов культуры, а также отраслевой подход. К концу 1970-х гг. происходит становление «истории культуры» как отрасли исторической науки. По проблемам новой дисциплины разворачиваются научные дискуссии, выходят работы известных историков и историографов культуры (М.П. Кима, В.Т. Ермакова, Б.И. Краснобаева и др.). Историки обращаются к определению места «истории культуры» среди других отраслей исторической науки и культуроведческих дисциплин, к выработке общего понятийно-терминологического аппарата, к разработке методологии¹⁵.

¹³ *Баткин Л.М.* О том, как Гуревич возделывал свой аллод // *Одиссей.* М., 1994. С. 16.

¹⁴ См.: *Зак Л.М.* Советская культура в исторической науке 60—70-х годов. Методология. Общие проблемы // *Зак Л.М.* История изучения советской культуры. М., 1981. С. 61—84.

¹⁵ См.: *Кузнецова Е.И.* Отечественная историография культуры: история и перспективы развития (60-е годы XX в. — начало XXI в.) // *Вопросы истории.* 2004. № 5. С. 153—157.

В это же время определились тенденции сближения двух подходов к истории культуры (официального и культурологического), в частности по поводу человеческого измерения культуры. Ярким примером может служить «круглый стол», состоявшийся в январе 1979 г. и посвященный проблеме «Предмет и методы истории культуры»¹⁶. Заседание было организовано редакцией журнала «История СССР» совместно с Научным советом АН СССР по комплексной проблеме «история мировой культуры» и лабораторией истории русской культуры исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Участники встречи — историки, философы, этнографы, искусствоведы (в том числе Б.И. Краснобаев, В.Т. Ермаков, Э.С. Маркарян, А.Я. Гуревич, Б.Б. Пиотровский, Д.С. Лихачев, М.М. Барг, И.Д. Ковальченко, М.С. Каган и др.). Это была попытка совместного обсуждения старых (методологических, источниковедческих, историографических проблем «истории культуры») и назревших вновь проблем (необходимость преодоления недостатков отраслевого подхода и формирования нового взгляда на явления культуры как на целостную, качественно определенную систему в общей структуре общественной жизни прошлого и настоящего). Дискуссия стала своеобразным барометром, позволившим измерить «давление» исследовательской мысли конца 1970-х гг., выявить, какие трансформации произошли в теоретическом и практическом плане, сравнить существовавшие подходы к изучению и определению «культуры».

Несмотря на то, что в ходе дискуссии было высказано мнение о нецелесообразности поиска единой для разных гуманитарных наук дефиниции, в силу многозначности самого понятия «культура» (Пиотровский, М.Т. Белявский) и в силу того, что любые понятия уточняются в процессе работы (Л.С. Лихачев), почти каждый из участников представил свое мнение на этот счет. В определениях культуры прослеживается динамика в сторону целостного ее понимания. Можно отметить следующий разброс характеристик: нечто сделанное, неприродное (Б.И. Краснобаев); специфический способ деятельности и существования людей (Э.С. Маркарян); процесс духовного развития личности, находящий свое выражение в науке, просвещении, в произведениях художественного творчества (Д.Ф. Марков); совокупность знаковых систем, выражающих тип экзистенциальной ориентации человека, духовные формы деятельности в данном случае — производные (М.А. Барг); сторона, сфера общественной жизни; духовный компонент/феномен/идеальный фермент, обладающий свойством все-

¹⁶ Предмет и метод истории культуры // История СССР. 1979. № 6. С. 95—171.

общности и специфичности; совокупность всех знаний (в широком смысле: сведения, опыт и навыки), производство, распространение и потребление которых представляет собой культурно-творческий аспект общественной жизни (И.Д. Ковальченко); сложная целостная, качественно определенная система и т. д. Интересно, что в попытках найти дефиницию истории обращались к идеям философов, этнологов, этнографов. В выступлениях участников отчетливо проявилось стремление к системному, целостному видению объекта и междисциплинарным практикам. Интересно мнение историка М.Т. Белявского, что изучение этой проблемы без учета экономического, социального и политического контекста упрощает культурно-историческое исследование. Важно то, что в дискуссии настойчиво звучало требование поставить в центр историко-культурного исследования человека (Б.И. Краснобаев, А.Я. Гуревич).

Отметим выступление А.Я. Гуревича. Историк в открытой дискуссии излагает свой культурно-антропологический подход (ссылаясь на труды, идеи М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана). Он предлагает процедуру познания культуры прошлого в форме своеобразного «диалога» культур (культуры исследователя и культуры исследуемой); по словам ученого, это есть «способ проникновения в смысл иной культуры, расшифровки некоего послания, дошедшего из другой эпохи»¹⁷, задавая «свои вопросы» и «получая их ответы», принимая во внимание присущую людям «картину мира». Подчеркивая сложность (иногда невозможность) реконструкции человеческой личности прошлого во всей полноте и индивидуальности, Гуревич призывает к пониманию ее через социально-культурные нормы, в которых она отливалась в ту или иную эпоху. В завершение выступления он подчеркивает необходимость перестройки гуманитарного знания с учетом опыта современной науки, подразумевая опыт как зарубежных коллег, так и отечественных исследований в области культурной антропологии, социологии, социальной психологии, искусствознания, филологии, семиотики.

На наш взгляд, круглый стол в январе 1979 г. — важная веха на пути к такой перестройке. Включив в число участников представителей различных дисциплин и смежных направлений, он мог стать (и потенциально являлся) площадкой для совместного поиска пути к целостному видению культуры, для диалога гуманитариев и естественников, для «сопоставимости» (Д.С. Лихачев) различных подходов к культуре, к ее истории и для определения места человека в ней. Это был первый пробный шаг на пути к пониманию/представлению «культуры как

¹⁷ Предмет и метод истории культуры // История СССР. 1979. № 6. С. 114—116.

сложного и многослойного объекта, требующего междисциплинарного и межотраслевого изучения», к чему, как отмечает В. Г. Рыженко, пришли историки культуры во второй половине 1980-х гг.¹⁸

Подводя итог нашим размышлениям, еще раз подчеркнем, что с 1960-х гг. советские исследователи-одиночки, как и западные ученые, двигались в направлении обновления представления о предмете и методах своего научного творчества. «То, что на Западе обычно было более или менее увлекательным интеллектуальным ремеслом, по словам Л. М. Баткина, оказалось для советских “гуманитариев-шестидесятников” чем-то неизмеримо большим: культурным пересозданием, обретением жизненного смысла и личным освобождением, почвой для воссоздания из пепла внеофициальной, подлинной научной среды»¹⁹. Это было возвращением «на большак мировой культуры». В отечественной исторической науке был запущен механизм культурно-антропологического поворота, действовавший пока неявно, вызревая в неформальных междисциплинарных сообщениях; его идеи витали в воздухе, транслировались в научных исследованиях и реферативных сборниках, в ходе общения между единомышленниками, в научных дискуссиях. Новые веяния из мировой гуманитарной науки с середины 1960-х гг. и в начале 1980-х гг. стали робко проникать в мышление, сознание советских исследователей, а в конце 1980-х гг. активно привносятся и/или творчески осваиваются. В поисках собственного пути отечественная исследовательская мысль претерпевала медленную, но неизбежную трансформацию в результате «культурно-антропологического поворота». Его специфика, выраженная в большом влиянии культурологии (с установкой на изучение не культурных «объектов», а субъекта культуры, не «вещей», а смысла, имманентно заложенного в культуре), обусловила тот факт, что человек (индивид, личность) не только ставится в центр исследовательского внимания, но и начинает рассматриваться как активный субъект культуры. Одновременно создается и укрепляется коммуникативное пространство, в котором эта проблема обсуждается и развивается. Зарубежный интеллектуальный опыт в сочетании с возвращенным наследием российских исследователей и собственными наработками дал интересные результаты на рубеже XX—XXI вв. Отметим бум культурно-антропологически ориентированных междисциплинарных

¹⁸ Рыженко В. Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. Екатеринбург, Омск, 2003. С. 6.

¹⁹ Баткин Л. М. О том, как Гуревич возделывал свой аллод // Одиссей.... С. 15—16.

исследований и процесс институализации новых подходов по изучению «человека в истории» (яркий пример — создание при Институте всеобщей истории РАН научных центров во главе с А. Я. Гуревичем и Ю. Л. Бессмертным, издание научных альманахов «Одиссей. Человек в истории», «Казус» и др.).

В. В. Тихонов

Междисциплинарный подход в историографическом исследовании: современный российский опыт

Аннотация: в статье рассматривается современный российский опыт междисциплинарного подхода в историографических работах. Анализируется проникновение в изучение исторической науки таких новаций, как историко-антропологический подход, науковедческие концепции и методики, количественные методы. Показывается, что историографы не только заимствуют теории из других дисциплин, но и создают собственные концепции, которые могут служить площадкой для междисциплинарного синтеза. Делается вывод о плодотворности междисциплинарного ракурса изучения истории исторической науки. Тем не менее историки должны не бездумно заимствовать теории, а исходить из данных источников, создавать теории среднего уровня.

Ключевые слова: историография, междисциплинарность, науковедение, количественные методы, историко-антропологические исследования.

Междисциплинарность — одна из характерных черт современных гуманитарных наук. Историческая наука, в силу многомерности и сложности предмета изучения, традиционно тяготеет к междисциплинарному подходу. Сейчас наблюдается интенсификация данного процесса. При всей его противоречивости приходится признать, что именно за междисциплинарными исследованиями будущее. К счастью, не осталась в стороне и историография. Потребности в новом прочтении уже известных сюжетов, запросы научного общества и влияние новомодных направлений, проникших или сложившихся в исторической науке, толкают историографов к поиску нетрадиционных подходов. Активно идет процесс формирования новой терминологии, выходящей за рамки традиционной историографии. Такие термины, как «историознание»,

«наукотворчество», «историческая память», «интеллектуальная культура», прочно входят в исследовательский инструментарий. Создание междисциплинарных категорий и понятий — свидетельство достижений междисциплинарного синтеза.

Тесная связь исторического знания с различными сторонами общественной жизни требовала от историков изучения эволюции исторической науки на широком научно-общественном фоне. Особенно тесна была связь с историей общественно-политической мысли. Зачастую историческая наука растворялась в ней. Такой подход был типичен уже для дореволюционного времени.

В исследовательской практике советских ученых историографию рассматривали как дисциплину, тесно соприкасающуюся с историей общественной мысли. Это было детерминировано и базисной идеей советской исторической науки об обусловленности знания (даже научного) классово-политической позицией. Гипертрофированно такой взгляд проявился в работах М.Н. Покровского, написанных в 1920-е гг. В дальнейшем его ученики сгладили многие острые углы и перегибы своего учителя, оставив в неприкосновенности основные идеи.

В 1950—60-е гг. наблюдался активный количественный и качественный рост историографических работ. Появилась потребность в методологическом осмыслении характера историографического исследования. М.В. Нечкина в программной статье 1965 г., задавшей вектор историографических исследований на многие годы, выступала против разделения истории исторической науки и истории мысли, в первую очередь исторической. По ее мнению, без истории мысли «наука превращается в груду фактов, а история науки — в простую библиографию предмета»¹. Правда, зачастую изучение истории мысли предельно упрощалось, сводясь к анализу идейно-политического направления мыслителя. В силу как потребности самой науки, так и идеологических постулатов в среде советских историографов широко были распространены работы по изучению исторической мысли «прогрессивных» исторических деятелей (А.Н. Радищева, В.Г. Белинского, декабристов, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, лидеров партии большевиков и т. д.). Часто исследования грешили чрезмерной идеологизацией, рыхлостью предмета. Тем не менее они неизбежно выводили на необходимость изучения политического, социального, культурного контекста эпохи. Насколько это было удачно реализовано — другой вопрос.

¹ Нечкина М.В. История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. Историография истории СССР: Сб. статей. М., 1965. С. 8.

В то же время становилось очевидным, что изучать историю исторической науки только в связи с развитием общественной мысли нельзя, поэтому в 1970—1980-е гг. наблюдался поиск новых междисциплинарных контактов. Был поставлен вопрос о необходимости расширенно понимать задачи изучения историографии². Рассуждая о предмете историографических исследований, А.М. Сахаров признал необходимость широкого понимания предметной области историографии: «История исторических знаний, взятых во всех их формах и проявлениях»³. М.В. Нечкина стала автором блестящей книги, посвященной жизни и творчеству В.О. Ключевского, где психологический элемент интерпретации биографии великого историка занимал заметное место⁴. Она не написала столь модной в то время на Западе психобиографии (и не ставила перед собой такой цели), но междисциплинарный ракурс ее исследования очевиден. Е.Н. Городецкий указывал на большое значение в историографическом исследовании использования трудов по науковедению⁵; именно оно стало одной из дисциплин, щедро снабжавшей историографические исследования идеями.

Отмеченные выше тенденции междисциплинарного синтеза не были в советской науке определяющими. Многие направления, тогда только зародившись, получили должное развитие в последние десятилетия.

Науковедческие подходы и категории нашли применение в схолярной проблематике (изучении научных школ). В советское время изучение научно-исторических школ не стало заметным направлением, поскольку постулат о политической обусловленности исторического знания стимулировал в первую очередь анализ историографических направлений, выделяемых по принципу партийности. Советскую историческую науку вообще рекомендовалось рассматривать как единый поток, основанный на марксистско-ленинском учении. В 1990—2000 гг. работ, обращенных к анализу онтологического и гносеологи-

² Шмидт С.О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии (К 75-летию академика М.В. Нечкиной). М., 1976. С. 264—274; *Он же*. О некоторых общих проблемах истории исторической науки // Методологические и теоретические проблемы исторической науки. Калинин, 1980. С. 109—117 и др.

³ Сахаров А.М. О предмете историографических исследований // История СССР. 1974. № 3. С. 98.

⁴ Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974.

⁵ Городецкий Е.Н. Историография как специальная отрасль исторической науки // История СССР. 1974. № 4. С. 107—116.

ческого статуса научных школ, их роли в исторической науке, стало заметно больше⁶. После продолжительных споров о сущности научно-исторических школ историографы все активнее обращались к работам науковедов и философов науки. Существенную роль в анализе проблемы сыграл сборник «Школы в науке»⁷, где были собраны статьи ведущих советских и зарубежных специалистов (в основном представителей социалистических стран).

Одну из ключевых ролей в историографической проблематике всегда играл вопрос о кризисе исторической науки в начале XX в. С точки зрения большинства советских исследователей, кризис был и он вытекал из общего вырождения буржуазного общества и появления более передовой марксистской науки. Сейчас подобная трактовка признается чрезмерным упрощением ситуации. Тем не менее сам тезис о кризисе исторической науки начала XX в. имеет множество сторонников. Для нового осмысления проблемы применяют концепцию смены научных парадигм, предложенную Т. Куном. Вероятно, первым среди советских историографов в начале 1980-х гг. ее использовал М. Г. Могильницкий, давший на одной из конференций следующее определение кризиса: «Кризис — это такое состояние науки, когда старая парадигма уже разрушена или разрушается, а новая еще не создана и в сообществе историков возникает сознание, что что-то не то, что-то не так»⁸. В его

⁶ Бон. Т. Русская историческая наука. Павел Николаевич Милоков и Московская школа. СПб., 2005; Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010; Гутнов Д.А. Об исторической школе Московского университета // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1993. № 3. С. 40—53; Он же. О школах в исторической науке // История мысли. Историография. М., 2002. С. 65—72; Михальченко М.И. Киевская школа в российской историографии (школа западнорусского права). М.; Брянск, 1996; Он же. Школы в исторической науке // Отечественная культура и историческая мысль XVIII—XX веков. Брянск, 2004. С. 195—211; Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000; Погудин С.Н. Научные школы в исторических науках (к постановке вопроса) // Клио. 1998. № 1. С. 14—26; Попов А.С. Школа Ключевского: синтез истории и социологии в российской историографии: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Пенза, 2002; Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская школа. Рязань, 2004; Сидорова Л.А. Школы в исторической науке России // Отечественная история. 1999. № 6. С. 200—203; Шаханов А.Н. К проблеме школ в российской исторической науке // Отечественная культура и историческая мысль XVIII—XX веков. Брянск, 2004. С. 147—195; Он же. Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003 и др.

⁷ Школы в науке. М., 1977.

⁸ Цит. по: Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX—XX вв. Екатеринбург; Омск, 2000. С. 9.

концепции кризис рассматривается как закономерная и естественная стадия развития науки⁹.

Омский исследователь В.П. Корзун использовала апробированную в науковедении категорию «образ науки» для анализа историографической ситуации рубежа XIX—XX вв. Данная категория, по ее мысли, должна быть дополнена культурно-историческим подходом. Это позволило Корзун рассмотреть представления ученых-историков о собственной профессии на широком культурно-историческом фоне¹⁰.

Еще одним примером реализации междисциплинарного подхода стало привлечение количественных методов в историографических работах. К сожалению, трудов, написанных с применением количественных характеристик, крайне мало. Традиционно считается, что историография — сфера не количественного, а качественного анализа, поэтому количественные методы не могут здесь использоваться. Но историки, вышедшие из творческой лаборатории академика И.Д. Ковальченко, способствовали проникновению идей своего учителя и в историографическую сферу. Д.А. Гутнов применил метод контент-анализа при изучении одного из трудов П.Н. Милокова. Исследователь выделил наиболее часто встречающиеся текстовые единицы в «Очерках по истории русской культуры» П.Н. Милокова¹¹. Конечно, количественные методы не заменят качественных, но их реализация заметно повышает фундаментальность исследования, позволяет по-новому взглянуть на вопрос¹².

Важным явлением в современных историографических исследованиях стало применение историко-антропологического подхода. Зримым фактом интереса к данному ракурсу исследования являются работы Л.А. Сидоровой, посвященные генерационному анализу советской историографии середины XX в.¹³ Генерация (поколение) в работах этого автора предстает интегральной категорией, позволяющей не

⁹ Пример применения такого подхода см.: Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века. Ч. 1—2. Волгоград, 1999—2000.

¹⁰ Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX—XX вв.

¹¹ Гутнов Д.А. Опыт применения контент-анализа в историографическом исследовании // Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях. М., 1989. С. 173—196.

¹² Например: Можяева Г.В., Мишанкина Н.А. Контент-анализ историографического источника (к вопросу о междисциплинарности лингвистических методов) // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Литературоведение и языкознание». № 294. Январь. 2007. С. 52—61.

¹³ Сидорова Л.А. Проблема «отцов и детей» в историческом сообществе // История и историки. 2002. М., 2002. С. 29—42; Она же. Духовный мир историков «старой школы»: эмиграция внешняя и внутренняя. 1920-е годы // История и историки. 2003. М., 2003. С. 168—192; Она же. Межличностные коммуникации трех поколений советских

только вычленив особенности научного творчества, присущие разным поколениям, но выйти на повседневную жизнь историков, рассмотреть субкультуры, сформировавшиеся в их среде.

Антропологический подход в историографическом исследовании охватывает чрезвычайно широкую тематику. В центре внимания, например, оказывается путешествие историка в зарубежные научные центры как важный этап его научного и культурного развития¹⁴; стиль жизни историков конца XIX — начала XX века¹⁵; культурный фон формирования московской и петербургской исторических школ¹⁶ и многое другое.

Из омской школы историографов, возглавляемой В.П. Корзун, вышло несколько исследований, которые с полным правом можно отнести к историко-антропологическим. Например, в диссертационных работах Н.В. Кефнер¹⁷ и Н.А. Кныш¹⁸ послевоенная историческая наука рассматривается через призму менталитета и повседневной жизни ее творцов (как историков, так и идеологов). Ярво выраженную историко-антропологическую направленность имеют ежегодные сборники «Мир историка», публикуемые омскими исследователями¹⁹.

В последнее время в историографических исследованиях все чаще применяется термин «историографический быт» или «историографическая повседневность», посредством которого акцентируется внимание на повседневной работе историков²⁰. Данная категория и сам под-

историков // Отечественная история. 2008. № 2. С. 129—137; Она же. Советская историческая наука середины XX века. Синтез трех поколений историков. М., 2008 и др.

¹⁴ Корзун В.П., Мамонтова М.А., Рыженко В.Г. Путешествие русских историков конца XIX — начала XX века как культурная традиция // Мир историка. XX век. М., 2002. С. 92—138.

¹⁵ Сидорова Л.А. Стиль жизни и научного творчества историков России на рубеже XIX — начала XX века // История и историки. Историографический вестник. 2007. М., 2009. С. 108—119.

¹⁶ Тихонов В.В. Дихотомия «Москва—Петербург» и отечественные историки конца XIX — начала XX вв. (к вопросу о московской и петербургской школах) // Российская государственность в лицах и судьбы ее создателей: IX—XXI вв.: Материалы Междунар. науч. конференции. 27—28 ноября 2009 г. Липецк, 2010. С. 183—189.

¹⁷ Кефнер Н.В. Научная повседневность послевоенного поколения советских историков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006.

¹⁸ Кныш Н.А. Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009.

¹⁹ Например: Колеватов Д.М. Научное сообщество как социальный фильтр («Репрессивное давление» в научной судьбе М.А. Гудошникова и М.К. Азадовского. 1940-е гг.) // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 1. Омск, 2005.

²⁰ Алеврас Н.Н. Что такое «историографический быт»: из опыта разработки и внедрения историографической дефиниции // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы. М., 2011. С. 516—534.

ход требуют дальнейшего теоретического осмысления и практической апробации.

В условиях лингвистического поворота в зарубежной историографии популярность приобрел дискурсивный подход, заимствованный из литературоведческих трудов. Наиболее известным примером его реализации является книга Х. Уайта «Метаистория»²¹. Данный подход предполагает изучение исторических текстов не как научных, а как литературных. Российские исследователи также отдали ему должное²², категория «дискурс» прочно вошла в научный обиход. К счастью, чрезмерного увлечения здесь пока не наблюдается.

Магистральной тенденцией современных историографических поисков является переход от изучения истории исторической науки и мысли к истории исторической культуры. Указанный подход позволяет рассмотреть не только элитарную по сути историю науки, но и массовые исторические представления, рецепцию исторических понятий и образов широкой культурой. Популярностью (пока больше в Европе, чем в России) пользуется изучение исторической памяти, компонентами которой являются различные стороны общественного бытия²³. Особенно такой тип исследования стал актуальным в условиях «войн памяти» на постсоветском пространстве²⁴. Заметим, что данное предметное поле исследований является принципиально междисциплинарным²⁵.

Междисциплинарность в классических исторических науках традиционно реализуется через «стратегию присвоения», т. е. заимствования методов и концепций смежных дисциплин. Такая стратегия нередко создает ситуацию «теоретического запаздывания», когда уже отвергнутые теории неожиданно получают второе рождение в научно-исторических

²¹ Русское издание: Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002.

²² Чечель И. Мифы и «реальность» истории: об одной тенденции в новейшей историографии // Исторические исследования в России. II: Семь лет спустя. М., 2003. С. 93—121; Антоненко С. Конфессиональная составляющая исторического дискурса // Там же. С. 282—314 и др.

²³ Подробнее см.: Ретина Л.П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв. М., 2011. С. 388—502.

²⁴ Например: Бордюгов Г.А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М., 2011; Касьянов Г., Миллер А. Россия—Украина: Как пишется история. М., 2011 и др.

²⁵ Примеры таких публикаций в России: Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005; Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю. М., 2008; Империя и нации в зеркале исторической памяти. М., 2011; Копосов Н. Память строгого режима. История и политика России. М., 2011 и др.

проектах²⁶. В историографических исследованиях заимствования также доминируют. Тем не менее существуют попытки создания собственных теорий, способных не только стать ориентиром в интерпретации анализируемых вопросов, но и позволяющих создать дискуссионную площадку для выработки собственного перечня проблем и путей их решения. В качестве примера назовем уже упоминавшийся генерационный подход, предложенный Л.А. Сидоровой²⁷, а также концепцию «культуры партийности», разработанную А.В. Гордоном²⁸.

Подводя итоги, отметим, что потенциал междисциплинарного синтеза чрезвычайно высок. Но надо помнить, что ни одна из теорий, ни один из методов, приобретенных в ходе междисциплинарного заимствования, не является достаточным для адекватного изучения сложной и многомерной историографической действительности, где научная мысль тесно соседствует с культурными стереотипами, политическими страстями, корпоративной этикой, социальными интересами. Поэтому историк должен не увлекаться эффектными концепциями, а исходить из наличных источников. Его цель — рассмотреть предмет с различных ракурсов, оставаясь на почве конкретно-исторического исследования, и разработать теории среднего уровня, применимые к определенной исторической и историографической ситуации.

Д.В. Лукьянов

От «дисциплинарной онтологии» к теории современности: историко-научное знание на рубеже XX—XXI веков

Аннотация: в статье рассматриваются теоретические и методологические аспекты системного подхода к определению структурного целого советской историографической культуры, условия и особенности ее трансформации в конце XX в. В основе авторского

²⁶ См. подробнее: Савельева И. М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. СПб., 2008. С. 331—352.

²⁷ Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века. Синтез трех поколений историков. М., 2008.

²⁸ Гордон А.В. Советское историознание как культурно-историческое явление: О «культуре партийности» // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы. М., 2011. С. 555—570; Он же. Великая Французская революция в советской историографии. М., 2009.

подхода — анализ преимуществ и недостатков качественных изменений в восприятии идеальной и нормативной составляющей советской историографической культуры, механизмов и каналов трансляции научно-исторического знания и научных представлений об исследуемой реальности в условиях преодоления дисциплинарной онтологии советской науки.

Ключевые слова: советская историография, дисциплинарная онтология, историографическая культура, исторический опыт, современность, социальная и когнитивная институционализация, субъект социального познания, профессиональная идентичность, принципы конструирования прошлого.

В эпоху постпостмодерна классические идеи относительно того, что философия истории, историография и/или историология как науки являются по-прежнему, со времен открытия гносеологии И. Кантом, хранительницами рациональности и «местоблюстителями» истины, представляются в достаточной степени сфальсифицированными. Ряд вопросов, под натиском которых сегодня оказываются гуманитарные науки и их познавательный статус, можно обозначить общим маркером — недоверие¹. Бытовавшее представление об институциональной рациональности как гарантии академического и дисциплинарного способа «самоограничения»² научности модерна требует от ученых уже учета того, что мир глобально изменился, а собирание социальных смыслов в единую «рамку» аутентичного и позитивного поиска объективности и понимания истины наталкивается на ряд теоретических и методологических трудностей.

Возможность упорядочивания социальной реальности как процедура толкования наличных смыслов в разрозненных моментах прежде единого бытия сегодня сталкивается, во-первых, с тем, что онтология становления в социальном познании сменилась качественно и мировоззренчески на приоритет отношения к наличному как процедурной рациональности, процессуальности, поиску смыслов, рассеянных в повседневной коммуникации «жизненного мира». Во-вторых, изменились научные формы упорядоченных представлений об эмпириче-

¹ См.: Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М., 2005; Рансьер Ж. На краю политического. М., 2006; Гройс Б. Под подозрением. Феноменология медиа. М., 2006; Шануро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках. М., 2011.

² Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Р.-Х. Клингемана. Науч. ред. рус. изд. проф. Е.Б. Шестопал. М., 1999. С. 31.

ском мире в познавательных практиках современности, метанарративы освобождающих человечество рассказов (Ж.Ф. Лиотар) испытали воздействие различных поворотов (перформативного, когнитивного и пр.), когда тотальность и «транскрипция» понимания истины вытесняется ее «авторской тональностью» и манифестациями в языке индивидуализированных сознаний отдельных мыслителей.

Наконец, то, с чем сталкивается сейчас современный историограф, — это антиисторицизм мышления, исчезновение четких исторических «якорей» понимания смысла как очевидной разумности прошлого. Такие гиперопределения, как «классика», «история», «государство», «нация», «история», «историческое время», «историческое пространство» и пр., подвергаются жесткой и беспощадной экспертизе «новых интеллектуалов». Историзм как принцип отживает как вера профессионального сообщества историков, историческое как контекст интеллектуальных перемен искажается и трансформируется в наиболее актуальном медийном дискурсе³, превращаясь в контекст контекста актуальных проектов продвижения «тэгов» реальности, который все больше и больше виртуализируется и технологизируется⁴.

Несмотря на многообразие существующих в исследовательской литературе определений, современный мир все чаще характеризуется уже не как особый тип социальной реальности, не особая идеология и рефлексия, а как специфический *способ проживания опыта*⁵. Однако складывающаяся «картина мира», нормы, ценности и идеалы данного опыта пребывания в современности не выполняют функции стабилизации идентификационных практик в сознании и поведении людей. «Прозрачное общество» победившей коммуникации оказывается «чистым» хаосом нестабильных социальных состояний⁶.

Повседневность формирует особый опыт «мышления в терминах риска» (Э. Гидденс) в кризисном, хаотичном, децентрированном пространстве социума, который сопровождается ощущением утраты базовой социальной онтологии. Само понятие социального приобретает форму своеобразного риторического образа с неопределенной референтной функцией: трудности, о которых размышляют ученые и философы, заключается в отсутствии объективных критериев для обо-

³ См.: Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005.

⁴ См.: Шкуратов В.А. Искусство экономной смерти (сотворение видеомира). Ростов н/Дону, 2006.

⁵ О кризисе понимания категории «опыт» и его важности в историописании XXI в.: См.: Кукарцева М. Вместо введения // Даманска Э. Философия истории после постмодернизма. М., 2010. С. 16—21.

⁶ См.: Бляхер Л. Нестабильные социальные состояния. М., 2005.

снования привычных структурных элементов восприятия наличной действительности, которая скорее уже не мыслится в качестве институциональной размерности, но *испытывается* как «совокупный эффект рассеянной социальности»⁷.

В главном, на наш взгляд, кризисные условия протекания историко-научных исследований последних двух десятилетий обусловились *нарушением стабильных условий воспроизводства социального целого российской наукой*, поэтому продолжающаяся плюрализация (в смысле П. Бергера и Т. Лукмана⁸) научного познания означает изменение представлений как о самой социально-исторической реальности, так и о теоретических и методологических постулатах, ее выражающих.

Историографическая феноменология во многом идентифицирует сегодня ощущение нестабильности относительно возможностей интеллектуального «схватывания» прошлого социально-исторической реальности отечественными гуманитариями. Она также позволяет выявить общую направленность и определенные качественные характеристики реализуемых познавательных проектов, которые в сегодняшние «нулевые» выступают в качестве мыслительных проекций понимания гуманитариями актуальной им современности.

На некоторые аспекты историографической определенности существования современных гуманитарных наук и характер изменений историко-научных исследований, произошедших на рубеже XX—XXI вв., нам бы и хотелось обратить внимание в данной статье. Общий вектор, обозначенный в ее названии, позволяет обратиться к анализу перехода от «дисциплинарной онтологии» советской исторической науки как идеала и нормы соответствующей ей историографической культуры, к выявлению механизмов и каналов трансляции научно-исторического знания и научных представлений об исследуемой реальности в новых условиях, сформировавшихся в результате преодоления данной онтологии в современной науке.

Универсальность советского историографического проекта заключалась в том, что в структуре научного познания приоритетной была установка на понимание и воспроизводство социально-исторического

⁷ Марков Б. Понятие политического. М., 2007. С. 61.

⁸ «Плюралистическая ситуация приходит вместе с условиями быстрого социального изменения, и сам плюрализм является фактором ускорения именно потому, что способствует подрыву традиционных определений реальности, сопротивляющихся эффективным изменениям. Плюрализм способствует как скептицизму, так и нововведениям, по сути своей он имеет подрывной характер для само собой разумеющейся реальности традиционного status quo» (Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 204).

целого. «Целостность исторической действительности»⁹ и изучение «исторического» как возможности научного воспроизводства в форме теории закономерного процесса развития и становления социального объекта с присущей ему системой связей¹⁰ являлись теоретическим ядром марксистско-ленинского подхода. Перефразируя Л.П. Карсавина, можно выразиться точнее: смысл истории в марксистской историографии заключался в изучении истории человечества, которая отождествлялась с историей его авангарда, динамикой развития новой исторической общности — советского народа как всеединого, всевременного и всепространственного развивающегося субъекта¹¹. Данный гносеологический оптимизм как раз и был реализован в выстраиваемой дисциплинарной онтологии советской исторической науки, что далее мы попытаемся обосновать.

Советская историографическая культура как одна из структурно организованных систем научных дискурсов ярчайшим образом демонстрировала удачный пример и успешно достигнутый результат институционализации социальных наук в СССР. Если использовать научный аппарат Р. Уитли¹², можно сказать, что была осуществлена (причем одновременно, начиная с 1960-х и до 1980-х гг.) и социальная, и когнитивная институционализация исторической науки в рамках проекта многотомного издания «История исторической науки в СССР»¹³.

Основания советской научной культуры, которую мы, не без основания, можем считать в целом выражением познавательных проекций модернистского проекта, институционально определялись характером сформированной в марксизме-ленинизме научной онтологии. Она выступала в качестве структурного базиса, который организовывал профессиональное знание в пределах конвенционально закрепленных представлений о типах, способах и качестве формирования и

⁹ Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1983. С. 4.

¹⁰ См.: Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования (процесс развития и проблема его научного воспроизводства). М., 1961. С. 28; Есинчук Н.М. Историческая реальность как предмет познания. Киев, 1978. С. 48—57.

¹¹ Л.П. Карсавин выразил эту идею в предельно четкой формулировке: «Содержание истории — человечество как всеединый, в частности же всевременной и всепространственный, развивающийся субъект» (*Карсавин Л.П.* Философия истории. М.; СПб., 1993. С. 88).

¹² Уитли Р. Когнитивная и социальная институционализация научных специализаций и областей исследования // Научная деятельность: структура и институты. М., 1980.

¹³ Нечкина М.В. К итогам дискуссии о периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1962. № 2.

вхождения в профессиональную науку научных объектов¹⁴. Универсализированная таким образом дисциплинарная онтология (общая для советского общественности в целом) позволяла получить целостное представление о типе, характере, качестве и границах научной рефлексии на различных этапах развития соответствующей системы принципов научного познания¹⁵. Общими и определяющими были, прежде всего, представления об исследуемой реальности, идеалы и нормы научного познания, философские основания науки. Марксистско-ленинская наука строго определяла категориальные основания исторического познания¹⁶ и особенности понимания онтологической природы исторического¹⁷. Теоретические, методологические и, главное, идеологические требования к объективной методологии советской науки обуславливали динамику научного знания, непосредственно интегрировались в повседневную практику научного исследования и жестко детерминировали отношение профессиональных историков к прошлому и его интерпретациям¹⁸.

Разносторонний анализ, проделанный за последние десятилетия в современной науке относительно изучения смысла советского историографического проекта в рамках «коммунистического постскрипума» (Б. Гройс), позволяет нам выделить систему основополагающих принципов, на которых базировалась дисциплинарная онтология советской исторической науки.

Ядро историко-материалистической картины мира, которая постепенно утвердилась в виде «онтологического пространства» советской науки, включало в себя в качестве системообразующих, с одной стороны, стремление к утверждению приоритета целого по отношению к его составным частям (принцип холизма), которое определяло мето-

¹⁴ См.: Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2000. Гл. III.

¹⁵ Кордонский С.П. Построение научной онтологии // Проблемы методологии науки. Новосибирск, 1985. С. 111.

¹⁶ Ларина Т.М. О некоторых категориальных основаниях исторического познания // Категориальные основания научного познания: Межвуз. сб. науч. ст. Куйбышев, 1988. С. 99—107.

¹⁷ См.: Барбашина Э.В. История как онтологическая проблема: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1996.

¹⁸ См., например: Кулешов С.В. От «непредсказуемого» — к познаваемому прошлому // Вестник высшей школы. 1989. № 11. С. 61—67; Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. Полемические заметки. М., 1995; Афанасьев Ю.Н. Непреодоленное прошлое. (Вместо заключения) // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М., 1997. Т. 2; Нива Ж. Кто боится истории? // Знамя. 1997. № 8. С. 2, 13—216; и др.

дологический антииндивидуализм, и приоритет следования в научном исследовании принятой общей гипотезе, а не изолированным реконструкциям отдельных элементов прошлого, с другой — выступающее в единстве с первым требование выделять в объекте исследования самые существенные связи, характеризующие тип, качество и смысл исходно изучаемого «целого» (принцип эссенциализма)¹⁹.

Данные директивы (принципы) исторического материализма выполняли для историков-марксистов функции единственно «объективной методологии истории», которая служила теоретической основой и постоянно верифицируемым инструментарием в научном исследовании. Так, к примеру, отмечая «конкретное превосходство марксистской теории и методологии исторического познания по сравнению с теоретико-методологическими посылами, из которых исходят буржуазные историки», И.Д. Ковальченко по сути говорил о различных типах отношения к «формализации самого исторического знания», существующих в советской и буржуазной историографии. При этом «онтологический аспект отечественного применения математических методов, раскрывающий «содержание, сущность и количественную меру качественной определенности изучаемых явлений и процессов исторического развития» в «отражательно-измерительных моделях», имел решающее значение, поскольку характеризовал изучаемую реальность «инвариантно, такой, какой она была в действительности»²⁰. «Буржуазный структурализм» в этом смысле, несомненно, заслуживал критики, поскольку концентрировался, по мнению ученого, не на раскрытии «общей внутренней сути» конкретных исторических явлений, а «на детальном количественном анализе их отдельных черт и свойств»²¹.

Научный и вместе с тем классовый, партийный марксистско-ленинский подход к социальной действительности предполагал не простое описание того или иного объективного процесса, а проникновение в его *сущность*, т. е. анализ его внутренних противоречий, путей и методов их разрешения, преодоления, который открывал «большие возможности для познания истории культуры, идеологии, идейно-политической борьбы»²². В конечном счете этим и определялась социальная и практическая значимость историографии. Процессы развития

¹⁹ Топольски Е. Методология истории и исторический материализм // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 7—8.

²⁰ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 405.

²¹ Там же.

²² Городецкий Е.Н. Современное состояние историографии как специальной отрасли исторического знания // Вопросы историографии в высшей школе. Всесоюзная конференция преподавателей историографии истории СССР и всеобщей истории универси-

объективного мира должны были рассматриваться в том виде, в каком они протекали и протекают в действительности²³ — в этом требовании объединялись принципы историзма и партийности, оба они совпадали с высшей, научной объективностью»²⁴.

Марксистским историзмом непосредственно определялись и «границы современности» в характере научного мышления²⁵. Именно связь с современностью через разработку и совершенствование когнитивных механизмов ее историзации служили советской науке в различные периоды целям *защиты, оправдания и детравматизации* (выстраивания спасительной телеологии) существования профессиональной научной культуры в самом наличном социальном бытии.

Кратко охарактеризую действие данных механизмов историзации современности в советской исторической науке. Известно, что в первое 15-летие после 1917 г. само понимание роли истории у советских ученых было близко к «эксперименту» и в целом свободно от внутренних закономерностей развития науки, что «создавало излишнюю открытость, незащищенность ее по отношению к современности». Поэтому дореволюционное прошлое первоначально выступало для советских людей прямой детерминантой социального определения и самоопределения в социалистическом настоящем. Прошлое в плане ретроспекции должно было отвечать потребностям настоящего, будущему же было предназначено ограничивать опасно открытый смысл настоящего посредством коррекции представлений о единственно должном в практике целеполагания исторического развития²⁶. С 1930-х гг. исторические инварианты памяти нового государства активно прорабатываются советскими историками в форме «публично предлагаемого прошлого»²⁷.

тетов и педагогических институтов. Смоленск, 31 января — 3 февраля 1973 г. Смоленск, 1975. С. 36—37.

²³ Неслучайно считалось, что «история в не меньшей мере неисчерпаема, чем природа» (Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. М., 1988. С. 3).

²⁴ Садыков Ф.Б. Единство принципов историзма и партийности в науке // Принцип историзма в науке. Межвузовский сборник. Уфа, 1985. С. 8—9.

²⁵ Современность в научном смысле определял «передний край» марксистской науки, к которому традиционно причислялись «классики». Их заслугой считалось то, что они далее всего продвинулись в понимании исторического объекта, их исследования приобрели «значение образца». С этой точки зрения буржуазная наука новейшего времени была признана несвоевременной, не относящейся «к современному этапу научного мышления» (Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования... С. 23).

²⁶ Косолапов В.В. Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977. С. 93.

²⁷ Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000. С. 16.

На его основе происходит аккумуляция и трансляция социального опыта, который в результате закрепляется жесткими рамками «Краткого курса ВКП(б)»²⁸. Социальная память в обществе была ориентирована на восприятия все возрастающей длительности в прошлом наличествующих социалистических традиций. Со все большим укреплением социально-политических оснований развития нового типа общественных отношений в стране марксистский историзм неизменно выполнял функцию защиты данных традиций в современности.

До середины 1980-х гг. проблема соотношения исторической науки и современности выражалась предельно четко. Исторический опыт чеканит классовое сознание советских людей, а историческое познание превращается в действенный фактор коммунистического строительства и воспитания. Легитимация политического режима требовала от партии постоянного осуществления жесткой регламентации норм и способов конструирования «реальной» социалистической действительности в наличной современности. Ценностно-целевые партийные установки, которые гарантировали реализацию коммунистического проекта в исторической перспективе, прорабатывались в общественном сознании, охватывая собою три важных познавательных уровня. Сферу памяти (коллективное представление об исторически преодоленном прошлом современности), сферу истории (социальная, воспитательная функция науки в обществе) и сферу сознания (выработка интеллектуального носителя, способного воспроизводить и хранить «новый» образ памяти-прошлого, обслуживающего наличную современность). Названные составляющие исторического познания жестко детерминировались уникальным единством научной идеологии. На периодически возникающие вопросы о том, «как разобраться во взаимоисключающих порой друг друга интерпретациях прошлого современной истории», «с какой современностью связана история» или «глазами какого настоящего смотрит на прошлое сам историк», в отечественной науке существовал единственный ответ. Историк был обязан сделать свой выбор в сторону получения единственно объективного знания о прошлом, выразителем которого со всей очевидностью являлся опять-таки марксистский историзм. Его апологетические функции реализовывала на практике объективная (марксистская) методология, которая, по существу, могла быть использована лишь в качестве методики для любой научно-исследовательской деятельности, поскольку предполагала получение изначально гарантированного результата.

²⁸ Маслов М.Н. Идеология сталинизма: история утверждения и сущность (1929—1956). М., 1990.

По мере удаления от «живой» революционной практики начала XX в. вопрос о критериях соотношения различных моделей и описаний единой исследуемой исторической реальности и их связи в целостную систему познания в советской историографии все более и более усложнялся. С пониманием кризиса советской исторической науки в 1990-х гг. как преимущественно кризиса марксизма вопрос о соотношении исторического опыта и современности стал вновь определяющей эпистемологической и методологической проблемой. Результаты выхода из сложившегося кризиса советской историографии подробно описаны и проанализированы в современной историографической литературе, поэтому отмечу лишь основное. Во-первых, выяснилось, что существование науки как особого социального института оправдывается лишь тем, что поставляет обществу не все «объективное» знание о нем, а лишь ту его часть, которая обеспечивает этому обществу самосохранение. Во-вторых, стало понятным, что отнюдь не прошлое является предметом интеллектуальных изысканий историков. Прошлое — лишь форма, инструмент, основание для прорисовки и постижения границ и смысла современности. Поиск «белых пятен» и «черных дыр», который на короткий срок увлек историков в изучении искаженного прошлого советской истории, показал, что объективная связь реконструированных фактов, по существу, не востребована современностью (показательна здесь более завидная роль «просвещенной публицистики»). В этом качестве «беспристрастный» историк и «подлинная» история современности могут быть только опасны друг другу. В-третьих, неспособность не только решать, но и ставить вопросы, адекватные вызовам современности, привела значительную часть отечественных историков в конце 1980 — начале 1990-х гг. к утрате профессиональной идентичности и усиленной саморефлексии об основаниях и качестве историографической практики.

Следует все же отметить, что нынешняя критика социальных наук строится в расширенном полидисциплинарном контексте, не замыкаясь на собственно историографии как «самостоятельной научной дисциплине». Деконструкция институциональных оснований большинства социальных наук уже не рассматривается сегодня как исключительно кризис различных метанарративов, все чаще говорится о более глобальном «переломе в структурах сознания». Никто сегодня не отстаивает исключительные преимущества будь то реализма или идеализма, эмпиризма или логоцентризма (и т. д.) в отношении движущих сил исторического развития современного мира²⁹. За редким исключе-

²⁹ Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках. С. 24—51.

нием (и то среди профессиональных философов³⁰) можно встретить обсуждение исключительных достоинств научного анализа перед современными формами «псевдонауки».

Категории истины и объективности оживают на страницах науковедческих изданий в смягченной форме критики релятивистских установок в познании как признание того, что если не объективность, то «объектность», если не истина, то «истинность» все же атрибутируют современное понятие о науке и уровнях научности³¹. Ученый сегодня «не мыслит по принципу или/или, известному из истории науки, что приводило к крайностям жесткой детерминированности и безнадежной сложности»³² в познании. Понятие науки как «систематического изучения, направленного на создание все более дифференцированного комплекса упорядоченных представлений об эмпирическом мире» все более проблематизируется в ходе дискуссий (например, споры о соотношении когнитивизма и некогнитивизма³³, о статусе философского знания в проекте модерна и его нынешнем положении³⁴, о возможностях истории как «строгой науки» и принципиальной позиции Т. Куна, который отмечал «допарадигмальное» положение всей совокупности социальных наук, и т. д.)

Общее здесь заключается в достаточно трудоемких стратегиях выработки наиболее оптимального когнитивного механизма, историзирующего наличную современность. Анализ, интерпретация и переинтерпретация современности как объекта социального познания становится камнем преткновения для многих современных социальных мыслителей, включая историков и историографов³⁵.

Предлагавшийся ранее вариант детравматизации коммунизма посредством демократической альтернативы после 1991 г. подвергся достаточно скорой дискредитации, поскольку демократия лишилась «статуса воплощенного в жизнь проекта будущего», который ранее мыслился как одновременно реальный и идеальный. Поэтому неуди-

³⁰ См.: Пружинин Б.И. *Ratio serviens?* Контуры культурно-исторической эпистемологии. М., 2009.

³¹ См.: Мамчур Е.А. *Образы науки в современной культуре*. М., 2008.

³² *Политическая наука: новые направления*. С. 38.

³³ См.: Максимов Л.В. *Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли*. М., 2003.

³⁴ Эта проблема — вариация «прощания» с социальными науками, различные рецепты которого уже проанализированы относительно философии Ю. Хабермаса (Хабермас Ю. *Моральное сознание и коммуникативное действие*. М., 2001. С. 22—26).

³⁵ См.: Копосов Н. *Как думают историки*. М., 2001; Медушевская О.М. *Теория и методология когнитивной истории*. М., 2008; Гумбрехт Х.-У. *В 1926 году: На острие времени*. М., 2005.

вительно, как замечает современный исследователь, что «сегодня мы переживаем одновременно кризис демократии, социальных наук и университета»³⁶. Однако главное скрывается в другом: если приходится жить без проекта будущего, то «предстоит научиться жить в бесконечном настоящем», а это значит «создать такую систему понятий, смысл которым не будет придавать будущее»³⁷.

Проективная способность человеческого мышления в современной науке является общепризнанной. Понятия «энтелехия», «целесолагание», «целерациональность» и т. д. — только различные названия по сути одного феномена, доставшегося нам в наследство от классического для Нового времени картезианского взгляда на сознание. Расхождения касаются того, когда задаются принципиальным вопросом: *что, посредством чего и зачем* проектируется. Растворение границ между реальностью и иллюзией, мышлением и социальным бытием и т. д. приобрело сегодня тот вид, что все чаще говорят не о сохранении рациональных оснований, но формах отказа от них. Все чаще речь заходит о стратегии *полагания коммуникации* («кризисной», «поисковой» и т. д.) как отдельной самостоятельной «действительности», связанной с такими фундаментальными характеристиками, как полилогичность, полипарадигмальность, внимание к инаковому, «другому» и проч. Таким образом, идея коммуникации, коммуникативная организация мышления претендуют сегодня на статус новой онтологии, а значит, неся в себе проект нового мышления и деятельности человечества, нуждаются в научной проработке и профессиональной рефлексии.

Базовым качеством российского интеллектуализма становится стремление к принципиальной открытости существования самой научной культуры. Это означает приход в науку иного типа рациональности, который можно обозначить как коммуникативный, хотя здесь необходимо отметить, что в понимании данного качества рефлексии еще не достигнуты определяющие конвенции. В самых общих чертах, тем не менее, можно выделить общие характеристики нового коммуникативного типа рациональности в науке:

— смена онтологии становления с приоритетом проективного потенциала будущего на представление об «оперативной замкнутости» социального через системы и подсистемы коммуникации, т. е. изменение в целом представлений о механизме упорядочивания социального мира;

³⁶ Копосов Н. *Хватит убивать кошек*. Критика социальных наук. М., 2005. С. 223.

³⁷ Там же. С. 221.

- представление о знании как чистой когнитивности, т. е. отказ в «обычной методологии» от ориентации на действие (сводящее методологию к методике, поиску с гарантированным результатом) — в сторону коммуникации, которая «покоится на форме знания, которая непременно предполагает одновременное сопровождение другой стороны — еще неизвестного»³⁸;
- понимание «атемпоральности» и «ахронии» современности, презумпция понимания, исходящая из одновременности ее самой, самореференциальность; использование временных характеристик как одной из возможностей осмысленного обращения с вариативностью и «контрфактичностью»;
- переход от дескриптивных эмпирических наук к когнитивным практикам репрезентации знания, к перформативным авторским текстам, ориентированным на способ саморепрезентации научного этоса в коммуникации.

Анализ развития историографического знания в конце XX — начале XXI в. показывает, что прошлое понимается сегодня исключительно в качестве весьма определенных ситуационных и единичных решений, ценности прошлого по-прежнему уникальны, однако их значимость проглядывает лишь в череде мелких деталей. Вместо причинного объяснения истории сегодня предлагается понимание исторического как раскрытие смыслов, лежащих в основе действий людей (исходно определяющими здесь для историков, хотя и не всегда эксплицитно на уровне профессиональной рефлексии, используются наработки социологов и социальных философов, касающиеся «теории социального действия», «рационального выбора», теории коммуникативного действия и т. д.) и интерпретация данных смыслов. Исследовательский нарратив, таким образом, выстраивается не вокруг самих исторических событий, а вокруг их интерпретации сообществом исследователей.

Можно со всей ответственностью констатировать, что на первый план для историков выступила абсолютная самоценность изучения современности. Качество, смысл и образ исторической науки стал все больше зависеть от того способа восприятия прошлого, которое необходимо объясняет и оправдывает целесообразность восприятия настоящего, точнее — базовая историзация опыта прошлого стала определяться возможностями познания, интерпретации и переинтерпретации создаваемой «теории современности».

³⁸ Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004. С. 39.

ПРАКТИКА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

М.В. Елиферова

Иконография и статистика: к вопросу об интерпретации изобразительного материала дописьменных эпох

Аннотация: в статье предлагается возможный подход к вопросу об идентификации сюжетов и персонажей в искусстве археологических культур, не имевших стойкой письменной традиции. Традиционно используемые методы — привлечение позднейших письменных данных или этнографических аналогий — достаточно субъективны. Предлагается возможным повысить научную строгость идентификации путем максимально полного учета изображений того или иного иконографического типа и статистического анализа археологического контекста, в котором они были найдены. В качестве иллюстрации дается мелкая пластика Древней Скандинавии.

Ключевые слова: археология, валькирии, древние германцы, иконография, скандинавистика, статистика.

Одна из серьезных проблем гуманитарных наук, находящаяся на пересечении археологии, искусствоведения, исторической антропологии и отчасти даже исторической поэтики, — это идентификация мифологических сюжетов и/или персонажей в изобразительном искусстве культур, не пользовавшихся письменностью. Существующие научные знания и методы иконографии разработаны в основном на материале письменных культур (древнеегипетской, античной, христианского Средневековья), где изображения регулярно подкрепляются текстами, и вступление на почву бесписьменных традиций мгновенно порождает трудности.

Характерным и вместе с тем своеобразным примером является древнегерманский материал. Несмотря на то что германцы владели руническим алфавитом со II, а возможно, и с I в. н. э.¹, рунические надписи дохристианского периода редко бывают пространными и практически не соотносятся ни с известными по более поздним памятникам мифами, ни даже с изображениями, рядом с которыми они размещаются (в случаях, когда имеется комбинация надписи и рисунка). Таким образом, для идентификации языческих изображений рунические надписи, если они и присутствуют, бесполезны, и в этом отношении древнегерманскую традицию можно приравнять к бесписьменной. Вопрос об интерпретации изобразительного искусства германцев игнорировать сложно: во-первых, из-за большого объема сведений по германской мифологии, зафиксированных позднейшей письменностью (в основном исландской, но также англосаксонской и средневековой латинской); во-вторых, из-за кажущегося избытка фигуративного изобразительного материала в германской археологии. Как показывает наш опыт, единой стратегии отношения к интерпретации не существует. Исследователи так или иначе тяготеют к одному полюсу из двух: вчитывать в любое изображение сцены и мотивы эддических мифов или вовсе отказываться от интерпретации, сводя исследование к классификации стилистических признаков. Первый метод, восходящий к традиции антикваров XIX в., но сохранившийся до нашего времени², был высмеян Р. Бейли: «[последователи Дж. Стивенса³] были склонны идентифицировать любого всадника как Одина верхом на Слейпнире, каждую женскую фигуру считали валькирией, и вряд ли нашелся бы связанный мужчина, которого не сочли бы Локи, демоническим божеством»⁴. Однако тот же упрек можно возратить самому Бейли, тотально прилагающему к своему материалу (памятники X в.) методы христианской экзегезы и квалифицирующему изображения как «христианские» по прагматике даже тогда, когда в них достоверно присутствуют эддические мотивы⁵.

¹ Макаев Э.А. Язык древнейших рунических надписей. 2-е изд-е, стер. М., 2002.

² Примеры: Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005; Хлебов А.А. Предвестники викингов. Северная Европа в I—VIII веках. СПб., 2002; Pi-jóan J. Summa artis. Historia general del arte. Vol. VIII. Arte bárbaro y prerománico. Madrid, 1987.

³ George Stephens (1813—1895), британский скандинавист.

⁴ Bailey R.N. Viking Age Sculpture in the Northern England. London, 1980. P. 101—102.

⁵ «Но ни тут, ни там мы не имеем дела с двоеверием (syncretism), хотя внимание сосредоточено на сходствах и различиях христианского учения и скандинавской мифоло-

Напротив, гиперкритическую позицию занимает Е.В. Смирницкая, справедливо указывая на исследовательский произвол, до которого доходит «мифологическая» интерпретация изображений (так, воинская семантика вычитывается из орнаментов на женских украшениях!)⁶. Это приводит ее к признанию зооморфных мотивов (и некоторых антропоморфных, например, масок) чисто орнаментальными и не поддающимися семантическому истолкованию. Однако за рамками ее рассуждения остаются заведомо фигуративные изображения вендельской и викингской эпох (такие, как на шлеме из Саттон-Ху, на пряжке из Финглшема, на штампах из Торслунды, на готландских стелах, на ковре из Усеберге и др.).

Представляется важным, что основанием для негативных выводов (отсутствия семантики у орнамента) у Е.В. Смирницкой послужил массовый обзор изобразительного материала (при котором выяснилось, что одни и те же орнаментальные детали безразлично повторяются на самых разных типах украшений, как мужских, так и женских). Такой фактор, как полнота охвата материала, часто упускается из виду интерпретаторами, сосредоточивающими внимание на единичных артефактах.

Иконография как дисциплина имплицитно сама по себе уже предполагает статистику: согласно классической работе Э. Панофского, для определения, кто изображен на картине — Юдифь или Саломея, «нам необходимо выяснить, существовали ли до того, как Франческо Маффеи написал свою картину, какие-либо изображения Юдифи, не вызывающие сомнений (например, в силу присутствия на них служанки Юдифи), с противоречащим сюжету блюдом, или какие-либо изображения Саломеи, не вызывающие сомнений (например, в силу присутствия на них родителей Саломеи), с противоречащим сюжету мечом. И что же? Хотя мы не можем привести ни одного изображения Саломеи с мечом, мы находим в Германии и Северной Италии несколько картин XVI в., на которых изображена Юдифь с блюдом...»⁷. По сообщению А.Е. Майкапара, «Составленный Департаментом изящных

гии; содержание [изображений] христианское» (Bailey R.N. Scandinavian Myth on Viking-period Stone Sculpture in England // Old Norse Myths, Literature and Society (Proceedings of the 11th International Saga Conference) / Ed. by G. Barnes and M. Clunies Ross. Sydney: Centre for Medieval Studies, 2000. P. 22).

⁶ Смирницкая Е.В. Германский звериный стиль как орнаментальное искусство // Атлантика: Записки по ист. поэтике. Вып. 10 / Отв. ред. М.В. Елиферова. М., 2012 (в печати). Прим. 9—10.

⁷ Панофский Э. Этюды по иконологии: Пер. с англ. Н.Г. Лебедевой и Н.А. Осминской. СПб., 2009. С. 39.

искусств [Принстонского] университета “Указатель по христианскому искусству” включает 600 тысяч наименований по 25 тысячам сюжетов (сюда входят также персонажи, предметы, отдельные сцены, а также природные явления); здесь собрано более 250 тысяч фотографий и слайдов памятников христианского искусства»⁸.

Разумеется, германистика не может похвастаться подобной массовостью изобразительного материала. Еще хуже то, что самые яркие фигуративные изображения (все перечисленные выше артефакты вендельской и викингской эпох, за исключением камней Готланда) единичны, а археологический контекст их порой утрачен. Тем не менее некоторые категории находок составляют достаточно обширный объем и могут быть изучены в своей совокупности.

Такой опыт принадлежит, в частности, Р. Зимеку, который сравнительно недавно провел статистический анализ одной из самых массовых категорий германских находок — «гульдгубберов» вендельской эпохи («гульдгубберы», буквально «золотые деды», — народное название золотых пластинок с изображениями человеческих фигур; на самом деле далеко не все из них действительно изображают пожилых или бородатых персонажей)⁹. На момент публикации Зимека было известно около 2800 образцов. Зимек установил, что разных вариантов из них не более 600, т. е. с одного штампа оттискивалось в среднем 4—5 пластинок. Все они, однако, подразделяются на три типа: 1) самый распространенный (не менее 215 из 600, 36 %) — одиночная мужская фигура; 2) 120 (20 %) — парное изображение мужчины и женщины; 3) не менее 50 (8 %) — одиночная женская фигура (остальные не идентифицируются из-за повреждений). Количественный анализ изображений с учетом археологического контекста их находок позволил Зимеку решительно отвергнуть очевидную интерпретацию антропоморфных фигур «гульдгубберов» как богов¹⁰. Более спорной, однако, является его гипотеза о том, что это священные цари-жрецы: как показал А. И. Селицкий, реконструкция института царей-жрецов у германцев крайне проблематична даже на лингвистическом уровне¹¹.

⁸ *Майкапар А.Е.* От переводчика // Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве: Пер. с англ. А.Е. Майкапара. М., 1997. С. 10—11.

⁹ *Simek R.* Gods, Kings, Priests or Worshippers? The Status of the Figures on the Migration Age Scandinavian *guldgubber* // Норна у источника судьбы: Сб. статей в честь Е.А. Мельниковой. М., 2001. С. 136—149.

¹⁰ Там же. С. 147.

¹¹ *Селицкий А.И.* К вопросу о генезисе королевской власти у древних германцев // Скандинавские чтения 1998 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1999. С. 71—74. Селицкий указывает на отсутствие исконной лексики с основой

Эта важная работа Зимека, будучи опубликована в русском издании, хотя и на английском языке, не попала в поле зрения зарубежных исследователей. Она не была использована и самим Зимеком в более поздней статье, написанной совместно с Ш. Ратке (S. Ratke)¹², где хотя и приводятся вначале некоторые статистические данные, но они никак не задействованы в дальнейшем анализе. Российская публикация Зимека, очевидно, осталась неизвестна Ратке, которая на своем сайте утверждает, что идентификация изображений на «гульдгубберах» как эддических богов не оспаривалась до 2003 г.¹³ Поскольку в совместной публикации с Зимеком Ратке высказывает крайне интересные соображения о соответствии между разными типами парных изображений на «гульдгубберах» и разными формами брака у древних германцев, известными по правовым памятникам¹⁴ (принадлежность гипотезы Ратке атрибутируется по ее личному сайту), то приходится лишь пожалеть об отсутствии точных количественных оценок частотности типов изображений (они могли бы существенно прояснить картину).

Как нам представляется, первым и насущно необходимым этапом при работе с древнегерманским изобразительным искусством должно быть введенное Э. Панофским разграничение между «первичным, или естественным значением» изображения, которое предшествует иконографическому анализу, и «вторичным, или условным», которое и является предметом «иконографического анализа в узком смысле»¹⁵. (У Панофского присутствует еще и третий уровень — «внутреннее значение», применимость которого к искусству архаических дописьменных культур неоспорна, так как для Панофского этот уровень тесно связан с категорией индивидуального авторского замысла.) С точки зрения первичного значения мы видим не «Одина», а «фигуру всадника на коне». Идентификация его как «Одина» принадлежит области вторичного значения, которое должно не вчитываться в изображение, а выводиться индуктивным путем из совокупности изобразительного материала.

на *tēg- в германо-балто-славянских языках, в противоположность итало-кельтским и индо-иранским. По его мнению, это свидетельствует о том, что индоевропейский институт царей-жрецов был утрачен у германцев уже на момент их языкового обособления.

¹² *Ratke S., Simek R.* Guldgubber: Relics of Pre-Christian law rituals? // *Old Norse Religion in Long-Term Perspectives: Origins, Changes, and Interactions: an international conference in Lund, Sweden, June 3—7, 2004* / Ed. by A. Andrén, K. Jennbert, C. Raudvere. — Lund: Nordic Academic Press, 2006. P. 259—266.

¹³ <http://www.guldgubber.de/index.html>.

¹⁴ *Ratke S., Simek R.* Guldgubber: Relics of Pre-Christian law rituals. P. 261.

¹⁵ *Панофский Э.* Этюды по иконологии. С. 30—32.

Поводом ко всем вышеизложенным соображениям послужила публикация А.В. Плоховым в 2003 г. заново открытых находок 1940 г. из Старой Ладogi¹⁶. Центральной из них является форма для отливки металлического изделия в виде профильной женской фигурки в платье и шали. Автор публикации идентифицирует такой тип изображения как «валькирию»: «Традиционно российские и зарубежные исследователи трактуют эти фигурки, особенно подвески с питьевым рогом или кубком в руках [sic!], как изображение валькирий»¹⁷.

Итак, идентификация изображения как «валькирии» обосновывается ссылкой на «традицию». Из приводимых в подтверждение «традиции» семи ссылок две представляют собой научно-популярные издания (книга Х. Эллис-Дэвидсон «Pagan Scandinavia» и энциклопедия «Мифы народов мира»), в одном случае неясно авторство (указаны с. 190, 277, 302 в сборнике «From Viking to Crusader» 1992 г., которые явно не могут принадлежать одному автору), а в четырех случаях упомянуты исследователи, которым не принадлежит приоритет в идентификации данных изображений как «валькирий» (Б. Амброзиани и Б. Эрикссон, Е.Н. Носов, И. Янссон, В.Я. Петрухин): на момент публикации их работ, на которые ссылается А.В. Плохов, эта традиция уже сложилась. По крайней мере, Т.А. Пушкина указывает, что идентификация аналогичного изображения на готландской стеле как «валькирии» появляется уже у Х. Арбмана в 1940 г.¹⁸

Ниже у А.В. Плохова приводится другое основание: «Интерпретация женских фигур как изображений валькирий основана на изучении разнообразного изобразительного материала, в первую очередь, анализе сцен, запечатленных на готландских поминальных камнях, и сопоставления его с сюжетами из северогерманской мифологии»¹⁹. После этого логично ожидать соответствующего анализа или, по крайней мере, указаний, кто и когда такой анализ проводил. К сожалению, ничего из этого в статье нет. Единственным подкреплением данной декларации оказывается аналогия с фигурой на готландском камне из Шенгvide, восходящая к Арбману (см. выше). При этом ссылки стоят на две работы исследователей, не являющихся авторами этой аналогии (Янссона и Петрухина), и снова на «Мифы народов мира».

¹⁶ Плохов А.В. Неизвестные находки из раскопок 1940 года в Старой Ладoge // Новгород и новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф., Новгород, 28—30 января 2003. Великий Новгород, 2003. С. 292—303.

¹⁷ Там же. С. 298.

¹⁸ Пушкина Т.А. Подвеска-амулет из Гнездова // Норна у источника судьбы: Сб. статей в честь Е.А. Мельниковой. М., 2001. С. 313—316. Прим. 2.

¹⁹ Плохов А.В. Неизвестные находки из раскопок 1940 года в Старой Ладoge. С. 298.

Поясним, что фигура на этом камне представляет распространенный в германском искусстве иконографический тип профильного изображения женщины в платье и шали, с длинной косой, подхваченной узлом на макушке, иногда (как в данном случае) держащей в руке рог. Основанием для идентификации ее как валькирии послужила расположенная напротив четко определяемая фигура Одина на 8-ногвом коне — один из крайне редких бесспорных случаев определения эддических персонажей в изобразительном материале. Остальные элементы композиции еще более темны: 1) хищное животное неизвестного вида; 2) пара из стоящих лицом к лицу мужчины с топором и женщины с предметом, возможно, тоже рогом (на этом основании Плохов также считает ее «валькирией»); 3) плохо сохранившаяся женская фигура на заднем плане; 4) нечто вроде здания или арки; 5) лежащая или летящая (на готландских камнях отсутствует перспектива) мужская фигура над Одином. В нижней части камня, отделенной бордюром, изображена лодка с моряками. Вероятно, поминальное содержание рунической надписи на камне дало основание интерпретировать верхнюю часть как изображение Вальгаллы. Однако это является механическим переносом наших представлений о связи текста и изображения на германцев. О такой связи можно было бы говорить, если бы между данным типом изображения и поминальными надписями существовала стойкая корреляция. В действительности поминальные рунические надписи сопровождаются самыми разными рисунками или обходятся вовсе без рисунка, а единственная типологически похожая композиция на камне № 8 из Ардре²⁰ не содержит вообще никакой надписи.

Заметим, что даже надежная привязка изображения к мифу о Вальгалле отнюдь не означает, что женская фигура может быть только валькирией. Существует как минимум еще одна возможная идентификация — Фригг (не забудем, ее фигура повернута к Одину, а не к кому-то другому).

Таким образом, выдвинутая однажды достаточно произвольная идентификация *единичного* изображения кладется в основание для истолкования класса изображений. И, если, например, Т.А. Пушкина считает основанием для идентификации женской фигуры как «валькирии» наличие кубка или рога в руке²¹ (укажем, что разливание напитков — вполне бытовая женская функция, фиксируемая во всех ис-

²⁰ Фото см.: http://en.wikipedia.org/wiki/Ardre_image_stones, <http://timothystephan.Y.com/gotland.html>.

²¹ Пушкина Т.А. Подвеска-амулет из Гнездова. С. 315.

точниках от «Беовульфа» до исландских саг), то для А.В. Плохова и эта деталь оказывается необязательной, так как опубликованная им фигура не держит в руках ничего.

Публикация А.В. Плохова привлекла наше особое внимание тем, что именно в ней содержатся данные, резко противоречащие интерпретации подобных фигур как «валькирий», — это полный список известных автору аналогов в скандинавской мелкой пластике, с указанием археологического контекста их находок²². Всего им учтено 9 образцов (не считая самой литейной формы). Достаточно беглого взгляда, чтобы заметить следующее распределение находок: 4 образца найдены в женских погребениях; по одному «происходит, скорее всего, из разрушенного женского погребения», из погребения без указания гендера, из клада, из культурного слоя и откуда-то, где археологический контекст утрачен.

Если о валькириях что-то известно достоверно, то это их покровительство мужчинам, воинам. Закономерно было бы ожидать связи амулетов, изображающих валькирий, с мужскими погребениями. Но мало того, что половина образцов принадлежала женщинам — в списке нет вообще ни одного примера, достоверно связанного с мужскими погребениями. На наш взгляд, это однозначно указывает на ошибочность устоявшейся интерпретации их как «валькирий».

Более правдоподобны варианты: 1) Фрейя-Фригг, чья функция как покровительницы женщин зафиксирована по крайней мере с VIII в. (в «Истории лангобардов» Павла Диакона; 2) личная дика или женский предок хозяйки амулета. Стоит, однако, указать, что женские изображения аналогичного типа фигурируют и на «гульдгубберах», встречающихся в совершенно ином археологическом контексте — на местах парадных холлов²³. Хронологически «гульдгубберы» предшествуют амулетам эпохи викингов, и это может указывать на то, что для германцев иконография могла не иметь столь жесткой связи с семантикой и прагматикой, какую она приобрела в античной и затем в христианской традиции. В конце концов, германцы не были знакомы с платоновским понятием «эйдоса» как предсуществующей идеальной формы. Вполне возможно, что одинаковые изображения в разные эпохи и в разных ситуациях могли наполняться различной семантикой. Для определения этой семантики, которое в первую очередь подразумевает отсечение заведомо произвольных толкований,

²² Плохов А.В. Неизвестные находки из раскопок 1940 года в Старой Ладогe. С. 295—296.

²³ Ratke S., Simek R. Guldgubber: Relics of Pre-Christian law rituals? P. 259, 263.

необходим максимально полный статистический анализ контекста археологических находок.

R. S Fedyuk

Historical-linguistic research on writing the smile: language ideologies in, and through, sign language scripts

Abstract: *The above question may seem confusing, as readers might wonder how a smile, a visual phenomenon not usually treated as a part of language, can be “seen” in writing. While this question may seem to be precluded by the nature of writing systems designed to represent sound, this is a relevant concern for those writing sign languages using Sutton Sign Writing (SW), a visually iconic writing system that represents movements of the body and face. Small but growing networks of signers in over thirty countries use SW for a range of purposes, including writing notes, pedagogical materials, poems, novels, newspapers, and blogs in their respective sign languages, while some scholars have adapted the system for notation purposes in sign language research. The opening quote, which will be explored further below, is drawn from an email listserve on which many members of this multilingual and multinational group of SW users post and discuss such texts.*

Keywords: *smile, writing systems, Sign Writing, historical-linguistic, logocentrism.*

The above question may seem confusing, as readers might wonder how a smile, a visual phenomenon not usually treated as a part of language, can be “seen” in writing. While this question may seem to be precluded by the nature of writing systems designed to represent sound, this is a relevant concern for those writing sign languages using Sutton Sign Writing (SW), a visually iconic writing system that represents movements of the body and face. Small but growing networks of signers in over thirty countries use SW for a range of purposes, including writing notes, pedagogical materials, poems, novels, newspapers, and blogs in their respective sign languages, while some scholars have adapted the system for notation purposes in sign language research. The opening quote, which will be explored further below, is drawn from an email list serve on which many members of this multilingual and multinational group of SW users post and discuss such texts.

As Antonio Perri has noted, from a current anthropological perspective, “writing includes all social practices that use systems of graphic (and sometimes also material) signs which are recurrent, combinable and conventionally linked to a linguistic context”¹. In all cases, the creation of a writing system is an inherently analytical process, by which some aspects of a communicative ecology are enshrined as vital for representation and some are not. Thus, as many scholars have noted, language ideologies affect the development and use of writing systems. In turn, the ideological perspectives that affect the creation of a writing system often become embedded in and perpetuated by its use. For example, scripts can reinforce metalinguistic awareness of some aspects of language and, particularly when a writing system is ideologized as the best representation of a language, further obscure other aspects.

Writing systems have frequently been divided into typologies based on what aspects of linguistic form they primarily, though not exclusively, represent (i. e., logographic, syllabic, alphabetic). Of course, such typologies are themselves based on the language ideologies of the scholars creating them. Given that language ideologies are multiple and conflicting within and across social contexts, such typologies may not attend to the properties considered relevant by the users of the writing system. Use of these typologies may consequently lead to “bias and distortion” in the scholarly representation of a script².

Language ideologies are never just about language but mediate between linguistic and social structures. It is therefore unsurprising that many scholars have argued that different types of scripts within these typologies represent a social evolution from more primitive and “partial” forms of writing, to the more “developed” and “complete” writing and literacy represented by the alphabetic systems used by the scholars making these arguments. Different forms of literacy are in turn believed to have a range of effects on the cognitive processes and social organizations of the groups that use them. As Collins and Blot note, this logocentrism, “the disposition to rank people by presence, absence, or kind of writing”³, can be seen as a reformulation of older ideas about racial hierarchies. While these arguments have been countered by anthropologists who take a situated approach to the study of

¹ Perri, A., Writing. In: Duranti, A. (Ed.), *Key Terms in Language and Culture*. Blackwell Publishers, Oxford, 2001. P. 272—274.

² Basso, K., Anderson, K., A Western Apache writing system: the symbols of Silas John. *Science* 180. 1973. P. 1013—1022.

³ Collins, J., Blot, R., *Literacy and Literacies: Texts, Power, and Identity*. Cambridge, 2003.

literacies, they have influenced in a “durable way how we think about our own and others’ societies and epochs”.

Ideological perspectives valorizing disembodied, abstract notions of language have also influenced scholarly and popular beliefs about sign languages (and those who use them). Signed communication used to be, and sometimes still is, understood through a language ideology that explicitly linked sign with a basic “pre-cultural” human nature. In part this perspective was grounded in attitudes toward the visual iconicity found in sign languages, which was assumed to be natural, universal, and incompatible with the arbitrariness taken to define the linguistic (e. g. Saussure, 1906—1911).

At the same time, more obviously bodily aspects of communication were posited to be more primitive than speech, a Cartesian perspective that informed early anthropologists’ suggestion that the more gestures used in a society, the lower that group’s position on a social evolutionary ladder (e. g. Tylor, 1865). As a result, sign languages were seen as simple gestures, outside the provenance of human language. Deaf signers, in turn, were often seen as less than fully human, and many believed that this condition could only be eased by the difficult and incomplete method of teaching d/Deaf children to speak and read lips. This perspective contributed to the highly damaging suppression of sign language in d/Deaf education worldwide. The fact that sign languages did not have a widely used written form lent logocentric reinforcement to the notion that sign languages were primitive. Below I briefly describe the relationship between these ideological contexts and two distinct approaches to writing sign languages: Stokoe Notation, which reflects and produces a structural linguistic perspective on language, and Sutton Sign-Writing, which reflects and produces an understanding of human expression that aligns with post-structuralist theory. To illustrate this discussion I have reproduced examples of each system’s rendering the same ASL sentences, drawn from Darline Clark Gunsauls’s ASL performance of Goldilocks and the Three Bears. Joe Martin (a scholar of sign language scripts) and Valerie Sutton produced the texts for comparative purposes (Fig. 1).

In the 1960s, William Stokoe drew on structural linguistic theory to demonstrate that, as signed languages could be described according to the same criteria linguists used for spoken language analysis, they were in fact fully linguistic systems⁴. Of particular importance to his case was the fact that sign languages, despite being visual, had phonological structure. That

⁴ Stokoe W. *Sign Language Structure*, revised ed. Linstok, Silver Spring, MD, 1960 (1978).

is to say, though sign languages do not use sound, they feature duality of patterning, drawing on visual contrasts.

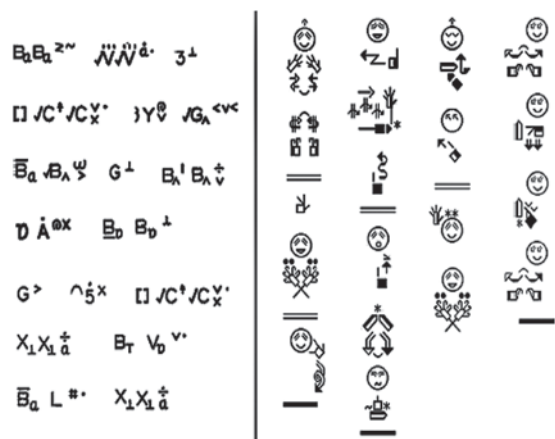

Fig. 1. The opening lines of ASL Goldilocks. Stokoe Notation (written by Joe Martin) appears on the left, while Sutton SignWriting (written by Valerie Sutton) appears on the right (mmc1.mpg).

7 These contrasts occur across a range of often simultaneously occurring parameters, including handshape, location, movement, orientation, and non-manual grammatical markers (NMGs). d/Deaf signers throughout the world cite Stokoe's research as a major factor in the social validation of their languages. Just as the emergence of linguistics as a discipline hinged on the ability to objectify spoken language in writing, Stokoe's analysis of American Sign Language was grounded in the creation and use of a sign language transcription system known as Stokoe Notation (SN). SN has been used for scholarly research on American Sign Language and has been adapted to notate British Sign Language and Australian Aboriginal sign languages. It has not been used for purposes beyond academic research.

No writing system is capable of representing every aspect of the formal properties of a spoken or signed language, nor are scripts that more closely encode linguistic features inherently better than scripts that relate to linguistic content in other ways. However, different kinds of "fit" between a script and a language are ideologically consequential. The choices Stokoe made, while necessary for his theoretical goals, meant that SN represents sign languages in ways reinforce dominant ideas about the nature of language and writing. In noting this, I do not mean to denigrate Stokoe's incredibly important work for, as mentioned above, his efforts to demonstrate that sign languages can be described according to formal linguistic criteria were deeply significant for Deaf

social validation. Indeed, as many scholars have shown, developing a script has as much to do with symbolically representing the social group associated with the language as representing the linguistic properties of the language itself (e. g., Schieffelin and Doucet, 1998; Ahmad, 2008). SN, though not as effective in capturing the formal properties of sign languages, can imply a close relationship between sign and spoken language through its resemblance to alphabetic scripts for spoken languages. In so doing however, it ultimately portrays sign languages as unwritable and therefore fundamentally different. SW, on the other hand, may seem to stress differences between spoken and signed languages by highlighting aspects of communicative ecologies, such as iconic and indexical processes, non-linearity, and the contingencies of performance, often erased by dominant ideologies of language and writing⁵. For that reason, some signers are threatened by SW, arguing that it will appear strange and primitive to the broader public and will ultimately reinforce stereotypes about the d/Deaf while threatening the validation sign languages have attained through work like Stokoe's. However, in this article I have suggested that, though the ideological orientation reflected and produced by SW contrasts with formal linguistic theory, it aligns with a post-structuralist characterization of spoken, as well as signed, language. SW may derive institutional support from this growing body of literature. At the same time, exploring this alternative writing system may contribute to post-structuralist scholars' attempts to utilize writing as an analytical tool without undermining their theoretical goals.

С.Н. Щербич

В поисках нового знания: применение междисциплинарного подхода в изучении процесса формирования вотчин Тобольского Софийского дома в конце XVI—XVIII веке

Аннотация: цель статьи — раскрыть возможности междисциплинарного подхода в получении качественно новых знаний при реконструкции исторических процессов заселения Зауралья, формирования вотчинного хозяйства институтов Русской православной церкви (РПЦ). Определяется место и значение Тобольского Софийского дома

⁵ Woolard, K. Language ideology as a field of inquiry. In: Schieffelin, B., Woolard, K., Kroskrity, P. (Eds.), Language Ideologies: Practice and Theory. 1998.

как института РПЦ в процессе интеграции территории Зауралья в состав Российского государства. Обозначено исследовательское проблемное поле и раскрыты возможности применения междисциплинарного дискурса в освещении обозначенной проблематики и прикладной характер исследования.

Ключевые слова: *Тобольский Софийский дом, миграция, демография, вотчинное хозяйство, историческая география.*

Изучение вотчинного землевладения монастырей в Российском государстве является на протяжении длительного времени ведущим направлением как в дореволюционной, так и в советско-постсоветской историографии. Научный интерес исследователей закономерен ввиду того, что вопросы земельной собственности являются стратегически важными в системе взаимоотношений государства и Русской православной церкви не только в историческом аспекте, но и в современной практике землевладения и землепользования. Их основу составляет не преодоленное до настоящего времени противоречие в сфере государственной земельной политики в отношении к церковному землевладению, которое изначально носит скрытый (латентный) характер.

Процесс интеграции Сибири в состав Российского государства сопровождался выработкой долгосрочных политических и экономических стратегий освоения новых территорий, где Зауралью отводилась ведущая роль в формировании системы государственных вотчин. В этом процессе Церковь выступала одним из эффективных инструментов реализации государственной колонизационной политики. Данное обстоятельство порождало еще одно противоречие в отношениях между государством и РПЦ, стремившейся к экономической самостоятельности в сфере землепользования и землевладения.

В условиях колонизации новых территорий Церковь выработала свой механизм оформления юридического права владения церковными и монастырскими вотчинами. Знаковую роль в этом процессе сыграл Тобольский Софийский дом как ведомственный институт РПЦ, сформировавший за Уралом крупные земельные вотчины.

Создавая земельный фонд Софийского дома, митрополиты использовали разные способы увеличения земельных ресурсов. Распространенными являлись обменные операции, в результате которых непригодные для пахоты земли обменивались на лучшие у городских людей и крестьян (так была сформирована вотчина в с. Преображенском¹).

¹ Книга переписная «Софийских монастырских вотчин» // Вотчины Тобольского Софийского дома в XVII веке. Тюмень, 2001. С. 45.

Был распространен и прямой захват земли у местного населения, на что неоднократно поступали жалобы на имя царя. Например, в 1678 г. ясачные татары Тобольского и Тюменского уездов подали совместную челобитную на митрополита Корнилия, захватившего в 1666 г. их старинные вотчинные рыбные ловли, земли и уголья. В ответной царской грамоте 1678 г., в частности, говорилось: «в Тобольску в Софийский дом и во всех сибирских городах в монастыри никаким людем и татаром и остяком никаких земель и сенных покосов и никаких угодий вкладу давать и продавать огнюдь не велено...»². Несмотря на неоднократные указания на неправомерность таких действий, Софийский дом продолжал реализовывать свои планы посредством покупки, обмена, захвата земельных угодий, оформления вкладных операций; в фонд поступали земли и от обеспеченных граждан на помин души без выкупа. Источником пополнения земельного фонда являлись также заклады земель за просроченные долги. В зависимости от размера долга истец определял площадь отторгаемой в его пользу земли или обменивал его на меньший надел. В итоге Тобольский Софийский дом в XVII в. (при отсутствии крупных государственных пожалований) оставался одним из крупных землевладельцев Зауралья.

Процесс формирования земельных владений РПЦ на колонизируемых территориях имеет большую научную и социально-практическую значимость, особенно учитывая современные тенденции развития общества, где особую актуальность представляют вопросы регулирования отношений между Церковью и государством. Несмотря на накопленный опыт и традиции, разработка данной проблемы требует интенсификации исторических исследований за счет привлечения новых методов и технологий, выявления ранее не известных архивных источников. Анализ и реконструкция процесса формирования земельного фонда Тобольского Софийского дома, сословной и этнической структуры монастырского хозяйства требуют постановки конкретных исследовательских задач: изучение и анализ отношений Церкви и государства в сфере землевладения и землепользования, форм миграции, демографии, локализации географии расселения населения; определение территориальной идентичности вотчин в пространстве региона, отраслевой структуры монастырского хозяйства; выявление форм трудовых отношений.

В исторической науке ныне идет активный поиск качественно новых методологических принципов осмысления прошлого. Современный исследователь, «преодолевая мифы и изжившие себя стереотипы

² Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России, М., 1956. С. 74.

исторического сознания (как обыденного, так и профессионального)»³, стремится к расширению исторического знания, выявлению новых контекстов. Наряду с системным анализом объекта исследования применение антропонимического и пространственно-географического подходов позволяет получить многогранное видение исследуемых исторических процессов в контексте территориальной локализации объекта, а также выявить специфику, общие закономерности и тенденции развития.

С позиции антропонимики мы предпримем попытку реконструкции этнического состава населения Софийских вотчин, особенности и географию расселения и, как следствие, формирование постмиграционных сообществ. Данные сведения представлены в переписных книгах, но этническая принадлежность населения указывается очень фрагментарно: например, в книге за 1636 г. составитель отмечает «Ондрюшко Селиванов, зырян, Васка Ларионов, зырян, Якунко Микитин, сысолятин с сыном Гришкою»⁴. В более поздних переписях такие сведения практически отсутствуют, поэтому реально установить этнический состав можно, изучая совокупность именованных людей (личные имена, производные, отчества, дедичества, фамилии, индивидуальные и групповые прозвища). Все эти типы именованных историчны: каждое возникло в определенном период у определенного народа в конкретной социальной среде⁵.

Информация переписных книг 1662 г.⁶ любопытна в том отношении, что фиксирует еще первый поток крестьян-переселенцев и их потомков и позволяют очертить географию выхода. Выборка по Усть-Ницынской слободе дает следующую картину. Большую часть населения слободы составляли выходцы из Яренского уезда. В течение многих веков Яренск был центром Яренского уезда Вологодской губернии, занимавшего большую часть нынешней Республики Коми. Можно предположить, что определенный процент представителей народа коми был в составе первых переселенцев Усть-Ницынской слободы⁷.

³ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история». М., 2009. С. 269.

⁴ Переписная книга 1636 г. // Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994. С. 129.

⁵ Антропонимика. М., 1970. С. 3.

⁶ Переписная книга 1662 г. Усть-Ницынской слободы // РГАДА.Ф. 214. Оп. 1. Кн. 434. Л. 14—79.

⁷ Щербич С.Н. Население вотчин Тобольского архиерейского дома по переписным книгам XVII в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 140.

Согласно данным статистики, с 1586 по 1711 г. из Коми-края переселилось в Сибирь 1907 чел. Это 71,6 % от числа ушедших за пределы края; пики миграционной активности коми приходятся на 1629—1647 гг. (833 чел.) и 1682—1711 гг. (684 чел.)⁸. Следующими по численности переселенцев-крестьян уездами являлись: Соль-Вычегодский, Устюжский, Усть-Сысольский, Кевронский, охватывающий территорию бассейна р. Пинеги с притоками, а также Колмогоры (Холмогоры), Хлыновский, Кайгородский, Соликамский уезды. Крестьянское переселение не было однородным; как отмечал Л.Н. Жеребцов, в нем участвовали русские, коми-зыряне, коми-пермяки и вепсы⁹, помимо них и другие народности. Каждая из этнических групп имела свою культурную доминанту, что не могло не отразиться на процессе формирования постмиграционных сообществ, их локализации и взаимовлияния. Культурный код, способы хозяйствования сыграли важную роль в интеграции территории Зауралья в систему российской государственности.

С передвижением самих крестьян расширялся и ареал распространения фамилий. Под фамилией мы в данном случае понимаем наследственное имя семьи, устойчивое не менее чем в трех поколениях. В связи с этим мы анализируем не только переписные книги Софийских вотчин, но и писцовые и переписные книги уездов северной и северо-восточной части Российского государства.

Процесс идентификации фамилии скрупулезен, характеризуется многообразием языковых форм. Собственное наименование человека могло включать в себя: личное имя; род занятий; место прежнего жительства; отчества от канонического или иного имени отца; занятие отца; название церкви; имя матери; яркую физическую примету. Изучение фамилий, по словам крупнейшего специалиста в ономастике В.А. Новикова, способствует воссозданию маршрутов больших и малых миграций¹⁰. С ним трудно не согласиться, порой это единственно возможный путь изучения не только этнической истории, но и рода занятий, сословного происхождения населения вотчин Тобольского Софийского дома. Названная методика не нова для западной историографии, где составление картограмм распространения фамилий применяется с 1950-х гг., но в рамках изучения населения монастыр-

⁸ Жеребцов И.Л. Население Коми-края во второй половине XVI — начале XVIII в. Екатеринбург, 1996. С. 229.

⁹ Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. С. 98—108.

¹⁰ Новиков В.А. География фамилий. М., 2007. С. 5.

ских вотчин Тобольской епархии такое исследование предпринято впервые.

Пространственная локализация вотчин Тобольского Софийского дома показывает, что митрополиты учитывали диапазон миграционных потоков в Зауралье. Не раз отмечалось, что маршруты расселения определялись от Верхотурья на юго-восток, захватывая долины рек: Тагила (1610-е гг.); Нейвы, Режа и Ницы (1620—1630-е гг.); Пышма и Исети (1640—1660-е гг.)¹¹, а именно здесь и находились основные вотчины, постоянно обеспеченные рабочей силой. Руководство Софийского дома использовало различные способы привлечения переселенцев в свои вотчины, методично переводя их в зависимое население.

Изучение пространственной компоненты формирования вотчин Тобольского Софийского дома тесно взаимосвязано с географией. Поэтому при реконструкции данного процесса стоит ориентироваться не только на общенаучные, но и на прикладные методы исторического компьютерного картографирования. Применение средств пространственного анализа позволяет получить разноаспектное видение изучаемого объекта, выявить закономерности и тенденции, позволяющие реконструировать конкретно-исторические процессы, связанные с особенностями эпохи, географических координат, этнических и прочих факторов¹².

На базе имеющихся географических и исторических данных предполагается создание карт, содержащих следующие сведения: 1) демографические данные, отображающие состав населения по полу и возрасту, естественное и механическое движение, семейное состояние населения вотчин Тобольского Софийского дома; карты естественного миграционного движения дадут характеристику рождаемости, смертности и естественного прироста, а карты механического движения будут отражать объемы и направления миграции, как зоны стационарного проживания; 2) особенности этнического расселения; 3) характеристика социального-экономического развития вотчин Софийского дома, трудовых ресурсов и их использования.

Картографирование позволяет изучить процесс освоения и заселения различных территорий, что может иметь проекцию «на формирование и функционирование систем в настоящее время»¹³.

¹¹ Манькова И.Л. Формирование православного ландшафта Зауралья в XVII в. // Уральский исторический вестник. 2008. № 4 (21). С. 86.

¹² Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб., 2003. С. 475.

¹³ Вамтилова Л.Б. Практическое значение метода регионального историко-географического анализа // Историческая география: теория и практика. СПб., 2004. С. 5.

Создание исторических компьютерных карт принципиально изменяет подходы к историческому исследованию, расширяет инструментарий и позволяет создать пространственную модель прошлого.

В основу данного исследования положено изучение источников в аспекте информационного дискурса. Источниковую базу исследования составляют писцовые, дозорные, переписные, межевые книги Софийских монастырских вотчин и другие массовые статистические источники. Их информационный потенциал долгое время был востребован исследователями фрагментарно (как правило, использовалась фактологическая составляющая с характерной методологической интерпретацией). Учитывая современные тенденции развития общества, исследование носит социально значимый, прикладной характер. Автор планирует создание на основе материала переписных и межевых книг вотчин Тобольского Софийского дома научно-справочного аппарата: именного и географического указателя, что востребовано в связи с возросшим интересом к генеалогии.

Любое историческое исследование требует критического подхода к источникам с целью понять и восстановить их подлинный смысл. Правильность их восприятия характеризуется не только языковыми и графическими единицами и средствами, но и общим фондом знаний и реалий и культуры исторической эпохи.

В свое время было правильно определено, что «материалы, которыми располагает историк, даже в своей совокупности представляют лишь часть объекта изучения, в то время как целое давно исчезло и существует лишь в той мере, в какой его может воссоздать историк»¹⁴. В реконструкции мозаики прошлого для историка важен не только сам факт, но и причинно-следственные связи тех или иных событий и явлений конкретной исторической эпохи. Именно эта закономерность настраивает историка на поиск фрагментов утраченного прошлого за счет расширения спектра методов, применяемых не только в истории, но и в лингвистике, социологии, психологии, исторической географии, информатике, картографии. Благодаря междисциплинарности перед историками открываются возможности создания новых источников информации, которые позволяют раскрыть многомерность контекстов исторического процесса.

¹⁴ Ретина Л.П. История исторического знания: Пособие для вузов / Л.П. Ретина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. М., 2004. С. 205.

«...И быть мне в полном подчинении»: наем в услужение как вид мещанской деятельности (по маклерской книге Казани 1818 года)

***Аннотация:** статья посвящена анализу маклерских книг Казани 1818 г. как источнику для изучения хозяйственной деятельности мещанства, в частности наиболее часто встречающейся формы — найма в услужение. Анализ контрактов о найме в услужение выявляет иерархичность мещанства даже среди этой группы, а применяемый лексико-семантический анализ дает возможность очертить как экономические, так и личностные требования, предъявляемые к данной категории работников. Все это позволяет сделать вывод об особенностях их трудовой этики, а также о сочетании коммерческих и морально-экономических отношений как одной из характерных черт образа жизни мещанства.*

***Ключевые слова:** мещанство, социальный статус, наем в услужение, образ жизни.*

Юридическое определение мещан обрисовывало данную социальную категорию как наследственное податное городское население, имеющее право на определенные виды занятий. Ученые, исследующие социальную историю, отмечают постоянно встречающиеся факты несоответствия социально-экономических реалий юридическим определениям практически у всех сословий дореформенного российского общества. Признаки формального положения (сфера занятий, подати и повинности, права и привилегии) неразрывно сочетаются с неформальными элементами (экономической, профессиональной или образовательной дифференциацией внутри формальных групп, нарушениями правовых границ, семейными связями)¹.

Социальный статус мещанина основывался на сочетании типичных черт, определенных законодательством, и реальных социальных характеристик, свидетельствующих о множественности и изменчивости идентичностей. Данный вывод подкрепляется при проведении микроисторического исследования, позволяющего на конкретном примере губернского города выявить скрытые социальные черты и нормы. Дореформенные

¹ Виртуафтер Э.К. Социальные структуры: различия в Российской империи. М., 2002. С. 13.

мещане идентифицируются как мелкие торговцы и ремесленники. Но в социальной истории «общие тенденции простираются лишь в конечном счете, пробиваясь через разногласия индивидуальных случаев, производящих впечатление хаоса»². Так, внутри мещанства можно выявить ярко выраженную иерархию лиц от не имеющей своего дома прислуги, «кормящейся черною работою», до тех, кто владеет несколькими домами и сдает жилье дворянским семьям. Даже категория «находящиеся в услужении», фиксируемая в обывательских книгах как наиболее распространенный вид мещанской деятельности, ничего не говорит о реальном положении мещанина без изучения конкретной жизненной ситуации.

В статье предпринята попытка показать возможности применения междисциплинарного подхода при анализе маклерских книг как источника для изучения форм деятельности мещан в повседневной жизни, ускользающих при исследовании иных документов и материалов. Маклерские книги представляют собой тип массового источника, поскольку их характеризуют «однородность, аналогичность или повторяемость содержания; однотипность формы, тяготеющая к стандартизации; наличие законодательно установленного, а также обычаем сложившегося или складывающегося формуляра»³. Нами использованы две маклерские книги, охватывающие акты, зафиксированные казанским присяжным маклером Гаврилой Селивановым в ноябре—декабре 1818 г. В них содержатся записи контрактов, условий, векселей, росписей, лавочных договоров с приказчиками, сидельцами и поверенными, условий о продаже крепостных домов и мест, о найме квартир, лавок, сторожей и рабочих людей⁴.

В данных книгах содержатся 119 записей. Мною исследованы те из них, в которых хотя бы одной из сторон является казанский мещанин. Подобных текстов насчитывается 57, т. е. практически в каждой второй записи фигурирует мещанин. Это свидетельствует о достаточной экономической активности мещанства, трудно выявляемой иными источниками. Безусловно, подтверждение данного тезиса требует дальнейшего исследования, но уже сейчас можно уточнить мнение В.М. Бухараева, говорившего об экономической инертности казанского мещанства⁵.

² Уваров П.Ю. Франция XVI века: Опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004. С. 215.

³ Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979. С. 7.

⁴ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ).Ф. 114. Оп. 1. Д. 235. Л. 1—24. Д. 236. Л. 1—22.

⁵ В.М. Бухараев, анализируя занятия мещан с 1901 по 1906 г., пришел к выводу, что «только 5 % мещан Казани принимали участие в товарно-рыночных отношениях

С содержательной точки зрения акты, включенные в рассматриваемые книги, делятся на следующие группы: векселя (21 запись), контракты о найме на работу или в услужение (17), договоры о временном содержании лавок или постоялого двора (13), договоры о взятии крепостных (3), условия о продаже или найме недвижимости (2), а также по одному контракту об откупе общественной службы и договору о поставке хлеба. Найм на работу или в услужение — наиболее массовый вид мещанской деятельности. Так, список казанских мещан 1858 г. показывает, что большинство из них (33,5 %) были заняты именно в этой сфере⁶. Анализ контрактов, содержащихся в маклерских книгах, позволяет увидеть значительный разброс в масштабах и уровне престижности данного вида занятий.

Из представленных контрактов данной группы в большинстве случаев это акты найма мещан на работу (10 записей). Наименее престижной выглядит работа мещан по четырем из них: Гаврила Алексеев Перешников нанялся на поташный завод заниматься «кузнешным мастерством», а его жена «стряпкою»⁷; Тимофей Васильев Печенкин нанялся к служителю архиерейского дома в работники по скорняжному мастерству⁸, Михаил Петров Шигин — выделывать кожи при купеческом козловом заводе⁹, а Федор Егоров Нохратов и Николай Никитин Кривоносов нанялись сторожами при кладбищенской церкви¹⁰. О невысоком статусе их занятий свидетельствует скромный размер вознаграждения. Семья Перешниковых подрядилась на работу за 225 руб. в год на двоих, причем им предписывалось делать, «что только по заводу потребно будет, а за неимением оной также и прочие заводские работы исправлять и все исполнять, что только от управляющего приказано будет». Печенкину полагалось 5 руб. в неделю, а Шигину 250 руб. в год. Труд скорняков, судя по оплате, выглядел более достойным, чем тяжелые обязанности кузнеца, а, казалось бы, совершенно непривлекательная работа кладбищенских сторожей являлась не только весьма доходной, но и уважаемой, требующей поручительства. Рытье могил, предоставляемое исключительно кладбищенским сторожам, судя по приводимым расценкам, да-

(производили ремесленную продукцию на продажу, нанимались на службу и прочее)» (Бухараев В.М. Провинциальный обыватель в конце XIX—XX веке: между старым и новым // Социальная история России: Ежегодник. 2000. М., 2000. С. 25.

⁶ Бессонова Т.В. Мещанские семьи Казани в середине XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 1(17). С. 14.

⁷ НА РТ.Ф. 114. Оп. 1. Д. 236. Л. 6об.

⁸ Там же. Л. 20об.

⁹ Там же. Л. 17об.

¹⁰ Там же. Л. 12.

вало немалые средства к существованию. Неслучайно в контракте неоднократно подчеркивалась необходимость поступать по совести: «без родных совершенно бедных класть во оные могилы или безо взятия платы или со значительным уменьшением оной»¹¹.

Под категорию «услужение» попадали также торговые служащие, имевшие более высокий социальный статус. Ю.М. Гончаров, выделяя категории данных лиц, отмечал, что положение лавочных сидельцев (продавцов в лавках) было престижнее, чем «молодцов», еще выше стояли приказчики, на вершине иерархии находились доверенные¹². В источнике зафиксированы четыре контракта о найме мещан в качестве лавочных сидельцев. Они нанимались торговать фруктовым, железным и хомутинным товаром, а также быть в услужении для различных надобностей хозяина: «в какой должности буду определен и что препоручено будет с рачительностию оную исправлять»¹³. Однако даже статус сидельцев был различен. Иван Матвеев Посников был нанят винным откупщиком купцом Калининым в качестве сидельца при питейном доме. О значимости данной службы свидетельствует высокая оплата (510 руб. в год) и поручительство титулярного советника¹⁴. Единственный в источнике случай найма мещанина приказчиком подтверждает престиж данной деятельности, о чем свидетельствует факт торговли не в обычной лавке, а в Гостином дворе на приличную сумму в 5000 руб.¹⁵

Мещане сами выступали в качестве хозяев-нанимателей, чаще всего нанимая сторожей для своих лавок. В трех контрактах они брали для работ ремесленников и выступали как посредники на рынке услуг, что свидетельствует о явной экономической активности и предприимчивости; по другим источникам подобную деятельность выявить не удавалось. Так, для шитья шапок и картузов был нанят экономический крестьянин¹⁶, ясашный татарин должен был делать татарские башмаки¹⁷, а мещанин Воцешников взял даже двух работников для кладки разного рода печей¹⁸.

Изучение текстов свидетельствует о том, что мещан связывали не только экономические, но и личные отношения: неслучайно вполне со-

¹¹ НА РТ.Ф. 114. Оп. 1. Д. 236. Л. 12об.

¹² Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX — начала XX в. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). М., 1999. С. 146.

¹³ НА РТ.Ф. 114. Оп. 1. Д. 235. Л. 12.

¹⁴ Там же. Л. 14об.

¹⁵ Там же. Л. 7.

¹⁶ Там же. Д. 236. Л. 21об.

¹⁷ Там же. Л. 22.

¹⁸ Там же. Л. 13; Д. 235. Л. 12об.

временная категория найма соседствует со средневековым понятием «услужение». Лексико-семантический анализ позволяет определить, какие качества требовались от нанятых работников. На первом месте находится исполнительность, причем не только по существу работы, но и как лично зависимого человека: «и быть мне в полном подчинении», трудиться «без всяких отговорок неленостно и с должным прилежанием и усердностью», «исправлять всякую работу, какую только возложит он господин хозяин», в том числе «если захочет «употребить в другие послуги, посылки или отправить по особым поручениям в другие города и селы... без всякого противоречия повиноваться и исполнять в самой точности»¹⁹. Таким образом, в духе традиций доиндустриального общества человек был не столько наемным работником, сколько слугой; наниматель всегда обозначался понятием «господин», даже если не принадлежал к привилегированным сословиям. Еще более характерно для данной традиции обязательное послушание не только хозяину и его приказчикам, но и семье, что подчеркивает личный оттенок отношений хозяина и работника.

От работников требовалось вести образ жизни, определяемый расплывчатым понятием «честный человек»: «не пьянствовать и с подозрительными людьми не знаться а весть себя как долг повелевает честного человека»²⁰. Неопределенность формулировки подразумевает достаточно свободное оценивание работника, лишь иногда конкретизируемое в договоре: «поступать учтиво, ссор кольми паче драк, грубостей и других непристойных поступков не оказывать»²¹; «жить же честно, трезво, между собой согласно, песен не петь, матерно не браниться... соответственно храму божию, с подозрительными людьми знакомства никакого не иметь и для проживания в ту сторожку ни родственников своих, ни на ночлег посторонних людей не пушать, ничьи товары, ни чьей скотины не принимать»²². Честность подразумевалась и как вполне четкое указание «не брать хозяйские вещи из дому его, ни из товаров, ни из других каковых либо домовых вещей ни тайно, ни явно»²³, и даже доносить на остальных работников: «иметь мне смотрение за рабочими и служителями и что замечено мною будет к ущербу хозяина, доносить ему или управляющему»²⁴.

¹⁹ НА РТ.Ф. 114. Оп. 1. Д. 235. Л. 24.

²⁰ Там же. Л. 3.

²¹ Там же. Л. 17об.

²² Там же. Д. 236. Л. 12.

²³ Там же. Л. 17об.

²⁴ Там же. Д. 235. Л. 12.

Во всех документах без исключения работникам предписывалась смиренность («противу его не спорить»), особенно при процедуре расчета («и все при расчете заплатить сполна»).

Завершаются все контракты ссылкой на традиционные религиозные ценности — обещанием соблюдать условия «свято и нерушимо», что свидетельствует об отмеченном исследователями распространении культурных ценностей христианства на предпринимательскую деятельность²⁵. Выявленные в договорах качества позволяют говорить о наличии трудовой этики не только у купечества, о чем неоднократно упоминали исследователи²⁶, но и у других представителей городского гражданства.

С другой стороны, в контрактах содержатся рациональные, экономически обоснованные обстоятельства. Прежде всего это бережное отношение к имуществу и деньгам: «всемерно беречь от повреждения имущества», включая дом, строения и посуду, сохранять «чистоту и опрятность как внутри того питейного дома, так и около, не исключая поправки или починки дороги или мостовой, а равно и отопление и освещение»²⁷. Особенно детально это оговаривалось в отношении сидельцев и приказчиков: «без спросу хозяина в долги не раздавать»²⁸; «вверенной мне хозяйном суммы на под каким предлогом не растащить... не кредитоваться... вверенный капитал хранить и без позволения хозяйского как в долги не раздавать, так и за себя не затрясать»; «во всякое время безоговорочно должен давать чистые и верные отчеты»²⁹. Гарантией от возможных убытков было требование находиться при службе в течение оговоренного срока «безотлучно», «не доживши срока от должности не отказываться и тем хозяину подрыва в торгопроизводстве не делать»³⁰, а также учтиво обращаться с покупателями³¹.

Элементом современной тому времени буржуазной культуры является детализация финансовых условий, присутствующая в каждом контракте. Все, что касается расчета, прописывалось максимально подробно и по-деловому сухо: аванс, размеры и регулярность остальных

²⁵ Беспалова Ю.М. Ценностные ориентиры предпринимательства в России (на материалах западносибирского предпринимательства второй половины XIX — начала XX в.). СПб., 1999. С. 3—4.

²⁶ Например: Маслова И.В. Менталитет купечества уездных городов Вятской губернии XIX — начала XX в. М., 2010. С. 124—168.

²⁷ НА РТ.Ф. 114. Оп. 1. Д. 235. Л. 14об.

²⁸ Там же. Л. 3.

²⁹ Там же. Л. 24.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 7.

выплат, финансовые обязательства в случае нанесения ущерба хозяину, право хозяина на досрочное расторжение договора, право подать в суд на слугу: а ему «прекословия не иметь», деньги отдавать незамедлительно, не доводя до разбирательства.

Таким образом, по анализу маклерских книг иерархичность мещанства приобретает реальное наполнение. Статус мещанина в каждом отдельном случае определяется конкретным стечением обстоятельств, семейными характеристиками и т. п. Ситуационность различных групп мещан подтверждает представление о текучей материи социального. Маклерские книги позволяют говорить о сочетании вполне коммерческих, экономических аспектов хозяйственной деятельности мещан и о сохранении элементов прежней средневековой категории службы на хозяина. Мещане, находившиеся в услужении, могли быть материально успешны, сами могли нанимать работников, т. е. были достаточно активны, подвижны, насколько это было возможно для дореформенной эпохи. Гибкое сочетание коммерческих, частнохозяйственных и морально-экономических отношений является одной из характерных черт образа жизни мещанства на протяжении всего периода его существования как социальной категории. «Мы сталкиваемся и с очевидными проявлениями своего рода наивности, простодушия, неискушенности горожан, характерными для человека доиндустриальной эпохи. Но одновременно с этим видим и проявления жестокости, коварства, вполне современной деловитости и расчетливости», — писал А. Б. Каменский о горожанах XVIII в.³² Но и на рубеже XIX—XX вв. отмечается сохранение и даже превалирование традиционных этических отношений в хозяйственной деятельности казанского мещанства³³.

К. А. Клюкова

Современные подходы к изучению церемониала Российского императорского двора

Аннотация: цель статьи — проанализировать научные подходы к изучению российского государственного церемониала; выявить ла-

³² Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2007. С. 372.

³³ Бухараев В. М. Провинциальный обыватель в конце XIX—XX веке: между старым и новым // Социальная история России: Ежегодник. 2000. М., 2000. С. 26.

куну в исследовании придворных церемоний. Дается обзор основных направлений, в рамках которых ведется изучение церемониала императорского двора: история культуры, история повседневности, новая политическая история. Представлены методы, применяемые в каждом направлении.

Ключевые слова: церемониал, церемония, Российский императорский двор, история культуры, история повседневности, новая политическая история.

Церемониалы Российского императорского двора являлись частью повседневной жизни монарших особ и русской аристократии. Историки начали проявлять интерес к придворным церемониям российской монархии еще в XIX в. Первоначально их внимание сосредоточивалось на наиболее торжественных мероприятиях — венчании на царство и коронации¹, остальные празднества были представлены в литературе гораздо скромнее². Историки XIX в. использовали в своих работах описательный подход. Сегодня государственный церемониал является предметом рассмотрения истории культуры, истории повседневности, политической истории.

Методологические основы изучения повседневной жизни высших слоев российского общества заложили работы Ю. М. Лотмана³. Культура, по его мнению, — «понятие коллективное, нечто общее для какого-либо коллектива (группы людей), живущих одновременно и связанных определенной социальной организацией», это и форма общения между людьми⁴. Общение происходит с помощью языка — системы знаков, употребляемых в соответствии с известными членам коллектива правилами. Знаками Лотман назвал «любое материальное выражение (слова, рисунки, вещи и т. п.), которое имеет значение и, таким образом, может служить средством передачи смысла»⁵. Изучению знаковых систем различных эпох посвящены работы исследова-

¹ Жмакин В. И. Коронации русских императоров и императриц // Русская старина. 1883. Т. 37. С. 499—538; Т. 38. С. 1—36.; Сказание о венчании Русских царей и императоров с иллюстрациями / Сост. П. П. Пятницкий. М., 1896.; Токмаков И. Историческое описание всех коронаций российских царей, императоров и императриц. М., 1896.

² Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI—XVII вв. М., 1895; Зарин А. Е. Царские развлечения и забавы за 300 лет. М., 1913; Придворная жизнь: 1613—1913: коронации, фейерверки, дворцы. СПб., 1913.

³ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). 2-е изд. СПб., 2001.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Там же. С. 6.

телей тартуско-московской семиотической школы, одним из основных представителей которой был Лотман.

Образцами историко-культурного исследования быта русской аристократии стали работы Ю.М. Лотмана и Е.А. Погосян «Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века»⁶ и «Великосветские обеды: Панорама столичной жизни»⁷. В этих работах описаны нормы и представления российской аристократии XVIII—XIX вв. В книге «Великосветские обеды» авторы рассказали о наиболее выдающихся званых вечерах Санкт-Петербурга XIX в., познакомили читателей с замысловатыми блюдами, представленными в меню российской элиты, и осветили список тем, обсуждавшихся на приемах; все эти аспекты составляли одну из наиболее осязаемых сторон реальности и бытовой жизни для людей эпохи XIX в.⁸ Представляет интерес структура книги. В первой части заключено исследование гастрономических нравов русской аристократии, проанализирован ассортимент блюд и застольный ритуал. Вторая ее часть — подневная запись меню обедов семьи обер-штальмейстера императорского двора П.Д. Дурново. Записи сопровождаются списками гостей, цитатами из газет с актуальными в те дни новостями, петербургскими письмами Дурново-младшего к отцу и выдержками из парижского дневника Дурново-старшего. Представив материал таким образом, авторы стремились помочь читателю живо представить атмосферу великосветских обедов, настроение гостей, застольные разговоры и споры. В работах представителей тартуско-московской семиотической школы церемонии вписаны в культурный контекст эпохи и рассматриваются как неразрывная составляющая повседневной жизни общества.

В 2011 г. вышло из печати 2-томное издание «Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря»⁹, в котором описан образ жизни дворянского сословия Петербурга первой половины XIX в. Историки, продолжая работу исследователей тартуско-московской семиотической школы, помогают читателю понять ценности, интересы и бытовой уклад людей ушедшей эпохи.

⁶ Лотман Ю.М., Погосян Е.А. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 233—254.

⁷ Лотман Ю.М., Погосян Е.А. Великосветские обеды: Панорама столичной жизни. СПб., 1996.

⁸ Там же. С. 5.

⁹ Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря: В 2 т. СПб., 2011.

Такой организационной форме светского общения XIX в., как балы, посвящен один из пространных комментариев Ю.М. Лотмана к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и статья «Бал» в книге «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века)»¹⁰. Автор рассказывает о грамматике бала: о последовательности танцев, о правилах поведения и общения на балах, а также о месте этой церемонии в жизни российских аристократов пушкинской поры.

Если в работах Ю.М. Лотмана и его последователей церемонии рассматриваются как часть жизни членов высшего общества XIX в., то в трудах И.В. Зимина они включены в контекст повседневности Российского императорского двора. В работе «Взрослый мир императорских резиденций»¹¹ автор сосредоточивает внимание на бытовой стороне жизни самодержавных монархов. Главной задачей для историка являлась «достоверная реконструкция такого текучего и сложного понятия, как повседневная жизнь Российского императорского двора»¹². Он стремился развеять «ложное представление о том, что бесконечная череда праздников — это и есть подлинно “царская жизнь”»¹³. Исследование, опирающееся на масштабную источниковую базу и охватывающее широкий круг аспектов придворной жизни, обобщает материалы по истории быта монаршей семьи Российской империи XIX — начала XX в. В книге «Царская работа. XIX — начало XX века» И.В. Зимин останавливается на внешней (публичной) стороне жизни монарших особ. Автор выделяет несколько церемоний: дворцовые приемы, высочайшие выходы, церемония шествия на Иордан, представления императорам, присяги цесаревичей, похороны монархов¹⁴. Церемониалы представлены как жестко регламентированные элементы этикета, превращающие, благодаря своей пышности и помпезности, «житейские мелочи в очень важные дела»¹⁵. И.В. Зимин прослеживает трансформа-

¹⁰ Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий // Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки. 1960—1990. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб., 1998. С. 542—760; *Он же*. Бал // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 119—137.

¹¹ Зимин И.В. Повседневная жизнь Российского императорского двора: Вторая четверть XIX — начало XX в.: Взрослый мир императорских резиденций. М., 2010.

¹² Там же. С. 6.

¹³ Там же. С. 5.

¹⁴ Зимин И.В. Царская работа: XIX — начало XX века: Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.; СПб., 2011.

¹⁵ Там же. С. 104.

цию порядка проведения церемоний и изменения восприятия их обществом.

Блестящим церемониям посвятила ряд работ О.Ю. Захарова¹⁶. В ее трудах на ярких примерах охарактеризовано участие монархов в больших выходах, конных каруселях, балах и других придворных торжествах. Работы историка охватывают весь обширный комплекс праздничных церемониалов императорского двора (коронационные торжества, церемонии в церкви, представления и принесение поздравлений монархам, праздничные застолья, балы, парады и др.). Описывая языки церемониального костюма и жеста, Захарова раскрывает читателю секреты невербальной коммуникации на балах и маскарадах.

Она одной из первых среди историков обратилась к теме использования государственных и военных церемониалов в системе управления Российской империи, посвятила этой проблеме свою докторскую диссертацию¹⁷. Объект ее исследования — особенности функционирования церемониалов на различных уровнях государственного управления (от императорского двора до канцелярии генерал-губернатора). Подчеркивается высокая значимость комплекса государственного церемониала для существования империи. В этой и ряде других работ Захарова выделила характерные черты церемоний: они служили укреплению жизненных устоев общества, военно-патриотическому воспитанию армии, нравственному воспитанию населения в духе любви к царю и Отечеству; посредством церемоний, являвшихся мощным идеологическим механизмом, транслировались идеи незыблемости, вековечности и богоданности монаршей власти, величия империи¹⁸. По мнению Захаровой, между отношением общества к церемониалам и к власти прослеживается прямая связь: «Реакция различных слоев общества на государственные и военные церемониалы демонстрировала отношение граждан к

¹⁶ Захарова О.Ю. Веселье без перерыва. Балы и маскарады Елизаветы Петровны // Родина. 1995. № 6. С. 84—88; *Она же*. Не потерять каданс. Балы эпохи Александра I // Родина. 1996. № 3. С. 58—60; *Она же*. История русских балов. М., 1999; *Она же*. Русские балы и конные карусели. М., 2000.

¹⁷ Захарова О.Ю. Использование государственных и военных церемониалов в системе управления Российской империи XVIII — нач. XX в.: Автореф. ... д-ра ист. наук. М., 2002; *Она же*. Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII — начала XX века: Коронации, дипломатические приемы, высочайшие выходы, военные парады, рыцарские карусели, церемониальные застолья, балы. М., 2003; *Она же*. Светские церемониалы в России XVIII — начала XX в. М., 2003.

¹⁸ Захарова О.Ю. Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи. С. 374.

представителям власти»¹⁹. В трудах историка охарактеризовано место придворных церемоний в сферах политики и культуры Российской империи.

Работы О.Ю. Захаровой относятся к сфере новой политической истории. Этот подход характеризуется интересом к исследованию власти во всех ее проявлениях. Он неразрывно связан с другими гуманитарными областями. Первоначально историки брали за основу своих исследований разработки антропологов²⁰. Благодаря влиянию культурно-антропологического поворота предмет политической истории был смещен с политики на «политическое». Этот предмет фиксируется не только там, где есть властные институты, но и там, где речь идет о неравных социальных отношениях²¹. Действуя в рамках подхода новой политической истории, исследователи начинали с изучения образа власти в глазах населения, рассматривали мифы, которыми окружена власть. Затем предметом их внимания стали обряды и церемонии, используемые представителями власти для возвеличивания собственной персоны, а также способы коммуникации правителей с подданными, с ближайшим окружением, которые позволяют репрезентировать власть²².

С 1990-х гг. в среде российских историков возрос интерес к исследованию демонстрационных действий власти и способов их проявления. М.А. Бойцов разрабатывает вопросы политического символизма и репрезентации (в том числе «обыденной репрезентации») власти²³. Исследователя интересуют «непроговоренные современниками сопоставления», на которых выстраивались те или иные символические фигуры, и векторы заимствований в области символического. Он исследует сферу политического. В его работах представлен

¹⁹ Захарова О.Ю. Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи. С. 357.

²⁰ Ле Гофф Ж. К формированию политической антропологии // Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М., 2001. С. 401—425.

²¹ Тихомиров А.А. Роль личности в новой политической истории: конструкт «вождя» в условиях «современной диктатуры» (на примере образа Сталина в ГДР) // Новая политическая история. СПб., 2004.

²² The Invention of Tradition / ed. By Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge, 1983. VII; 320 p.; Rituals of Royalty. Power and Ceremony in Traditional Societies / ed. By D. Cannadine and S. Price. Cambridge, 1987. XI, 351 p.

²³ Бойцов М.А. Скромное обаяние власти (К облику германских государей XIV—XV вв.) // Одиссей. Человек в истории. 1995. М., 1995; *Он же*. Символический мимесис — в средневековой Европе, но не только // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2004. Вып. 6. М., 2005; *Он же*. Величие и смирение: Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009.

историко-символический метод, который состоит в возможно более подробном анализе деталей символически значимых ситуаций. Возникновение и функционирование символических форм анализируется в рамках всей «символической системы», «сообщества» «актеров», в каждом из которых несколько «производителей» и большое число «реципиентов»²⁴.

Тема репрезентации власти в Российском государстве начала разрабатываться в отечественной науке в середине 1990-х гг. В первую очередь историки обратились к изучению репрезентативного потенциала сфер культуры²⁵, религии²⁶ и цензуры²⁷. Работы Н. Элиаса и Р. Уортмана заложили основы для исследования церемониалов Российского высочайшего двора как средства репрезентации и легитимации императорской власти.

В труде Н. Элиаса «Придворное общество» реконструируется церемониал, существовавший при дворе Людовика XIV²⁸. Каждый церемониальный акт рассматривается как символ распределения власти. Автор отмечает, что для иерархизации подданных король использовал даже свои интимные отправления.

Двухтомник американского историка Р. Уортмана «Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии»²⁹ — первое исследование феномена российской монархии, в котором символическо-мифологические аспекты вынесены на первый план. Автор в хронологическом порядке проанализировал публичные акты императоров и императриц, начиная с правления Петра I. Сценарием власти или правления одного государя автор назвал «комплекс индивидуальных способов, приемов, стилей, избираемых каждым монархом для ре-

²⁴ Бойцов М.А. Символический мимесис — в средневековой Европе, но не только. С. 358—359.

²⁵ Киселева Л.Н. Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусаннинский сюжет) // Лотмановский сборник. М., 1997. Вып. 2. С. 279—302.

²⁶ Вишленкова Е.А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России Александровской эпохи. Казань, 1997; Она же. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002; Она же. Утраченная версия войны и мира: символика Александровской эпохи // Ab Imperio. 2004. № 2. С. 171—210.

²⁷ Григорьев С.И. Придворная цензура в царствование императора Николая I // Новая политическая история. СПб., 2004. С. 61—76.

²⁸ Элиас Н. Придворное общество: Исследование по социологии короля и придворной аристократии: Пер. с нем. А.П. Кухтенкова и др. М., 2002.

²⁹ Уортман Р. Изобретение традиции в репрезентации российской монархии // Новое литературное обозрение. 2002. № 56. С. 32—41; Она же. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. М., 2004.

презентации и “разыгрывания”, “постановки” базового мифа»³⁰. Сочетая семиотические и антропологические методы, Уортман выявил генеральные сценарии царствований российских императоров. Однако в его работе не всегда возможно проследить связь между актом репрезентации и логикой правителя или его окружения. В рецензии на 2-й том М.Д. Долбилов отмечает, что Уортман «ретроспективно присваивает самодержавию дополнительную харизму, представляет символическое воззвание власти более доходчивым и эффективным, более “расшифрованным” и “читаемым”, чем оно могло быть в реальной политической жизни»³¹. Эта же проблема затрагивается в обсуждении труда Уортмана историками и культурологами, организованным «Новым литературным обозрением»³².

Сценарии российских правителей выявлены на основании анализа следующих сфер культурной жизни общества: литературы, архитектуры, драматургии, музыки. Церемониальные акты нашли отражение в монументальном труде Р. Уортмана. Историк отметил: «Пышные, подчиненные строгому ритуалу представления, требовавшие от русской монархии невероятных расходов и затрат времени, свидетельствуют о том, что русские правители и их советники считали символику и образность церемоний насущно необходимыми для осуществления власти»³³. Церемонии императорского двора исследованы Уортманом выборочно. Историк обратил внимание на единичные наиболее яркие мероприятия (коронации, отдельные празднования побед и др.), оставив за рамками работы периодические празднества. Автор утверждает, что церемониалы Российского императорского двора были включены в практику реализации власти и использовались для того, чтобы поразить подданных государства, западные правительства и общественное мнение великолепием монархии³⁴.

Значимые для изучения репрезентации царской власти проблемы разрабатывали Б.А. Успенский и В.М. Живов³⁵. В их работах рекон-

³⁰ Долбилов М.Д. [Рецензия] // Отечественная история. 1998. № 6. С. 177—181. Рец. на кн.: Wortman R. Scenarios of power: myth and ceremony N.Y. in Russian monarchy. V.I.: From Peter the Great to the death of Nicholas I. Princeton, N.J., 1995.

³¹ Там же. С. 181.

³² «Как сделана история» (обсуждение книги Р. Уортмана «Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии») // Новое литературное обозрение. 2002. № 56 (4). С. 42—66.

³³ Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2004. С. 18.

³⁴ Там же. С. 17—18.

³⁵ Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 47—153.

струируются системы представлений, обуславливающих восприятие событий и реакцию на них различных обществ. Историки обратили пристальное внимание на церемонию венчания монарха на царство. В исследованиях применялся историко-культурный подход, позволяющий выявить культурные коды, заключенные в церемониалах, присущие различным эпохам.

Объектами рассмотрения в учебном пособии Г.В. Ибнеевой «Церемониал российских императоров (XVIII—XIX вв.)»³⁶ явились способности символической репрезентации монархической власти через ритуалы двора, путешествия монарших особ и другие публичные акты российских императоров. Комплекс ритуалов и церемоний Российского высочайшего двора характеризуется в пособии как автономное пространство власти, динамичный политический институт, имеющий собственные символические традиции и генерирующий новые в целях утверждения императорского образа³⁷. Автор подчеркнула, что монархический ритуал устанавливал символическую дистанцию между правителем и подданными, представляя обладание властью как факт, коренящийся в естественном порядке вещей. В ходе занятий предполагается знакомство студентов с практикой участия монархов во всем комплексе придворных церемониалов.

И.И. Несмеянова в работе «Российский императорский двор первой половины XIX века как социокультурный феномен» поставила задачу всесторонне изучить данный институт³⁸. Императорский двор в этот период наряду с административно-хозяйственными функциями выполнял репрезентативную роль. Церемонии являлись средством для репрезентации смыслов. Несмеянова осветила ряд масштабных придворных торжеств эпохи Александра I и Николая I, рассказала о знаковом поведении монархов на мероприятиях и о распорядках (церемониалах) празднеств. Придворный церемониал определен ею как разновидность этикета, регламентирующая публичное поведение и общение присутствовавших на торжествах лиц³⁹. Празднично-досуговые традиции двора, по мнению Несмеяновой, отражали специфику образа жизни правящей элиты, характер ее взаимодействия с подданными в сфере политической и культурной репрезентации, уровень развития

³⁶ Ибнеева Г.В. Церемониал российских императоров (XVIII—XIX вв.): Учеб. пособие. Казань, 2008. Пособие предназначено для использования на спецкурсах в вузах.

³⁷ Там же. С. 4.

³⁸ Несмеянова И.И. Российский императорский двор первой половины XIX века как социокультурный феномен. Челябинск, 2007.

³⁹ Там же. С. 149.

материальной и духовной культуры, преемственность поколений дома Романовых в сфере династических ценностей⁴⁰.

О.Г. Агеева посвятила свои работы праздникам, церемониям бракосочетаний и траурным торжествам Российского императорского двора XVIII в.⁴¹ В них рассмотрен вопрос о степени влияния европейского придворного этикета на церемониальные действия русского двора, существенно изменившиеся в эпоху правления Петра I, прослеживается трансформация торжеств на протяжении XVIII в.

Подробно изучаются отдельные аспекты придворных церемоний. Музыкальной их составляющей, проблеме использования музыки в церемониальной и частной жизни русского двора XVIII — начала XIX в. посвятила несколько работ Н.А. Огаркова⁴². На материале церемониальных и «свободных» балов изучается концертная культура XVIII—XIX вв.⁴³ Обширный пласт трудов искусствоведов и культурологов посвящен убранству императорских резиденций и праздничному декору церемониальных пространств⁴⁴.

Наша классификация исследований, посвященных придворным церемониям, является условной. Ряд исследований трудно отнести к одному направлению. Лучшей иллюстрацией в данном случае могут служить первые строки упомянутой работы Б.А. Успенского и

⁴⁰ Несмеянова И.И. Российский императорский двор первой половины XIX века как социокультурный феномен. С. 187.

⁴¹ Агеева О.Г. Увеселения русского двора от Петра I до Екатерины Великой // Отечественная история. М., 2006. № 5. С. 3—15; Она же. Европейские образцы и церемониалы русского императорского двора XVIII в. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 3. М., 2006. С. 249—269.

⁴² Огаркова Н.А. Музыка как феномен церемониальной и повседневной жизни русского двора: XVIII — начало XIX века: Дисс. ... д-ра иск. СПб., 2004; Она же. Церемонии, празднества, музыка русского двора. XVIII — начало XIX в. СПб., 2004.

⁴³ Рыжкова Н.А. Бальные танцы и оперная музыка начала XIX века // Развлекательная культура России XVIII—XIX вв. СПб., 2000. С. 196—210; Дуков Е.В. Общественные балы и концертная культура XVIII в. // Дуков Е.В. Концерт в истории западноевропейской культуры. М., 2003. С. 171—184; Колесникова А.В. Бал в России XVIII — начала XX века. СПб., 2005.

⁴⁴ Павлова М.А. Интерьеры Большого Ораниенбаумского дворца: XVIII — середина XIX века // Ораниенбаумские чтения. Вып. VI. СПб., 2006; Аронова А.А. Коронационные торжества в Московском Кремле 1724, 1730, 1741, 1762 годов. К проблеме архитектурного оформления праздника // Тезисы докладов юбилейной научной конференции «К 500-летию Архангельского собора и Колокольни Ивана Великого Московского Кремля». 28—30 октября 2008 г. / науч. ред. А.Л. Баталов. Электронный ресурс «Московский Кремль». Режим доступа: <http://www.kreml.ru/ru/science/conferences/2008/500/thesis/АроноваАА/>. Дата обращения: 01.02.2012; Болтунова Е.М. Колокольня Ивана Великого в церемониале коронации императора Павла I // Там же.

В.М. Живова «Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России»: «Работа, которая предлагается вниманию читателя, одновременно относится и к сфере филологии, и к сфере истории общества, включая историю культуры и историю политических представлений. В самом деле, речь пойдет об отношении к царю в России в разные периоды русской истории, и прежде всего о тех языковых (и вообще семиотических) средствах, в которых проявлялось это отношение. Очевидно, что эта проблематика связана с историей политических воззрений. Одновременно, поскольку речь пойдет о сакрализации монарха, неизбежно возникает ряд проблем, которые, вообще говоря, относятся к области религиозной психологии»⁴⁵. Сегодня церемонии исследуют представители разных гуманитарных наук и научных направлений, что способствует складыванию мозаики церемониалов в единую картину.

Придворные церемонии Российского государства могут быть объектами исследований, посвященных легитимации монархической власти в различные периоды ее существования. Благодаря регулярному повторению праздничные дни служили мощным механизмом передачи культурных традиций из поколения в поколение⁴⁶. Вместе с тем торжества напоминали обществу о значимых явлениях и событиях. С помощью сложных, строго регламентированных мероприятий при императорском дворе в присутствии свиты, иностранных гостей, военных, приглашенных лиц из числа купцов и дворян отмечались значимые для государства события. В ряде случаев на церемониях присутствовали крестьяне; практика их участия недостаточно представлена в исторической литературе.

Церемониальные торжества уже являлись и в дальнейшем могут стать основой исследований ценностей и нравов высшего общества XVIII—XIX вв. При Российском дворе в течение недели совершалось несколько церемоний разного масштаба. На них присутствовали придворные и особы первых классов. Документы, содержащие приглашение к торжеству во дворце, носили говорящее название «повестка», отказать от приглашений было невозможно. Посещение торжеств при императорском дворе было распространенным времяпрепровождением российской аристократии.

⁴⁵ Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России. С. 47.

⁴⁶ Даркевич В. П. Светская праздничная жизнь Средневековья IX—XVI вв. 2-ое изд. доп. М., 2006. С. 8.

З.М. Кобозева

«Плач по рекрутам»: исторические подходы к исследованию эмоционального контекста

Аннотация: цель статьи — анализ эмоционального переживания мящанством рекрутской повинности. Статья посвящена методологическим возможностям включения отдельных эмоциональных сюжетов в общий контекст групповой эмоциональной жизни. Предпринимается попытка в контексте анализа мящанской сословной идентичности сочетать методы исторической антропологии, социального конструктивизма и истории эмоций.

Ключевые слова: мящанское сословие, история эмоций, рекрутская повинность.

Внутреннее состояние мящанского сословия в начале 2-й половины XIX в. в определенной степени характеризуют дела фонда городской думы. В период, предшествующий городской реформе 1870 г., она являлась официальным «чревом» мящанской жизни, регулирующим повседневные стратегии и практики сословного существования. Какой бы неэффективной и искусственной с точки зрения историографической интерпретации ни выглядела ее деятельность¹, городская дума организовывала быт мящан и купцов 3-й гильдии (после 1824 г. купцы 1-й и 2-й гильдий получили право отказываться от службы в сословных городских учреждениях)².

В социально-исторической урбанистике сформировались два подхода к изучению социальных общностей города: «первый подходит к этой проблеме со стороны индивидов, составляющих ту или иную общность, имеет предметом исследования жизненный путь человека от рождения до смерти, описываемый через смену социальных ролей и стереотипов поведения и рассматриваемый в контексте занимаемого им... пространства. Второй отталкивается от раскрытия внутренней организации и функционирования самой социальной среды, микромира общины... всего многообразия городских общностей...»³. С позиций данных подходов такой орган городского самоуправления, как шестигласная дума, охватывал своей делопроизводственной документацией как жизненный

¹ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 178—179.

² Там же. С. 178.

³ Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009. С. 27.

путь индивида, так и мир городского общества. В логике исследования, основанного на принципах социально-антропологического анализа, выделяется операция, которую можно было бы назвать медицинским термином «синдром»⁴. «Совокупностью симптомов с общим патогенезом» в случае анализа мещанской повседневности по делам фонда городской думы за 1850—1860-е гг. становится преобладание вопросов, связанных с рекрутской повинностью (из 1855 дел описи 6 фонда № 170 рекрутам посвящены 139; эти дела хронологически сосредоточены именно в 1850—1860-х гг.)⁵. Гипотетическая рабочая модель, объясняющая такую озабоченность мещан рекрутской темой, — тезис о том, что, неся на себе до самого конца рекрутской повинности наравне с крестьянами всю ее тяжесть⁶ и учитывая общинный характер данной повинности⁷, практики выживания мещан как беднейшего сословия городов были напрямую связаны с числом работников в семье; покидавший дом практически на всю жизнь (средняя трудовая) рекрут в обрядовых действиях и повседневности приравнялся к покойнику⁸; через ритуал рекрутской обрядности (гуляния, связанные с приемом на службу: жеребьевкой, измерением, забриванием, присягой, проводами) семантически рекрутство выступало как уход из социума и репрезентировалось в терминах похоронно-поминальной обрядности⁹. Таким образом, эмоционально рекрутство было «страшной сказкой» в мещанской традиционной культуре, ситуацией, задаваемой извне. Оно использовалось и в качестве наказания родителями непокорных сыновей (значительное количество дел посвящено просьбам родителей отдать в рекруты своих сыновей за неподчинение родительской воле или за отсутствие уважения к родителям). В «хороших» семьях родители пытались придумать различные способы спасения своих детей от службы: переписывание семейных списков через раздел семей, справки от врачей, членовредительство, наем «охотников» и т. д.

Человеку на его жизненном пути приходилось преодолевать различные трудности. Они проистекали как из глобальных причин (например, природные стихийные бедствия), так и из того, что человек, буду-

⁴ Ретина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. С. 43.

⁵ ГУСО ЦГАСО.Ф. 170. Оп. 6 (подсчитано по описи).

⁶ Рыдзюнский П.Г. Городское гражданство в дореформенной России. М., 1958. С. 44.

⁷ Иванов Ф.Н. Рекрутская повинность населения России в 1831—1874 годах: на материалах Европейского Севера: Дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2006. С. 5.

⁸ Кормина Ж.В. Рекрутский обряд: структура и семантика (на материалах севера и северо-запада России XIX—XX вв.): Дисс. ... канд. культурологии. М., 2000.

⁹ Там же. С. 1.

чи инкорпорирован в жизнь общества, вынужден был адаптироваться к его социально-политическим и экономическим законам. Но при этом «ни производственная, ни политическая, ни культурная деятельность не представляют для конкретного человека самоцели. Все они фактически служат средством обеспечить данному человеку благоприятные условия повседневного существования»¹⁰. Жизнь социума — это поле для приложения творчества власти, «власть всегда держит мир в напряжении»¹¹. Через силу эмоций, направленных на преодоление данного вторжения власти в сферу частной жизни индивидов, мы можем проанализировать меру их лояльности к окружающей социальной жизни, психологический климат в социальной группе и «интерпретацию этических идеалов в повседневной культурной практике»¹².

Сложнее обстоит дело с анализом реакций людей на «стимулы» власти. Согласно П. Бурдьё, люди «на три четверти — автоматы», «запрограммированные» в своих действиях принятыми в обществе нормами¹³, а следуя логике Ю.Л. Бессмертного, общество — «не вполне интегрированная система, внутри которой мыслимы... “разъемы”, способные вмещать “чужеродные”, выламывающиеся из нее феномены»¹⁴. Степень казуальности того или иного поступка индивида может быть осмыслена не только на макроуровне, т. е. на уровне отклонения от принятого поведенческого канона, но и на микроуровне, т. е. на степени эмоциональной лояльности или оппозиционности «стимулам» того или иного социального события.

Мы берем для анализа эмоциональной жизни мещан середины XIX в. переживание такого события, как рекрутская повинность. За более чем вековую историю данной повинности сформировалось несколько сильных коллективных эмоций, связанных с нею: страх, скорбь, гнев, любовь. Возникает вопрос, чего мог бояться мещанин середины XIX в. больше: Божественного правосудия, смерти, болезни, нищеты, власти? Именно с данными константами, на наш взгляд, так или иначе связано рекрутство.

Сразу следует оговорить, что на региональном уровне (по материалам Самарской губернии) этнографами мещанский рекрутский фольклор не изучался. Учитывая в определенной степени тесную связь

¹⁰ Человек в мире чувств: Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени. М., 2000. С. 8.

¹¹ Соловьева С.В. На стороне власти: очерки об экзистенциальном смысле власти. Самара, 2009. С. 12.

¹² Там же. С. 11.

¹³ Шартье Р. Одна четверть свободы, три четверти детерминизма // Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки. М., 1993. С. 42—43.

¹⁴ Человек в мире чувств. С. 19—20.

мещанства с крестьянством (межсословная мобильность), в определенный момент возник соблазн допустить возможность контаминации крестьянского фольклорного сознания и мещанского. Однако, принимая во внимание тот факт, что город трансформировал крестьянскую ментальность и бытовую культуру, нельзя отождествлять крестьянскую рекрутскую обрядность с мещанской, хотя элементы и рецепции и трансплантации крестьянской картины мира на городскую среду имели место.

Сам по себе рекрутский фольклор эмоционально пронзителен. В нем сосредоточена бинарная оппозиция «праздник — траур»; траур через праздник. Тема рекрутства — это тема плача. Плач преобладает в рекрутских песнях и знаменует собой прощание рекрута с социумом. «Вот и вышло на них несчастье — / да невольщина — некрутчина!» Если элитарная культура России пронизана интеллектуальной рефлексией, в которой не плач, а игра в плач, не мистицизм народной религиозности, а игра в нее¹⁵, то «низовая культура» надрытна¹⁶ и бесхитростна. Рекрутские наборы были событием горестным, в эти дни «государство покрывалось траурной завесой, все встревожено, все стонет, все ропщет, врата угнетений и всяких злоупотреблений отверсты»¹⁷. К.В. Чистов называет рекрутские причитания плачами-поэмами¹⁸. В них присутствуют элементы, роднящие их с погребальным фольклором. Е.В. Барсов отмечал, что «завоенные плачи имеют ближайшее отношение к... плачам погребальным, надгробным и надмогильным»¹⁹. Радикальные изменения в статусе рекрута приравнивались к смерти для социума. Одинаковой фольклорной формулой определялся социальный статус умершего сына.

С другой стороны, рекруты создавали длительное «праздное (или полупраздное) время в будничной жизни»²⁰. С определенного времени они освобождались от работы до ноября (набора), получали право на праздничную одежду, собирались в группу, гостили поочередно друг

¹⁵ Эткинд А. Хлыст. М., 1998.

¹⁶ Кофман А.Ф. Аргентинское танго и русский мещанский романс // Литература в контексте культуры. М., 1986. С. 220—233.

¹⁷ Русская старина. 1874. № 2. С. 245 // Цит. по: Корнилов В.А. Эволюция военной службы в России XIX в.: от рекрутской системы к всеобщей воинской повинности // Преподавание истории и обществоведения в школе. 2003. № 7. С. 2—12.

¹⁸ Невская Л.Г. Полное переиздание «Причитаний Северного края» // Живая старина. 1999. № 4(24).

¹⁹ Там же.

²⁰ Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Л., 1988. С. 211.

у друга. Гулянья рекрутов отличались бесцеремонным и буйным поведением. Им прощались все выходки, так как подобное поведение считалось нормой²¹. В рекрутском событии следует выделять фазы, которым соответствует разный эмоциональный фон: фаза неопределенности, ожидания и фаза свершившегося. В фольклористике более изучена вторая фаза. Она обладает определенным «эмоциональным режимом»²², т. е. «комплексом эмоций и официальных ритуалов, практик и мотивов, которые их выражают и внедряют»²³. Первая же фаза связана с латентным переживанием и косвенными эмоциональными мотивами: ожидание, страх, гнев (в ситуации, когда рекрутство использовалось в качестве наказания), покорность и т. д.

Обыденное сознание мещанства середины XIX в. было пронизано неизбежностью государственного тягла. Принимая и осознавая свое место в системе социальной иерархии, мещане города выработали свои модели поведения, позволяющие жить в «повседневности», а не «в катастрофе» от пожаров, эпидемий, болезней, податей, разорений и рекрутских наборов. Культурная традиция мещанского «социального универсума» обладала глубинной программой смиренного мудрия обывателя, позволявшей защитить себя от неприемлемых структурных изменений, передать свои познания, опыт и идеалы от поколения к поколению²⁴. Чтобы разобраться в проблеме повседневного «горевания», переживания этого эмоционального состояния группой населения, отодвинутой всеми слоями культур на «задворки» общекультурного российского процесса, нужно обратиться к анализу различных форм реакций мещан на рекрутство, отразившихся в архивных фондах и фольклорных текстах. От горя мещан, столкнувшихся с рекрутством, ничего не менялось в государстве. Тогда, может быть, исторической науке следует пренебречь этим эмоциональным переживанием («У отца было у матери три сына любимых / Отец с матерью всю ночь не спят, / Всю ночь не спят, за столом сидят, / За столом сидят, думу думают / Нам которого сына в солдаты отдать?»)? Самое сложное в этом вопросе — не обозначить предмет исследования, связанный с рефлексией мещанства в отношении рекрутства, а определить, с помощью каких методов возможно проникнуть в глубь данной темы. Е. Вишленкова в исследовании

²¹ Бернштам Т.А. Указ. соч.

²² Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций. М., 2010. С. 22.

²³ Там же.

²⁴ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. С. 41.

по «визуальному народоведению» отмечает применительно к другой аналитической операции, что «ни этнография с ее фиксацией на процессе накопления сведений и признаков “издавна существовавшего” народа, ни традиционное искусствоведение с интересом к способности искусства фиксировать социальную реальность, ни национальная история, создающая рассказ о разворачивающейся во времени жизни народа, ни даже нарождающаяся историческая психология не могут в собственных дисциплинарных рамках реконструировать и контекстуализировать идентификационные процессы, породившие группность... Анализ же языков самоописания позволяет обнаружить скрытые резервы самоорганизации»²⁵.

Прежде чем перейти к анализу реакции мещанства на рекрутскую повинность, обозначим методологические подходы, позволяющие исследователю проникнуть в мир «немотствующего» социума. Для нас таким методологическим фундаментом являются достижения британской социально-антропологической истории, заложенные работами К. Томаса, П. Берка и др.²⁶, и Лестерской школы локальной истории, в частности исследования Ч. Фитьян-Адамса²⁷. «История народной культуры, ставшая своеобразным эквивалентом французской школы ментальностей, исследовала проблемы обыденного сознания на основе социально-антропологического подхода и использования фольклорных и локально-исторических источников. Она ввела в научный оборот огромный источниковый материал, характеризующий особенности духовной жизни и поведения людей, с учетом локально-региональной и социально-групповой специфики»²⁸. «Социально-исторические сюжеты разрабатывались как на макро-, так и на микроуровнях, сверху и снизу, сквозь призму структурного анализа социальных слоев и статус-групп и через быт, поведение и сознание “простых людей” в местных городских и сельских сообществах. Так создавалась коллективная биография локальной общности или “биография социального класса”»²⁹. Таким образом, с помощью методов микросоциальной истории³⁰ можно продвинуться в изучении мещанской сословной рефлексии. Но в ло-

²⁵ Вишленкова Е. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011. С. 12.

²⁶ Thomas K. Religion and the decline of magic. L., 1971; Burke P. Popular culture in early modern Europe. L., 1975.

²⁷ Phythian-Adams Ch. Desolation of a city: Coventry and the urban crisis of the late Middle Ages. Cambridge, 1979.

²⁸ Ретина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. С. 71.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 76.

кальных исследованиях преобладает установка на усредненность и типизацию³¹. Склонность выявлять типичное в пространстве частной жизни индивидов диктуется традициями, принятыми в исторической науке. Необходимо искать новые объяснительные модели, которые должны учитывать «наряду с социально-структурной и культурной детерминацией детерминацию личностную и акцидентальную»³².

Восполнить эту лакуну позволяет весь комплекс концептуальных подходов истории эмоций. «Эмоции часто невозможно выявить или подтвердить документально»³³. В этом отношении хотелось бы солидаризироваться с авторами коллективной монографии «Российская империя чувств» в том, что «историкам необходимо разработать новую “герменевтику тишины”, или “герменевтику чтения между строк”, т. е. герменевтику, сосредоточенную на микроуровне текста и замечающую малейшие изменения языковой логики — “случайные проговорки”... или “случайные детали”»³⁴.

Несмотря на то что по делопроизводственной документации, касающейся отношения мещан к рекрутству, можно выявить различные практики уклонения от данной повинности, в целом эмоциональный тип мещанина в этой ситуации можно обозначить как «герой терпения»³⁵.

На наш взгляд, несколько преувеличивается на сегодняшний день роль религиозного сознания в жизни горожан дореволюционного периода. Мещанин не принимал смиренно болезни и смерть. Он уже был достаточно динамичен и рационален, чтобы использовать тему болезни для тех или иных видов апелляций во власть; он сетовал, спекулировал своей болезнью. Егор Николаевич Щипачев родился от законного брака рядового Оренбургского артиллерийского гарнизона и по правилам вместе с двумя старшими братьями был зачислен в кантонисты. Но если старшие братья — в воинской службе, то Егор Николаевич, «имеющий телесные неспособности», по просьбе отца был исключен из военного ведомства в податное состояние. Он женился на мещанке Матрене Чекалиной и стал жить в доме ее матери Василисы, но тут оказался в рекрутских списках и жеребьевкой ему выпало идти в рекруты. Мещанин пишет прошение в думу, к которому прилагает ценное для историков описание своих болезней: имею «посто-

³¹ Ретина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. С. 271.

³² Там же. С. 285.

³³ Российская империя чувств. С. 35.

³⁴ Там же. С. 36.

³⁵ Платнер Я. Страх: солдаты и эмоции в истории военной психологии начала XX века // Российская империя чувств. С. 424.

янное удушье, сопряженное с болью в груди; постоянное усиленное сердцебиение или расширение онаго, тяжелые завалы в левом боку, постоянное кружение головы, ломоту в ногах и кроме того в 1846 г. я был разбит параличом, от чего я подвергаюсь частовременно болезненным припадкам и совершенно не имею определенной силы во всем корпусе»³⁶. Егору было 27 лет.

Сложно интерпретировать скудный источниковый сюжет, но и пренебречь им нельзя. Самарский мещанин Лева Яковлевич Кочергин писал в думу: «Лет пятнадцать тому назад бывши отпущен господней Ерофеевой на волю... с отцом моим и матерью и тремя моими сестрами... Отец вскорости по увольнении умер а мать быв не в состоянии пропитывать нас четверых детей трудами своими вышла в замужество за отставного солдата... с которым прижила еще двоих детей... Мать моя и отчим умерли, оставив нас шестерых детей без всяких средств почему я с 1851 г. причислен в мещанское общество... две сестры в замужестве... три еще при мне... если заберут трое останутся без всяких средств...»³⁷. Городская дума не сочла возможным удовлетворить ходатайство, так как Кочергин не представил никаких удостоверений, подтверждающих его рассказ. Сестра Юлия также написала прошение. Тогда дума приняла решение провести собственное расследование силами участкового начальника. Выяснили с трудом, что Кочергин действительно воспитывает двух малолетних сирот, а старшие братья и сестры уже устроились в жизни. Дума затруднилась сделать по этому случаю свое заключение и передала его на рассмотрение губернатора³⁸.

Жила-была мещанская девица Прасковья Малышева. 17 октября 1842 г. «приимела» незаконно сына неизвестно от кого, крещенного 21 октября в самарской Вознесенской церкви, нареченного Дмитрием. Воспитывать ребенка сама не могла и отдала его «добрым людям», мещанской семье Власовых, у которых была взрослая дочь Аксинья. «Вскоре после этого Волею Божию» родители Аксиньи померли, и девушка заменила приемную мать. «Много было употреблено денежных средств от недостаточного своего состояния» Аксиньей «на воспитание... приемыша, для предоставления ему оседлости и права гражданина»³⁹. Дмитрий вырос и почитал ее как мать родную. По свидетельству соседа Степана Лебяжинского, Аксинья заботилась о

³⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 128.

³⁷ Там же. Д. 677. Л. 1—1об.

³⁸ Там же. Л. 5—8.

³⁹ Там же. Д. 875. Л. 1—1об.

Дмитрии как о сыне, «так, что без помощи ея он должен бы остаться бесприютный...»⁴⁰. Родная мать Дмитрия вышла замуж за мещанина Касыраева и подтвердила, что нагуляла в девичестве ребенка и отказалась от него. Дмитрий жил с Аксиньей одним домом, сам стал зарабатывать и содержать приемную мать. Но случилось так, что ему выпал жребий на рекрутство. Аксинья обратилась в мещанское общество с просьбой не лишать ее кормильца. Проверив ее историю, мещане Самары приняли решение освободить Дмитрия от рекрутства.

Самарский мещанин Иван Андреевич Черкасов написал в думу «докладную записку», в которой изложил историю своей жизни. Первая жена его умерла, когда их сыну Андрею было 34 недели. «...я как отец, пекущийся о воспитании сына моего, прилагал свое отеческое старание, как родителям повелевает святое христианское учение, когда же сын мой достиг 7-летнего возраста, обучил его сам грамоте, как то читать и писать и наставлял его Закону Божию, в 54-м году два раза горел, и где я совершенно лишившись всего своего имения, но сына, и все свое семейство с потерю своего здоровья, не оставлял, а как начальник своего семейства, трудами своими снискивал им пропитание. А когда он дожил совершеннолетия женил его на собственный свой капитал а в 64-м году упомянутый сын мой призываем был к рекрутскому призыву я видя себя в огорчительном положении что я должен остаться в дряхлости своей без опоры и без куска хлеба потому что я не в состоянии пропитывать свое семейство за благо себе почел подать в сию Градскую Думу прошение, об о свидетельстве моего здоровья, и по распоряжению Градской Думы, быв я освидетельствован градским врачом, где и оказался я неработником по дряхлости моей и тем сына моего от рекрутской повинности, а оставлен мне на пропитание в прошлом 1867 г. к неожиданности и к сущему моему прискорбию сын мой без дозволения моего от меня сошел, так что меня не было в квартире, оставив меня без куска хлеба, и я многократно убеждал сына моего чтобы он жил при мне, но все осталось тщетным. А потому и примел смелость умолять особу Вашу по данной власти, как нам отца бедным гражданам, спросить сына моего, какая его побудила причина оставить меня, и кому он даден на пропитание, мне или тестю его, которого он в настоящее время покоит, и прошу вас вычитать из святейшего закона царского, какая власть над ним родительская, на что буду ожидать от Вашего Высочества отеческого удовлетворения»⁴¹.

⁴⁰ ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 128. Л. 6.

⁴¹ Там же. Д. 1558. Л. 58—59.

В трех приведенных примерах мы сталкиваемся с косвенным отражением эмоционального переживания. Среди всего массива дел только одно было связано с патриотическими чувствами мещан, но и оно в конце заканчивалось меркантильными соображениями. На имя городского головы поступила докладная записка от бывшего мещанина, бессрочноотпускного рядового самарской сборной команды Ильи Ветлова, в которой он просил выдать ему вознаграждение за неизвестного мещанина, вместо которого он отправился в рекруты «по ревностному желанию своему в военную службу», не имея «на себе очереди», так как решил сражаться за Отечество «во время существовавшей войны с Англией, Францией и Турцией»⁴².

Таким образом, «непривилегированные, не элитные слои населения»⁴³, к которым мы обратились в нашем исследовании, в отношении такого события в их жизни, как рекрутство, выработали свои практики адаптации на уровне микрокосма мещанской общины и социальной среды города. Используя материалы одного архивного фонда конкретного провинциального города, данное исследование безусловно остается в рамках казуса⁴⁴. В рамках проблемы эмоционального переживания группы можно констатировать, что это было своего рода точкой бифуркации, стимулирующей к смене социальных ролей и, с другой стороны, своим отрицательным психологическим фоном цементирующей социальные связи.

О.Н. Кузнецова

К вопросу о преемственности в изучении экономики Советской России в начале XX века: междисциплинарный подход

Аннотация: в статье проанализирована выработка новых методов и подходов в работе русских ученых в контексте мировой исторической и экономической науки, на примере деятельности С.Н. Прокоповича во Временном правительстве России в 1917 г. и создания им Экономического кабинета в эмиграции в 1922—1939 гг. Рассмотрена

⁴² ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 128. Л. 284.

⁴³ Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2007. С. 11.

⁴⁴ Румянцева М.Ф. Теория истории. М., 2002. С. 23.

проблема научных связей, установления «мостов» между идеями русских ученых в СССР и русской эмиграции, выявление взаимовлияния взглядов, использования экономических методов, аналитической работы и преемственности идей в контексте мировой истории начала XX в.

Ключевые слова: история России XX века, Временное правительство России в 1917 г., русская эмиграция, С.Н. Прокопович.

Экономика России и попытки воплотить теоретические разработки русских ученых в России в начале XX в. на практике были связаны с Февральской революцией 1917 г., появлением новых органов власти и управления, событий Октября 1917 г., в частности приведших к вынужденной эмиграции целый ряд известных ученых, политических и общественных деятелей. Сергей Николаевич Прокопович (1871—1955) был видной и неоднозначной фигурой в общественно-политическом движении в России. Окончив в 1899 г. Брюссельский университет, он вступил в «Союз русской социал-демократии за границей», затем вошел в «Союз Освобождения» и даже был избран в ЦК конституционно-демократической партии, но вскоре вышел из нее. Прокопович зарекомендовал себя как широко образованный экономист, в России он активно сотрудничал в Вольном экономическом и Русском техническом обществах, в годы Первой мировой войны работал в Московском областном военно-промышленном комитете. После Февральской революции Прокопович был избран в Совет всероссийских кооперативных съездов, который делегировал его своим представителем в Особое совещание Временного правительства для выработки проекта «Положения о выборах в Учредительное Собрание»¹. В мае 1917 г. Прокопович был назначен председателем Главного экономического комитета, а позднее заместителем председателя Экономического совета Временного правительства². Положение об Экономическом совете и Главном экономическом комитете при Временном правительстве было утверждено 21 июня 1917 г.³ Прокопович принимал активное участие в ряде заседаний в течение июля 1917 г.⁴ Анализ деятельности Главного экономического комитета и Экономического совета при Временном

¹ Журналы заседаний Временного правительства Т. 2: Май—июнь 1917 г. М., 2002. С. 61.

² Там же. Т. 3: Июль—август 1917 г. М., 2004. С. 128.

³ ГАРФ. Ф. 7743. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. Журнал № 129 от 12 июля 1917 г. С. 83; № 131 от 14 июля. С. 94; № 132 от 15 июля. С. 102; № 134 от 17 июля. С. 114; № 136 от 19 июля. С. 119; № 138 от 20 июля. С. 128.

правительстве содержится в работе П.В. Волобуева «Экономическая политика Временного правительства»⁵. Оба эти органа были учреждены Постановлением Временного правительства от 21 июня 1917 г., подписанным министром-председателем Г.Е. Львовым и министром труда М.И. Скобелевым. Для финансирования их деятельности были выделены наличные средства казначейства в размере 200 тыс. руб.⁶ В Положении определялось, что они создаются «для согласованного проведения отдельными ведомствами и учреждениями всех мероприятий по регулированию хозяйственной жизни страны при Временном Правительстве»⁷. Говоря о компетенции Экономического комитета, отметим, что изначально его работа заключалась в выполнении программы, разработанной Экономическим советом и утвержденной Временным правительством.

Проблема определения рабочего состава Главного экономического комитета и объективной оценки его влияния заслуживает особого внимания. Создание Временным правительством новых органов, в том числе для регулирования экономики, в состав которых входили «новые люди», вело к формированию новой политической и партийной элиты, — неизбежный процесс при формировании новой власти. Это касалось и состава Временного правительства под руководством А.Ф. Керенского. С этим было связано возобновление и активизация деятельности органов по регулированию экономики. Обратимся непосредственно к анализу состава Главного экономического комитета. Его фиксируют журналы Временного правительства, а также журналы заседаний самого комитета⁸ и стенографические отчеты Экономического совета⁹. Их информация позволяет изучить состав Главного экономического комитета и выявить наиболее активных его участников.

Из канцелярии Временного правительства к С.Н. Прокоповичу поступил список лиц, назначенных в комитет: от Министерства торговли и промышленности — Н.Н. Савин, от Министерства продовольствия — В.Н. Зельгейм, от Военного министерства — А.А. Маниковский, от Морского министерства — С.А. Кукель, от Министерства

⁵ Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962.

⁶ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 235. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 4. Текст Положения содержится и в журнале № 114 заседания Временного правительства от 21 июня 1917 г. (Журналы заседаний Временного правительства. Т. 2. М., 2002. С. 316—318).

⁸ ЦГА СПб. Ф. 9410. Оп. 1. Д. 3. В фонде Главного экономического комитета имеются все журналы заседаний с 17 июля по 23 октября 1917 г. (за исключением журналов № 38 и 39).

⁹ Стенографические отчеты заседаний Экономического Совета (СОЭС). Пг., 1917.

путей сообщения — Л.А. Устругов, от Министерства финансов — А.Г. Хрущев, от Министерства труда — Л.М. Пумпянский¹⁰. Именно эти представители министерств (с некоторыми изменениями) на протяжении всей работы комитета являлись основными участниками заседаний. Среди принимавших участие в работе Экономического совета были видные государственные, политические и общественные деятели: А.А. Бубликов, А.И. Вышнеградский, Н.Н. Кутлер, А.А. Маниковский, П.И. Пальчинский, П.Б. Струве, С.Н. Третьяков, Н.В. Чайковский, И.П. Шипов; известные экономисты: М.В. Бернацкий, А.И. Буковецкий, В.Е. Варзар, В.Г. Громан, Н.Д. Кондратьев, П.Н. Колокольников, П.П. Маслов, Ф.А. Череванин и др. Заметим также, что к разработке основ деятельности Экономического совета и Главного экономического комитета привлекли ученых-экспертов¹¹. Первое заседание комитета состоялось 17 июля 1917 г. Председательствовал на нем С.Н. Прокопович, который также являлся председателем Экономического совета. Заметим, что его деятельность в этой должности продолжалась до 12-го заседания, после чего комитет возглавили Н.Н. Саввин, а затем С.Н. Третьяков.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что изменения состава Главного экономического комитета были связаны с характером обсуждаемых вопросов и личностным фактором, в свою очередь, связанными с изменениями во внутривластной и экономической ситуации в России в 1917 г.

24 июля 1917 г. С.Н. Прокопович как беспартийный вошел в третий состав Временного правительства в качестве министра торговли и промышленности.¹² На этом посту ему пришлось заниматься решением ряда сложных вопросов: обеспечение топливом¹³, содержание торговых портов в условиях военного времени¹⁴, права кредитования министерства для расширения оборотных средств по монополюльной торговле государством¹⁵ и др. В сентябре 1917 г. Прокопович занял пост министра продовольствия в последнем, как оказалось, составе Временного правительства, просуществовавшем ровно месяц. В фонде Министерства продовольствия сохранился приказ № 88 от 19 сентября 1917 г. о его

¹⁰ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 235. Л. 22.

¹¹ Основы деятельности, а также ряд пунктов Положения принимались в редакции, предложенной профессором В.Б. Ельашевичем.

¹² Журналы заседаний... Т. 3. С. 138.

¹³ Там же. С. 138, С. 141, С. 264

¹⁴ Там же. С. 295

¹⁵ Там же. С. 303.

вступлении в должность министра¹⁶, а также ряд приказов, подписанных Прокоповичем на этом посту¹⁷.

Государственная политика Временного правительства по продовольственным вопросам и экономические взгляды самого С.Н. Прокоповича нашли отражение в его речи, которую он произнес на Государственном совещании в Москве 12 августа 1917 г.¹⁸, будучи министром торговли и промышленности. В ней он дал общую характеристику современного положения народного хозяйства в стране, а также изложил принципы, которых придерживалось Временное правительство при осуществлении экономической политики. Экономическое положение России к осени 1917 г. стало главной темой его выступления на Кооперативном съезде в Москве 11 сентября¹⁹. В частности, он остановился на продовольственной диктатуре, в установлении которой видел спасение страны от голода. По мнению Прокоповича, переход власти в руки советов означал гибель страны, спасением он считал возобновление коалиционной власти. Хорошо знакомый с продовольственным положением России еще со времен работы в Комиссии по изучению современной дороговизны²⁰, став в сентябре 1917 г. министром продовольствия, Прокопович попытался, в меру своих возможностей, найти выход из отчаянного положения, сложившегося в стране к осени 1917 г. Предложения и размышления о продовольственном положении в стране стали предметом его большой речи на заседании Временного совета Республики 16 октября 1917 г.²¹ В ней была нарисована полная контрастов и противоречий картина продовольственного дела. Выступление получило резонанс в прессе, но, увы, Временному совету Республики оставалось жить всего несколько дней: 25 октября 1917 г. он был распущен в результате вооруженного выступления большевиков.

С.Н. Прокопович остался сторонником государственного вмешательства в экономику и сильной коалиционной власти, он пытался отстаивать свои взгляды, не смирился с приходом к власти большевиков, принял активное участие в работе подпольного Временного прави-

¹⁶ ГАРФ. Ф. 1783: Министерство продовольствия Временного правительства. Д. 47. Оп. 1. Л. 13.

¹⁷ Там же. Л. 12. Ф. 1783. Оп. 1. Д. 92. Л. 28

¹⁸ Прокопович С.Н. Народное хозяйство в дни революции (Три речи). М., 1918. Издательство Совет Всероссийских кооперативных съездов. Экономический отдел. С. 3—23.

¹⁹ Там же. С. 24 — 35.

²⁰ См.: Прокопович С. Запрещения вывоза // Труды комиссии по изучению современной дороговизны. М., 1915. Вып. 3.

²¹ Прокопович С.Н. Народное хозяйство в дни революции... С. 36—68.

тельства и даже был избран его председателем на время отсутствия А.Ф. Керенского; известна его деятельность в Советской России в качестве одного из руководителей Комитета помощи голодающим. Однако вскоре он был арестован и в 1922 г. выслан из страны.

В эмиграции в Берлине С.Н. Прокопович организовал Экономический кабинет с целью систематизации и критического осмысления хозяйственной и общественно-политической жизни Советской России. В 1924 г. деятельность Кабинета была перенесена в Прагу, что было связано с переездом Прокоповича и Акцией русской помощи. Одним из основных источников, по которым можно судить о деятельности Экономического кабинета, являются его издания: «Экономический вестник» (выходил в Берлине с 1923 по 1924 г.), «Русский экономический сборник» (издавался в Праге в 1926—1928 гг.), «Бюллетень Экономического кабинета проф. Прокоповича» (также выходил в Праге в 1928—1938 гг.).

Изученные нами документы фондов ГАРФ, РГАЭ и других архивов и опубликованные материалы содержат убедительные свидетельства того, что С.Н. Прокоповичу удалось, несмотря на трудности жизни в эмиграции, создать организацию по изучению Советской России, эффективно осуществлявшую научно-исследовательскую работу. В Экономическом кабинете исследовались все доступные советские источники, сопоставлялись имевшиеся в них факты и статистические данные. На этой основе производилась оценка экономического развития Советской России. Прокопович руководил научной деятельностью Кабинета: устраивал семинары, собеседования, экономические совещания, занимался публикацией научных периодических изданий, а также оберегал независимость своей организации и поддерживал ее авторитет в эмиграции. Успешная деятельность Экономического кабинета была во многом результатом его научной методики, направленной на использование в исследовательской работе максимально широкого спектра форм деятельности. Изученные материалы дают возможность говорить о важности консультативной, информационной и практической деятельности С.Н. Прокоповича и Экономического кабинета в Праге. Многочисленные свидетельства прочных связей Кабинета и самого Прокоповича с эмигрантскими организациями подтверждают его высокий профессионализм как эксперта.

Важное значение для обеспечения эффективности работы Экономического кабинета имело стремление С.Н. Прокоповича использовать широкий спектр изданий, не исключая и советские. Библиотека, созданная им при Кабинете, специально занималась подбором самых разных публикаций. Издания, собранные в библиотеке, составляли

основу источниковой базы для научной работы в Экономическом кабинете. Доступ к уникальным источникам позволял многим ученым-эмигрантам заниматься изучением экономической ситуации в Советской России.

Анализ научных связей Советской России и эмиграции предполагает рассмотрение проблемы в различных аспектах, выявление взаимовлияния идей и взглядов как советских экономистов, так и их коллег в эмиграции, освещение современных им советских идей и реалий. Необходимо также обнаружить те каналы информации, по которым пульсировала теоретическая мысль между Советской Россией и русской научной диаспорой в эмиграции. Эти каналы по известным причинам тщательно скрывались, но результатом тайного сотрудничества стали книги, статьи, переписка. В связи с этим особый интерес представляет взаимосвязь научных взглядов и идей С.Н. Прокоповича и его сотрудников с теми, что разделялись в Советской России, в частности «старыми меньшевиками» в Госплане. Здесь необходимо учитывать как их личные связи, так и официальную точку зрения партийного и советского руководства. Поэтому нам представляется неслучайным выход книги С.Н. Прокоповича «Народный доход западноевропейских стран» в Советской России (М.; Л.: Госиздат, 1930). Показательно, что книга содержит предисловие С.Г. Струмилина, в 1921—1938 гг. заместителя председателя Госплана СССР²². Отвечая на вопрос о том, почему именно Струмилин стал автором предисловия к книге Прокоповича, можно предположить, что их пути как экономистов пересекались раньше, но теперь они предпочитали об этом молчать. Разумеется, в 1930 г. Струмилин как лицо, занимавшее высокий пост, не мог написать предисловие к книге видного в прошлом политика и противника большевиков без официального разрешения; об этом свидетельствует и тот факт, что он вынужден был написать предисловие повторно, после получения отзыва АППО ЦК²³.

Как известно, Госплан СССР являлся государственным органом, осуществлявшим общегосударственное планирование развития народного хозяйства СССР и контроль за выполнением народно-хозяйственных планов. Среди его руководителей были и «старые меньшевики» с социалистической ориентацией. Показательно, что из 34 ведущих

²² Попутно заметим, что знания и опыт С.Г. Струмилина как экономиста высоко ценил В.И. Ленин, который в связи с предложением Л. Д. Троцкого подготовил брошюру о новой экономической политике и предлагал в январе 1922 г. привлечь к этому делу Г.М. Кржижановского и С.Г. Струмилина (*Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891—1922. М., 1999. С. 491*).

²³ РГАЭ. Ф. 219. Оп. 1. Д. 430. Л. 2, 3.

сотрудников Госплана в 1921 г. только 7 были членами компартии, большинство составляли ученые-специалисты и профессора, чьи имена пользовались заслуженной репутацией. Именно «старые специалисты» имели неофициальные связи со своими коллегами, оказавшимися за рубежом²⁴.

Таким свидетельством неофициальных связей экономистов Советской России и их коллег в эмиграции, по нашему мнению, является названная выше примечательная работа С.Н. Прокоповича «Народный доход западноевропейских стран». Уникальность ее в том, что она вышла в 1930 г. в Советской России, когда автор уже несколько лет находился в эмиграции. Нам известна переписка Прокоповича с различными организациями Советской России²⁵, но, к сожалению, пока конкретные упоминания в источниках, касающиеся судьбы именно этой публикации, найти не удалось. О том, что предшествовало выходу книги, можно судить по другим данным. Достоверно известно, что Экономический кабинет имел официальные связи с советскими книго-торговыми организациями. Среди писем, хранящихся в личном фонде С.Н. Прокоповича в ГАРФ, содержатся письма в советские органы по вопросу оплаты подписки на советские газеты и журналы²⁶. Переписка возникла в связи с трудностями по получению этих изданий.

Изучать преемственность научных взглядов и идей невозможно без установления академических связей и контактов с другими центрами и организациями. В связи с этим заметим, что другая работа С.Н. Прокоповича — «Идея планирования и итоги пятилетки» — не увидела свет в Нью-Йорке. В письме Г.В. Вернадского С.Н. Прокоповичу от 19 февраля 1934 г. сообщалось о том, что будут предприняты хлопоты по публикации книги Прокоповича в одном из иностранных издательств²⁷. Однако хлопоты не увенчались успехом. В письме Прокоповичу от 2 мая 1934 г. Вернадский сообщал: «...на днях получил обратно из издательства “Robert Mc. Bride” экземпляр вашей книги, который я им посылал. Никакого сопроводительного письма или объяснения при этом не получил»²⁸. Вернадский предполагал, что это означало отказ издательства печатать книгу. Сожалея об этом, он пояснял, что «здесь издательства все еще в панике от депрессии» и, кроме того, они опасаются, что «книга будет слишком неприятна большевикам»²⁹.

²⁴ *Карр Э.* Большевицкая революция 1917—1923 гг. Т. 2. М., 1990. С. 691.

²⁵ ГАРФ. Ф. 5902 (фонд С.Н. Прокоповича) и др.

²⁶ ГАРФ. Ф. 5902. Оп. 1. Д. 290. Л. 55.

²⁷ Там же. Д. 76. Л. 4.

²⁸ Там же. Л. 8.

²⁹ Там же. Л. 10.

Возможность выявить и понять алгоритм работы С.Н. Прокоповича с неэмигрантскими издательствами поможет переписка, отражающая его переговоры с английскими и американскими издателями. Так, в письме М.Е. Вильчур (представитель фонда помощи писателям и ученым), направленном Е.Д. Кусковой-Прокопович 17 мая 1935 г., говорилось: «...не премину нащупать почву в отношении возможности издания трудов Сергея Николаевича, хотя разделяю ваш скептицизм относительно таких шансов»³⁰. В письме Ф. Шлемера С.Н. Прокоповичу от 9 декабря 1935 г. также обсуждались проблемы и возможности публикации научных трудов последнего за границей. В частности, Шлемер писал об интересе, проявленном к трудам Прокоповича известным американским экономистом Э. Тейлором: «О вашей готовности помочь я ему сказал еще до отъезда, доложив ему о вашей статье о плановом хозяйстве. У него сохранилось очень сильное впечатление от трех блестящих разборов, которые вы дали в ответ на поднятые им вопросы. Во всяком случае, будьте уверены, что в Соединенных Штатах у вас приятель, готовый сделать много для вас»³¹. О заинтересованности С.Н. Прокоповича в издании его работ на Западе могут служить адресованные ему письма Н.А. Базили. Они свидетельствуют о сотрудничестве С.Н. Прокоповича с фондом Карнеги. Так, 17 декабря 1936 г. Базили писал: «Я задержал письмо вам, ожидая возвращения в Париж Г. Дэвиса, европейского представителя “Карнеги Фаундэйшн”, которого я хорошо знаю и который, я надеюсь, поможет в деле издания вашей книги... Очень жаль, что вышла задержка. Могли бы вы тем временем послать мне для моих разговоров с “Карнеги Фаундэйшн” еще одну копию списка глав вашей книги на английском языке?»³². Следующее его письмо (от 3 февраля 1937 г.) свидетельствовало, что предварительный разговор с Г. Дэвисом по поводу скорейшего издания книги С.Н. Прокоповича состоялся³³.

Консультативная помощь С.Н. Прокоповича и созданного им Экономического кабинета не ограничивалась лишь присылкой изданий. Одна из просьб к Прокоповичу поступила от профессора Колумбийского университета Б.А. Бахметева. Он просил побеседовать с «влиятельным председателем Торговой палаты И.Т. Бушем (Irving T. Bush)», который «хотел бы правильного освещения событий»³⁴. Помимо этого, в письме

³⁰ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 96. Л. 1.

³¹ Там же. Ф. 5902. Оп. 1. Д. 255. Л. 45.

³² Там же. Д. 51. Л. 13.

³³ Там же. Д. 51. Л. 15.

³⁴ Там же. Д. 53. Л. 5.

Бахметева содержалась просьба об освещении и объяснении различных явлений экономической жизни и экономического законодательства, «т. к. у вас есть письма и контакты с русскими»³⁵ и о том, чтобы представить ряд кратких очерков о главных чертах отдельных явлений, таких как партия, железные дороги, школы в Советской России. Отметим и несколько просьб из письма А.И. Угримова, которые отражают спектр обращений за помощью к С.Н. Прокоповичу. Помимо уже традиционных пожеланий о высылке «Бюллетеней» Экономического кабинета, в письмах содержались просьбы выслать материалы о довоенном обложении крестьянского хозяйства, сообщить данные о состоянии русского животноводства, а также оказать содействие в формировании библиотеки, открывшейся при университете проф.М. Зеринга³⁶.

Всего С.Н. Прокопович опубликовал в эмиграции 15 фундаментальных, посвященных экономическим проблемам монографических исследований на разных языках. Его экономические взгляды отражены и во многих других его работах. Знакомство с опубликованными в эмиграции трудами Прокоповича дает основание сделать вывод о том, что он пользовался для сопоставления и подтверждения правильности собственного анализа широким спектром статистических материалов. Следует особо выделить его критический подход к официальным источникам, освещавшим экономическое положение Советской России. Характерной чертой анализа им статистических материалов являлось детальное объяснение приводимых оценок и выкладок, что придавало его работам убедительность. Это отмечали как его сторонники, так и оппоненты.

Оценивая работу Экономического кабинета, можно утверждать, что С.Н. Прокоповичу удалось, несмотря на трудности жизни в эмиграции, создать организацию по изучению Советской России, эффективно осуществлявшую научно-исследовательскую работу. Успешная деятельность Экономического кабинета является свидетельством того, что политика Прокоповича, направленная на использование максимально широкого спектра форм деятельности Кабинета, приносила высокие результаты. Изученные нами материалы дают возможность говорить о важности консультативной, информационной и практической деятельности Прокоповича и его Экономического кабинета в Праге. Многочисленные свидетельства прочных связей Кабинета и его главы с различными эмигрантскими организациями подтверждают профессионализм и высокое качество их работы.

³⁵ ГАРФ. Ф. 5902. Оп. 1. Д. 53. Л. 11.

³⁶ Там же. Д. 229.

Рассмотренные материалы отчетливо показывают, что, несмотря на наличие талантливых сотрудников, во многом эффективная работа Экономического кабинета была связана с личностью самого С. Н. Прокоповича. Он не был яркой политической фигурой в эмиграции, скорее ему были присущи черты ученого-организатора. Прокопович превратил Экономический кабинет не только в центр экономического просвещения, но и в «мозговой трест», который вырабатывал рекомендации для различных учреждений и организаций эмиграции.

IN MEMORIAM

Л.П. Гримак

Бодрствование как активная фаза гипноза¹

Гипнотическая индукция развивается потому, что пациент уже загипнотизирован.

Л. Шертон

В результате более чем 200-летнего периода интенсивных исследований гипноза наука неожиданно пришла к парадоксальному выводу: характерной особенностью гипноза является то обстоятельство, что он полностью лишен характерных свойств. В этом плане показателен следующий пример. Более 20 лет назад в комиссию официальных научно-исследовательских центров Франции был представлен проект изучения гипноза. Претендентов на эту исследовательскую тематику попросили сформулировать объективные критерии, позволяющие распознать гипнотическое состояние. Поскольку такие критерии науке неизвестны, соответствующая тематика была комиссией отклонена по той причине, что раз такие критерии не установлены, значит, гипноза... не существует. Данный пример представляет собой некий символ неоднозначного, противоречивого отношения к гипнотическим явлениям и их содержательной сущности в историческом плане.

В самом начале появления гипноза («магнетизма» по терминологии Ф.-А. Месмера) на научном горизонте это измененное состояние сознания считалось феноменальным и специфическим. Как «вторичное», «неизвестное», неконтролируемое и даже опасное для жизни и здоровья (Ж.М. Шарко, Э. Дюбуа-Реймон), оно резко противопоставлялось нормальному («полноценному», «вменяемому») состоянию

¹ Статья опубликована: Прикладная психология. 1998. № 5.

бодрствования. Со временем медицина и психология начали различать в экзотике гипноза все больше отдельных элементов и даже, скажем, целых фрагментов психических явлений, которые бывают органично включены в процессы нормальной нервной деятельности сна и бодрствования. Так, работами И.П. Павлова была впервые установлена общность мозговых процессов сна и гипноза, в связи с чем он писал: «Гипноз — это есть, конечно, тот же сон. По сущности своей он от сна не отличается, а отличается только по частным особенностям»².

Аналогичным образом в периодах бодрствования было открыто несколько промежуточных (фазовых) состояний нервной системы, получивших название «гипнотических». Речь идет о так называемых уравнивательной, парадоксальной и ультрапарадоксальной просоночных фазах, за последовательной сменой которых наступает собственно сон (наркоотическая фаза) с его полным торможением нервных клеток коры.

Еще в большей степени оказались сближенными явления гипноза и бодрствования с признанием того факта, что вышеотмеченные фазовые состояния могут развиваться в отдельных анализаторных системах и участках мозга даже в состояниях полноценного активного бодрствования, как это отмечал Н.И. Красногорский. Следовательно, имеются основания говорить о том, что «чистое» бодрствование — достояние преимущественно теоретических моделей психических состояний человека, которые редко встречаются на практике. Именно это обстоятельство подчеркивается в емком замечании ирландского гипнолога Р.А. Вильсона о том, что «...все мы находимся в глубоком гипнозе гораздо больше времени, чем сами себе это представляем»³.

Французский гипнолог Л. Шертюк проявляет в этом отношении еще больше последовательности, отмечая, что «эти два феномена — внушаемость и способность изменения состояния сознания — следует, несомненно, рассматривать как фундаментальные, если мы хотим понять механизмы, управляющие отношениями между людьми и группами». Автор считает, что между различными формами измененного сознания нет существенного разрыва, а сам гипноз рассматривается им не как самостоятельный, исключительный феномен, а как механизм, играющий центральную роль в психической жизни человека⁴.

Иными словами, вся наша повседневная психическая деятельность есть не что иное, как осуществление многообразных гипноти-

² Павлов И.П. Полн. собр. соч. М.; Л., 1951. Т. 3. Кн. 2. С. 413.

³ Цит. по: Хеллер С., Стилл Т.Л. Монстры и волшебные палочки. Киев, 1995. С. 10.

⁴ Шертюк Л. Непознанное в психике человека. М., 1982. С. 275.

ческих взаимовлияний между субъектами, находящимися в различных стадиях транса. С этой точки зрения жизнь каждого человека есть бытие в непрерывном гипнотическом состоянии, меняющем лишь свою глубину. Этому (казалось бы, совершенно парадоксальному) выводу ничего убедительного не может противопоставить психофизиология. Более того, многочисленные электроэнцефалографические исследования свидетельствуют в пользу указанного вывода. Так, И.А. Вольперт (1954), А.И. Маренина (1954), С.А. Чугунов (1950), Шпильберг (1955) и многие другие установили, что электроэнцефалограмма (ЭЭГ) во время гипнотического покоя имеет большое сходство с ЭЭГ, регистрируемой в течение обычного сна. Но самое важное состоит в том, что в некоторых фазах гипноза ЭЭГ вообще может ничем не отличаться от таковой в бодрствующем состоянии или же обнаруживает переходные фазы между нормальным бодрствованием и сном, о которых упоминалось выше.

К этому следует добавить, что специфический конгломерат психических явлений, который принято называть «бодрствованием», ортодоксальная психология смогла определить лишь как «состояние мозга, характеризующееся активным взаимодействием индивидуума с внешним миром»⁵. Неточность этой дефиниции лежит в ее основе: в гипнозе внешне проявленная и внутренняя деятельность может осуществляться на более качественном уровне, чем в состоянии бодрствования. В то же время далеко не любой уровень бодрствования может обеспечивать полноценную работу. Продуктивная, надежная деятельность может осуществляться только в узком диапазоне бодрствования, оптимального для каждого вида труда.

Таким образом, с учетом всего вышесказанного истинное бодрствование предстает скорее как одна из специфических фаз гипнотического состояния, наилучшим образом обеспечивающая рабочую активность индивидуума. Именно здесь уместно вспомнить о том, что известный мистик-суффикс Г.И. Гурджиев, подчеркивая чрезвычайно редкую представленность истинного бодрствования в длинном ряду его многообразных «полуфабрикатов», характеризовал наше дневное деятельное состояние как состояние сна, в котором «человек не может ничего делать сам по себе», потому что все у него «случается».

Именно на основании представлений, что человек большую часть своей жизни находится в просоночных состояниях и потому окружающая реальность для него является до конца неосознаваемой иллюзией,

⁵ Психологический словарь / Под ред. В.В. Давыдова и др. М., 1983.

в мистической системе Веданты Шанкары Ачиры сформировались взгляды на внешний мир, как на поток призрачных восприятий.

Развиваемая здесь точка зрения о первичности гипнотического состояния и вторичности проявлений бодрствования получает неожиданную, но весьма существенную поддержку со стороны палеопсихологии. Дж. Пфайфер, американский историк культуры, считает, что на определенном этапе развития человеческого общества гипнотическое состояние («сумеречное состояние мышления» по терминологии автора) явилось мощным фактором эволюционного развития человечества и не потеряло своего значения до настоящего времени. Автор считает: «Преобладание “сумеречного” состояния мышления и сама наша чувствительность к этому состоянию говорят о его эволюционной важности. В случаях крайних оно приводит к патологии, психическим расстройствам и маниям, стойким галлюцинациям и фанатизму. Но оно же является побудительной силой за всеми усилиями видеть вещи цельно, достигать всяческого многообразия видов синтеза — от единой теории поля в физике до утопических проектов, согласно которым люди будут мирно жить вместе. В доисторические времена сумеречное состояние, должно быть, было особенно и даже чрезвычайно важно. Если давление затруднительных обстоятельств верхнего палеолита требовало пылкой веры и следования за вождями ради выживания, то индивиды, наделенные подобными качествами, способностью легко впадать в транс, способствовали бы размножению более стойких индивидов»⁶.

Таким образом, «сумеречное мышление» как колеблющийся уровень «просоночного» состояния сознания (или то, что сегодня мы называем гипнозом) у раннего, да и современного человека представляет собой филогенетически выработанный и биологически целесообразный модус психического реагирования на объективную реальность. В данном случае постоянно действующая система гипнотического «усиления и преобразования» поступающей информации способствует более быстрой и точной настройке исполнительных механизмов на адекватную реакцию организма.

Проявление гипнотического состояния у раннего человека как бы растворяло структуру «Я», проявление «эго», «самости» в недифференцированное чувство, именуемое в восточной психологии термином «дао». Последнее же традиционно признавалось ключом к психологическому здоровью и гармонии не только для отдельного индивидуума, но и для группы в целом. Таким образом как бы осуществлялась кол-

⁶ Pfeiffer J.E. The Creative Explosion: An Inquiry into the Origins of Art and Religion. N. Y.: Cornell University Press, 1982. P. 213.

лективная связь с Землей, с окружающей природой. С рассмотренных позиций феномен гипнотической регуляции психических функций представляется важнейшим механизмом, объединяющим и актуализирующим главные аспекты жизнедеятельности человека.

Исследуя специфику действия системы гипнорегуляции жизнедеятельности на осознаваемом уровне психики, мы не должны забывать, что при этом не менее важным генератором гипнотических влияний остается сфера бессознательного. Известно, что важнейшим свойством последней является полное амнезирование содержательной стороны ее побуждающих к действиям импульсов. В свою очередь, гипноз, будучи органически сопряжен с процессами памяти, способен автоматически амнезировать внушенные состояния, но в необходимых случаях может эффективно «вскрывать» смыслы бессознательного.

Сопоставление известных на сегодняшний день закономерностей проявлений различных форм транса и особенностей функционирования сфер сознания и бессознательного психического позволяет говорить о том, что целостная парадигма психических процессов находится под воздействием единой системы регламентирующего гипноза. Представляется, что многослойный пласт психической жизни человека настолько интенсивно пронизан разнообразными феноменами гипноза, отличающимися по своему содержанию и силе, что можно говорить о едином континууме гипнотических явлений, достаточно широко представленных в поведенческой активности.

При этом по своему генезису неосознаваемые побудительные импульсы подразделяются на два вида: 1) стимулы, представляющие собой результат некоторого обобщения опыта предыдущих поколений (видовая, архетипичная память по Юнгу); 2) психические установки, пристрастия и навязчивости, являющиеся результатом вытеснения в бессознательное некоторых сторон индивидуального опыта личности.

Среди множества поведенческих стереотипов, явно представляющих собою некие аналоги гипнотических врожденных программ, здесь целесообразно выделить следующие.

Постоянно действующее желание жить, несомненно являющееся самым фундаментальным стимулом сферы подсознательного. По своему характеру оно действительно напоминает постгипнотическое внушение, не поддающееся никаким посторонним влияниям и функционирующее в режиме самоактуализации. И надо полагать, что перманентный гипноз, в том числе и в «личине» бодрствования, нужен человеку для того, чтобы умножать в нем силы для жизни и формулировать аргументы, стимулирующие стремление к выживанию в мире, где превосходство добра над злом далеко не очевидно. Даже Апостолы

вынуждены были в свое время признать в связи с этим, «что весь мир лежит во зле»⁷. Несомненно, что те психологические установки, которые программируют выживание человека в «мире, лежащем во зле», должны быть сверхсильными и, надо думать, что их нелегко сформировать на основе «здорового смысла» или обыденной «житейской логики». Такого рода программы должны обладать и действительно обладают всеми атрибутами долгосрочного постгипнотического внушения. Иное дело, что сама их биологическая сущность и закономерности функционирования остаются до сих пор слабо исследованными и над этими вопросами науке еще придется поработать.

Способность к выполнению заданных ролевых функций, реализующаяся в различного рода играх посредством некоторых аналогов аутогипнотических суггестий. Будучи формой деятельности в условных ситуациях, направленных на усвоение определенной практики, игры доставляют познавательный-поведенческий или эмоциональный опыт. Начавшись в детстве, разного рода игры затем сопровождают человека всю жизнь, как в виде развлечений, так и в виде более или менее ответственной «всамделишной» деятельности. Центральным моментом игры, объединяющим все ее аспекты, является исполняемая роль, как результат эпизодически осуществляющегося самовнушения, а ее должное исполнение определяется мерой вхождения игрока в заданный образ. Последнее условие реализуется на основе действия гипнотических механизмов, бессознательно настраивающих системы организма на функциональное проявление актуализируемого в сознании «эталона». С этой точки зрения все бытовые, спортивные, военные, деловые и иные игры представляют собой деятельность в более или менее глубоких состояниях транса.

Влюбленность как острое эмоциональное переживание, влечение к объекту сексуального выбора, реализующее биологическую потребность в сохранении вида. Будучи чрезвычайно разнообразным чувством по особенностям своего насыщения и угасания, оно часто возникает по механизму гипнотического запечатления (импринтинга). Напряжение, связанное с проявлением влюбленности, как формы сексуальных притязаний, может быть движущей силой многих действий (творческой активности, интереса к людям и пр.), не находящихся ни в какой связи с половыми аспектами, и потому считается продуктивным переживанием. С психофизиологической точки зрения такое напряжение создает нервную доминанту и в соответствии с законами нейродинамики оказывает влияние на все формы деятельности человека,

⁷ 1 Ин 5. 19.

модифицируя их, динамизируя или затормаживая в зависимости от сочетания существующих внешних и внутренних условий.

Характеризуя важнейшие черты влюбленности, З. Фрейд обращал внимание на то обстоятельство, что «любимый объект в известной мере освобождается от критики, что все его качества оцениваются выше, чем качества нелюбимых лиц» и «все, что объект делает и требует, — правильно и безупречно...». Именно это обстоятельство дает основание утверждать, что механизмы гипноза лежат в основе формирования состояний влюбленности и многих действий, с ними связанных. «От влюбленности явно недалеко до гипноза, — уточнял свою мысль Фрейд. — Соответствие обоих очевидно. То же смиренное подчинение, уступчивость, отсутствие критики как по отношению к гипнотизеру, так и по отношению к любимому объекту... Гипнотизер является единственным объектом; помимо него никто другой не принимается во внимание... Гипнотическая связь есть неограниченная влюбленная самоотдача, исключая сексуальное удовлетворение, в то же время как при влюбленности таковое отеснено лишь временно и остается на заднем плане, как позднейшая целевая возможность»⁸.

Проявления измененных состояний сознания становятся еще более очевидными при так называемых любовных играх партнеров и достигают степени выраженного гипнотического транса непосредственно во время полового акта. Несмотря на то что многие авторы утверждают, что никогда не наблюдалось вредного действия полового воздержания, тем не менее сами трансовые состояния влюбленности в исключительных случаях могут достигать интенсивности, граничащей с одержимостью, манией, толкающими на совершение преступлений или самоубийство.

Процедура общения, любой коммуникационный процесс в своей основе бывает замкнут на явления суггестии и имплицитно предполагает не только взаимный обмен информацией, но и воздействие на психическое состояние общающегося, способствующее внушаемости. Филогенетическое развитие животного мира, несомненно, было связано с выработкой врожденного рефлекса на восприятие посторонней особи своего вида. В одних случаях это проявляется реакцией настораживания и подготовки к осуществлению оборонительного рефлекса, в иных — прямо противоположных ситуациях — формированием эмоционально положительного транса для нахождения более быстрого и полноценного контакта между особями. Причем такого рода трансовая взаимоиндукция включается уже при контакте двух индивидуумов.

⁸ Фрейд З. Основной инстинкт. М., 1997. С. 290, 291—292.

«Мы можем сказать, — писал Фрейд, — что гипнотическая связь, если позволено так выразиться, представляет собой образование массы из двух лиц». А продолжение этой мысли весьма примечательно с точки зрения развиваемой нами концепции. «Гипноз, — отмечал автор, — является плохим объектом для сравнения с образованием масс, так как он, скорее всего, с ним *идентичен*»⁹ (выделено мною. — Л.Г.).

Положение о том, что внушаемость и гипноз являются порождением стадного инстинкта древнего человека¹⁰, здесь нами полностью принимается, но с противоположным знаком: стадный инстинкт иницирован фундаментальной программой нервной системы — оперативным системным гипнозом, посредством которого реализуются все инстинктивные программы. В данном случае проявляется фундаментальный биологический закон: увеличение числа контактируемых между собой особей безусловнорефлекторным образом повышает их внушаемость и гипнабельность в целях более легкой управляемости образовавшимся множеством. Поэтому в группе индивидуумы произвольным образом входят в более глубокую степень транса, чем та, которая присуща каждому из них в отдельности. У. Троттер видел за этим явлением действие стадного инстинкта, З. Фрейд дополнил теорию роста «стадной внушаемости» безотчетным стремлением толпы следовать за главарем, предводителем, вождем, господином и т. п.

Творческая активность личности, как наивысшая степень психической деятельности индивидуума в его познании окружающей действительности. Если до сих пор говорилось о механизмах реализации типовых биологических и социальных программ высшей нервной деятельности, которые осуществляются человеком в течение жизни, то в данном случае речь идет о мыслительной активности и, в частности, о ее вершине — творчестве, которое, казалось бы, должно осуществляться в состоянии подлинного (скажем так — рафинированного) бодрствования. Однако гипноз, как оказалось, имеет самое непосредственное отношение к этому виду деятельности.

Известный исследователь творчества американский психолог и педагог Г. Рагг обобщил мировую литературу по этой проблеме и на этой основе разработал свою теорию творчества, в которой гипнозу, гипнотическим механизмам нервной системы отводится главная роль (при этом он ссылается на работы гипнологов Вейценгоффера, Дар-

⁹ Фрейд З. Основной инстинкт. С. 292.

¹⁰ Троттер У. Стадные инстинкты в дни мира и войны. (1916). М., 1973; Лебон Г. Психология народов и масс. (1910) / Пер. с франц. СПб., 1995; Тард Г. Социальные законы. (1899). М., 1985; Московичи С. Век толп. М., 1996.

роу, Равица и др.). Не касаясь всех аспектов творческого процесса, затрагиваемых в его незаурядном теоретическом труде, следует отметить лишь тот, который вскрывает тесную связь между гипнозом и творчеством. При этом автор усматривает много отчетливых внешних признаков и внутренних механизмов, свойственных этим двум явлениям, но первостепенное значение придает выраженному гипнотическому сосредоточению, которое «приводит к глубокому инсайту и к появлению множества взаимосвязанных, коррелирующих друг с другом идей. Эта стадия, в которой психика глубоко настроена на цель, до такой степени положительно продуктивна, что может быть названа сугубо продуктивной стадией. Она доставляет дальнейшие подтверждения условий, способствующих творческому акту: концентрация внимания, интервал перерыва и далее внезапное просветление (the sudden flash of illumination), которое восточные мудрецы называют «творческой кульминацией (climax)»¹¹. Таким образом, если даже творческая деятельность есть проявление гипнотического процесса, то все остальные разумные, произвольные акты так называемого бодрствования не могут не представлять собой функционирования в иных разновидностях транса.

Фундаментальность явлений изначального системного гипноза проявляется на снижении степени внушаемости населения планеты. Французский социальный психолог С. Московичи, анализируя повсеместное проявление гипнотических факторов в социальных реалиях нашего времени, невесело констатирует: «Действительно, универсальные в масштабе континентов признаки свидетельствуют о быстром возрастании и распространении массовых явлений. В течение одного или двух десятилетий считалось, что они, казалось бы, отступили перед прогрессом науки и образования», однако, продолжает автор, этот век будет использовать уже испытанные нами методы внушения, но приспособленные к его чрезвычайным масштабам. Он подвергает суровому испытанию объяснения психологии толп и ее практические результаты, которые прижились в новых условиях»¹².

В связи с вышеуказанным у читателя резонно возникает вопрос: как согласуются положения данной концепции с тем бытующим в медицине представлением, что в человеческой популяции имеется около 60% слабогипнабельных и негипнабельных лиц. Ответ на этот вопрос включает в себя несколько аргументов.

¹¹ Rugg H. Imagination. N. Y.; L., 1963. С. 299.

¹² Московичи С. Век толп. С. 453—454.

Во-первых, вышеприведенная цифра представляет собой крайне условную величину, никем серьезно не проверенную в связи с трудностями такого исследования. Работы этого плана, проводившиеся различными авторами, дали весьма противоречивые результаты: выявляемое количество слабогипнабельных лиц колеблется в диапазоне 20—75 %, в зависимости от контингента испытуемых, методов гипнотизации и даже настойчивости экспериментаторов. Последнее обстоятельство, как оказалось, тоже имеет определенное значение. История гипнологии располагает примером, когда немецкий гипнолог Оскар З. Фогт смог загипнотизировать своего пациента только на 300-м сеансе. Часто транс наступает только после второго-третьего сеанса. Некоторые субъекты, не поддающиеся индивидуальному гипнозу, хорошо гипнотизируются в группе. По нашим данным, количество так называемых гипнабельных лиц в последние десятилетия значительно возросло и в настоящее время приближается к 80—90 %. Кроме того, разработанные не так давно психотехники гипнотизирования позволяют вводить во внушенный сон любого человека почти в 100 % случаев.

Думается, что если бы З. Фрейд жил в наши дни, то мир так и остался бы без пресловутого психоанализа. Ведь это учение и появилось только потому, что, начав свою деятельность в качестве гипнотерапевта, он оказался крайне недоволен низкой гипнабельностью пациентов и потому взамен гипноза разработал свой метод, как ему казалось, исключающий использование внушения.

Во-вторых, существенным моментом, осложняющим реальную оценку содержания гипнабельных лиц в социуме, является различие в сущности психических процессов внушаемости и гипнабельности. Мы рассматриваем внушаемость как генетически обусловленное базовое свойство психики, составившее основу рефлекса подражания животных. Вместе с тем проявляемость этого свойства зависит от множества внутренних и внешних факторов. Гипнабельность — свойство несколько иной модальности, представляющее индивидуальную готовность входить в измененные состояния психики («гипноидные фазы»). Тесная взаимосвязь этих явлений просматривается хотя бы в том факте, что начатая сто лет тому назад дискуссия о главенствующей роли одного из них безрезультатно продолжается до сих пор¹³. Тем не менее установлено, что отсутствие гипнабельности не исключает наличия у субъекта полноценной внушаемости. И данный факт свидетельствует лишь о том, что внушаемые программы могут реализоваться без ви-

¹³ Речь идет о работах И.М. Бернхейма, П. Жане, Л. С. Кьюби и др.

димого изменения психического состояния лица, подвергаемого суггестии.

И наконец, дополнительным аргументом в пользу нашей концепции могут служить клинические наблюдения, свидетельствующие о том, что слабая гипнабельность может рассматриваться как нарушение индивидуальной гипнотической программы данного субъекта, вследствие чего у него наступают социальная дезадаптация, невротические расстройства и даже психические явления. Часто в этих случаях «нормальная» гипнабельность субъекта замещается патологическими фиксированными установками, носящими характер самовнушений.

На повседневных примерах недостойной деятельности различного рода неорелигиозных, политических и экономических формирований приходится убеждаться в том, что поступательное развитие общества очень слабо выводит человека из состояния изначального транса, в котором, по выражению Гурджиева, «субъект не может что-нибудь делать сам по себе», а все у него «случается».

И последнее в этом плане. Широко известен феномен гипнотических внушений, рассчитанных на реализацию в последующем бодрствующем состоянии. Заключается он в том, что если в гипнотическом состоянии субъекту была сделана определенная суггестия на будущее (не затрагивающая его моральных устоев), то она будет обязательно реализована в оговоренное время, даже если отодвинута во времени на многие месяцы. Испытуемый при этом совершенно не помнит сути сделанного ему внушения и не осознает вынужденности соответствующих собственных действий, связывая их с каким-либо личным побуждением. Этот факт также свидетельствует о том, что бодрствование не является каким-то исключительным состоянием, а функционально включено в парадигму гипнотических явлений, представляя естественное поле для проявления их действия.

С этой точки зрения гипноз как психическое явление представляется базовым, первичным, тогда как бодрствование — функционально незавершенным, формирующимся вторичным. Данное утверждение в настоящее время получило вескую аргументацию.

В психофизиологии естественного сна, как известно, различают две его разновидности: быстрый сон и медленный. Первый соответствует фазе генерации сновидений, в которых, как считают, осуществляется функциональное моделирование актуальных задач личности посредством механизмов самогипноза. Запись биопотенциалов мозга в этот период практически не отличается от таковой, полученной в состоянии гипноза. Следовательно, быстрый сон представляет собой проявление первичного, филогенетически обусловленного гипноза. Медленный

сон предшествует быстрому, и в его задачу входит своеобразная «подготовка материалов» для переработки в «горниле» быстрого сна. Медленный сон ответственен за сравнительную эмоционально-логическую оценку ранее воспринятой информации и ранжирование проблем, ее составляющих, что дает основание говорить о большем участии функции интеллекта в этом процессе. Это значит, что медленный сон — результат биологических наработок уже самого *Homo sapiens*.

Исследования филогенетического плана подтверждают это положение. Российский физиолог А.Н. Шаповалников установил, что медленный и быстрый сон формируется у ребенка в разные сроки: сначала быстрый, потом медленный. Значит, быстрый сон — это сохранившийся филогенетический механизм «сумеречного мышления» древнего человека¹⁴, которое представляло собой различные уровни «просоночного состояния», или, иными, словами гипноза. Вслед за быстрым сном у детей созревает IV стадия медленного сна, на третьем месяце — III стадия, в 2—3 года — II стадия и только в 8—12 лет — I стадия. До восьми лет дети почти не умеют дремать. Электроэнцефалограмма медленного сна с возрастом претерпевает заметные изменения, а быстро почти не меняется. Данный факт с большой убедительностью свидетельствует о филогенетической древности быстрого сна и самого гипноза.

С учетом всего вышесказанного представляется, что бодрствование — лишь крошечный плацдарм, с громадным трудом отвоеванный психикой *Homo sapiens* на огромном континенте «сумеречного» состояния мышления первобытного человека. С этой точки зрения бодрствование является лишь более осознанной фазой первичного гипноза. Своеобразие взглядов, развиваемых в данной работе, как видно, не «отменяет» действия законов высшей нервной деятельности человека, а лишь рассматривает их под новым углом зрения. Однако уже одно это обстоятельство позволяет сделать следующие важные и далеко идущие выводы о роли и месте гипнотических воздействий в повседневной жизни человека.

1. Гипноз с его многообразной системой информационных влияний на психику должен занять ведущее место в лечебной медицине. Это не значит, что с помощью гипнотического внушения надо лечить аппендицит и дизентерию. Вопрос ставится иначе: все многообразие специфических лечебных методов должно осуществляться на фоне целенаправленных гипнотических внушений, увязываемых с характером и этапом специфического лечения. С развиваемых позиций вековой

давности взгляды Ж. Шарко на гипноз как на патологическое состояние следует рассматривать как досадное заблуждение, принесшее немало вреда медицине. Гипноз — основа регуляции психической деятельности здорового человека и потому вдвойне необходим больному. Именно поэтому врач любой специальности должен в совершенстве знать теорию гипноза и владеть соответствующими практическими навыками.

2. Исторически так сложилось, что целевая картина бодрствования, как многомерного деятельного состояния, необычайно тесно переплетенного с явлениями внушения и гипноза, оказалась вне фокуса внимания исследователей. Об этом говорит хотя бы тот факт, что психология бодрствования, как инструмент управления уровнями ясности сознания, еще не создана. Считается, что каждому человеку от рождения присуще «умение бодрствовать» и никаких вопросов здесь не возникает. Между тем, как показывают многочисленные факты, проблема бодрствования входит составной частью в проблему гипноза и именно с этих позиций требует дальнейшего специального исследования. А пока имеются основания ставить вопрос и таким образом: являются ли фундаментальными состояния человека «сон» и «бодрствование» или же «сон» и «гипнотическое состояние»?

3. Если рассматривать так называемое бодрствование как своеобразную фазу гипноза, то необходимо говорить о высокой уязвимости психики человека по отношению к процессам внушения. Есть основания полагать, что именно этим обстоятельством объясняется крайне негативное отношение православных богословов к самому гипнозу и всем манипуляциям с сознанием, его использующим. С этих позиций следует считать весьма тревожной обстановку, сложившуюся на сегодня в средствах массовой информации, в том числе в международной сети Интернет, использующих самые последние разработки суггестивных психотехник, ориентированных не только на модификацию сознания, но и подсознания. Стремительное развитие промышленных технологий существенно опережает совершенствование функциональных систем человека. В этих условиях «старая модель» психики человека с закрепившейся в филогенезе высокой внушаемостью в век развитых информационных сетей становится «locus minoris resistentiae» («местом наименьшего сопротивления») по отношению к разномодальным отрицательным информационным воздействиям, наделенным необычайно агрессивным свойством.

4. Высокая природная уязвимость психики человека по отношению к суггестивным воздействиям и непрерывно совершенствующееся оснащение массмедиа психотехническими средствами прямого

¹⁴ Pfeiffer J.E. The Creative Explosion: An Inquiry into the Origins of Art and Religion.

программирования пользователей информации делают последних беспомощной массой в руках субъектов информационного воздействия — лиц и организаций, владеющих массмедиа. С каждым днем степень изощренности средств психического программирования повышается и соответственно возрастает интенсивность трансовых состояний, в которых постоянно находится народонаселение целых стран и континентов. Следовательно, контроль олигархических структур над всеми аспектами жизни потребителей информации приближается к полному и безусловному. Через несколько десятилетий он будет осуществляться посредством компьютерных программ, разработанных с учетом специфики профессиональной деятельности каждой из основных групп населения, как своеобразной популяции биороботов. Сегодня о размерах информационной агрессии, ведущейся против бесхитростного, как ребенок, обывателя, можно судить по нынешнему «разгулу» рекламы в печатных и электронных средствах массовой информации. И то, что мы видим и слышим — лишь «надводная часть» рекламного айсберга. Какая его часть спрятана «под водой» — в несознаваемых диапазонах восприятия — неизвестно никому.

В связи с этим можно было бы говорить о том, что демократические государства должны быть заинтересованы в разработке системы законов, которая бы обеспечивала гражданам всю полноту информационной безопасности в сложившихся неблагоприятных условиях. Однако, судя по тому, как непоследовательно решаются эти вопросы в ведущих странах мира в течение четверти века и с каким противодействием встречаются попытки включения в федеральный закон об информационной безопасности России вопросов охраны психического здоровья личности, следует говорить о том, что угроза целенаправленного формирования популяции «манкуртов» вполне реальна. Этого не произойдет лишь в том случае, если так называемые демократические системы действительно не предполагают полного владычества денег над жизнью человека.

Сведения об авторах

Köremezli İbrahim, research assistant, Eskisehir Osmangazi University, Faculty of Economics and Business Administration, Department of International Relations

Küçükkalay Mesud, prof., dr., Eskisehir Osmangazi University, Faculty of Economics and Business Administration, Department of Economics

АЛИПОВ Павел Андреевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и теории исторической науки Российского государственного гуманитарного университета

АРШАВСКИЙ Виктор Вульфович, доктор биологических наук, профессор, Балтийская международная академия — Высшая школа психологии (Латвия, Рига)

БЕССОНОВА Татьяна Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по учебной работе филиала Казанского (Приволжского) федерального университета в г. Набережные Челны

ГРИМАК Леонид Павлович (1931—2008), доктор медицинских наук, профессор, полковник медицинской службы. Ярчайший представитель российской психотерапии, стоявший у истоков ряда медицинских специальностей и научных направлений (авиакосмической и экологической медицины, медицины чрезвычайных ситуаций, восстановительной медицины). Работал в Институте космической авиации, затем в НИИ МВД. Автор ставших бестселлерами книг: «Гипноз и преступность», «Магия биополя» «Моделирование состояний человека в гипнозе», «Общение с собой. Начала психологии активности», «Тайны гипноза. Современный взгляд», «Резервы человеческой психики»

ДОЛГОВА Евгения Андреевна, преподаватель Учебно-научного Мезоамериканского центра имени Ю.В. Кнорозова, аспирант Российского государственного гуманитарного университета

ЕЛИФЕРОВА Мария Витальевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры сравнительной истории литератур Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета

ЕРШОВА Галина Гавриловна, доктор исторических наук, профессор, директор Учебно-научного Мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета

КАИЛЬ Максим Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Смоленского государственного университета, руководитель научных программ НОЦ «История советской и постсоветской России»

КЛЮКОВА Кира Алексеевна, аспирант Российского государственного гуманитарного университета

КОБОЗЕВА Зоя Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории Самарского государственного университета

КОДИН Евгений Владимирович, доктор исторических наук, профессор, ректор Смоленского государственного университета

КРОМ Михаил Маркович, доктор исторических наук, профессор исторической компаративистики Европейского университета в Санкт-Петербурге

КУЗНЕЦОВА Ольга Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

КУЦЕНКОВ Петр Анатольевич, кандидат искусствоведения, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания

ЛЕОНТЬЕВ Борис Борисович, доктор экономических наук, председатель Комиссии по экономике интеллектуальной собственности Комитета Торгово-промышленной палаты Российской Федерации по интеллектуальной собственности, эксперт WIPO, эксперт ФАПРИД, эксперт Фонда «Сколково», генеральный директор Федерального института сертификации и оценки интеллектуальной собственности и бизнеса (ЗАО «СОИС»)

ЛЕОНТЬЕВА Ольга Борисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета

ЛИПКИН Аркадий Исаакович, доктор философских наук, профессор кафедры истории науки Российского государственного гуманитарного университета

ЛУКЪЯНОВ Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России нового времени Российского государственного гуманитарного университета

МАЛОВИЧКО Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета

МИРОНОВ Борис Николаевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института российской истории Российской академии наук

МИШИНА Ирина Васильевна, кандидат культурологии, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Государственной полярной академии

ПЕТРЕНКО Ольга Владимировна, научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурологии (Омск)

ПОТЕХИН Владимир Константинович, кандидат физико-математических наук, доцент Российского государственного геолого-разведочного университета имени С. Орджоникидзе

РАТТУР Мария Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Российского государственного социального университета

РУМЯНЦЕВА Марина Федоровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета

САВЕЛЬЕВА Ирина Максимовна, доктор исторических наук, директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований Научно-исследовательского института «Высшая школа экономики»

СИДОРЧУК Илья Викторович, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета

СТУДЕНЦОВА Екатерина Александровна, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ТИХОНОВ Виталий Витальевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра «Историческая наука России» Института российской истории Российской академии наук

ФЕДЮК Роман Сергеевич, преподаватель Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

ХЛЫНИНА Татьяна Павловна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований (ИСЭГИ) Южного центра Российской академии наук (Ростов-на-Дону)

ЧЕЛЬЦОВА Анна Евгеньевна, аспирант кафедры истории и теории исторической науки Российского государственного гуманитарного университета

ШИШКИНА-ЯРМОЛЕНКО Людмила Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культурной антропологии и этнической социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета

ШКУРАТОВ Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

ЩЕРБИЧ Софья Николаевна, кандидат исторических наук, доцент Тюменского государственного университета

**«СТЕНЫ И МОСТЫ»:
междисциплинарные подходы
в исторических исследованиях**

Научный редактор *Е.А. Воронцова*

Отв. ред. *Г.Г. Ершова, Е.А. Долгова*

Выпускающий редактор *А.В. Безрукова*

Корректор *Т.Г. Шаманова*

Компьютерная верстка *Н.И. Павлова*

Подписано в печать 20.05.2012

Тираж 100 экз. Усл. печ. л. 22.

Формат 60×90/16. Печать офсетная

Заказ №

ООО Издательство «Совпадение»
121069 г. Москва, Б. Никитская, д. 46/17, стр. 1, оф. 13
info@sovpadenie.com (отдел продаж)
book@sovpadenie.com (редакция)

Сайт: www.sovpadenie.com